

А.А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
Л.Е. МОРОЗОВА, Н.Ф. ДЕМИДОВА

ПЕРВЫЕ РОМАНОВЫ

«РУССКОЕ СЛОВО»

ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

1. *Въспоминаніи христіахъ философовъ*

Въспоминаніи *Григоріе*

Діогеніс Лайртійскій *Платон* *Аристотель*

Сократъ *Пифагоръ* *Зенонъ* *Антипатръ*

Сенекъ *Маркъ Аврелій* *Лукій* *Сенека*

Примечаніе *Примечаніе* *Примечаніе*

А.А. Преображенский
Л.Е. Морозова
Н.Ф. Демидова

ПЕРВЫЕ
РОМАНОВЫ
НА РОССИЙСКОМ
ПРЕСТОЛЕ

3-е издание

МОСКВА
«РУССКОЕ СЛОВО»
2011

УДК 94(47)(082.1)
ББК 63.3(2) 45-46
П 72

Художественное оформление, макет —
Н.Г. ОРДЫНСКИЙ

На первой сторонке переплета — цари Михаил Федорович
и Алексей Михайлович. Фреска храма Преображения Господня
в московском Новоспасском монастыре

На четвертой сторонке — Большой царский наряд
(венец, держава, скипетр) царя Михаила Федоровича.
Москва. Кремлевские мастерские. 1627—1628 гг.

На фронтисписе воспроизведены образцы собственноручных подписей
царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича,
а также печать патриарха Филарета

Преображенский А.А., Морозова Л.Е., Демидова Н.Ф.
П 72 Первые Романовы на российском престоле / А.А. Преображенский,
Л.Е. Морозова, Н.Ф. Демидова. — 3-е изд. — М.: ООО «ТИД «Русское
слово — РС», 2011. — 456 с.: ил. — (История в лицах).

ISBN 978-5-9932-0806-0

Это издание посвящено первым царям из династии Романовых — Михаилу Федоровичу (1613—1645), его сыну Алексею Михайловичу (1645—1676) и внуку Федору Алексеевичу (1676—1682).

Жизнь и государственная деятельность этих монархов заслуживает внимания — они не только подготовили страну к преобразованиям Петра I, но и сами сыграли важную роль в истории России, существенно укрепив ее экономику, значительно расширив территорию, усовершенствовав законодательство, способствуя развитию русской культуры и духовной жизни русского народа.

УДК 94(47)(082.1)

ББК 63.3(2) 45-46

© А.А. Преображенский, 1998, 2011
© Л.Е. Морозова, 1998, 2011
© Н.Ф. Демидова, 1998, 2011
ISBN 978-5-9932-0806-0 © ООО «ТИД «Русское слово — РС», 1998, 2011

*В том и состоит значение московских
государственных людей XVII века:
они не только создали атмосферу, в которой вырос
и которой дышал преобразователь,
но и начертали программу его деятельности,
в некоторых отношениях шедшую
даже дальше того, что он сделал.*

В.О. КЛЮЧЕВСКИЙ

Герб Московского государства, сложившегося к концу XVII в.,
 из «Дневника Корбы», секретаря германского посольства.
 На груди орла – московский всадник – Георгий Победоносец.
 На правом крыле – знамена: киевское, новгородское и астраханское,
 на левом – владимирское, казанское и сибирское.
 Вокруг, на особых щитках, 26 гербов областей и городов,
 упоминаемых в титуле русского царя

ОТ АВТОРОВ

В исторических судьбах России XVII столетию принадлежит свое особое место. Оно нередко явно недооценивается, причем не только в читательских кругах. Приходилось слышать весьма аморфные отзывы о правителях того времени и от ученых. Они-де выглядят весьма блекло, если их сравнивать с такими личностями, как Иван Грозный, бушевавший в XVI веке, или Петр Великий, озаривший век XVIII. Между тем подобные суждения ошибочны, ибо проистекают из недостаточного знакомства с эпохой, ее источниками, отражающими жизнь и деятельность первых царей новой династии Романовых — Михаила Федоровича (1613—1645), Алексея Михайловича (1645—1676), Федора Алексеевича (1676—1682). Личности монархов XVII века не были обойдены вниманием в солидных трудах С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Н.И. Костомарова, С.Ф. Платонова и др. Однако за прошедшее с той поры время появились новые публикации источников, проведены архивные поиски, наконец вышло в свет много ценных конкретно-исторических исследований.

Эта книга призвана коренным образом изменить существующее представление о первых Романовых и состоянии страны в течение большей части XVII века.

Конечно, среди работ, приуроченных к 300-летию дома Романовых, был ряд исследований о первых царях этого рода, но юбилейный характер и связанная с этим определенная заданность снижали познавательное значение подобных изданий.

Настало время посмотреть на деятельность российских монархов XVII столетия с позиций современной науки, во всеоружии новых фактов и представлений. Объективный по возможности взгляд на деятельность первых лиц России той поры способствует более верным оценкам происходивших событий и ближе знакомит с людьми далекой эпохи.

Первые годы XVII столетия ознаменовались для России страшным голодом, кровавой авантюрой сонма самозванцев, развязыванием гражданской войны и вторжением иностранных интервентов, захвативших Москву. Освободительная борьба патриотических сил России спасла отечественную государственность. Земский собор 1613 года избрал на российский престол молодого представителя боярского рода Романовых — Михаила Федоровича.

Потребовались десятилетия упорного труда народа, чтобы восстановить сильно подорванную экономику страны — ее обороноспособность. Из хозяйственного оборота выбыло до 1,7 млн десятин земельных угодий, многие города и села лежали в руинах. Россия была отрезана от Балтики, она утратила Смоленск и другие земли. Попытка реванша в ходе Смоленской войны с Речью Посполитой в 1632—1634 годах не удалась. Но в дальнейшем внешнеполитические дела России развивались более благополучно. Последовательная оборонительная политика на Юге, создание Белгородской, а затем Изюмской засечных черт в значительной мере обезопасили от нападения Крымской орды обширные территории Дикого поля, которое постепенно становилось Черноземным центром России, ее житницей.

Россия смело перешагнула Уральский хребет и в течение 50—60 лет вышла на берега Тихого океана и Амура. Русские переселенцы, прежде всего крестьяне Европейского Севера, создают в Сибири очаги земледелия, хотя наиболее бла-

гоприятные для хлеборобов почвы юга Сибири остаются еще недоступными, будучи в зоне господства воинственных кочевых племен. Тем не менее благодаря русской сохе за Уралом к началу XVIII века было возделано до 100 тыс. десятин пашни. Возник сибирский хлебный рынок. Если ранее в Сибирь хлеб доставляли из Европейской России, то с 1685 года эти поставки были отменены. Не без труда Сибирь снабжалась теперь собственным хлебом.

В результате решений Переяславской рады января 1654 года, подкрепленных Земским собором 1653 года, и войны с Речью Посполитой произошло воссоединение Украины с Россией. Только по стечению международных обстоятельств и недостаточности военно-экономического потенциала России, своекорыстной политики враждующих гетманов, ориентировавшихся на соседние державы, не удалось добиться воссоединения всей Украины. Все же Левобережная Украина и Киев оказались под властью русского царя, что было немаловажным событием в исторических судьбах братских народов. Белоруссия же, хотя и осталась в царском титуле, на некоторое время отошла к Речи Посполитой. Но ее население проявило явное стремление к воссоединению.

За XVII столетие расширились международные связи Российского государства. Посольский приказ направлял русских дипломатов во многие страны Запада и Востока — от Мадрида до Китая. Продолжались активные поиски удобных торговых путей в Индию. Дипломатическое ведомство России наладило получение западноевропейской периодики, на основе которой составлялись обзоры типа рукописной газеты — «Вести—Куранты». В политических интересах стали внимательнее следить, что пишут в книгах и газетах о России за рубежом, и реагировали на это подчас громко и сердито.

Среди острых политико-дипломатических проблем, которые пришлось решать правительству Алексея Михайловича, было отношение к Английской революции и казни Карла I. Не без воздействия крепнувшего российского купечества из страны были изгнаны англичане — конкуренты отечественных коммерсантов, а казнь короля получила самую резкую оценку в правящих верхах России.

Авторитет Алексея Михайловича был использован в анонимном подложном памфлете от имени царя, который широко распространяли английские роялисты. Но это не повлияло на его авторитет на международной арене.

Значительно продвинулись отношения России со странами Востока (Ираном, Средней Азией). Неблагоприятная обстановка препятствовала сближению с Грузией и Арменией. В подданство России перешли прикочевывавшие из степей Центральной Азии калмыцкие племена, образовавшие в пределах России самостоятельное ханство. Просили о русском подданстве правители Северо-Западной Монголии — Алтын-ханы.

Нерчинский договор 1689 года с Китаем установил мирные отношения и торговлю на Дальнем Востоке, хотя России пришлось поступиться частью Приамурья. Правда, четкого определения граница в договоре не получила, и обширные территории остались «ничейными». К рубежу XVII—XVIII веков Россия овладела Камчаткой и некоторыми Курильскими островами.

Даже исходя из этих фактов внешнеполитической истории России, трудно согласиться с тезисом о том, что перед эпохой преобразований страна находилась «над самой бездной». Это пушкинское выражение лет 20 назад использовалось в учебниках для характеристики допетровского времени. Страна становилась все более многонациональной, единство ее сохранялось. Центроостремительные силы явно пересиливали дезинтеграционные явления в жизни государства.

Во внутреннем развитии России за XVII столетие можно наблюдать немало нового, что уже сближало ее с последующей эпохой. Нередко пишут о бескультурии допетровской Руси, низком уровне образованности ее населения. Но без учета существовавшего тогда тяготения к знаниям, грамоте, чтению подобный тезис носит излишне формальный характер.

Да, государственные училища (обычно при центральных приказах) были единичны. Но их оказалось больше, чем полагали ранее. Возникает школа при Андреевском монастыре, москвичи просили открыть «гимнасион сво-

бодных наук». Открылась Славяно-греко-латинская академия — первое российское высшее учебное заведение. «Школа русских лекарей» действовала при Аптекарском приказе. Собственноручные подписи жителей некоторых московских слобод указывают на довольно высокий процент грамотных.

Активно действовала книжная лавка Печатного двора. Эта государственная типография издавала значительными тиражами учебные книги, расходившиеся по стране. Свои писцы были в больших селах, не говоря о городах. Сохранилось много книг XVII века с владельческими надписями, в том числе и сельских жителей.

Страна обзаводится даже крупными промышленными предприятиями, хотя и в малом количестве. Не отрицая роли иностранцев в этой области (начало доменного производства положено в 30-х годах XVII века на Тульских железоделательных заводах Виниуса — Акемы — Марселисов), в числе владельцев мануфактур были Б.И. Морозов, И.Д. Милославский, К.А. Борин и др. Большие солеваренные предприятия на Урале имели Строгановы. Предпринимаются значительные поисково-разведочные экспедиции с участием сотен людей для выявления месторождений серебра — монетного материала России, а также меди и других полезных ископаемых. В ряде городов (Ярославль, Чебоксары, Тобольск, Кунгур) возникают большие предприятия по обработке кож. Стекольные заводы, бумагоделательные предприятия создает Дворцовое ведомство.

На Волге, Дону, Северной Двине получает значительный размах речное судостроение. Предпринимаются попытки завести морские суда на Каспии (корабль «Орел»). Дипломатический зондаж Курляндии имел целью получить разрешение строить русский флот на Балтике. Правда, эти начинания постигла неудача, но сам факт примечателен, как и то, что Россия рванулась к Балтийскому морю в войне со Швецией 1656—1658 годов (предтеча Великой Северной войны времен Петра I). Оживленную торговлю вели с иностранцами в Архангельске и Астрахани.

По части сухопутных вооруженных сил в XVII веке имели место знаменательные новшества. Недостаточная бое-

способность дворянского ополчения потребовала создание полков «нового строя» (по иностранному образцу). Они становятся неотъемлемой частью вооруженных сил страны. Их комплектование проводится на основе приглашения наемников и сбора «даточных» людей из числа тяглого населения в солдатские, драгунские и рейтарские части по определенной норме — один «даточный» с конкретного числа дворов. Здесь нельзя не усмотреть признаков будущей рекрутской системы петровского времени. А знаменитая Немецкая слобода в Москве, куда любил наведываться молодой Петр I, стала многолюдной еще в середине XVII века.

Государственный строй России XVII века переходит со стадии сословно-представительной монархии к абсолютной. Создание приказа Тайных дел при Алексее Михайловиче, прекращение Земских соборов, усиление роли приказного аппарата — наглядные тому подтверждения. Из приказной бюрократии XVII века органически вырастает чиновничество эпохи Петра. Ликвидация устаревшей системы местничества при Федоре Алексеевиче служит прологом к знаменитой «Табели о рангах», когда продвижение по службе определяется личной выслугой, а не родовитостью.

Серьезные перемены происходят во взаимоотношениях верховной власти и Церкви, что вылилось в затяжной и драматический конфликт царя Алексея с патриархом Никоном. Светская власть одерживает верх, что подготавливает более решительный шаг Петра по фактическому упразднению должности высшего иерарха Русской православной церкви. Не будем вдаваться в оценку этого факта, в чем были его положительные и отрицательные последствия, нам сейчас важно другое. Раскол породил богатейшую богословскую полемическую литературу. Середина и вторая половина XVII столетия ознаменовались возникновением мощного движения раскольников-старообрядцев против официальных гражданских властей и Церкви. Гонения на старообрядцев продолжили преемники царя Алексея.

Наконец, нельзя не коснуться вопроса об отношении к Западу и его культуре в XVII веке. В царских дворцах первых Романовых, а также в хоромах вельмож-«западников» (А.С. Артамонов, В.В. Голицын и др.) слышался многоголо-

сый перезвон всевозможных часов, государи их очень любили. Множество предметов обихода (правда, не только западного, но и восточного происхождения) внедряется в разные слои русского общества. Платье западного покроя, бритье бород также не исключение среди людей XVII столетия, хотя за «голые подбородки» порой попадало в церковных распоряжениях.

Не обходит это влияние и сферу языка, обретающего много иностранных слов (включая «генерала» и «адъютанта»). В частных библиотеках знати появляются книги на иностранных языках, древних и новых. Царь Алексей Михайлович заводит придворный театр, учебные книги дают разнообразные сведения о других странах и континентах.

Иными словами, будущие Петровские реформы постепенно вызревают во времена правления его деда, отца, старшего брата Федора.

Сказанное выше не должно отвергнуть мысль о самоценности XVII столетия в нашем прошлом. Оно включало все многообразие русской действительности, не ограничиваясь накоплением элементов будущих преобразований Петра Великого.

Этот век по праву окрестили «бунташным». Многочисленные народные движения (городские и под предводительством С. Разина) создавали почти постоянное социальное напряжение. Особой остроты оно достигло в 30—40-е годы XVII века, когда в десятках городов и уездов население «отказывало» воеводам и требовало их замены. В обстановке общественного накала 1648 года состоялся Земский собор 1649 года, на котором было утверждено Соборное уложение — новый законодательный кодекс России. В правительственной политике явственно проступили протекционистские черты, особенно после Медного бунта 1662 года и принятия Новоторгового устава 1667 года.

Предлагаемые читателю три очерка являются научными исследованиями на широкой и разнообразной базе исторических источников, подчас впервые вводимых в научный оборот. В этом отношении наибольшие трудности выпали на долю Л.Е. Морозовой, так как о личности первого

Романова сохранилось крайне мало исторических свидетельств. Тем не менее автору удалось создать образ, существенно отличающийся от трафаретного. Отдавая должное отцу царя — патриарху Филарету, автор считает, что личное участие Михаила в государственных делах было весьма значительным. Для умиротворения страны на троне Михаил Федорович оказался как нельзя кстати. И в этом его большая заслуга.

Несравненно больше документов сохранилось об Алексее Михайловиче. Привлечение А.А. Преображенским малоизвестной семейной переписки Тишайшего позволяет полнее раскрыть не только характер царя, но и события войн 1654—1656 годов. В делах царя Алексея можно усмотреть гораздо большую личную активность и узнаваемые черты его знаменитого младшего сына.

Долгое время для нашей науки была поистине загадочной личность царя Федора Алексеевича. Историки порой его едва упоминали. Правил он всего шесть с небольшим лет, умер в возрасте 21 года. Да, он был больным человеком. Однако ранние исследователи не имели под рукой того материала, которым оперирует Н.Ф. Демидова. Ее часть книги убедительно говорит о юном царе как о государе незаурядном, истинном предшественнике Петра.

Хотелось бы надеяться, что книга эта найдет своего заинтересованного читателя и будет небесполезным пособием любителям отечественной старины.

МИХАИЛ
ФЕДОРОВИЧ

С конца XVI века в России длилась Великая смута, вызванная и острым династическим кризисом, и множеством других причин. В 1598 году умер последний представитель династии московских князей царь Федор Иванович. Ранее, в 1591 году, в Угличе погиб при невыясненных обстоятельствах младший сын Грозного — Дмитрий. Федор не оставил после себя наследников, и поэтому в течение 15 лет московский престол являлся ареной борьбы за власть многочисленных законных (избранных или приглашенных) и незаконных (самозванных) претендентов на корону (за это время их было больше 10). Кризис верховной власти обострил все социальные и политические противоречия в стране, способствовал развалу экономики и хозяйственной жизни. Началась гражданская война, осложненная иностранной интервенцией.

В итоге общество разделилось на несколько враждующих группировок, центральная власть перестала существовать, исконно русские земли оказались захваченными агрессивными соседями. Это создало реальную угрозу потери национальной независимости и окончательного развала Русского государства.

В такой ситуации только всеобщее примирение и единение вокруг центра, которым в то время была царская власть,

могло предотвратить окончательную гибель страны. Царя же как раз и не было.

За 15 лет Смуты многие претенденты желали «примерить шапку Мономаха». Полным провалом закончились попытки основать династии двух выборных царей: Бориса Годунова и Василия Шуйского. Разоблачена была и самозванческая авантюра нескольких Лжедмитриев, назвавшихся именем давно умершего сына Ивана Грозного, царевича Дмитрия. Интервенция подорвала авторитет иностранных королевичей, польского Владислава и шведского Карла Филиппа, которых одно время пытались пригласить на русский престол (прежде всего боярские группировки).

В народе считали, что стране был необходим свой «прирожденный государь», имеющий родственные связи с прежней законной династией московских князей, который был бы достаточно родовит и по своим убеждениям устраивал все политические группировки. Кандидатура Михаила Федоровича Романова удовлетворяла всем условиям, и выбор пал на него. Он принадлежал к одному из наиболее древних и знатных московских боярских родов, приходился двоюродным племянником последнему царю из ранее правящей династии — Федору Ивановичу, был молод, не участвовал в авантюрах Смутного времени и не принадлежал ни к одной из политических группировок.

Не сразу согласился Михаил стать во главе государства. Он понимал, что царский титул давал ему не столько почести и богатство, сколько тяготы и невзгоды. Любой его неверный шаг мог столкнуть страну в пропасть новых бедствий и принести страдания русскому народу. В случае неудачи его собственная участь могла быть очень печальной: либо ненависть современников и проклятие потомков (как у Бориса Годунова), либо насильственное пострижение и смерть в плену (как у Василия Шуйского), либо гибель от рук заговорщиков (как у Лжедмитриев). Трагическая судьба тех, кто пытался занять московский престол до него, была хорошо известна Михаилу.

Зная все это, он все-таки нашел в себе мужество и силы стать новым русским царем. Его благословила мать-монахиня, женщина решительная и не лишенная способности мыс-

лить по-государственному. Приняв венец, юный Михаил сумел за сравнительно короткий срок успешно решить многие труднейшие задачи: восстановил государственную власть в центре и на местах, отразил атаки польско-шведских интервентов и заключил с ними мирные договоры, восстановил гражданский мир и создал условия для налаживания мирной жизни в стране. Все это сделал он за первые 6 лет правления, когда ему едва исполнилось 17 лет и рядом не было опытного отца, находившегося в то время в польском плену.

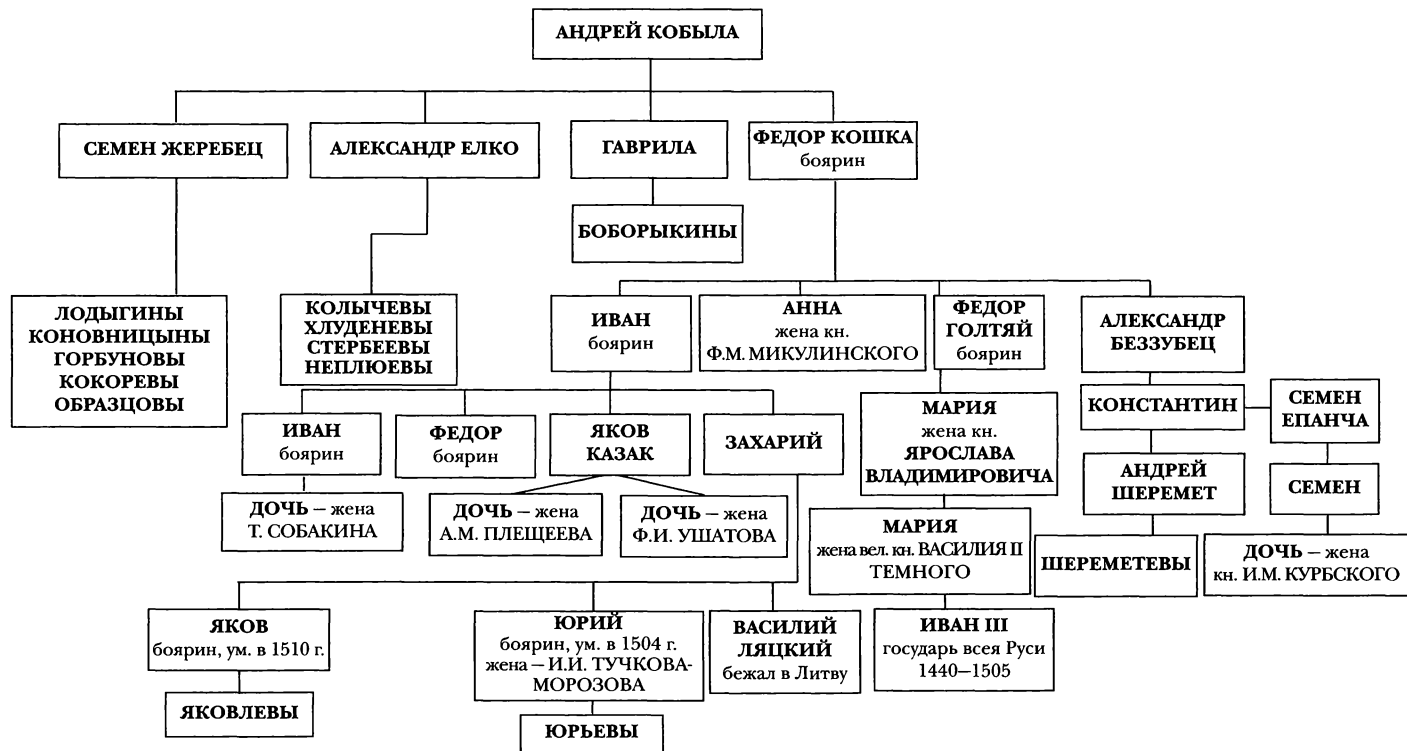
Что же обеспечило успех деятельности Михаила? Личные качества: смелость в принятии решений, трезвый и глубокий ум, богатый личный опыт, обширные знания, боевитость, напористость, энергичность (то есть все то, что по традиции отличает хорошего правителя)? Ответ может быть только отрицательным. У тихого и скромного юноши всего этого просто не было. Даже в зрелом возрасте Михаила называли «благочестивым, зело кротким».

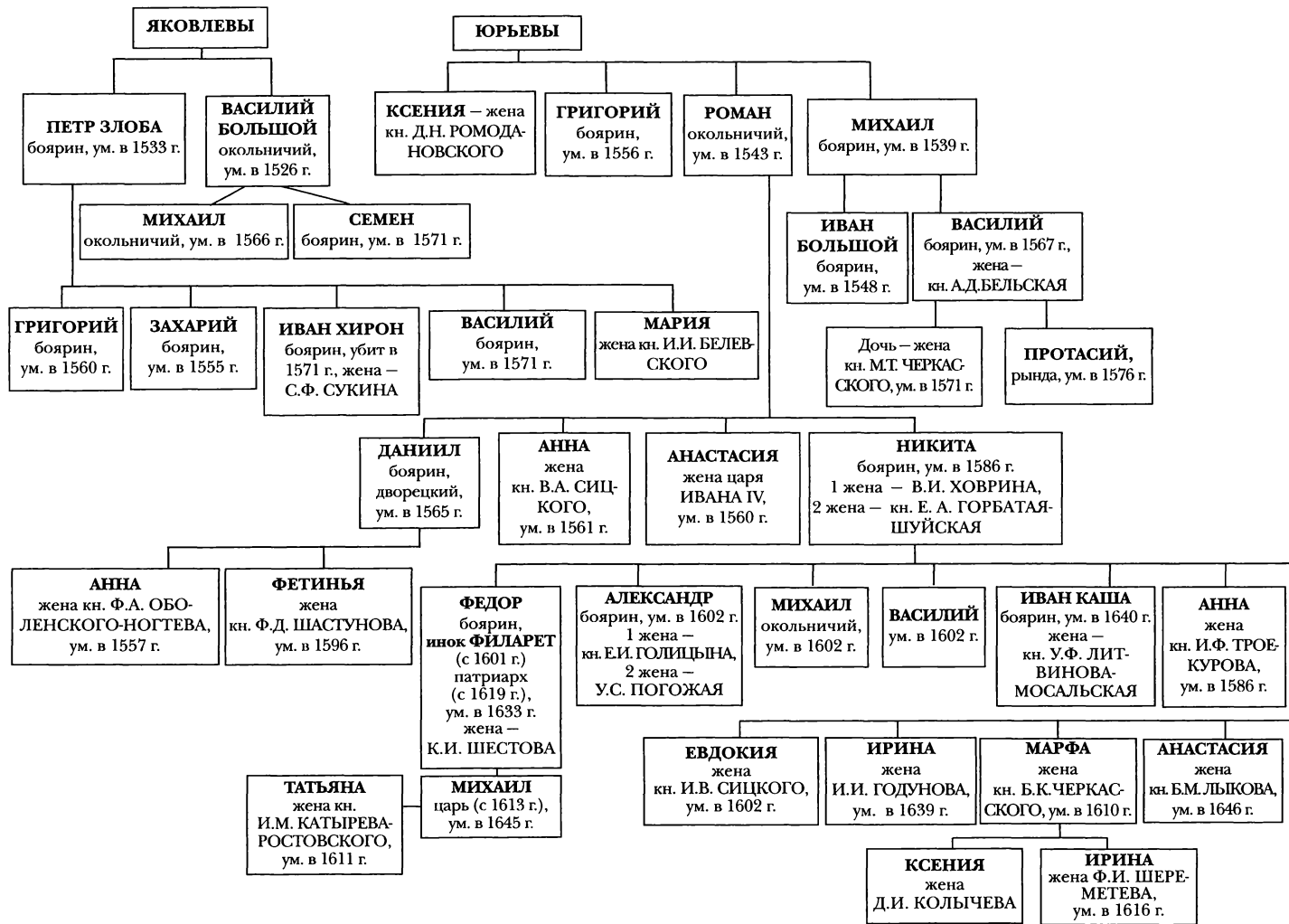
Очевидно, достоинства Михаила состояли в другом. Он интуитивно понял, что его разоренной стране и измученному народу нужны покой и тишина, доброта и милость, щедрость и справедливость. Все это, по мере своих сил, он и пытался дать. Вот еще один отзыв современника о царе Михаиле: «Не точию убо в телесных добротах сияше, но и душу мужественну являя и благодатами святающую отвсюду. Бе бо всеми добрыми делы украшая себе: постом, молитвою, правдою и целомудрием, чистотою и смиренномудрием, правосудием и благоверием... Льсти же и лукавства, и всякого зла отнюдь всяк ненавистен бысть... И не храня вражды всякия, ниже злобе или гневу в сердце своем место даяше, ко всем бысть всегда тих и кроток».

Он старался не обострять противоречий в боярских группировках, умел найти объединяющие начала. А это было важным фактором устойчивости верховной власти.

Личным примером старался Михаил примирить «всех и вся», собрать русский народ «воедино» для возрождения государства, спасения Отечества. В этом видится одно из главных достоинств этого царя.

СХЕМА РОДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ РОМАНОВЫХ В XIV—XVI ВВ.

ПРЕДКИ БУДУЩЕГО ЦАРЯ

Родоначальником династии Романовых, по одной из версий, являлся выходец из Пруссии Андрей Кобыла, поступивший на службу ко двору московского князя в начале XIV века. По другой версии, Кобылины были исконно русским родом, из московских, тверских или переславских землевладельцев. Андрей, видимо, считался весьма близким человеком московского князя Симеона Гордого. Поэтому в 1347 году он был послан к тверскому князю Александру Михайловичу, чтобы сосватать за своего государя его дочь Марию. Миссия оказалась успешной.

Ветвь Романовых пошла от пятого сына А. Кобылы, Федора Кошки, который служил Дмитрию Донскому. Известно, что во время Куликовской битвы он оставался в Москве для охраны семьи великого князя. В 1389 году он даже подписывал завешание Дмитрия Ивановича непосредственно перед его смертью. Старший сын Федора Андреевича, Иван, был видным боярином при дворе Василия I, а его сестра Анна стала женой тверского князя Федора Михайловича. Их дети назывались князьями Микулинскими.

Второй сын Ф. Кошки, Федор Голтяй, также получил боярский чин. В 1408 году он выдал дочь Марию за

верейского князя Ярослава Владимировича. Родившаяся в этом браке дочь Мария в 1433 году стала женой великого князя московского Василия II Темного. Так предки Романовых впервые породнились с государями. Третий сын Федора Кошки, Александр Беззубец, дал начало знаменитому роду Шереметевых. Всего у Андрея Кобылы родилось пять сыновей. Старший Семен Жеребец стал родоначальником Лодыжиных, Коновницыных, Горбуновых, Кокоревых, Образцовых. От второго сына, Александра Елко, пошли Хлуденевы, Стербеевы, Неплюевы, Колычевы. От Гаврилы Гавши пошли Боборыкины. Представители всех этих фамилий считались однородцами Романовых. Следует отметить, что по женской линии потомки Федора Кошки состояли в родстве с верейскими удельными князьями, ярославскими князьями Курбскими и тверскими Микулинскими, а также Собакиными, Морозовыми, Плещеевыми.

Прямым родоначальником Романовых стал старший сын Федора Кошки, Иван. У него было четыре сына, но «род пошел» только от младшего Захария. Его имя запечатлено в летописи как инициатора скандала на свадьбе Василия II по поводу золотого пояса, надетого на Василии Косом, но на самом деле принадлежащего великому московскому князю. Очевидно, Захарий, двоюродный брат великой княгини Марии Ярославны и дядя Ивана III, был достаточно известным человеком, поскольку его внуки стали называться Захарьиными. Сыновья, бояре Яков Захарьевич и Юрий Захарьевич, считались видными государственными деятелями. Именно с их помощью великий князь всея Руси Иван III, их троюродный брат, собирал Московскую Русь — Русское национальное государство. Яков был одним из тех, кто помог Ивану III присоединить непокорный Новгород Великий. Он не только ходил с государем в военные походы, но и, исполняя обязанности новгородского наместника, боролся с антимосковскими настроениями в городе. В 1492 году ему была поручена важная миссия: обговорить условия брака княжны Елены, дочери Ивана III, и великого князя литовского Александра. Во главе новгородских дружин Яков много раз участвовал в походах великого князя на Литву (1492 и 1493), против шведов (1495) и Казанского ханства

(1496). В битве у реки Ведроши Якову вместе с видным полководцем Д.В. Щеней удалось захватить в плен самого литовского гетмана и доставить его в Москву. В этой битве участвовал и брат Якова, Юрий.

Воинские заслуги позволили Якову Захарьевичу занять при дворе очень высокое место — в Боярской думе он третий после князей Холмского и Щени. В 1503 году он присутствовал при составлении завещания Ивана III, закреплявшего престол за Василием III. Новый великий князь также поручал ему наиболее важные и почетные дела. Например, в 1506 году именно Яков Захарьевич объявил казанскому царевичу Петру о согласии Василия III выдать за него замуж свою сестру.

Хотя Яков уже был в преклонных годах, но продолжал водить рати. Так, в 1506—1509 годах во главе Большого полка он сражался с польским королем Сигизмундом I. До самой своей смерти (в 1510 г.) боевой воевода и опытный боярин верно служил великому князю, передав затем «эстафету» сыну Петру. Как и отец, тот помогал Василию III присоединять новые земли (в 1510 г. — Псков) и заниматься внутренним устройством государства. Потомки Якова стали носить фамилию Яковлевы. В 1571 году Иван Петрович, Василий Петрович и Семен Васильевич Яковлевы были убиты по приказу Ивана Грозного. Их подозревали в измене.

Не уступал в воинской доблести своему старшему брату и Юрий Захарьевич. В 1484 году он — уже боярин. Его женой стала Ирина Ивановна Тучкова-Морозова. С 1493 года Юрий участвовал в походах на Казань и Литву. Только ранняя смерть (в 1504 г.) не позволила ему еще больше прославить свое имя. Следует отметить, что в XVI веке Романовых именовали то Захарьиными, то Юрьевыми. Старший сын Юрия, Михаил, за особую близость к Василию III был прозван «оком государя». В 1510 году с двоюродным братом Петром он стал псковским воеводой. С такой сложной задачей — превратить этот некогда враждебный город в мощную крепость, охраняющую западные рубежи Российского государства, — он успешно справился. За эту службу Михаил получил чин окольничего и звание тверского дворецкого. С 1521 года он — боярин.

В Москве Михаил организовал и возглавил артель по отливке пушек. В нее входили не только русские, но и иностранные литейщики, которые познакомили местных мастеров с европейской технологией и образцами тяжелых орудий. Отлитые к 1524 году первые пушки по приказу Василия III было решено использовать против Казани. Летом 1524 года во главе Судовой рати, состоящей из нескольких судов, на которые погрузили пушки, Михаил Юрьевич отплыл в военный поход. С Гостиного острова под Казанью он ударил по крепостным стенам города. Однако конные полки, которым следовало атаковать город, вовремя не подошли, казанцы успели заделать пробойны в стенах. Драгоценное время было упущено. Правда, после того как в середине августа прибыла конница и город вновь обстреляли, казанцы запросили мира и вновь согласились платить дань великому князю.

Михаилу Юрьевичу приходилось быть не только воеводой, но и дипломатом. В 1517 и 1520–1522 годах он вел переговоры с литовскими послами об установлении западных границ и признании законности присоединения Смоленска к Руси в результате походов Василия III, а в 1517 и 1526 годах встречался с австрийскими дипломатами. Один из них — С. Герберштейн — оставил в своих «Записках» хвалебный отзыв о русском боярине, считая, что тот был государственным секретарем и самым главным советником Василия III.

Несомненно, Михаил считался очень близким человеком великого князя, входил в Ближнюю думу. На свадьбе Василия III и Елены Глинской 21 января 1526 года он — второй дружка жениха — сопровождает его во всех увеселительных поездках. Когда осенью 1533 года великий князь тяжело заболел, Михаил неотлучно был с ним до самого конца, даже держал слабеющую руку князя для крещения во время пострига.

В период регентства Елены Глинской Михаил Юрьевич продолжал заниматься отливкой пушек и в 1537 году вновь ходил на Казань. Но и на этот раз город взять не удалось. От власти в качестве регента он был постепенно отстранен и в октябре 1539 года умер.

У Михаила было три сына. Старший, Иван Большой, получил боярство в 1547 году, но вскоре умер. Средний сын, Василий, стал боярином в 1549 году. Женой его была княжна А.Д. Бельская, дочь знатного князя Гедиминовича. Через дочь Василий смог породниться со второй женой Ивана Грозного, Марией Темрюковной. Она была выдана замуж за брата царицы, Михаила. В 1571 году, после сожжения Москвы Девлет-Гиреем, вместе с мужем она была заподозрена в измене и убита. Один из сыновей Василия, Протасий, был назначен рындой царевича Ивана, но в 1576 году по обвинению в измене казнен.

Младший брат Михаила, Роман, давший фамилию всему роду, дослужился только до чина окольничего, поскольку довольно рано умер — 12 февраля 1543 года. Его дети: дочь Анастасия стала в 1547 году женой Ивана Грозного, а сыновья Даниила и Никита — видными государственными деятелями. Еще одна его дочь, Анна, вышла замуж за князя Рюриковича В.А. Сицкого.

Об Анастасии, первой и самой любимой жене Ивана Грозного, современники оставили превосходные отзывы. Кроткая и боголюбивая, она умела сдерживать буйный нрав мужа и помогала ему править справедливо и разумно. Анастасия родила трех дочерей: Анна (10 августа 1549 — 20 июля 1550); Мария (17 марта 1551 и вскоре умерла); Евдокия (11 мая 1556 — июнь 1558) и трех сыновей: Дмитрий (осень 1552 — июль 1553); Иван (28 марта 1554 — 19 ноября 1582); Федор (31 мая 1557 — 7 января 1598). Вероятно, частые роды и безвременная смерть детей подкосили здоровье царицы (правда, Иван Грозный подозревал, что ее отравили). Анастасия умерла 7 августа 1560 года, когда ей было не больше 30 лет. На трон возшел лишь ее последний сын Федор (в 1584 г.).

Старший брат Анастасии, Даниил Романович, после свадьбы сестры быстро продвинулся по служебной лестнице: в 1549 году он уже боярин и дворецкий, то есть один из наиболее близких царю людей. В 1550 году его послали для строительства города-крепости близ Казани — опорного пункта для ее покорения. Один месяц потребовался для возведения крепостных стен Свияжска. Внезапное появле-

ние новой крепости так напугало казанцев, что они согласились посадить на ханство московского ставленника Шигаля. Переговоры поручили вести Даниилу.

Однако уже в 1552 году казанцы подняли восстание против Москвы и осадили Свияжск. Спасти крепость следовало царскому шурина. Даниил отогнал казанцев и организовал доставку хлеба и продовольствия осажденным. В июле с князем Г.И. Микулинским, своим дальним родственником, он возглавил отряд, выступивший против непокорных народов Поволжья. Все это способствовало мощному и успешному наступлению на Казань самого царя Ивана. Уже 13 августа свияжские воеводы принимали царские полки, обеспечивая их всем необходимым.

Во время генерального штурма Казани Даниил был воеводой Передового полка и принимал участие в битве на Арском поле, решающей во всем штурме. Разгромив отряд татарского воеводы Епанчи и взяв острог, он помог основным полкам прорваться к Арским воротам, которые были взорваны с помощью подкопа.

После успешного взятия Казани царь Иван именно Даниила отправил к царице Анастасии с радостной вестью.

В 1553 году во время тяжелой болезни Ивана Грозного Даниил и его родня оказались в центре драматических событий в царском дворце. Часть знати, думая, что царь скоро умрет, отказалась признать наследником его недавно родившегося сына, «пеленочника Дмитрия». Многие заявили, что не желают служить Захарьиным, то есть царице и ее родне, а хотят видеть новым царем Владимира Старицкого, двоюродного брата Ивана IV.

В этой сложной ситуации Даниил Романович, исполнявший обязанности дворецкого, вместе с двоюродным братом Василием Михайловичем, видным боярином, не позволили разгореться открытому мятежу и устранить законного наследника. Когда же Иван IV поправился, он наказал всех противников Захарьиных-Юрьевых и царицы. Даниил с Василием еще больше возвысились. Первый с 1559 года стал ведать всем царским хозяйством и выполнять самые ответственные поручения царя. При этом он оставался боевым воеводой и не раз участвовал в военных походах. Во время похо-

да на Великие Луки 27 октября 1564 года он внезапно заболел и умер. Василий Михайлович скончался в 1567 году.

Должность дворецкого перешла к младшему брату Даниила, Никите Романовичу, еще в 1563 году получившему боярство. Опричнина не затронула бывшего царского шурина — он остался в земщине и возглавил Большой земский дворец. В отсутствие царя ему полагалось «ведать Москвой» с другими боярами.

В 1571 году Никита Романович пережил страшный пожар, опустошивший столицу. Город был подожжен по приказу крымского хана Девлет-Гирея, который не имел сил взять штурмом мощные укрепления русской столицы. Ни сам Никита, ни его семья не пострадали, а вдова брата Даниила с детьми сгорели заживо.

Осенью этого же года Никита возглавлял войска по усмирению поволжских народов и вместе с Ф.В. Шереметевым построил город-крепость во владениях чувашей. Зимой он — уже в очередном Ливонском походе с царем. Осенью 1572 года (вместе с царем) во главе Передового полка Никита взял ливонский город Пайду. С богатой добычей все вернулись домой. Но главное дело жизни боярина было еще впереди.

После опустошительных набегов крымского хана в 1571 и 1572 годах царь Иван задумал реорганизацию приграничных укреплений и сторожевой службы. Выполнить его замыслы поручили Никите Романовичу. В 1574 году он отправляется на южные границы, чтобы на месте разобраться. Оказалось, что местные жители мало привлекались к охране границ, поскольку эту задачу выполняли регулярно присылаемые московские полки. Никита решает это изменить. Он проводит более четкую границу, устанавливает заграждения, строит сторожевые башни с охраняемыми воротами. Сторожевую службу по его указанию стали нести местные жители. Для этого составляется подробный перечень всех приграничных участков с указанием фамилий жителей конкретных городов, охраняющих их. Например, путивльцам полагалось следить за пространством от верховий Тора до Самары, тулякам — от Мжи до Муравского тракта и т.д. Кроме того, по ходатайству Никиты служилым людям в приграничной местности увеличили денежный оклад.

Никита Романович неоднократно участвовал в военных походах царя. С 1577 года он — в Дворовом полку и занимается составом всего войска и назначением воевод. В условиях жесточайшего местничества это считалось хотя и почетным, но очень сложным делом. Его поручали обычно глубокому знатоку истории родов и хорошему психологу. Очевидно, Никита этими качествами обладал. За успешную службу царь наградил боярина большими земельными владениями — 5 тыс. десятин в Московском, Коломенском и Кашинском уездах.

Родственные связи Никиты Романовича были обширными. По первой жене, Варваре, он состоял в родстве с И.Д. Ховриной, по второй жене, Евдокии, — с князем А.Б. Горбатым-Шуйским и его многочисленным родом. Сестра Евдокии являлась женой И.Ф. Мстиславского, самого знатного князя Гедиминовича.

Таким образом, дети Никиты стали двоюродными братьями и сестрами Ф.И. Мстиславского, будущего главы Семибоярщины и самого знатного боярина при дворах царей Федора, Бориса, Лжедмитрия I, Василия Шуйского и потом Михаила Федоровича.

Старшая дочь, Анна, стала женой князя И.Ф. Троекурова; старший сын, Федор, женился на К.И. Шестовой из рода Салтыковых-Морозовых; второй сын, Александр, сначала женился на дочери князя И.Ю. Голицына, Евдокии, потом на дочери М. Погожего; вторая дочь, Марфа, стала женой князя Б.К. Черкасского, родственника второй жены Ивана Грозного Марии Темрюковны; еще одна дочь, Евдокия, вышла замуж за князя И.В. Сицкого, а младшая, Ирина, — за родственника Б.Ф. Годунова, И.И. Годунова. В итоге Никита Романович вошел в родство со всеми знатными фамилиями государства: Мстиславскими, Шуйскими, Черкасскими, Сицкими, Голицыными, Годуновыми и Морозовыми-Салтыковыми. С царской династией он породнился и через Анастасию, и через Мстиславского, внука Ивана III, по женской линии и через Черкасского, и позднее через Годунова, когда женой царевича Федора Ивановича стала И.Ф. Годунова, притом что в жилах московских государей, начиная с Ивана III, уже текла кровь его рода.

Во время царствования Федора (сына Ивана IV) Никита Романович сохранил высокое положение, поскольку при-

Михаил Федорович

ходилса царю дядей. Однако вскоре тяжелая болезнь надолго приковала его к постели, и 23 апреля 1586 года он скончался, приняв иноческое имя Нифонт. Стоять у трона для совета и оберегать государство от недругов предстояло его сыновьям: Федору, Александру, Михаилу, Василию и Ивану. Старший, Федор, получил боярство при царе Федоре Ивановиче и успешно служил, Александр стал боярином в 1598 году при восшествии на престол Бориса Федоровича Годунова (царского шурина), Михаил в это же время получил околичничество. Но в 1600 году дружные братья Никитичи были обвинены в покушении на жизнь царя Бориса и в 1601 году подвергнуты жестоким репрессиям. Выжить удалось только постриженному в монахи Федору — Филарету и младшему Ивану.

ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО

ОТЕЦ, ФЕДОР НИКИТИЧ РОМАНОВ

Михаил Романов родился 12 июля 1596 года, согласно церковному календарю, в день мучеников Прокла и Ираклия. Его отец — Федор Никитич Романов — один из наиболее знатных и богатых людей государства. Как ближайший родственник царя Федора (по материнской линии двоюродный брат), он занимал при дворе видное положение.

В момент рождения Михаила Федору Никитичу было уже за 40 лет (он родился приблизительно в 1554—1555 гг.). Однако боярство получил только в 1586 году и в Боярской думе и военных походах занимал место ниже царского шурина Бориса Годунова. Ущемленное самолюбие, несомненно, сказывалось на его характере и манере поведения. Долгое время Федор ходил в богатых и знатных женихах. Он очень любил гарцевать на коне, одевался богато, по последней моде. Многие московские барышни заглядывались на знатного красавца. Голландец И. Масса оставил такой портрет Федора Никитича: «Красивый мужчина, очень ласковый ко всем, так хорошо сложенный, что московские портные откровенно говорили, когда платье сидело на ком-нибудь хорошо: «Вы — второй Федор Никитич».

Женился Федор, по тогдашним меркам, сравнительно поздно, в 1590 году, когда ему уже было около 35. Его женой стала далеко не самая красивая и знатная девушка государства.

Ксения Ивановна Шестова принадлежала к седьмому колону боярского рода Морозовых. Ее отец, костромской дворянин И.В. Шестов, оставил в наследство дочери село Домнино с 57 деревнями и починками в Костромском уезде; мать, Мария, — село Клементьево с 14 деревнями в Угличском уезде, что было неплохим приданым в то время.

Михаил был не первым ребенком в семье. Первенцы, близнецы Борис и Никита, умерли вскоре после рождения 29 ноября 1592 года. Это стало большим горем для родителей. Но уже через год родилась дочь Татьяна. Следующим оказался Михаил. Два других его брата, Лев и Иван, умерли один за другим (21 сентября 1597 г. и 7 июня 1599 г.). Все они похоронены в родовой усыпальнице в московском Новоспасском монастыре.

Своего наследника родители особенно берегли, всячески его баловали, холили и лелеяли. В музеях Московского Кремля до сих пор хранятся детские вещи Михаила: колыбелька, стульчик, сапожки, рукавички, потешные куклы и т.д. Искусно сделанные и богато украшенные, они свидетельствовали о счастливой и вполне безоблачной жизни маленького мальчика.

ОПАЛА

Через несколько лет счастливая и безоблачная жизнь Романовых резко изменилась. В 1598 году умер царь Федор. Наследников после него не осталось. Традиционно верховная власть в Русском государстве передавалась от отца к старшему сыну. При отсутствии прямых наследников она могла перейти к ближайшим родственникам. Среди них после царя Федора был и его двоюродный брат Федор Никитич Романов, отец Михаила. Существует легенда (созданная, по мнению историка А.Л. Станиславского, в казачьей среде) о том, что, умирая, царь Федор пытался передать свой скипетр Ф.Н. Романову, но тот его не взял. Возникшим замешательством воспользовался Борис Годунов. Он перехватил этот символ власти, став, таким образом, новым царем.

Естественно, что таким простым способом власть на Руси не передавалась, но факт остается фактом: вскоре после смерти Федора Ивановича Земский собор избрал царем Бори-

са Годунова, брата царицы Ирины, который со своими родственниками уже давно прибрал к рукам всю власть в государстве. Современники полагали, что вряд ли бы Борис позволил кому-нибудь обойти себя, хотя его собственные права на престол выглядели весьма сомнительными: он не принадлежал по крови ни к «племени Ивана Калиты» — родоначальника московских князей, ни к Рюриковичам, то есть к роду русских князей, стоявших у истоков русской государственности.

Понимая шаткость своего положения, царь Борис решил заранее избавиться от возможных претендентов на корону. Самыми реальными являлись бояре Романовы, наиболее близкие кровные родственники царя Федора.

Поэтому в ноябре 1600 года Б.Ф. Годунов именно на них наложил опалу. Автор «Нового летописца» считал, что основная цель опалы — «известить царское последнее сродство». Для придания делу видимой законности люди из окружения царя подкупили слугу Александра Никитича В. Бартенева. Он подбросил в дом своего хозяина мешок с корнями, которые использовались в то время для колдовства. После этого в дом Александра послали с обыском окольничего М.М. Салтыкова. Мешок, конечно, нашли и отправили патриарху Иову. Там состоялось разбирательство «с шумом и криком». Братьев Романовых арестовали, не дав возможности оправдаться.

Наказание, обрушившееся на род Романовых, было чрезвычайно суровым. Глава — Федор Никитич был пострижен в монахи под именем Филарета и сослан в далекий Антониево-Сийский монастырь. Его жену, Ксению Ивановну, также постригли под именем Марфа и отправили в один из заонежских погостов. Детей, малолетнего Михаила и Татьяну, вместе с тетками Анастасией Никитичной, Марфой Никитичной и другими родственниками сослали в заточение на Белоозеро.

Условия жизни в ссылке оказались очень тяжелыми. Филарет содержался в изолированной келье и даже не имел права участвовать в церковной службе. У него не было собственных средств ни на питание, ни на одежду. Вскоре его платье превратилось в лохмотья.

Ксения Ивановна так тяжело переживала разлуку с детьми и несчастье семьи, что заболела. Во время сильного волнения с ней стали случаться обмороки. Толвуйский священ-

ник Ермолай Герасимов проникся большим сочувствием к сосланной боярыне и, как мог, пытался облегчить ее участь. Он даже умудрялся сообщать ей сведения о детях и муже, несмотря на все правительственные запреты (впоследствии в благодарность он получит должность ключаря Архангельского собора в Кремле).

Еще более тяжелыми были условия ссылки Александра, Михаила, Василия и Ивана Никитичей, братьев Филарета. Александр оказался в Усолье, Михаил — в Ныробской волости Пермского края, Василий — в Яренске, Иван — в Пелыме. Все они содержались в кандалах, в землянках, а Михаил даже в яме. Только Иван смог выжить в тех буквально нечеловеческих условиях. Остальные братья Никитичи умерли, как и их родственники: князь Б.К. Черкасский, князь И.В. Сицкий, его жена Евдокия — Евфимия Никитична и др.

Боясь возмущения знати, царь Борис принял решение облегчить участь оставшихся в живых Романовых. Детям Федора Никитича, Михаилу и Татьяне, разрешили вместе с матерью и тетками поселиться в селе Клин Юрьевского уезда, родовом имении Романовых. Приставами при них были назначены Давыд Жеребцов, впоследствии прославившийся как защитник Троице-Сергиева монастыря от польско-литовских войск, и Василий Хлопов, родственник будущей невесты Михаила Марии Хлоповой. В их обязанность входило не только стеречь опальных, но и заботиться об их пропитании и одежде. Однако уже первая проверка показала, что узники (женщины и дети) вели полуголодное существование, одежда и обувь их совсем износилась. Царь Борис, узнав об этом от приставов и, видимо испытывая угрызения совести, повелел сшить всем по три новые рубашки и впредь хорошо кормить.

Все это говорит о том, что детство Михаила было очень тяжелым: с четырех лет его разлучили с родителями, лишили отцовского крова, он познал все тяготы жизни в отдаленных местах, в заточении, ведя полуголодное существование.

Недаром его отец, монах Филарет, часто плакал и причитал о горькой участи своей семьи: «Милые-де мои детки, маленькие да бедные остались. Кому-де их кормить и поить? Таково ли-де им будет ныне, каково им при мне было?» В отчаянии он даже просил Бога поскорее забрать их к себе.

Царь Борис очень боялся заговора со стороны Романовых и пытался полностью изолировать их и друг от друга, и от внешнего мира. Поэтому Филарет почти ничего не знал о жене и детях. Лишь изредка сердобольные сийские монахи передавали ему весточки. (За это впоследствии они будут щедро им награждены.)

ПЕРВЫЙ САМОЗВАНЕЦ

Борис Годунов напрасно опасался Романовых. Беда пришла совсем с другой стороны. На рубеже 1602–1603 годов в Речи Посполитой объявился самозванец, назвавшийся сыном Ивана Грозного царевичем Дмитрием. По его версии, еще в детском возрасте некий вельможа спас его от наемных убийц, посланных Борисом Годуновым. На самом деле царевич Дмитрий умер в 1591 году при неясных обстоятельствах. Некоторые современники полагали, что он погиб от рук наемных убийц, отправленных в Углич по приказу Бориса Годунова. Следственное же дело утверждало, что царевич сам закололся ножиком в припадке эпилепсии.

Так или иначе, но к началу XVII века подлинного царевича Дмитрия давно уже не было в живых. Проведя расследование, правительство царя Бориса выяснило, что Дмитрием назвался беглый монах Чудова монастыря Григорий Отрепьев. По поводу его появления Авраамий Палицын, автор знаменитого сочинения о Троицкой осаде, писал: «И не воста никто на него (Бориса Годунова. — Л.М.) от вельмож, их же роды погуби, ни от царей странских. Но кого попусти? Смеху достойно сказание...»

Действительно, вызывает удивление, как беглый монах Гришка Отрепьев смог ввести в заблуждение сразу два государства: Россию и Речь Посполитую — и вызвать между ними многолетний конфликт? Очевидно, что в обоих государствах находились силы, готовые поверить самозваному царевичу. Поляки стремились посадить на русский престол своего ставленника. В России многие были недовольны правлением Годунова и желали любым путем его свергнуть.

Поэтому Григория Отрепьева признали подлинным царевичем Дмитрием сначала в Речи Посполитой, а затем на

юго-западе России. Многие обедневшие польские шляхтичи отправились с лжецаревичем в поход на Москву добывать его «отчий престол», а заодно за счет грабежей поправить свои дела. К ним присоединились казаки и жители Северской земли. В середине октября 1604 года искатели легкой добычи вторглись на русскую территорию.

Борьба между войсками Лжедмитрия и Бориса Годунова сначала шла с переменным успехом. Но смерть царя 13 апреля 1605 года решила исход событий в пользу Самозванца. По меткому выражению современника, страна быстро забыла свое крестоцелование сыну Годунова царевичу Федору и «бросилась в объятия самозванца». Уже 20 июня 1605 года он торжественно въехал в Москву и в июле был коронован новым патриархом Игнатием, сменившим свергнутого Иова. Первый русский патриарх по распоряжению Самозванца был отправлен на простой телеге в убогой монашеской одежде в Старицкий монастырь.

Хотя в целом для страны воцарение Самозванца ничего хорошего не принесло, участь маленького Михаила Романова счастливо переменялась. Лжедмитрий вернул из ссылки всех, кто был наказан Б.Ф. Годуновым, в том числе и Романовых, и, как родственников царя Федора, приблизил к своему двору. Дядя Михаила, Иван Никитич, получил боярство, отец стал ростовским митрополитом. Сам Михаил поселился с матерью в Москве на прежнем дворе Романовых.

Чуть меньше года смог продержаться у власти самозванный царь. Его авантюра стала для многих очевидной, особенно для князя Василия Ивановича Шуйского, который в 1591 году возглавлял следственную комиссию по делу о смерти царевича Дмитрия и прекрасно знал истинное положение вещей. Кроме того, русскую знать возмущало засилие при дворе поляков, а Церковь — активно распространяющееся католическое влияние. Чашу терпения переполнила женитьба Лжедмитрия на католичке Марине Мнишек. Сразу после свадьбы во дворце возник заговор, и 17 мая 1606 года лжецарь был убит. Одновременно в Москве началось восстание против поляков. На престол вззошел 19 мая 1606 года один из руководителей заговора — князь В.И. Шуйский. Он не состоял в родстве с династией московских князей (про-

исходил от суздальской ветви), но считался одним из наиболее знатных князей Рюриковичей.

После воцарения Шуйского Михаил, как представитель старшей ветви рода при дворе, получил должность стольника и стал часто появляться на праздничных обедах и приемах послов во дворце. Ему было в это время 11–12 лет. Позднее сестра Татьяна, будучи женой князя И.М. Катырева-Ростовского, вошла в родственный круг самого царя, женившегося на княжне Марии Петровне Буйносовой-Ростовской. Матери Михаила, Марфе Ивановне, удалось сблизиться с молодой царицей и стать ее приятельницей.

Однако вскоре трон под царем Василием зашатался, поскольку и его право на престол для многих современников представлялось весьма сомнительным. Они называли Шуйского «самоизбранным царем», севшим на трон не по воле «всего народа», то есть Земского собора, а по решению собравшихся на Соборной площади после свержения Лжедмитрия толпы москвичей. Фактически вся провинция осталась в стороне от московских перемен на троне и возмущалась случившимся.

Противники В.И. Шуйского распространили слух о том, что «царь Дмитрий» (Лжедмитрий) спасся и живет в Польше. Для защиты его «законных прав» на престол стало собираться большое войско. Возглавил его беглый холоп Иван Болотников. Вскоре к нему присоединился самозванный царевич Петруша (якобы сын царя Федора), и уже осенью 1606 года повстанцы осадили Москву. Но поскольку царь Дмитрий так и не появился, примкнувшие было к Болотникову дворяне изменили ему, и осада столицы оказалась невозможной. Повстанцы отошли сначала к Калуге, потом к Туле. Там их окружили правительственные войска и осенью 1607 года заставили сдаться.

ДВОЕВЛАСТИЕ

Казалось бы, царь Василий мог праздновать победу, но еще летом 1607 года в Стародубе объявился новый «царь Дмитрий» и вновь собрал войско, чтобы пойти на Москву. Для всех так и осталось загадкой, кто на этот раз принял имя царевича Дмит-

рия, хотя ни подлинным царевичем, ни даже Гришкой Отрепьевым он не был. Однако Марина Мнишек признала его своим мужем и даже родила от него сына Ивана. Несомненно, что Лжедмитрий II оказался всего лишь марионеткой в руках определенных политических кругов сначала Польши, а потом и России, стремящихся любым путем захватить власть.

Летом 1608 года Лжедмитрий II с большой армией подошел к Москве и расположился в Тушине (отчего и получил в народе прозвище Тушинский вор). В стране сложилось двоевластие. Один царь — Василий Шуйский («получарь» или «боярский царь») — правил в Москве, другой — Лжедмитрий II («царик») — в Тушине. Каждый имел свой двор, свою Боярскую думу, свое войско.

Эта ситуация сказалась и на семье Михаила Романова. Сам он с матерью находился в Москве, при дворе царя Василия. Его отец, Филарет, волею или неволею, стал тушинским патриархом. Произошло это так. В октябре 1608 года один из отрядов казаков, примкнувших к Лжедмитрию II, ворвался в Ростов и разграбил его. В числе пленников, привезенных в Тушино, оказался митрополит Филарет. При дворе лжецаря его обласкали и нарекли патриархом, что, думается, без его согласия не могло быть сделано. Постепенно войска Лжедмитрия начали захватывать русские земли и устанавливать на них свою власть. Отряды под руководством П. Сапеги и А. Лисовского осадили Троице-Сергиев монастырь, желая разграбить богатую монастырскую казну. Но его защитники организовали крепкую оборону и 16 месяцев отражали атаки, демонстрируя всей стране чудеса храбрости.

Борьба между царем Василием и Тушинским вором шла с переменным успехом, пока на арену политической борьбы не вышла третья сила — поляки. Осенью 1609 года король Сигизмунд III вторгся в окрестности Смоленска и осадил город. Его успехи повлияли на тушинцев, среди которых было много поляков. У них возник план возвести на московский престол сына Сигизмунда III — Владислава. В начале 1610 года тушинцы при ближайшем участии Филарета составили проект договора с польской стороной об условиях воцарения Владислава. В нем предусматривалась полная автономия Русского государства, неприкосновенность право-

славной веры, сохранение прежних земельных пожалований, чинов и т.д. По всем вопросам будущий царь должен был советоваться с патриархом, боярами и Земским собором. На первом этапе переговоров, которые с русской стороны возглавил М.Г. Салтыков, с королем достигли соглашения по всем пунктам. Но с его стороны это было лишь уловкой для облегчения захвата власти в стране.

Можно предположить, что кандидатура польского королевича устраивала ту часть русской знати, которая с воцарением «боярского царя» Василия Шуйского осталась «не у дел». Иностранный принц, не имевший в России корней, мог стать послушной игрушкой в их руках.

Нужно сказать, что не только «царик» Лжедмитрий II вызывал презрение у современников. Не пользовался симпатией и царь Василий — внешне некрасивый, небольшого роста подслеповатый старик, хитрый и коварный. Свои надежды многие патриоты связывали с молодым полководцем М. Скопиным-Шуйским, который с мая 1609 года вместе со шведским отрядом (его дал шведский король по договору с царем Василием) двигался из Новгорода на помощь Москве. В марте 1610 года войска Скопина подошли к столице. В это время Лжедмитрия II уже не было в Тушине, еще в январе он в страхе тайно бежал в Калугу.

Однако в апреле 1610 года полководец-освободитель внезапно умер. Современники считали, что Михаила Скопина отравила на званом пиру его тетка Екатерина, жена Д.И. Шуйского (брата царя Василия). Сделала она это по приказу царя, который боялся усиливающегося влияния и авторитета молодого полководца.

Возглавив войско, Д.И. Шуйский уже в первой битве под Клушином против поляков, посланных Сигизмундом из-под Смоленска, потерпел жестокое поражение. Это окончательно решило судьбу Василия Шуйского. Он был свергнут 17 июля 1610 года и пострижен в монахи. Затем его вместе с братьями отправили в польский плен, где он и умер в 1612 году.

В декабре 1610 года Лжедмитрий II был убит на охоте одним из татарских князей из своего окружения. Это стало мстью за смерть касимовского хана, казненного по приказу лжецаря.

МЕЖДУЦАРСТВИЕ

После свержения царя Василия московский престол оказался пустым. Власть временно взяла боярская верхушка, состоящая из семи видных бояр и прозванная народом Семибоярщиной. В это время патриарх Гермоген (поставлен патриархом в июне 1606 г. после воцарения Василия Шуйского) впервые предложил избрать нового царя из своих, русских «великих родов». По его мнению, наиболее подходящей кандидатурой является 14-летний Михаил Романов — племянник царя Федора, последнего представителя законной династии. Однако его никто не поддерживал, поскольку Михаил был очень молод. К тому же на избирательный Земский собор никто не приехал. Когда же к Москве подошли сразу две армии — Лжедмитрия II и польского гетмана С. Жолкевского, бояре решили начать переговоры с поляками о кандидатуре польского королевича Владислава.

Осенью 1610 года под Смоленск к королю Сигизмунду III отправилось посольство (около ста человек различных чинов) во главе с Филаретом и боярином В.В. Голицыным.

«Седьмочисленные» бояре и патриарх Гермоген, представлявшие московское правительство, дали послам наказ, в котором говорилось, что Владислав может стать русским царем, только крестившись в православную веру. Он должен был разорвать всякие отношения с римским папой, установить смертную казнь для вероотступников, жениться на православной русской девушке, иметь немногочисленное польское окружение, наделенное землей только в центральных областях. Самому королю следовало вернуть всех пленных и отойти от Смоленска.

Переговоры показали, что польская сторона отказывалась выполнить ряд требований. Владислав не хотел изменять вере, а Сигизмунд не желал снимать осаду Смоленска. Вскоре выяснилось, что король вознамерился сам силой захватить московский престол и присоединить Русское государство к своим владениям. Он подкупил некоторых послов и те вернулись домой, а оставшихся и не желавших подчиниться его воле Сигизмунд арестовал и отправил

в Польшу, где их плен продолжался долгих девять лет. В числе пленников оказался и Филарет.

Тем временем Москва и часть территории Русского государства оказались под властью поляков. Якобы для наведения порядка в столицу были впущены польские войска. Они взяли в свои руки все управление городом и стали вывозить в Польшу царскую казну под предлогом подготовки к венчанию Владислава. Их сторонники — «сedmочисленные» бояре — начали приводить народ к присяге Владиславу как нареченному царю. (Все эти обстоятельства будут потом использоваться Владиславом для оспаривания короны у Михаила в течение почти 20 лет.)

Однако патриарх Гермоген категорически отказался признавать Владислава новым царем, поскольку тот не принял православие. Поэтому он начал рассылать по всей стране грамоты, в которых рассказывал о самоуправстве поляков в Москве и провале миссии Смоленского посольства. Его грамоты о засилии поляков и творимых ими грабежах и бесчинствах не могли не вызвать возмущения по всей стране. Центром народного ополчения стала Рязанская земля, возглавил его воевода Прокопий Петрович Ляпунов. В феврале 1611 года к нему присоединились «земские рати» из Нижнего Новгорода, Владимира, Суздаля, Ярославля, казацкие отряды князя Д.Т. Трубецкого и атамана И.М. Заруцкого (бывших тушинцев). И в марте передовой отряд ополченцев под командованием атамана Просовецкого двинулся к Москве для ее освобождения от поляков. Остальные патриоты должны были подойти к апрелю.

Недовольство росло и в столице. 19 марта 1611 года стихийно вспыхнуло восстание. Поначалу перевес был явно на стороне москвичей, которые теснили поляков со всех сторон. Но те подожгли деревянные дома в начале улиц, и вскоре грандиозный пожар охватил Белый и Земляной города (части столицы). В страхе жители покидали Москву. Ополченцы отошли к Симонову монастырю. Большая часть некогда многолюдного и богатого города превратилась в груду пепла. Интервенты учинили резню в Китай-городе, лишив жизни около семи тысяч мирных жителей. Все это видел и знал юный Михаил, живший с матерью в Китай-городе.

В апреле с боями в уже разоренный и сожженный город вошли войска Первого ополчения. Уцелели только Китай-город, Кремль, где засели интервенты, и часть построек за Яузой. Вскоре патриоты заняли все посады и Белый город. Поляки и «седьмочисленные» бояре оказались в осаде, среди них были и Михаил Романов с матерью Марфой Ивановной. Новые испытания опять выпали на их долю.

Состав Первого ополчения был неоднородным, что приводило к столкновениям между представителями разных кругов. В одной из таких стычек 22 июля 1611 года погиб один из руководителей движения П. Ляпунов. Это значительно ослабило силы патриотов.

Узнав о распрях и разногласиях среди ополченцев, патриарх Гермоген опять стал рассылать грамоты, призывая новые силы идти в поход для освобождения столицы от интервентов. Это вызвало возмущение поляков и их русских сторонников. Неоднократно они требовали от патриарха прекратить свои призывы, но это еще больше укрепляло мужество Гермогена. В итоге он был арестован и брошен в земляную тюрьму Чудова монастыря. Но и здесь сохранял связь с патриотами.

По всей стране ширилось новое патриотическое движение. В Нижнем Новгороде земский староста Кузьма Минин собрал большие средства для экипировки ратных людей, и уже осенью 1611 года здесь сформировалось трехтысячное войско. Его возглавил князь Д.М. Пожарский, прославившийся мужественной борьбой с поляками во время Московского восстания.

Тяжелой ситуация была не только в Москве. После длительной и изнурительной осады в июне 1611 года сдался полякам Смоленск. В июле 1611 года Новгород захватили шведы. Они стали настойчиво предлагать на русский престол шведского принца Карла Филиппа. Постепенно крупнейшие крепости Новгородской земли оказались под властью шведов. В Пскове же в это время появился новый самозванец, принявший имя царя Дмитрия (впоследствии он получил прозвище Сидорки или Последнего вора). Одно время его даже признавали истинным царем не только псковичи, но и некоторая часть Первого ополчения.

Положение в столице в это время было очень тяжелым. В феврале 1612 года умер от голода заточенный Гермоген. Очевидцы писали, что в качестве пищи патриарху давали

сноп овса и кувшин воды. Не лучше питались и сами осажденные. Поскольку из-за длительной осады ничего, годного к пище, в Кремле не осталось, началось даже людоедство. Вместе с матерью Михаил вновь переносил голод и лишения.

В марте 1612 года войска Второго ополчения выступили из Нижнего Новгорода в поход на Москву. В Ярославле было сформировано новое правительство — «Совет всей земли» во главе с Д.М. Пожарским и К. Мининым. Перед ним стояла одна цель — освободить страну от интервентов. В это же время руководители Второго ополчения начали переговоры с новгородцами об избрании на русский престол Карла Филиппа, чтобы заручиться поддержкой шведского короля в борьбе с поляками.

В это время в Первом ополчении возникла сложная ситуация. Разногласия между руководителями Д.Т. Трубецким и И.М. Заруцким достигли наивысшего предела. В итоге последний покинул подмосковный стан и отправился с Мариной Мнишек грабить Рязанщину. Трубецкой же приказал арестовать Псковского вора Сидорку и установил связь с Д.М. Пожарским.

В середине июля 1612 года значительно возросшее войско нижегородских патриотов выступило в поход на Москву, а 20 августа первый отряд уже стоял у Тверских ворот.

Осажденные поляки ожидали подхода войск гетмана Ходкевича, который вез продовольствие и боеприпасы. Но он не сумел им помочь. В августе 1612 года объединенное войско Первого и Второго ополчений заняли все пригороды Москвы и не позволили гетману подойти к Китай-городу и Кремлю. Затем начались постоянные атаки патриотов на осажденных интервентов. Они закончились тем, что 22 октября Китай-город был взят, а уже 26 октября поляки подписали договор о капитуляции.

ИВАН СУСАНИН

Освобождение Кремля позволило «невольным сидельцам» Михаилу и его матери покинуть разоренную и голодную столицу и отправиться в свою вотчину село Домнино Костромского уезда. Там крестьяне собрали неплохой урожай и можно было провести сытную зиму. Однако оказалось,

что и здесь измученную Марфу Ивановну и юного Михаила подстерегали беды и опасности. Многие поляки и казаки после разгрома под Москвой отправились за продовольствием в богатые северо-восточные районы и превратились в настоящих разбойников. Они рыскали по деревням и селам и забирали все, что приглянется, наводя ужас на крестьян. Хотя Домнино не стояло на большой дороге, но и до него могли добраться поляки-грабители. Поэтому по инициативе местного старосты Ивана Сусанина на Вологодской дороге недалеко от села устроили заставу. В случае опасности крестьяне могли предупредить свою хозяйку.

В конце ноября, когда выпал первый снег, к развилке на Домнино подъехал большой отряд хорошо вооруженных поляков. В это время там дежурил Иван Сусанин с зятем Б. Собиным. Их стали спрашивать, как проехать в Домнино, где, по сведениям поляков, проживала богатая московская боярыня с сыном. Поняв, что Марфе Ивановне и Михаилу грозит смертельная опасность, Иван шепнул зятю, чтобы тот бежал в село, а сам смело выступил вперед и предложил начальнику отряда проводить их. Но вместо Домнина Сусанин повел поляков в непроходимое Исуповское болото. Во тьме грабители не сразу поняли обман и долго плутали по еще не замерзшим топям. Только к утру они заметили огоньки, но это оказалось не Домнино, а соседняя деревня за болотом. В гневе поляки набросились на отважного проводника и зарубили его саблями.

Вовремя предупрежденные Марфа Ивановна с Михаилом покинули небезопасное село и поехали в Кострому, где у их семьи был дом. Позднее, когда обстановка вновь обострилась, их убежищем стал Ипатьевский монастырь, окруженный крепостными стенами и имевший гарнизон охраны.

Местные жители похоронили отважного Ивана Сусанина около домнинской церкви. Долгое время о его подвиге Марфа Ивановна с Михаилом ничего не знали. Только осенью 1619 года, когда они предприняли обетную поездку по монастырям (она была посвящена возвращению из польского плена Филарета) и заехали в Домнино, родственники Ивана Сусанина рассказали о его трагической смерти. В благодарность ставший царем Михаил пожаловал дочери и зятю Сусанина большие земельные владения и освободил их от всех налогов.

ИЗБРАНИЕ НА ЦАРСТВО

ЗЕМСКИЙ СОБОР 1613 ГОДА

Освобождение столицы от поляков стало лишь первым этапом борьбы за возрождение Русского государства. Второй этап — необходимость восстановления сильной верховной власти, которая отождествлялась в то время с царской. Только так можно было в то время вновь «строить Московское царство».

Несомненно, что в это время многие русские люди осознали, что от них зависит сама судьба Московского государства. Они вспомнили его великое и славное прошлое, создаваемое веками, исторические традиции, былое величие. Это заставило их отказаться от стремлений «себе полегчить» и взвалить на себя новые тяготы и заботы по возрождению страны.

В ноябре 1612 года предводители объединенных ополчений Д.Т. Трубецкой и Д.М. Пожарский разослали по городам грамоты о созыве Земского собора «для царского обирания». Полагалось прислать от каждого города 10 «лучших и разумных людей», которые могли бы говорить на Соборе «бесстрашно», то есть совершенно свободно. Такие посланцы прибыли приблизительно от 50 городов. Кроме того, на Собор явился весь Освященный собор, то есть представители высшего духовенства, бояре, но не «кремлевские сидельцы», признанные изменниками, а «ярославские началь-

ники», вошедшие в состав временного правительства, «Совет всей земли», дворцовые чины, городовые дворяне, представители земства — всего более 700 человек. Земский собор 1613 года оказался исключительно многочисленным и представительным. Все сословия имели на нем своих делегатов, даже чернососшные крестьяне.

Однако столь пестрый состав Собора на первом этапе работы стал причиной серьезных разногласий между участниками. Авраамий Палицын так писал: «И бысть во всей России мятеж велик и нестроение злейши перваго; бояре же и вельможи не ведуще, что сотворити, занеже множество их зело и в самовласти блудяху».

Каждая группировка имела своих претендентов на престол. Некоторые ополченцы выдвигали Д.Т. Трубецкого и Д.М. Черкасского и предлагали бросить между ними жребий. Бояре больше склонялись к избранию Карла Филиппа. Были сторонники и у польского королевича Владислава, но после неудачной попытки короля Сигизмунда захватить в ноябре 1612 года Москву они не смели выражать свое мнение. Провинциальное дворянство склонялось к кандидатуре М.Ф. Романова как наиболее близкого родственника последнего законного царя Федора Ивановича.

После многочисленных дискуссий большинство участников Собора решило избрать царя из своих московских родов.

В качестве возможных претендентов на корону рассматривались самые родовитые князья: В.В. Голицын, Ф.И. Мстиславский, И.М. Воротынский, а также дети татарских ханов. Есть сведения, что немало средств потратил для выдвижения на престол своей кандидатуры Д.Т. Трубецкой. Возможно, мечтал о престоле и Д.М. Пожарский. Даже сын Марины Мнишек и Лжедмитрия II Иван имел среди казачества своих сторонников.

Предвыборная борьба привела к тому, что «многое волнение было всяким людям: койжд хотяше своей мысли, иные убо подкупали и засылали, хотяше не в свою степень». Вот что сообщал об обстановке в Москве очевидец И. Философов, попавший в плен к полякам: «У бояр и великих людей есть хотение посадить на престол Владислава», но их мало и открыто говорить они не могут. Казаки же хотят «Филаре-

това сына», то есть Михаила Романова, либо «воренка Ивашку», сына М. Мнишек. «Дела же все вершат Д. Трубецкой, Д. Пожарский и К. Минин. Они же еще ничего не решили».

Чтобы как-то сдержать страсти, было решено прервать работу Собора на две недели и объявить по всей стране трехдневный пост. После этого Собор начал работать в более спокойной обстановке. Договорились: никаких иностранных принцев на престол «не хотети», а избрать «государя благочестивого, подобного прежним природным государям». Боярина Д.Т. Трубецкого выдвигала ополченская среда, но среди городских дворян он не находил сторонников. Д.М. Пожарский не был боярином и принадлежал к слишком захудалому роду. И.М. Воротынский занимал одно из первых мест среди боярских родов, но его предки к трону прежних государей не приближались, невеликими считались и его собственные заслуги. И.Ф. Мстиславский хотя и приходился по женской линии правнуком Ивану III, но запятнал себя связями с поляками, да и сам не желал сидеть на троне. В.В. Голицын занимал при дворе очень видное положение, но находился в польском плену. Оставался 16-летний Михаил Романов, происходивший из знатного рода бояр Романовых-Захарьиных-Юрьевых, издревле служивших московским великим князьям, и приходившийся двоюродным племянником последнему «природному» царю Федору Ивановичу. Его кандидатура, как вскоре оказалось, устраивала всех.

Троицкий келарь Авраамий Палицын писал, что на Собор приходили письма «от дворян, больших купцов, от городов северских, от казаков». В них называлось одно имя будущего государя — Михаил Федорович Романов. По преданию, окончательно чаша весов перевесила в пользу М.Ф. Романова, когда некий дворянин из Галича подал на Собор грамоту, в которой доказывалось, что именно Михаил был ближайшим родственником последнего законного царя Федора.

Представители казаков даже выдумали, что царь Федор завещал престол своему двоюродному брату Федору Никитичу, отцу Михаила, но его хитростью захватил Борис Годунов. Теперь же следует восстановить законность. Только некоторые бояре пытались возражать, ссылаясь на молодость Михаила. На это избиратели ответили, что у Михаила

есть достаточно опытный дядя Иван Никитич, который может быть ему «крепкой подпорой».

В итоге 21 февраля, в воскресенье, в Успенском соборе в торжественной обстановке Михаил Романов был наречен «Царем и Великим Князем всеа Руси». Волю Собора объявили на Красной площади народу, и тогда собравшиеся «возопиша: Михаил Федорович! Да будет Царь и Государь Московскому государству и всеа Руския держава».

Успеху избрания Михаила Романова способствовало не только то, что он приходился ближайшим из оставшихся в живых родственником царю Федору, но и то, что он принадлежал к одному из наиболее славных и знаменитых боярских родов.

Его представители были «вечными боярами» московских князей, «крепко стоящими» за них и никогда не предававшими. Как уже отмечалось, еще в XV веке предки Михаила породнились с московскими государями (Мария Голтеева была бабкой Ивана III). Многие из них пользовались большой симпатией и даже любовью у простых людей. Например, сохранились предания об особой кротости и добродетели царицы Анастасии, о мудрости и доброте боярина Никиты Романовича. О нем в народе даже сочинили песню-былину, рассказывающую о том, как боярин Никита защитил царевича Федора от гнева отца Ивана Грозного. А когда жестокие репрессии царя Бориса обрушились на Никитичей, несомненно многие жалели красивых, дружных и скромных братьев, а их гибель вызвала у всех глубокое возмущение. Авраамий Палицын полагал, что «сих ради Никитичей Юрьевых... неповинной погибели, омрачи Господь небо облаки, и толик дождь пролился, яко вси человецы во ужас впадоша». От бесконечных дождей весь урожай погиб, и в стране начался трехлетний голод, унесший множество человеческих жизней.

Знаменитые предки и обширные родственные связи давали Михаилу большие преимущества по сравнению с соперниками. Ведь в числе его родичей были и князья Рюриковичи: Троекуровы, Лыковы-Оболенские, Шуйские, Шастуновы, Сицкие; бояре Морозовы, Плещеевы, Салтыковы, Годуновы; князья Гедиминовичи: Мстиславские, Голицыны; и даже кабардинские князья Черкасские.

Сам Михаил в официальных документах впоследствии стал называть себя внуком Ивана Грозного. Получалось, что законность своих прав на престол он объяснял родством с царями угасшей династии, а не фактом избрания Земским собором. Поэтому за рубежом многие полагали, что в его лице продолжилась прежняя законная династия московских князей. Отчасти это так и было.

Известный историк XIX века В.О. Ключевский так объяснял успех Михаила: «Сам по себе Михаил, 16-летний мальчик, ни чем не выдававшийся, мог иметь мало видов на престол, и, однако, на нем сошлись такие враждебные друг другу силы, как дворянство и казачество».

С этим согласен и другой историк С.Ф. Платонов: «Кандидатура М.Ф. Романова имела тот смысл, что мирила в самом щекотливом пункте две еще не вполне примиренные общественные силы и давала им возможность дальнейшей солидарной работы. Радость обеих сторон по случаю достигнутого соглашения, вероятно, была искренняя и велика, и Михаил был избран действительно «единомышленным и невозвратным советом» его будущих подданных».

Суммируя все причины избрания Михаила на престол, можно назвать следующие: родство с угасшей династией — главное, затем — любовь народа к семье Никитичей, особенно возросшая после репрессий в их адрес со стороны Бориса Годунова; личная непричастность юного народного избранника к раздорам Смутной эпохи. К этому добавляется и то, что семья Михаила была связана тесными родственными связями почти со всеми видными княжескими и боярскими родами, что обеспечивало ему поддержку наиболее знатных людей государства.

КОСТРОМСКОЕ ПОСОЛЬСТВО

После официального объявления имени нового государя в столице по решению Собора были составлены и разосланы по всей стране грамоты, в которых сообщалось об избрании Михаила Романова царем. Население стали готовить к присяге ему.

Михаила в это время в Москве не было, и, возможно, он даже ничего не знал о возложенной на него великой чести. Поэтому Собор создал посольство, которому поручили найти нареченного царя и сообщить ему свое решение.

Во главе посольства поставили рязанского архиепископа Феодорита и боярина Ф.И. Шереметева, представлявших на Соборе всю фамилию Романовых. В его состав вошли также представители духовенства, дворянства и других слоев населения. Посольство получило от Собора подробную инструкцию о том, что следует говорить Михаилу в случае его отказа стать царем. Предполагалось, что главными причинами могут быть: молодость и неопытность, тяжелое положение в стране, отсутствие царской казны и опасение за судьбу отца в польском плену. Дело в том, что Марфе предварительно сообщали о возможности избрания Михаила на престол, но она категорически возражала против этого, поскольку хорошо помнила трагическую участь других выборных царей и не желала лишиться единственного сына, «света очей своих». Вероятно, она в своих письмах называла причины, по которым не хотела видеть своего сына на престоле, поэтому их учитывали в наказе послам.

Точных сведений о месте пребывания Михаила и его матери ни у кого не было, и 2 марта 1613 года посольство выехало в сторону Ярославля. Вскоре, очевидно через духовенство, удалось узнать, что Михаил живет в костромском Ипатьевском монастыре. Поэтому из Ярославля вдоль Волги все отправились в Кострому, и уже 14 марта посольство оказалось у стен монастыря. Путь из Москвы занял всего 12 дней.

Один из членов посольства, все тот же знаменитый Авраамий Палицын, оставил воспоминание об «умолении Михаила на царство». Эти записи помогают представить, как все это происходило. «Заутра же архиепископ Феодорит со всем Освященным собором облекошася в ризы, а боярин Федор Иванович и вси пришедшии с ним, учредивше чин по достоянию и взявше честный крест и вышепомянутый чудотворный образ Пресвятыя Богородица и прочаа святыя иконы, поидоша ко обители святыя живоначальныя Троица в Ыпацкий монастырь». За святыми воротами их встретил сам новоизбранный царь и его мать. Все вместе вошли

в церковь. Там Феодорит вручил «Государыне и Государю писание от Священного собору» об избрании Михаила царем.

Ответная реакция Михаила поразила всех окружающих. Вместо радости они услышали «плач с великим гневом». Избранник заявил, что он категорически отказывается быть новым русским царем. Ответ его поддержала и Марфа. Она пояснила, что «у сына и в мыслях нет на таких великих преславных государствах быть государем... Он не в совершенных лет, а Московского государства всяких чинов люди по грехам измалодушествовались. Дав свои души прежним государям, не прямо служили... Видя такие прежним государям крестопреступления, позор, убийства и поругания, как быть на Московском государстве и прирожденному государю государем, а не токмо моему сыну?» (Как видим, Марфа Ивановна не считала своего сына «прирожденным государем», то есть имеющим права на престол по родству с прежней династией.)

Далее Марфа Ивановна указала на тяжелое положение в стране, с которым вряд ли сможет справиться ее юный сын: «Московское государство от польских и литовских людей разорилось до конца, прежние сокровища, из давних лет собранные, литовские люди вывезли, дворцовые села, черные волости, пригородки и посады розданы в поместья дворянам, детям боярским и всяким служилым людям и запустошены. А служилые люди бедны, и кому повелит Бог быть царем, то чем ему служилых жаловать, свои государевы обиходы полнить и против своих недругов стоять?»

Марфа Ивановна хорошо понимала, что ее сына ожидают огромные трудности и большие невзгоды, которые вполне могут закончиться бесславной гибелью. Поэтому и она, и ее сын долго не соглашались принять предложение избирательного Собора.

Авраамий Палицын писал, что «архиепископ Феодорит со всем Освященным собором и боярин Федор Иванович и весь царский синклит со многими слезами моляще Государыню на многие часы». Когда это не помогло, использовали последнее средство (кстати, оно же использовалось и при умолении на царство Бориса Годунова) — умоление иконой. Архиепископ и Авраамий взяли чудотворный образ

Федоровской Богоматери и стали им молить старицу, говоря, что сам Бог повелел избрать Михаила царем. Отказ же вызовет Божий гнев. Такой способ убеждения сильно повлиял на Михаила и его мать, поскольку они были глубоко верующими.

Однако и после этого они не дали своего согласия. Только когда послы заявили, что отказ Михаила приведет к новым распрям и кровавому междоусобию, так как другой, устраивающей всех кандидатуры нет, Марфа надолго задумалась. Она поняла, что, возможно, только ее сын спасет истрадавшуюся Родину, и дала свое согласие. После этого «благовернаа Государыня инока Марфа Ивановна многи слезы пред образом Пречистыя излия и возьмет благородного сына своего, благоверного и благочестиваго Великаго Государя Михаила Федоровича, пред всеми со слезами рече: «Се тебе, о Богом Пресвятая Богородица, и в твои пречистей руце, Владычице, чадо свое предаю и, яко хочеши, устроиши ему полезная и всему православному христианству».

Недаром плакала мать будущего царя и долго отказывалась от оказанной ей чести. Страна, в которой предстояло править Михаилу, находилась в тяжелейшем кризисном положении. На северо-западе большую территорию вместе с Новгородом Великим захватили шведы. Поляки удерживали весь запад, включая Смоленск. Королевич Владислав не оставлял надежду теперь уже силой оружия получить российскую корону. Не прекращали набегі крымские татары, грабя израненную Русь. В северных районах бесчинствовали отряды вольных казаков, превратившихся в разбойников.

Не было единства и среди правящего класса. Современники писали: «И сего ради не бысть совета блага между воевод, но вражда и мятеж... Казаки предавались блуду, питию и зерни... Проживше и проигравше вся своя имения, на путях грабяще».

О тяжелом положении в стране и незавидной участи нового царя свидетельствует крестоприводная запись царю Михаилу (грамота, под которой следовало поставить подпись всем русским людям), разосланная по городам после его избрания. В ней перечислялись враждебные Русскому государству страны и правительства, с которыми русским лю-

дям запрещалось поддерживать отношения: «Не изменити к турком, и к цысарю христьянскому, и к папе Римскому, и к королю Испанскому, и к королю Литовскому, и к Свицкому, и в Крым, и в Кизылбаши (Персию. — *Л.М.*), и в Бухары, и в Нагаи». Со всеми перечисленными врагами Отечества следовало бороться и защищать честь и достоинство своего государя. В грамоте перечислялись имена людей, предавших свою Родину: М.Г. Салтыков и Ю.Н. Трубецкой — сторонники короля Сигизмунда, И.Н. Большой Одоевский, сдавший Новгород шведам. Особая статья касалась «государевых людей», то есть должностных лиц. В ней писалось: «Не чинить лиха государевым людям: не шуметь, не убить, ни грабить». Очевидно, что при общей накаленной обстановке в стране требовалось особо оговаривать вопрос о защите должностных лиц.

ПУТЬ В СТОЛИЦУ

В этой сложной ситуации молодой царь не стал спешить в Москву, чтобы занять престол. Путь из Костромы в столицу занял у него семь недель.

Михаилу необходимо было освоиться с новым положением и глубже изучить ситуацию в стране. Кроме того, он и его мать опасались, что в Москве, где находилось множество вооруженных людей из ополчений, они окажутся заложниками у воевод-освободителей Д.Т. Трубецкого и Д.М. Пожарского. Ведь те не принадлежали к семье Романовых, не входили в число «больших бояр», но стремились к власти. Михаил же не обладал ни войском, ни деньгами, чтобы его нанять, ни опытом борьбы с сильными противниками. Ему приходилось только ждать, когда вокруг него во время пути постепенно сформируется достаточно весомый круг верных людей, и уже с ними прибыть в столицу.

Следует отметить, что после освобождения Москвы от поляков власть в государстве взяло временное правительство под руководством Д.Т. Трубецкого и Д.М. Пожарского. После избрания на престол Михаила Романова начался процесс перехода власти именно к нему. Он занял почти два месяца, пока новый государь ехал в столицу.

Сохранились грамоты, посылаемые молодым царем в Москву, и ответные послания от Собора и временного правительства, созданного ополченцами. Они показывают, как Михаил начинал править страной, какие мероприятия считал важнейшими и первостепенными, в чем видел свою задачу верховного правителя, какие отношения наметились у него с боярами, Земским собором и воеводами-освободителями.

Уже 17 марта Михаил потребовал прислать государеву печать и боярские списки. При этом он напоминал временному Московскому правительству, что сделать это следовало заранее, чтобы он мог от своего имени рассылать по стране указы (до этого от его имени писало временное правительство) и узнал имена верных ему служилых людей. Не добившись желаемого, в грамоте от 23 марта с возмущением указал временному правительству, что сам он на царство не напрашивался, а раз те избрали его по своей воле, то должны «прямо служить». Присягая, все русские люди обязаны отдать ему свои души, «стоять в крепости разума своего безо всякого позывания, служить и прямить, воров царским именем не называть, вора не служить, грабежей бы и убийств на Москве и в городах и по дорогам не быть, а быть бы вам, русским людям, между собою в соединенье и любви».

Пока Михаил ехал в Москву, бояре приводили к присяге население. Духовенство «пело молебны со звоном» и молило Бога отвратить свой праведный гнев от Руси и «подать Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу многолетна здравия и на его государевых недругов и неприятелей победу и одоление, а государство бы его мирно и в тишине, и в благоденстве устроил».

В марте к польскому королю был послан Денис Оладьин с грамотой, в которой перечислялись «вины» короля (пособничество самозванцам, нарушение мирных договоров, захват русской территории и т.д.). Сигизмунду и его сыну предлагалось отказаться от притязаний на русский престол, восстановить между двумя странами мир и дружбу и разменять пленных. Однако эта миссия успеха не имела. В Польше все еще мечтали о московском троне.

Медленно двигаясь в столицу, Михаил как бы показывал, что вовсе не стремится поскорее занять престол, его права

бесспорны. Он чтит обычаи прежних государей, берет под свое покровительство всех «сирых и изобиженных», посещает святые места. Наиболее длительную остановку Михаил сделал в Ярославле. Здесь он пробыл с 21 марта по 16 апреля под предлогом плохих дорог. (Хотя для гонцов с грамотами дороги оставались хорошими. Посланная 21 марта грамота 26 марта уже зачитывалась в Успенском соборе. Получается, что для верхового путь до Москвы был не больше трех дней.)

В Спасский монастырь, где поселился Михаил, съехалось множество дворян, детей боярских, гостей и торговых людей, искавших покровительство и защиту у нового царя. Это говорило о том, что русское общество нуждалось в своем избраннике, как и он в нем. Через несколько дней в окружении внушительной свиты Михаил отправился в Ростов, потом — в Переславль-Залесский и Троице-Сергиев монастырь. В прославленной обители юный царь провел семь дней у «целобоносных мощей великих чудотворцев Сергия и Никона».

В итоге за полтора месяца пути новый государь вполне освоился со своим положением. Ему удалось сконцентрировать вокруг себя верных людей, которые вошли затем в правительство, создать удобные для себя отношения с Земским собором и временным правительством в Москве. Очевидно, по просьбе Михаила от управления страной были отстранены Трубецкой и Пожарский, их имена даже не упоминались в переписке с ним. Сначала послания из Москвы писались от имени ростовского митрополита Кирилла и Земского собора, потом — от имени Ф.И. Мстиславского и бояр. Вполне вероятно, что своему двоюродному дяде юный царь доверял больше, чем предводителям казаков и городовых дружин. Царские грамоты показывают, что уже в это время Михаил хорошо осознавал свои права и обязанности «Государя всеа Руси». Ему пригодился опыт, полученный при дворе царя Василия Шуйского и во время жизни в Кремле в период междоусобицы, а также советы матери Марфы и родственников, в частности Ф.И. Шереметева, из числа послов.

Посылая грамоты боярам, Михаил надеялся с их помощью хотя бы немного улучшить положение в Москве к своему приезду. Так, в грамоте от 8 апреля он писал, что не спешит в Москву, так как опасается, что к его приезду «хлебных и вся-

ких запасов не будет достаточно для его царского обихода». По его сведениям, «сборщики, посланные по городам для кормов, в Москву еще не приезжали, денег ни в котором приказе нет, а Московское государство от польских и литовских людей до конца разорено, и на наш обиход запасов и служилым людям на жалованье денег и хлеба собирать не с кого... Чем нам ратных людей жаловать, свои обиходы полнить, бедных служилых людей чем кормить и поить, ружечникам и оброчникам всякие запасы откуда брать?» В итоге, Михаил гневно выговаривал Собору за беспорядки в стране, с достаточной жесткостью снова напоминал, что не напрашивался на престол и «учинили есмя... царем... вашим прошением и челобитьем, а не своим хотением. Крест нам целовали есте своею волею», поэтому должны беспрекословно подчиняться.

В еще более резкой форме писал Михаил из Троице-Сергиева монастыря, заявляя, что если разбои, грабежи и воровство не прекратятся, то он и вовсе не поедет в Москву. Не менее решительно выговаривал он боярам по поводу невыполнения его просьбы о подготовке личных покоев. Михаил попросил приготовить для себя и матери бывшие покои цариц Марии Буйносовой и Ирины Годуновой, состоявшие всего лишь каждый из трех-четырёх небольших комнат (спальни, крестовой палаты, собственно комнаты и прихожей). Но даже такие скромные помещения невозможно было привести в порядок к приезду царя. Бояре писали в ответ, что царский дворец не имеет кровли, полов, окон и дверей, полностью отсутствует внутреннее убранство, плотников нанять не на что, да и строительного материала подходящего нет. С большим трудом были отремонтированы старые покои Ивана Грозного, наименее пострадавшие во время осады Кремля. Матери же предложили поселиться в Вознесенском монастыре, хотя Михаил и возражал против этого, не желая с ней разлучаться. Возможно, бояре специально настаивали на раздельном проживании Марфы, поскольку боялись ее сильного влияния на царя.

Все эти факты свидетельствуют о плачевном состоянии столицы, о разорении государства, в котором предстояло править юному царю.

Переписка Михаила с Земским собором и временным правительством показывает, что он не был слабым челове-

ком, малодушным и беспомощным — игрушкой в руках боярской знати, как его пытались представить некоторые современники (Г. Котошихин, автор «Псковского сказания», иностранные авторы).

Совершенно очевидно, что некоторые из них были необъективны или обладали недостаточной информацией. Так, Г. Котошихин, бежавший в середине XVII в. в Швецию, умышленно искажал русскую действительность в угоду новым благодетелям. Автор «Псковского сказания» был весьма далек от московской жизни и точных сведений о Михаиле не имел. Поляки, в угоду своему ставленнику Владиславу, вообще пытались поставить под сомнение права Михаила на престол.

За время пути в Москву к Михаилу присоединилось множество людей, в том числе и служилых. Московские приказы за это время обезлюдели, и для их нормальной работы временное правительство было вынуждено просить Михаила прислать стольников и дворян из своей свиты. В ответ царь лишь подтвердил, что «дворяне и стольники, и стряпчие с нами все», показав боярам, что править он будет сам.

В небольшом селе на пути к столице 25 апреля Михаил устроил смотр всем своим приближенным: дворянам, стольникам, стряпчим, жильцам и прочим. Общее число людей было так велико, что в официальных грамотах их стали называть собором, то есть собранием людей с широким сословным представительством.

Примерно тогда же Михаил указал боярам на недопустимость распоряжения землями без его ведома. Он писал, что ни у кого нельзя отнимать поместья и отдавать в раздачу без сыску. «Мы у тех поместий и вотчин до нашего указу отымати не велели». Очевидно, временное правительство пыталось самостоятельно упорядочить землевладение служилых людей и отнимало земли, полученные по указам Лжедмитрия II, короля Сигизмунда и других правителей, например, атамана Просовецкого, которые считались нелегитимными. Михаил же хотел сам разобраться в этом сложном и исключительно важном вопросе.

Факты, связанные с избранием Михаила, его переписка с боярами, долгий путь к Москве заставляют усомниться в утверждении некоторых историков в том, что он получил огра-

ниченную власть. Ведь у бояр просто не было возможности взять ограничительную запись у нового царя, поскольку ко времени его приезда в Москву Земский собор был уже распущен, Боярская дума в прежнем составе не существовала, временное ополченческое правительство было отстранено от власти. Ограничить власть Михаила оказалось просто некому.

Кроме того, сама процедура «умоления Михаила на царство» не предусматривала каких-либо ограничений его власти: он долго отказывался от престола и стал царем как бы «нехотя». Поэтому сравнение его с Василием Шуйским некоторыми историками явно неуместно и безосновательно. Шуйский сам рвался к власти, не имея на то оснований: его не избирал Земский собор, он не имел родственных связей с московскими государями. Поэтому бояре заставили его подписать ограничительную запись в свою пользу.

Михаила выдвигали широкие общественные слои, обладавшие в то время реальной властью. Бояре же, скомпрометировав себя связями с лжецарями и поляками, авторитетом не пользовались. К тому же ни в одном документе первых лет правления Михаила нет никаких указаний на соправление при нем бояр. Напротив, уже в 1613 году в его титуле появляется слово «самодержец», бояре же во всех официальных документах постоянно именуются холопами и верными слугами.

Версия об ограниченном характере власти Михаила появилась также в сочинениях некоторых малосведущих его современников из-за того, что он активно привлекал Земский собор и Боярскую думу для решения всех трудных государственных дел (сбор налогов, ведение военных действий против врагов, отношения с иностранными державами, торговля и т.д.). Этого не делали прежние цари: Иван Грозный, Федор Иванович, Борис Годунов и даже Василий Шуйский. Существование постоянно действующего Земского собора в первые годы правления Михаила, несомненно, было новшеством. Но это нововведение появилось не потому, что Михаил был лишен всей полноты власти, а потому, что без помощи широких общественных слоев преодолеть Смуту одному царю не удалось бы. Только при опоре на «лучших и разумных людей» всего государства юный прави-

ИЗБРАНИЕ НА ЦАРСТВО

тель смог вывести Россию из глубочайшего кризиса и заложить фундамент для будущего успешного развития.

С.Ф. Платонов писал: «Избрав царя не от королей и князей, а от бояр, Собор стал охранять его, как своего избранника, готовый в нем защищать свое единство и свой восстановленный земский порядок. Со своей стороны избранный Собором государь не видел возможности без содействия Собора править страной и унять «всемирный мятеж» и даже не желал принимать власть и идти к Москве, пока Собор не достигнет прочного успокоения государства. Выходило так, что носитель власти и народное собрание не только не спорили за первенство своего авторитета, но крепко держались друг за друга... Сознание общей пользы и взаимной зависимости приводило власть и ее Земский совет к полной солидарности».

Использование Михаилом при решении сложных вопросов коллективных форм правления говорит о том, что он хорошо понимал трудность и ответственность момента. Обладание царской властью не сделало его деспотом и тираном. На первом месте у него стояло осознание своей ответственности перед государством и народом, забота о благе страны и своих подданных. Поэтому он советовался с ними и уважал их мнение.

ВЕНЧАНИЕ НА ЦАРСТВО

Торжественный въезд в столицу молодого царя состоялся 2 мая 1613 года. На всем пути до Кремля его встречали жители Москвы «во мнозе радости и в веселии со кресты и с честными иконами». По обычаю, Михаил сначала посетил главные кремлевские храмы: Успенский собор, где отслужили торжественный молебен, и Архангельский собор, где покоились прежние цари, считающиеся его «сродниками». Этим он еще раз подчеркнул преемственность своего правления от представителей династии московских князей.

Только после этого царь отправился в отведенные для него покои, не те, что просил он приготовить для себя и матери, а в «Золотую палату у Благовещенского собора, от нее сени да две комнаты», в которых жил когда-то Иван Грозный.

Для прогулок служил чердак-гульбище (открытая галерея в верхней части здания) царицы Анастасии. Очевидно, это были единственные уцелевшие постройки в царском дворце. Мать поселили в Вознесенском монастыре.

Накануне дня рождения Михаила 11 июля 1613 года состоялось его венчание на царство. Оно совершилось с точным соблюдением всех обрядов царского чина (по образцу Чина венчания царя Федора с небольшими изменениями). В Успенском соборе для этого устроили царское место — невысокий помост, обитый красным сукном, на который поставили два трона: золотой персидский для царя и «стул» для казанского митрополита Ефрема, который (в отсутствие патриарха) должен был совершать обряд венчания. Ростовскому митрополиту Кириллу, главе избирательного Земского собора, эту миссию не доверили, видимо, потому, что официально ростовским митрополитом считался находящийся в плену Филарет. Кирилл же взял на себя функции митрополита по просьбе ополченцев, хотя они на это прав не имели.

На церемонию венчания царь отправился после всенощного бдения. В 2 часа дня (отсчет дневных часов шел от восхода солнца) царь появился в Золотой палате перед боярами. Вскоре Д.М. Пожарский, казначей Н.В. Траханиотов и духовник царя протопоп Благовещенский принесли «царский чин» — атрибуты царской власти. Их осмотрели и раздали приближенным к царской особе лицам: венец — И.Н. Романову, скипетр — Д.М. Пожарскому, державу — Н.В. Траханиотову. Бармы и животворящий крест понес на блюде протопоп. Члены торжественной процессии во главе с В.П. Морозовым перенесли эти атрибуты в Успенский собор. Это было новым моментом в церемонии венчания на царство Михаила, поскольку ранее все атрибуты царской власти переносил только благовещенский протопоп. Затем состоялся парадный выход царя в сопровождении бояр, дворян, стольников и других чинов. Его путь к храму был устлан коврами и бархатом.

Под пение пожеланий многолетия царь вошел в собор, помолился, приложился к иконам и получил благословение от митрополита. Затем все отслужили молебен. По окончании литургии царь взошел на помост вместе с митрополитом и обратился к тому с речью, в которой рассказал об обстоя-

тельстввах своего прихода к власти. Ефрем благословил царя и произнес ответную речь, повторив уже сказанное Михаилом, но акценты сделал на коварстве и измене поляков. Далее Ефрем совершил обряд венчания. После поздравлений начался обряд миропомазания, во время которого царь передал атрибуты власти приближенным людям, выказывая этим особое расположение к ним: царский венец — дяде И.Н. Романову, скипетр — Д.Т. Трубецкому, державу — Д.М. Пожарскому. Это также было новым явлением в церемонии венчания. Царь Михаил хотел подчеркнуть, что в своем правлении будет опираться на ближайшее окружение: кому он доверяет ему свои атрибуты царской власти, с теми и будет советоваться по важнейшим вопросам. Столь широкое привлечение светских лиц к церемонии венчания было сделано впервые. Ранее ее осуществляли представители духовенства. Оно свидетельствовало об обмирщении важнейшего для государства торжества. Из Успенского собора царь отправился в Архангельский собор, чтобы поклониться гробам прежних царей, затем в Благовещенский, придворный. При выходе из соборов князь Ф.И. Мстиславский осыпал царя деньгами, мису при этом держал казначей Н.В. Траханиотов. В заключение церемонии был устроен большой пир в Грановитой палате, изображение которого сохранилось.

Это грандиозное празднество произвело большое впечатление на современников, и во многих памятниках сохранилось его описание: в «Сказании» Авраамия Палицына, «Новом летописце», «Пискаревском летописце», «Дворцовых разрядах» и др.

В церемонии венчания на царство наблюдается еще одно новшество: Михаил распорядился всем придворным чинам «быть без мест», то есть без зафиксированной в разрядах должности. Это нововведение было сделано для того, чтобы не омрачать торжество местническими тяжбами, которые уже начались до венчания. Старое боярство пыталось оспорить высокое положение нового окружения царя, в частности, его дяди И.Н. Романова и знаменитого полководца-освободителя Д.М. Пожарского. Но это не удалось.

Уже в самом акте вступления претендента на престол закладывалась основа всего правления. Михаил это, очевид-

но, понимал, поэтому избегал ошибок прежних царей. Он не нарушал сложившихся традиций, как неоднократно делал Лжедмитрий I, вызывая возмущение у ревнителей старины. Он не торопился сесть на престол, как Василий Шуйский, прозванный «самоизбранным». Медленно, со всей обстоятельностью присматривался он к своему новому положению, окружал себя верными людьми (среди них были родственники и близкие люди), стремился быть милостивым и справедливым для всех, кто искал его защиты. Это позволило с самого начала правления заложить прочный фундамент для новой династии Романовых.

Михаил стал третьим выборным царем в истории России. Обстоятельства его прихода к власти оказались сложнее, чем у первого выборного царя Бориса Годунова и второго выборного царя Василия Шуйского. Михаилу досталась разоренная, раздираемая внутренними распрями страна, большая часть территории которой оказалась в руках вероломных соседей. Борис же правил в крепкой державе, занимавшей видное положение на международной арене. При нем в первое время страна еще процветала. Сходной была ситуация и при восшествии на престол Василия Шуйского. Ни у Бориса, ни у Василия в момент воцарения не существовало серьезных соперников, которые бы оспаривали их еще не окрепшую власть. У Михаила же все первые пять лет правления пытались отнять корону несколько претендентов: сначала И. Заруцкий для «воренка Ивашки», потом шведский король Густав для Карла Филиппа, и, наконец, королевич Владислав. Кроме того, царь был молод (17 лет ему исполнилось на следующий день после коронации), в то время как Борис и Василий вступили на престол в достаточно зрелом возрасте. Однако именно Михаилу Романову удалось основать новую династию, просуществовавшую более трех веков, а его предшественники потерпели крах.

Успех Михаила обеспечивался прежде всего лояльным отношением к различным политическим партиям, а также заключением мирных договоров с соседними державами, пусть даже невыгодных для России. Но это принесло покой измученному народу. Эта разумная политика способствовала консолидации всех патриотических сил общества для строительства «нового царства».

НЕОТЛОЖНЫЕ МЕРЫ ПО СПАСЕНИЮ ОТЕЧЕСТВА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

С первых же дней царствования перед Михаилом Федоровичем возникло множество сложнейших проблем: укрепление государственной власти, создание органов управления страной и финансовой системой для пополнения «государевой казны» и организация защиты от внешних врагов.

При формировании правительства летом 1613 года царь оставил на своих местах многих прежних должностных лиц. Например, в Боярскую думу вошли и «сedmочисленные» бояре Ф.И. Мстиславский, И.Н. Романов, Ф.И. Шереметев, Б.М. Лыков, И.М. Воротынский и руководители Первого и Второго ополчений Д.Т. Трубецкой и Д.М. Пожарский, и бывшие «тушинцы», и сторонники королевича Владислава (кроме тех, которые бежали к польскому королю).

Чтобы сплотить общество, царь решил быть милостивым. В первые годы его правления не было ни одной опалы, ни одного удаления от должности за «прежние измены». Даже вопрос о расхитителе царской казны Ф. Андронове и ярых сторонниках короля Сигизмунда и королевича Владислава был оставлен на усмотрение народа: «Как всяких чинов и черные люди об них приговорят». Такая политика

способствовала росту популярности молодого царя среди всех слоев населения.

Один из современников писал: «А московских бояр и всяких чинов людей, которые сидели в Москве в осаде с литовскими людьми, и которые были в Литве у короля, и в Тушине, и в Колуте, и при воре втором живом Дмитреи, и тех Государь всех пожаловал для своего царского венца, наипаче свыше первого по их достоинству честию и по пожитком». Это дало хороший результат: «И совокупися вся земля Руская ему, Государю, служить... преста в Руском государстве всенародная человеческая пагуба. Православного христианства кровопролитию и всякому воровству и лживым царевичем конец бысть».

Несомненно, Михаил понимал необходимость установления в стране крепкой государственной власти, которая стала бы ему опорой, поскольку претендентов на его корону было еще много. Поэтому он приблизил к себе своих многочисленных родственников, связанных брачными узами с виднейшими фамилиями государства. Новое правительство оказалось достаточно представительным. Особую роль при дворе стал играть дядя царя И.Н. Романов. Близким к Михаилу человеком был Ф.И. Шереметев, с которым Романовы имели двойное родство: свое родословие он вел, как и они, от Федора Кошки и, кроме того, был женат на внучке Никиты Романовича Ирине Борисовне Черкасской, приходившейся царю двоюродной сестрой.

Один из наиболее важных приказов — приказ Большого дворца — возглавил Б.М. Салтыков, племянник матери Михаила, вскоре ставший боярином. Его младший брат Михаил получил должность кравчего. Братья Салтыковы особенно сблизились с Михаилом, поскольку были так же, как и он, молоды и жили вместе с ним в Костроме до избрания его царем.

В новое правительство вошел князь Б.М. Лыков-Оболенский, женатый на дочери Никиты Романовича Анастасии, родной тетке царя. Лыков и Шереметев стали боярами еще при Лжедмитрии I. И.Б. Черкасский, сын Марфы Никитичны Романовой, получил боярство в день венчания Михаила на царство, одновременно с Д.М. Пожарским. Вместе с другими родственниками он занял видное положение в Думе.

Близки к государю стали: князь И.Ф. Троекуров, двоюродный брат Михаила, сын Анны Никитичны Романовой (боярство он, правда, получил только в 1620 году), шурин царя князь И.М. Катырев-Ростовский и его родственник князь А.В. Лобанов-Ростовский. При дворе оказались Сицкие, Головины, Морозовы, были и неродовитые люди: постельничий К.И. Михалков, глава Казачьего приказа И.А. Колтовский.

Некоторые исследователи предполагают, что в первые годы большое влияние на царя Михаила имела его мать, старица Марфа Ивановна. С.Ф. Платонов считал, что она лишь управляла «своим родом», то есть родственниками, правда, весь этот род входил в состав правительства и царского двора. Поэтому вполне вероятно, что особо приближенными к царю оказалась родня по женской линии, кроме Салтыковых, В.П. Морозов. До нас дошли грамоты Марфы Ивановны, касающиеся церковных дел. Очевидно, в отсутствие патриарха духовенство видело в ней свою покровительницу.

Новым в управлении государством стало использование Земских соборов. Их роль существенно возросла в после-смутное время, и это имело положительное значение для страны. В первое десятилетие правления царя Михаила соборы оказали существенную помощь царю в преодолении экономического кризиса, в завершении борьбы с интервентами, в восстановлении самодержавных основ монархии. С 1613 по 1622 год Земские соборы действовали практически постоянно, превратившись в совещательный орган власти. Своим авторитетом они подкрепляли все решения царя, Боярской думы и приказных дьяков. На соборах рассматривались вопросы сбора чрезвычайных налогов («пятинных денег»), борьбы с врагами (И. Заруцким, казаками, шведами и поляками), заключения мирных договоров с соседними державами, внешней торговли и т.д.

Земский собор состоял из четырех курий: 1) Боярской думы, 2) Освященного собора (высших представителей Церкви), 3) представителей московского и городского служилого дворянства, 4) купечества, выборных от посадского населения всех городов и иногда от чернососного крестьянства. Только при решении экстренных вопросов его со-

став мог быть неполным. Работа Земского собора начиналась с общего заседания, где думный дьяк от имени царя излагал вопросы, на которые следовало ответить участникам Собора. Обычно они обсуждались по куриям, от которых подавался общий коллективный ответ в письменной форме. Принятие решения зависело от царя, но он выносил его в зависимости от мнения Собора.

Важным органом власти осталась и Боярская дума, которая постепенно восстановила свой обычный состав в 30–40 человек. Управленческую функцию она осуществляла через систему временных боярских комиссий, назначаемых для ведения посольских переговоров, решения местных споров, судебных дел, руководства работой приказов и управления всей страной в отсутствие царя. Секретные дела решались членами Ближней думы, состоящей из нескольких особо приближенных к царю бояр. Со временем роль Ближней думы стала возрастать, и она заменила Боярскую думу.

Восстанавливалась и развивалась приказная система управления различными отраслями государства. Число приказов иногда достигало 40 и более, но далеко не все они действовали постоянно. Многие возникали только для решения конкретных задач, после чего упразднялись. Не было еще и четкого разделения и определения их функций. Постоянно существовало только около 25 приказов. Разрядный ведал административными, военными и придворными назначениями служилых людей. Посольский занимался международными делами, Поместный — вопросами землевладения, Стрелецкий, Казачий, Пушкарский, а затем и новые Иноземный и Рейтарский — военным делом, Разбойный — борьбой с «лихими людьми», Челобитный, Холопий, Московский и Владимирский — судебными делами, Земский приказ — тяглым посадским населением, Большая казна и Денежный двор — финансами, Казанский и Сибирский — соответствующими территориями, Аптекарский — государевым здоровьем, Ямской — переездами между городами и т.д.

Приказы возглавлялись думными дьяками и судьями. В каждом приказе были судебское присутствие и канцеля-

рия, разделяемая на столы (своеобразные отделы). Материальное обеспечение шло за счет собираемых в данном приказе податей с определенных территорий (четвертей) и с ведения судебных дел.

Думные дьяки входили в высшую группу московских служилых людей, были равны чину окольных и получали с ними равный земельный оклад. Рядовые дьяки получали денежное жалованье, как и подьячие.

В новом правительстве думные дьяки стали играть большую роль. Биография многих из них была типичной для Смутного времени. Например, Ефим Телепнев сидел на Денежном дворе еще во время Московской осады при поляках. Там он остался и при Михаиле Федоровиче. «Тушинец» Петр Третьяков начинал свою карьеру при первом самозванце, при В.И. Шуйском бежал в Тушинский лагерь, где был дьяком до 1610 года, в 1611 году он возглавлял Поместный приказ уже в Первом ополчении. В правительстве Михаила Федоровича он стал думным дьяком и возглавил Посольский приказ. Другой думный дьяк А. Шапилов с 1607 года сидел в Казанском дворце, там же остался и при Михаиле Федоровиче. Иногда в одном приказе оказывались сторонники прежде враждовавших партий. В Поместном приказе сидели бывший «тушинец» Ф. Шушерин и сторонник царя Василия Г. Мартемьянов. На Земском дворе остался даже ставленник Сигизмунда дьяк А. Царевский. В Ярославле в «Совете всей земли» начал карьеру известный московский дьяк И. Болотников. Вполне вероятно, что дьяки ценились за свои профессиональные качества, и поэтому их политические убеждения на карьере не отражались.

Для уменьшения злоупотреблений властью и для большей централизации страны постепенно была изменена система управления в городах. Вместо прежних наместников стали назначаться только воеводы (в некоторых городах) из бояр или московских дворян. В каждом городе были созданы приказные избы, копировавшие структуру столичных приказов. Остались в них и земские органы власти — сходы, губные старосты, целовальники, ведавшие сбором налогов. Иногда по просьбе местного населения некоторыми городами управляли только губные старосты.

Еще одной задачей было обеспечение безопасности страны. После избрания Михаила долгожданный мир и покой наступили не сразу. Долгое время оставалась реальной угроза новой интервенции со стороны Швеции и Речи Посполитой. На юго-востоке пытались оспорить власть нового царя И. Заруцкий и М. Мнишек — жена двух первых Лжедмитриев с сыном Иваном. По всей стране не утихали казачьи восстания, не прекращали набеги крымские татары.

Поэтому главной заботой царя стало восстановление войска. Решение этой задачи было поручено Разрядному, Стрелецкому и Пушкарскому приказам. В 120 городов послали новых воевод и вместе с ними осадных и стрелецких голов. Проводился осмотр и ремонт крепостей, переписывалось военное имущество. Ратным людям всех разрядов надлежало записываться в особые книги, делиться на сотни и выбрать начальника — голову, одного для десяти сотен.

МЕРЫ ПО НАПОЛНЕНИЮ КАЗНЫ

Другой задачей стало пополнение царской казны. Для этого следовало восстановить ранее существовавший порядок сбора податей и налогов. Поскольку архивы прежних приказов были уничтожены, то новые руководители иногда даже не знали ни источников своих доходов, ни своих возможностей.

Первой попыткой пополнения казны явилось обращение за помощью к богатым промышленникам и купцам Строгановым. В мае 1613 года царь писал: «А в нашей казне на Москве денег и хлебных запасов в житницах нет, и дворяном, и детям боярским, и атаманом, и казаком, и стрельцом, и всяким служилым людям жалования дати нечем». Царь просил Строгановых выплатить налоги за все Смутное время, а также дать денег займы «для крестьянского покою и тишины». Еще он просил хлеба, рыбы, соли, сукон и всяких товаров для материального обеспечения ратных людей. Михаил обещал, что «как деньги в казне будут, то выплатим тотчас. Вам за это ото всяких людей чести и славы и похвалы вечныя сподобитесь». Строгановы денег не пожалели и дали сначала 3000 руб., а потом еще несколько раз более крупные суммы.

Вопрос о сборе налогов обсуждался на Земском соборе. Уже 27 февраля 1613 года решили собрать недоимки за прошлые годы и назначить новые чрезвычайные налоги — «запросные деньги» (добровольные пожертвования с духовенства и служилых людей) и «пятую деньгу» (пятую часть от стоимости имущества и доходов тяглого населения посадов).

Через год уже официально назначается сбор «пятой деньги». Однако поначалу пятина имела характер налога не для всех, а только для торговых людей. Еще через год вторая пятина становится налогом для всего посадского населения, правда, для низов она носила характер подворного налога. Но уже третья пятина приобретает черты налога для всех слоев населения.

Постоянная система сбора средств в государстве сложилась не сразу. В первый год практиковались добровольные займы, собирались старые налоги (недоимки), прежние полновесные деньги переделывались на новые легковесные. Во второй год ввели три новых больших налога и новые повинности: хлебные запасы ратным людям (их называли «стрелецкие деньги» или «хлеб»), сбор «даточных людей» на службу и «пятая деньга». Прежний посешный налог собрать было невозможно, так как многие земли запустели, распахивалась лишь незначительная их часть — 10—15%. На третий год и в последующие назначили общие суммы окладов с городов, которые должны были собирать воеводы.

Хотя в целом налоги и подати постоянно росли, поскольку для восстановления государства требовалось много средств, царь Михаил неоднократно удовлетворял просьбы своих подданных о льготах и послаблениях. Так, в июне 1613 года по просьбе жителей Рыбной слободы Переславля-Залесского царь освободил их от необходимости поставлять продовольствие казакам. В 1613 году жалованную грамоту получили гости и торговые люди из Юстиной сотни, по которой они освобождались от посадского тягла, постоя, уплаты мытных таможенных пошлин, мостовщины на реках (платы за перевоз по мосту). Эти льготы были даны потому, что члены сотни занимались торговыми операциями царского дома. Такие же привилегии получили члены Суконной сотни, обес-

печивающие царский двор тканями. Большие льготы в уплате налогов получили многие разоренные в Смуту города.

Особое покровительство оказывал царь Михаил монастырям. Так, Троице-Сергиев монастырь получил право не платить печатных пошлин при оформлении документов и стал получать часть прибыли от казенной продажи лошадей. В июле 1613 года по распоряжению Михаила Федоровича стали собирать средства для восстановления разоренного Никольского монастыря в Переславле-Залесском. Новые пожалования получили: Суздальский Покровский монастырь (село), Новоспасский в Москве (рыбные промыслы в Холмогорах), Кирилло-Белозерский (соляные и рыбные промыслы), Карельский Николаевский (право продажи части добываемой соли без пошлин). Слуг и крестьян Иосифо-Волоколамского монастыря освободили от ратной службы. Кроме того, были подтверждены все жалованные грамоты прежних царей.

Даже в очень тяжелое для страны время царь Михаил старался быть щедрым и милостивым к своим подданным, что вызывало ответную симпатию и поддержку. На многих Земских соборах царь присутствовал лично и обращался к присутствующим с речами. Так, на Соборе в январе 1616 года обсуждался вопрос о материальном обеспечении служилых людей, защищавших страну от поляков и шведов. Хотя за царя речь произнес дьяк, в его присутствии она звучала как речь самого монарха, тем более что и написали ее от лица Михаила Федоровича. В ней было описано сложное международное положение России, дана характеристика внутреннего состояния государства и оговорены проблемы, стоящие перед страной. Исследователи отмечают одну важную особенность этой речи – в ней был представлен бюджет на 1616 год и описано состояние государственной казны, крайне плачевное в то время. Поэтому в заключительной части речи содержалась просьба ко всем сословиям: «соборне советовати и думати накрепко всякими мерами, отложя всякие дела и пожитки, чем... за великое Российское государство стоять, и чем рати строити, и украинные города хлебными запасами, и ратными людьми, и их государевым жалованьем, денежным и хлебным, наполнити».

В сентябре 1616 года по поводу заключения мирного договора со Швецией вновь состоялся Собор. До этого царь

Михаил совещался с боярами по всем основным вопросам. Потом на Соборе он выступил сам с краткой речью, где поставил один вопрос: на каких условиях заключать со шведами мир: отдать деньги или города, обещанные еще В. Шуйским? После совещания «по чинам» огласили коллективное решение — отдать города, так как денег в казне не было.

Как видим, при рассмотрении сложных государственных проблем царь Михаил постоянно советовался со своими подданными, и решения вырабатывались коллективно.

Став царем, Михаил награждал всех, кто помогал ему и кто оказывал услуги членам его семьи. Так, Д.М. Пожарский получил боярство, Кузьма Минин — звание думного дворянина (в 1616 г. он умер), Д.Т. Трубецкой — богатые вотчины. Впоследствии Д.М. Пожарский неоднократно получал за свою службу земельные пожалования, хотя его и недолюбливали при дворе. Очевидно, по просьбе матери царь дал обельную грамоту (освобождение от налогов), а также в вотчину землю с крестьянами и рыбные угодья толвуйскому священнику Ермолаю, который во время ссылки Романовых передавал Марфе вести от ее мужа Филарета. Крестьяне окрестных сел, которые ей также помогали, снабжая продовольствием, были освобождены от налогов.

В первые годы правления Михаила Федоровича духовенство оказывало ему большую помощь. Оно рассылало по городам грамоты, в которых просило население добровольно жертвовать деньги, продовольствие и всякие припасы для ратных людей. Многие игумены и архимандриты ездили со сборщиками налогов, чтобы своим авторитетом способствовать их деятельности.

Смута тяжело сказалась на состоянии всего Русского государства. В некоторых уездах совсем не осталось жилых дворов, например, в Zubовском районе, в волости Козьме, городе Микулине и др. Грамоты с мест 1613—1617 годов показывают, что во многих западных уездах пашня составила только 5% всей земли, в восточных — 17%. Несколько лучше дело обстояло только на севере. За время Смуты значительно сократилась численность сельского населения, она начала восстанавливаться только с 20-х годов XVII века.

Неразбериха царила и в землевладении, поскольку каждый властитель Смутного времени старался земельными подачками привлечь на свою сторону как можно больше сторонников. В 1613 году одним из первых вышел указ, касавшийся всех дворян, кроме членов Боярской думы, об ограничении размеров поместий до 1000 четвертей. Поскольку казна была пуста, дворцовые и черные земли стали активно (особенно в 1614–1620 гг.) использоваться для награждения служилых людей.

В особо тяжелом положении оказалось мелкопоместное дворянство. Не имея защиты от интервентов и разбойников, их крестьяне разбежались, и земли оказались в запустении. Поэтому в 1614 году царь издал указ о сыске и возвращении к своим владельцам всех беглых крестьян, отсутствовавших с 1 сентября 1605 года. Монахам Троице-Сергиева монастыря даже разрешили разыскивать своих беглецов за 11-летний срок, и в помощь им давались стрельцы. Позднее для дворян срок сыска сократили до пяти лет, что вызвало их возмущение, и он вновь был увеличен.

Продажа горячительных напитков считалась монополией государства, поэтому для пополнения казны увеличили количество кабаков, которые приносили большую прибыль. Однако каждодневное пьянство на Руси было запрещено. Пить разрешалось четыре раза в год: «На Велик день (Пасху) – неделя, на Дмитрия субботу – неделя, на Николин день – неделя, на Масленицу – неделя». За питье в другое время полагался немалый штраф 2 рубля.

БОРЬБА. И.М. ЗАРУЦКИЙ

В стране долго сохранялась напряженная обстановка. Поляки под руководством А. Гонсевского опустошали Торопецкий уезд, приграничные территории. Отряды бывших сподвижников Тушинского вора разоряли земли по Северной Двине, нападали на Олонецкий уезд, города Романов, Углич и др. Под Брянском, Орлом и Карачевом разбойничали отряды А. Лисовского. Особую же опасность представляли казачьи войска под руководством коварного и властолюбивого И. Заруцкого, который вознамерился возвести на русский

престол М. Мнишек с сыном Лжедмитрия II – «воренком Ивашкой». Несколько лет они являлись центром притяжения всех внутренних и внешних сил, враждебных царю Михаилу.

О Заруцком, бывшем тушинском боярине, современники писали: «И сей бысть не храбр, а сердцем лют, и нравом лукав». Ненасытное властолюбие постоянно толкало его на очень неблагоприятные поступки. Например, есть сведения, что именно Заруцкий настроил казаков, входящих в состав Первого ополчения, против его руководителя П. Ляпунова, и тот был убит. Известна и попытка Заруцкого расправиться с Д.М. Пожарским в то время, когда тот возглавлял Второе ополчение. Поэтому после освобождения Москвы от поляков И. Заруцкий с М. Мнишек бежали на Рязанщину, забрав с собой «мало не половину» казачьего войска. С таким опасным и коварным врагом предстояло бороться юному царю Михаилу Федоровичу сразу же после воцарения.

В апреле 1613 года войско И. Заруцкого двинулось на юг. Под Воронежем оно потерпело поражение от отрядов царского воеводы И.Н. Одоевского-Меньшого и отошло к Астрахани. Здесь планировалось создать новое государство с малолетним Иваном во главе. Отсюда Заруцкий стал рассылать по всей стране «прелестные грамоты», в которых призывал вольных казаков объединиться и пойти в поход на Москву за престолом «для законного царя — сына погибшего царя Дмитрия и его венчанной жены М. Мнишек».

Чтобы упрочить свое положение, И. Заруцкий и М. Мнишек предполагали отдать Астраханское царство под покровительство персидского шаха и направили к нему свое посольство. Шах, дороживший хорошими отношениями с Россией, был осторожен и прежде выяснил, что за царица Марина, которая просит его покровительства. Узнав о ее самозванстве, он выдал послов официальному посланнику царя Михаила Федоровича М. Тиханову, который арестовал их и привез в Москву. Правда, ходили слухи, что поначалу персидский шах хотел сделать Марину своей наложницей, а Заруцкого с казаками посадить в одном из городов на Тереке. Но потом шах понял, что лучше быть в дружбе с законным правителем России Михаилом Федоровичем, который все более укреплял свой престол, чем строить авантюрные планы.

Михаил Федорович понимал, что опасен не столько сам Заруцкий, сколько его влияние на неустойчивое вольное казачество. Объединившись, они могли существенно дестабилизировать ситуацию в стране. Следовало подорвать авторитет Заруцкого в казачьей среде и изолировать его самого.

По всей стране были разосланы правительственные грамоты, рассказывающие о новом законном царе Михаиле Федоровиче Романове и изобличающие «злодейство и неправды» Заруцкого, «еретичество и воровство люторки Маринки». В них подчеркивалось, что именно «атаманской и казачьей службой, радением и дородством Московское государство от польских и литовских людей очистилось и учинилось свободно... И ныне многие атаманы и казаки по вере христианской побарают», то есть воюют с ее недругами. В грамотах восхвалялся новый законный государь Михаил Федорович: «Новый Государь строит в державе все доброе, поэтому все люди и пришли в сознание и меж себя учинились в любви, и в совете, и в соединенье, под его царьскою высокою рукою по прежнему... Царь всех людей держит в тишине и покое и жалует по прежнему». Главным достоинством Михаила в грамотах объявлялось то, что он вернул людям прежний порядок, тишину и спокойствие, нарушенные в Смуту. О Заруцком же писалось, что тот опять хочет начать междоусобную войну: «Ныне же только в одной Астрахани ведомой вор и желатель крови христианской черкашенин Иван Заруцкий с Маринкой, Сендомирской дочерью, заводят воровство и смуту, хотят учинить межусобье и войну». Поэтому казаки, «помнящие Бога и Богородицу», не должны примыкать к Заруцкому и Маринке, а должны идти на царскую службу, где «государево жалованье, деньги, и запасы, и сукна готовы».

Особая грамота была послана жителям Астрахани. В ней подробно рассказывалось о преступлениях Заруцкого и его сподвижников: «Крове христианской не жалеют. То себе в похвалу ставят, что убили окольничего И.Д. Хворостинина, воеводу Астрахани, затевают межусобье и смуту сеют в государстве, с персидским шахом ссылаются». Астраханцам обещали, что, если они «отстанут от воров», царь всех простит, «покроет вины ваши своим милосердием и впредь ваши вины не вспомнятся».

Для подкрепления обещаний, содержащихся в грамотах, донским и волжским казакам было послано царское жалованье, провиант, одежда и пр. Активно использовалось местное духовенство, которое рассказывало в церквях о новом царе Михаиле Федоровиче, его милости, благочестии и щедрости.

Все это подготовило поход царских войск, направленных к Астрахани против Заруцкого. Население понимало, что новый царь не хочет проливать кровь своих подданных и борется только со своими явными врагами.

Вскоре выяснилось, что своими действиями И. Заруцкий и сам восстановил против себя астраханцев. Особенно ненавистен он был духовенству, поскольку грабил монастыри, убивал служителей церкви, а из серебряного кадила Троицкого собора приказал сделать себе стремяна.

В целом все эти меры привели к тому, что многие казачьи отряды перешли на царскую службу.

В мае 1614 года жители Астрахани, узнав о приближении царских войск, восстали против своих правителей и вынудили их бежать на р. Яик (Урал). Войска И. Одоевского вошли в город без боя, напротив, жители их встретили весьма радушно. За беглецами послали небольшой отряд стрельцов, который обнаружил их на Медвежьем острове. Под сильным конвоем в 500 человек их отправили в Москву. Там Заруцкого и Ивана казнили, а Марину заточили в башню, где она и умерла. Примыкавших к Заруцкому казаков простили и взяли на царскую службу. Это еще больше возвысило авторитет царя в казачьей среде.

НАВЕДЕНИЕ ПОРЯДКА НА СЕВЕРЕ

Вскоре на юге обстановка нормализовалась. На севере же все еще было не спокойно. В Вологодском, Каргопольском и Белозерском уездах наводили страх отряды вольных казаков, особенно опасны были ватаги атамана Баловня, грабившие и выжигавшие целые деревни. Поскольку «ворами» являлись соотечественники, то было решено послать прежде всего духовенство и авторитетных представителей разных чинов, чтобы уговорить казаков «отстать от воровства» и пе-

рейти на царскую службу. Такое стремление погасить мирным путем военный очаг было очень характерно для правления нового царя.

По инициативе Михаила Федоровича и Земского собора 1 сентября 1614 года в Ярославль была направлена для переговоров с казаками представительная делегация: суздальский архимандрит Герасим, чудовский архимандрит Авраамий, боярин Б.М. Лыков и др. Представители Собора обвинили казаков в том, что они «землю пустошат, церкви Божии разоряют, образы обдирают, всякое поругание веры творят, христиан огнем жгут, до смерти побивают. Не дают служилым людям собирать казну, запасы, ни ратных, ни торговых людей не пропускают, грабят, убивают». Казакам было предложено оставить разбой и послужить Отечеству — вместе с воеводой Л. Вельяминовым пойти к Тихвину на шведов. За службу царь обещал хорошее вознаграждение. Делегаты подчеркивали, что царь не хочет воевать со своими подданными и готов простить все «вины».

Переговоры дали определенный результат. Часть казаков согласилась перейти на царскую службу. В январе 1615 года силами Казачьего приказа была начата крупная разборка (определение на службу) казаков. Многие из них получили поместья в Вологодском и Белозерском уездах на черносошных землях.

Однако далеко не все казаки «отстали от воровства» сразу после переговоров в Ярославле. Довольно большой отряд осенью 1614 года осадил Вологду, потом подошел к Ярославлю. Весной казаки стояли уже под стенами Москвы. В июле 1615 года к ним присоединились отряды Баловня.

Начались активные действия царских войск под руководством Б.М. Лыкова. В январе 1615 года он овободил Вологду, а 23 июля разгромил отряды казаков под Москвой. Бежавших добили под Малоярославцем, а руководителей арестовали и наказали, в том числе и Баловня. Часть казнили, часть разослали по тюрьмам. Простые же казаки, по царскому указу, были прощены и оформлены на службу.

Большую помощь царским войскам оказывали местные жители. Они сами «сыскивали» беглых казаков, сообщали о них воеводам, отказывались принимать их на постой и продавать

хлеб и другие продукты. Простые люди стремились к миру и готовы были помогать царю в наведении в стране порядка.

В 1617–1618 годах во время похода на Русь польского королевича Владислава казачество еще раз оказалось существенной угрозой для государства. В северских городах начались открытые массовые выступления казаков, вызывавшие брожение и в других казачьих гарнизонах. Это вынудило Михаила пойти на значительные уступки казачеству: на момент составления списков был признан законным казачий статус даже для беглых крестьян, прощались прежние преступления, гарантировалось внутреннее самоуправление.

С 1613 по 1620 год около полутора тысяч казаков, подобно дворянам, поверстали (определили на службу с указанием формы оплаты) поместьями и денежными окладами. Это существенно улучшило их материальное положение. Массовые разбои прекратились. Весной 1619 года издали указ о частичном переводе в вотчины поместий участников обороны Москвы 1618 года. Среди них оказалось и много казаков. Благодаря массовому верстанию после 1619 года вольное казачество в центральных районах России фактически перестало существовать. Это привело к дальнейшей стабилизации обстановки в стране.

Умелым руководством и разумной политикой царь Михаил Федорович способствовал консолидации внутренних сил государства и сплочению всего общества вокруг единого центра — царской власти, что позволило укрепить Русское государство, сохранить его целостность и собрать силы для борьбы с внешними врагами.

МИРНЫЙ ДОГОВОР СО ШВЕЦИЕЙ

Главными внешними противниками России были Швеция и Речь Посполитая, отторгнувшие значительные русские территории. На заседании Боярской думы было решено, что наибольшую опасность для правительства царя Михаила представляла Речь Посполитая. Король Сигизмунд и его сын Владислав не собирались отказываться от московского престола, который был почти у них в руках. Тем более что Вла-

дислав считал свои права совершенно законными. Кроме того, у поляков оставалось много пленных, в том числе и отец Михаила Филарет. Нельзя было смириться и с потерей исконно русских земель на западе, включая Смоленск.

Первоначально, как уже отмечалось, для выяснения ситуации в Речи Посполитой туда направили посольство во главе с Д. Оладыным. В его задачу не входило сообщать об избрании царем Михаила Федоровича, но он должен был уговорить Владислава добровольно отказаться от притязаний на русский престол. Однако это не удалось. Но зато выяснилось, что положение в королевстве нестабильное, и многие паны склонны к заключению с Россией мира. У короля не было средств даже для содержания смоленского гарнизона, и его численность сократили.

Все это указывало на благоприятность момента для заключения с Речью Посполитой мирного договора. Однако разоренная Россия не могла в одиночку противостоять столь опасному противнику. Поэтому к правящим домам европейских держав направились посольства с грамотами от имени нового царя. Грамоты имели сходное содержание. В них перечислялись «неправды» польского короля, рассказывалось об избрании Михаила Романова на царство и содержалась просьба о помощи. Законность прав Михаила Федоровича на престол объяснялась так: «Великого Государя блажения памяти Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа России Самодержца, законныя супруги, а сына его блаженныя ж памяти Царя и Великого Князя Федора Ивановича всеа России матери Великия Государыни Царицы и Великия Княгини Анастасеи Романовны Юрьева родного племянника Федора Никитича Романова-Юрьева — сын». Для иностранных держав законность прав Михаила на престол обосновывалась не актом единодушного избрания Земским собором, а династическим родством. Получалось, что в то время само по себе решение Собора никакой юридической силы не имело, главным был переход престола по наследству к ближайшему родственнику умершего царя прежней династии.

Во главе посольства, отправленного в Европу, назначили С. Ушакова и С. Заборовского. Они прежде всего посетили австрийского императора. Предполагалось использо-

вать его влияние на Речь Посполитую для склонения ее к миру. Однако в Австрии послы были встречены весьма холодно. Далее их путь лежал в традиционно дружественные страны Голландию и Англию, где следовало попросить денег и войско, но и здесь отказали в помощи материальными средствами из-за собственных трудностей. Правда, английский король Якоб I обещал стать посредником в мирных переговорах России и Швеции. Вполне вероятно, что в европейских странах уже верили в прочность власти Михаила Федоровича.

Летом 1615 года новое посольство во главе с И. Кондыревым и М. Норовым снова направилось в Англию, Голландию и Францию. Голландцы опять отказались помочь деньгами и войсками, ссылаясь на свою войну с Испанией. Французский король Людовик XIII принял послов весьма радушно. Ознакомившись с грамотой о ситуации в России, согласился признать Михаила Романова российским царем, что было определенным достижением русской дипломатии. Но просьба о помощи осталась без ответа. Только в Англии удалось добиться результата. Якоб I направил своего представителя Джона Мерики в Швецию для ведения переговоров о заключении мирного договора с Россией. Поэтому сначала надо было решить шведскую проблему.

Под властью Швеции в то время находилась значительная территория Северо-Западной России, включая Новгород Великий. И там возник план создать особое Новгородское государство во главе со шведским принцем Карлом Филиппом. Но шведский король Густав II Адольф понимал, что такое новообразование ненадежно, и хотел, чтобы принц стал государем «всеа Руси». Эти планы представляли большую опасность для Михаила Федоровича. Поэтому поначалу царь попытался вернуть Новгород военным путем.

В сентябре 1613 года под Новгород были посланы войска под руководством Д.Т. Трубецкого и Д.И. Мезецкого. На их пути оказался Торжок, где шведы выжгли посады. Здесь царские войска остановились на зиму, весной же полки стали редеть, так как многие воины решили вернуться домой. В итоге в июле 1614 года в битве под Бронницами Трубецкой потерпел поражение. Это позволило шведам двинуться вглубь русских территорий. В сентябре

они взяли крепость Гдов. Однако их положение на захваченных землях было весьма ненадежным.

В январе 1615 года в Москву из Новгорода отправилось посольство во главе с хутынским архимандритом Киприаном. Кроме официальной миссии, в его задачу входило провести тайные переговоры с правительством Михаила Федоровича о возвращении Новгородской земли под начало царя. Об этом стало известно шведскому королю Густаву, и он предпринял попытку захватить Псков, чтобы силой оружия расширить подвластные территории.

Первые шведские войска, около полутора тысяч человек, появились под стенами Пскова 25 января 1615 года. Они пытались блокировать подступы к городу, чтобы обеспечить подход 7-тысячной армии Густава Адольфа. В то время Псков обороняло 4220 человек, присланных туда ранее царем. Ему уже давно было известно о готовящемся нападении, и поэтому му оборону успели хорошо подготовить.

Первый бой показал, что добиться быстрого успеха шведы не могут. После их новых неудачных попыток взять город начались переговоры о мире. Шведов к этому подтолкнул английский король Якоб I, обещавший помочь царю Михаилу дипломатическим путем. При активном посредничестве английского посланника Джона Мерики, вскоре были выработаны условия договора, окончательно утвержденные после совещания царя с Земским собором.

В феврале 1617 года обе страны подписали Столбовский мирный договор. По его условиям России возвращался Новгород с прилегающими землями, но она теряла все Балтийское побережье (Ивангород, Ям, Копорье, Орешек), за обладание которыми в XVI веке вели войну все русские государи. Это, конечно, была большая утрата, но сражаться по всем фронтам в то время Россия не могла. Правительство просило послов заключить мир со шведами любым способом, поскольку предстояла тяжелая война с Речью Посполитой. «Со шведскими послами никак, ни за чем не разрывать. Ссылайтесь с ними тайно, царским жалованьем их обнадеживайте, сулите и давайте им что-нибудь, чтоб они доброхотели, делайте не мешкая, для литовского дела и для истомы ратных людей» — таков был наказ послам, едущим в Столбово.

В марте 1617 года шведы сдали Новгород Д.И. Мезецкому. После возвращения новгородских земель царь Михаил не стал наказывать местные власти за их сотрудничество с шведским королем и присягу Карлу Филиппу. Даже митрополит Исидор, главный инициатор отделения Новгорода от России, остался на своем посту и вновь получил свои владения на севере. Такую политику молодой царь старался вести все первые годы своего правления.

ОТПОР ВЛАДИСЛАВУ

Следующей насущной задачей стало подписание мирного договора с Польшей – обе стороны были обескровлены изнурительными войнами. Незадолго до этого (в 1615 г.) южные земли Речи Посполитой были опустошены войсками турецкого султана, который призывал царя Михаила присоединиться к нему, но тот отказался, опасаясь за судьбу отца в польском плену. Кроме того, Михаил Федорович был более склонен к мирному разрешению всех вопросов.

Переговоры между двумя странами начались осенью 1616 года. Посредником выступил австрийский посол. Первая встреча русской и польской делегации состоялась в местечке между Вязьмой и Смоленском. Русскую сторону представлял И.М. Воротынский, польскую – А. Гонсевский.

Вполне вероятно, что вопрос о заключении мирного договора с Речью Посполитой предварительно обсуждался на Земском соборе 1616 года, где под руководством царя были выработаны его условия. Россия требовала возвратить Смоленск, всех пленных, а также вывезенные царские сокровища и возместить убытки за интервенцию. Польская сторона соглашалась вернуть только пленных. Это завело переговоры в тупик. И.М. Воротынский не хотел идти на компромисс. Правда, автор «Нового летописца» считал, что во всем был виноват посольский дьяк П. Третьяков, который дал неправильные инструкции русским послам. Это, мол, и привело к срыву переговоров.

Более того, неуступчивость обеих сторон вызвала вооруженное столкновение между членами посольств, в котором

перевес оказался на стороне русских. Поляки были разгромлены и даже взяты в плен. Весть о таком завершении переговоров встретила в Речи Посполитой всеобщее возмущение. На Сейме решили послать на Русь войско под началом королевича Владислава «для отмщения за порутание послов».

В апреле 1617 года мощная польская армия двинулась на Россию. Энергичный и смелый Владислав заявил, что идет добывать свой царский престол. В грамотах, разосланных в русские приграничные города, он напоминал, что когда-то на Руси ему целовали крест, избрав своим царем, поэтому он считает свои права на трон бесспорными. Владислав обещал будущим подданным мир, покой и тишину, клялся, что не будет нарушать веру греческого закона, сохранит все вотчины, пожалованья, назначения по службе, будет щедрым и милостивым. Таким образом он пытался склонить на свою сторону всех, кто был недоволен правлением Михаила Романова. Это создавало большую опасность для молодого царя.

Действительно, в среде воевод некоторых приграничных городов началось брожение. Так, 6 сентября воевода И. Одадуров сдал полякам Дорогобуж и присягнул Владиславу. Воеводы Вязьмы П. Пронский и М. Белосельский при приближении войск королевича покинули город и отъехали к Москве. Оставшийся князь Гагарин не смог организовать оборону. Поступок Пронского и Белосельского возмутил царя. Вопреки кроткому нраву и обычному милосердию, он приказал высечь их кнутом, отобрать имения и выслать в Сибирь. Слишком реальной была угроза захвата страны.

После падения Вязьмы на пути королевича к Москве стоял только Можайск. Туда правительство царя Михаила послало войско под руководством двух князей — Д.М. Черкасского и Б.М. Лыкова. Энергичному полководцу Лыкову удалось разгромить передовой отряд поляков, возглавляемый Рожинским, и взять многих в плен. Это заставило образумиться тех, кто вознамерился перейти на сторону Владислава. Еще одно событие показало, что удача не на стороне поляков. Умер, упав с лошади, А. Лисовский, опытный польский полководец, участник многомесячной осады Троицкого монастыря, постоянно совершавший набеги на русские города.

По мнению Авраамия Палицына, так Бог воздал Лисовскому за все прегрешения перед русскими людьми.

Продвижение польских войск замедлилось. Суровая зима заставила их остановиться в Вязьме. Передышка позволила Михаилу мобилизовать для борьбы с врагом все силы. Большой урон полякам нанесли отряды Д.М. Пожарского, оборонявшие Калугу. Прославленному полководцу даже удалось склонить на свою сторону казаков, примыкавших к Владиславу. Это ослабило силы польского королевича, и его попытки летом взять Борисов и Можайск закончились неудачей.

Однако угроза нападения на Москву все еще оставалась реальной. В этой ситуации 9 сентября 1618 года царь Михаил собрал Земский собор, на котором заявил, что лично возглавит оборону столицы и не покинет ее до тех пор, пока войска королевича не будут разбиты.

Далее Михаил Федорович изложил свой план защиты города, четкий и разумный, в котором были подробно расписаны функции каждого члена правительства, каждого воеводы. Одним следовало с оружием в руках защищать Москву, другим — ехать по городам и собирать войска, третьим предстояло отправиться с просьбами о помощи к дворам дружески настроенных держав — Англии, Голландии, Персии. В тяжелое и опасное время царь Михаил взял судьбу страны и короны в свои руки.

Сохранился список лиц, оборонявших столицу: князь и боярин Д.И. Мезецкий, окольный Н.В. Годунов, думный дворянин Г.Г. Пушкин, боярин П.П. Головин, окольный С.В. Головин, окольный А.В. Измайлов, воевода Ф.В. Головин, воевода Г. Акинфов. Князья и бояре И.Б. Черкасский и Б.М. Лыков отправились в Ярославль и Нижний Новгород за подкреплением. Многочисленная свита во главе с князем М.П. Барятинским и И.Н. Чичериным поехала к персидскому шаху с просьбой о денежной помощи.

Владислав не стал тратить время на покорение небольших городов и в сентябре 1618 года сразу направился к столице. Он расположился в Павшине на ближайших подступах к городу. С Украины на помощь королевичу шел гетман Сагайдачный, уже захвативший Ливны и Елец и пытавшийся склонить к походу на Русь крымского хана. Уже 27 сентября

отряды гетмана вступили в бой с царскими войсками у Донского монастыря и под Дорогомиловом и разбили их.

Это позволило геману соединиться с Владиславом и совместно разработать план захвата Москвы. Но на этот раз удача оказалась на стороне царя Михаила. Так получилось, что два французских инженера, входившие в совет королевича, сообщили царю о намерении поляков взорвать Арбатские ворота и через них ворваться в город.

Действительно, 30 сентября поляки начали приступ у этих ворот и даже взорвали их. Однако из пролома навстречу им вышло многочисленное, хорошо вооруженное войско, которое нанесло такой сокрушительный удар, что они были вынуждены отступить.

Мужественная оборона Москвы показала, что Владиславу не удастся взять город. Тогда польские войска отошли к Троице-Сергиеву монастырю и попытались приступом взять его. Но и на этот раз, как в Смуту, монастырь выдержал все атаки польских войск.

В октябре 1618 года обе воюющие стороны уже стремились к мирным переговорам. Однако первая встреча 11 октября на р. Пресне закончилась ссорой: поляки требовали невозможного. Снова начались военные действия, которые не принесли Владиславу удачи. Вскоре русской стороне, перехватившей письма Сигизмунда к сыну, стало известно, что ситуация в самой Речи Посполитой осложнилась, и это требовало скорейшего возвращения королевича на родину.

Стало ясно, что поляки заинтересованы в заключении перемирия. Долгожданный мирный договор подписали 1 декабря 1618 года в селе Деулине, недалеко от Троице-Сергиева монастыря. Это был не «вечный мир», а перемирие на 14 с половиной лет, так как многие вопросы во взаимоотношениях между странами оставались нерешенными. Владислав не отказывался от своих прав на русский престол, исконно русские земли оставались под властью поляков. По условиям Деулинского договора Россия уступала Польше Смоленск, Белую, Невель, Красный, Дорогобуж, Рославль, Почеп, Трубчевск, но получала назад Вязьму, Козельск, Мещовск, Серпейск, Стародуб, Новгород-Северский, Чернигов, Перемышль, Заволожье. Главное же — на родину возвращались все пленные, в том числе и отец Михаила Филарет.

РЕФОРМЫ В СТРАНЕ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ФИЛАРЕТА

После подписания Деулинского перемирия Филарет получил возможность вернуться на родину. Но долгожданная встреча отца с сыном произошла только 14 июня 1619 года. Присутствовавшие при этом заметили, что у обоих «от очию, яко реки, радостные слезы пролиаху». Вместе с Филаретом из польского плена вернулись князь И.И. Шуйский, боярин М.Б. Шеин с сыном, дьяк Т. Луговской, много дворян и людей прочих сословий.

В память о встрече Михаил Федорович велел заложить церковь Святого Елисея у начала Тверской улицы. В честь победы над поляками воздвигли церковь Покрова Богородицы в селе Рубцове, загородной резиденции царя. Все защитники Москвы получили земельные пожалованья: поместья, вотчины, либо принадлежавшие им поместья переводились в вотчины. За вдовами погибших воинов были оставлены поместья их мужей, хотя обычно они отходили в казну.

По инициативе Филарета издается указ о награждении всех людей, помогавших Романовым в трудные времена: жителей Чердынского уезда, монахов Сийского монастыря, а также Д.М. Пожарского — он получает большие земельные владения. Это свидетельствовало о том, что Михаил Федорович и его родители помнили о преданных людях и старались отплатить им добром.

Семья Романовых всегда отличалась истинным благочестием. В память о важных событиях воздвигались храмы и даже устанавливались новые церковные праздники. Так, узнав от ополченцев о проявившихся в Смуту чудесах иконы Казанской Богоматери, царь Михаил постановил: отмечать чудесное явление этой иконы 8 июля, а 22 октября — «какочистится Московское государство». Эти праздники стали любимейшими у русских людей и отмечались как церковные*.

Между членами семьи Романовых отношения всегда были исключительно почтительными и теплыми. Пока отец находился в польском плену, Михаил постоянно заботился о нем: отправлял к нему верных людей, в частности, игумена Сретенского монастыря Ефрема, посылал деньги, вещи и всякие припасы через родственников находящегося в русском плену пана Струся. Навещал Филарета и царский посол Ф. Желябужский (родственник будущей невесты царя М. Хлоповой). Не раз пешком отправлялся Михаил по отдаленным монастырям для молитв о скорейшем возвращении отца из плена. Когда Филарет вернулся, царь предпринял вместе с матерью еще более грандиозное паломничество по монастырям, воздавая Богу благодарность. Путешествие продолжалось целый месяц. Именно тогда стало известно о подвиге И. Сусанина. По возвращении Михаил Федорович издал указ о награждении Б. Собинина, зятя Сусанина.

Избрание Михаила царем создавало определенные сложности в семейной иерархии. Получалось, что у сына-царя отец не был царем, то есть старший был ниже младшего по чину. Чтобы на законных основаниях повысить положение отца, Михаил организовал его «рукоположение в патриархи всеа Руси».

Для избрания Филарета патриархом вполне достаточно было решения Церковного собора русских архиереев, поскольку Русская церковь считалась автокефальной. Филарета же поставил иерусалимский патриарх Феофан, очевидно, специально для этого приглашенный в Москву. (Явное отступление от канона.) Это пришлось сделать, видимо, потому, что царь не был уверен в единодушном избрании Фи-

* Сейчас 4 ноября (22 октября по ст. стилю) отмечается общегосударственный праздник День народного единства.

ларета русским духовенством. Слишком неоднозначную биографию имел бывший тушинец.

В итоге 22 июня 1619 года (через 8 дней после возвращения в Москву) Филарета нарекли патриархом, а через два дня рукоположили. С 1622 года он официально стал соправителем сына, получив титул Великого Государя. Даже иностранные посланцы были обязаны привозить подарки сразу двум государям: отцу и сыну. В мае 1625 года Филарет получил грамоту, по которой он мог вершить суд над всем духовенством по любым делам, кроме уголовных, и собирать налоги с имений духовенства. Впоследствии царь Алексей Михайлович эту грамоту подтвердил для патриарха Никона, но из-за его злоупотреблений властью она была уничтожена. Такими правами, как у Филарета, никто из патриархов больше не обладал.

Царь Михаил позаботился о более высоком чине не только для отца, но и для матери. Она стала игуменьей Вознесенского монастыря в Кремле, где обычно постригались в монахини женщины царского рода.

После возвращения Филарета Марфа Ивановна фактически полностью была отстранена от государственных дел, и ее влияние на сына уменьшилось. Вместе с сестрой, также монахиней, она организовала златошвейную мастерскую, где мастерицы шили покровы на гробницы царей и цариц, на мощи святых, используя сначала старую царскую одежду, а потом и купленные нитки, кружево, драгоценные камни, меха. Там же изготавливалась парадная одежда для Михаила и рясы и мантии для Филарета. Своей обязанностью Марфа считала покровительство некогда опальным вдовым царикам и царевнам, жившим в отдаленных монастырях. Среди них была четвертая жена Ивана Грозного Анна-Дарья Колтовская (в Тихвине), вторая жена царевича Ивана Ивановича — Прасковья-Пелагея Соловая (переведена из Владимира в Москву), жена царя В.И. Шуйского Мария-Елена Буйносова (переведена из Суздали в Москву), дочь царя Б.Ф. Годунова Ксения-Ольга (во Владимире). Всем она посылала подарки к празднику, ходатайствовала перед царем по их просьбам, а некоторым помогла переехать в Москву. До женитьбы Михаила в ее ведении также находились Кадашная и Хамовная слободы, где ткали полотна и шили нижнее белье и постель-

ные принадлежности для царской семьи. Присматривала она и за садовым хозяйством в селе Рубцове, и царскими огородами за Москвой-рекой на Воронцовом поле.

Возвратившись, Филарет быстро навел порядок среди людей, приблизившись к трону сына. В окружении молодого царя находилось много различных родственников. Хотя они и оказывали ему большую помощь в управлении страной, но очень часто злоупотребляли близостью к трону. К этому времени родственный круг Романовых вполне сформировался. Однако самоуправство некоторых его членов требовало обуздания. Только Филарет как старший в семье мог навести порядок в собственном доме. И, судя по отзывам современников, он это успешно осуществил. Филарет был крутым, властолюбивым и «опальчивым». Многие приближенные к царю отправились в ссылку.

По указанию Филарета разрядным дьяком стал Томило Луговской, разделявший с ним тяготы плена. Вместо умершего весной 1618 года «великого канцлера» П. Третьякова посольским дьяком стал И.Т. Грамотин. Его карьера была типичной для Смутного времени. Лжедмитрий I сделал его думным дьяком, В. Шуйский сослал в Псков, откуда он бежал в Тушино ко второму самозванцу. Из Тушина Грамотин поехал на службу к Сигизмунду, где находился в первые годы правления Михаила. Еще в 1615 году он именовался изменником, а в 1618 году уже стал главой Посольского приказа. Правда, в 1626 году его опять постигла опала «за самовольство», и он был сослан в Алатырь.

В это время многие видные дьяки оказались в опале: Т. Луговской, Ф. Лихачев, Е. Телепнев. Вполне вероятно, что они вызвали недовольство именно Филарета, так как после его смерти в 1633 году всех их вернули ко двору. Царь Михаил позволял отцу вмешиваться в руководство страной и формировать правительственный круг. Но, видимо, сын не всегда соглашался с ним и не одобрял его крутых мер.

В период соправительства царь Михаил не возражал против воли Филарета. В ссылку отправились не только дьяки. В октябре 1623 года опала коснулась ближайших родственников царя по материнской линии — братьев Салтыковых. Их обвинили во вмешательстве в личную жизнь

царя. В 1625 году «за непослушание и измены» подверглись опале князья И.В.Голицын и Д.Т.Трубецкой. Проводимая Филаретом политика оказалась более жесткой, чем царя Михаила, но вряд ли стране она принесла пользу.

ЗЕМСКИЙ СОБОР 1619 ГОДА

После подписания Деулинского перемирия положение в русском государстве стабилизировалось, наступил долгожданный мир. Теперь насущная задача заключалась в налаживании хозяйственной жизни. Царь Михаил и на этот раз не захотел единолично решать все проблемы. В июне 1619 года был собран очередной Земский собор, на который съехались посланцы крупных городов государства: от духовенства — по 1–2 человека, от посадских людей — по 2 человека. Окружная грамота от 5 июля 1619 года так описывает причины созыва Земского собора: «Судьбами Божиими и за грех всего православного христианства Московское государство от польских и литовских людей разорилось и запустело, а подати всякие и ямским охотникам подмоги емлют с иных по писцовым книгам, а с иных по дозорным книгам, а иным тяжело, а другим легко. А дозорщики, которые после Московского разорения посылаемы по городам будучи, дозировали по дружбе за иными легко, по недружбе — тяжело. И от того Московского государства всяким людям скорбь конечная».

Действительно, вопрос о налогообложении стоял очень остро, поскольку оно было главным источником доходов для царской казны. Пока продолжались военные действия, взымались чрезвычайные налоги (запросные и пятинные деньги), которые ложились тяжелым бременем на жителей государства. При мирной жизни требовалось ввести более легкое налогообложение, которое бы правильно учитывало доходы населения. К тому времени писцовые и дозорные книги, составленные до Смуты, уже устарели и не соответствовали действительности. Часть тяглого населения (те, кто платил налоги) во многих городах разбежалось: кто подался в казаки, кто нанялся на службу к духовенству и крупным вотчинникам. Об этом говорили оставшиеся представители городов.

Главное решение Земского собора 1619 года — обязать царскую администрацию составить новые писцовые и дозорные книги. Для этого в неразоренные города правительство послало писцов для составления писцовых книг, в разоренные города поехали дозорщики для составления дозорных книг, предусматривающих послабление в уплате налогов.

В Окружной грамоте царя Михаила, составленной для писцов, говорилось: «Да в городех же велели есмя сыскати и выписати: сколько во всех городов всяких доходов, денежных и хлебных доходов в приходе, и что в расходе, и что в доимке осталось, и что от разорения запустело, и таких сел и деревень роздано в поместья и в отчины, и что с них было каких доходов, и что за тем по окладу всяких доходов денежных и хлебных осталось, и на какие расходы и доходы указаны, и что за расходом останется».

Другой важный вопрос касался «белых слобод», то есть тех жителей посада, которые не платили налоги в царскую казну, а жили в «закладе» у «сильных людей». Собор постановил вернуть в тягло всех жителей посада, а с феодалов, у которых жили беглые тяглецы, взыскать подати за прошлые годы. Для проведения в жизнь этого решения был создан Сыскай приказ во главе с князьями и боярами И.Б. Черкасским и Д.И. Мезецким. Он стал высшей судебной инстанцией для решения всевозможных спорных дел.

В историографии утвердилась точка зрения, что инициатором и главным организатором Земского собора 1619 года являлся Филарет, что, однако, вызывает сомнения. Филарет прибыл в Москву из польского плена только 14 июня, 22 июня был наречен патриархом, 24 июня — поставлен в сан. Собор же работал уже с 24 июня по 3 июля. Значит, для ознакомления с ситуацией в стране и подготовки Собора у патриарха просто не было времени, тем более что его ожидало множество неотложных духовных дел.

НОВАЯ ПРИКАЗНАЯ СИСТЕМА

После Собора правительство Михаила Федоровича занялось реформами. Прежде всего создали несколько новых

приказов и расширили функции уже существующих. Большинство новых приказов носило временный характер и после выполнения своих функций упразднялось. Так, к 1626 году существовало 25 постоянных приказов, 3 временных, 5 дворцовых и 3 патриарших. Важнейшим был Разрядный приказ, ведавший всеми назначениями служилых людей; приказ Большого прихода ведал делами посада, таможенными сборами, сдачей в аренду лавок, пустошей и т.д.; Денежный двор с функциями приказа занимался изготовлением монет; приказ Большой казны ведал торговыми операциями царя с иностранными державами; в Печатном приказе хранились государственные печати и взимались пошлины за оформление документов; Ямской приказ занимался сбором ямских денег и руководил ямской гоньбой и строительством ямских слобод; на Казенном дворе хранилось царское имущество.

Значительно расширил свои функции Аптекарский приказ. Он возник еще при Борисе Годунове для заботы о царском здоровье. С 1620 года этот приказ становится органом управления медициной в стране. Возглавлял его сначала один из влиятельнейших людей в государстве боярин Ф.И. Шереметев, потом князь и боярин И.Б. Черкасский, думные дьяки и др. В штате приказа числилось 2 доктора, 5 лекарей, аптекарь, окулист, 2 переводчика и подьячий. Врачами были англичанин Дий и голландец Бильс, присланные главами дружеских держав «для сохранения царева здравия». Снадобья для царя и его семьи изготавливались из лекарственных растений, которые выращивали в специальных садах сел Коломенское и Покровское. Семена и расаду для них выписывали из-за границы.

Лекари ведали здоровьем царя Михаила. Очевидно, в молодости он был достаточно крепок и силен, так как увлекался охотой на лосей и медведей, часто совершал пешие путешествия по монастырям. Но уже в 1627 году он стал страдать от болезни ног. В одном из писем он жаловался, что «так скорбел ножками, что до возка и из возка в креслах носят». Болезнь ног у Романовых была наследственной. Это показало изучение родовой усыпальницы XVI века в Новоспасском монастыре. (Там были найдены останки трех рано умерших

братьев Михаила с сильно искривленными костями нижних конечностей.) Кроме того, Михаил страдал близорукостью. В царской казне хранилось множество очков.

Аптекарский приказ выступал инициатором обучения молодых людей за границей. Как правило, это были дети врачей. Они изучали медицину в Англии и Голландии. Получение образования за границей не считалось чем-то особо новым для русской молодежи. Еще при Борисе Годунове несколько десятков русских дворян отправили в Англию, Голландию и немецкие государства для обучения разным наукам. Из них возвратился только один, хотя царь Михаил лично просил английского короля отправить домой хоть кого-нибудь, поскольку образованные люди очень требовались возрождающейся стране. Причина невозвращения заключалась в том, что во время Смуты русские юноши перестали получать материальную поддержку от правительства и сами занялись устройством своей судьбы. О них вспомнил лишь Михаил Федорович, но было уже поздно. Один из посланных даже стал протестантским пастором, поменяв веру. После этого царь стал более осторожно относиться к учебе за рубежом. Туда направлялись, главным образом, дети обрусевших иностранцев, например, врачей Аптекарского приказа.

В Челобитном приказе, вновь возрожденном учреждении, принимали и разбирали жалобы, а также всякие проекты от населения. Сохранилось дело тверского попа Нестора, который предложил создать походное укрепление, «рекомое редкоруб». Нестор, не желая иметь дело с царскими чиновниками, хотел изложить свои идеи самому царю. Но дьяки заподозрили попа в злом умысле, и его арестовали. Через некоторое время все выяснилось, и изобретение было принято.

Несколько проектов подал в Челобитный приказ дворянин И.В. Бутурлин. Он предложил создать из выборных людей особое учреждение, в котором будут собираться сведения о злоупотреблении властей. Кроме того, И.В. Бутурлин считал более целесообразным набирать войско из даточных людей, а не брать на службу наемников. Оба предложения приняли, хотя и не сразу. Одобрен был и проект

Ф. Уварова о составлении земельных списков по «сказкам» — специальным запискам.

Новые функции появились у Земского приказа. С 1629 года он стал отвечать за пожарную безопасность городов. При нем организовывали дежурные команды для борьбы с пожарами. Кроме того, земские дьяки следили за выполнением указа о рытье колодцев, о поддержании в городе чистоты. В целом административно-полицейские функции в государстве осуществлялось несколькими приказами: Разрядным, Стрелецким, Поместным, Разбойным, Земским. При них состояли отряды стрельцов во главе с воеводами.

Очевидно, из-за большого числа злоупотреблений властью в 1620 году в стране создали еще один приказ, сходный по функциям с Челобитным, — «Что на сильных бьют челом». В нем принимались жалобы на лиц, наделенных властью (как предлагал Бутурлин).

НОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

В целом в XVII веке система суда была дробной и запутанной. Верховным судьей в стране являлся царь. Ему принадлежало право законодательства и пересмотра любого решения. Высшей судебной инстанцией считалась Боярская дума, но правом суда обладали все приказы.

В царствование Михаила основным законодательным документом по-прежнему оставался Судебник 1550 года. Однако на практике приказы часто сталкивались с делами, не предусмотренными Судебником. Тогда они обращались в Боярскую думу, и та выносила решение издать новый закон. Иногда с законодательной инициативой выступал Земский собор и даже группы людей. Новый указ посылался в соответствующий приказ и там приписывался к Судебнику. В другом приказе при этом могли и не знать о нововведении. Это существенно запутывало судебные разбирательства.

Новое законодательство требовалось и по вопросам землеводства и землепользования. Следовало упорядочить служилое землепользование, существенно нарушенное в Смуту. По новому закону земельный надел стали приводить в соот-

ветствие с должностным окладом, а незаконно захваченные земли отбирались. Кроме того, проводилось верстание (обеспечение земельным наделом) беспоместных и «нови́ков», то есть тех, кто вновь поступил на государственную службу.

В 1619–1620 годах многие дворцовые земли были пожалованы служилым людям. Однако уже в 1627 году царь запретил раздачу дворцовой земли. В это время начинается длительный процесс превращения поместий в вотчину (до указа 1714 г.). Уже с 1620 года служилые люди могли завещать часть выслуженного поместья в вотчину. Указ 1627 года ускорил этот процесс. Кроме того, он закрепил поместья воинов, погибших в сражениях, за вдовами и детьми. Ранее они обычно отходили в казну.

Царская администрация постоянно следила за тем, чтобы служилые люди по-хозяйски использовали пожалованные им земли. Например, в 1621 году вышел указ, запрещающий «пустошить свое поместье». За его нарушение наказывали битьем кнутом. За неявку на службу поместье либо совсем забиралось, либо уменьшалось в размере.

После составления новых дозорных и писцовых книг взимание податей и налогов несколько упорядочилось. Постоянные налоги делились на две большие группы: окладные сборы (прямые и косвенные налоги) и неокладные (пошлины и пени). Окладные сборы имели обязательный для плательщика размер и обычно исчислялись по предыдущему году. Для тяглого населения (жителей посада и черносошных крестьян) основным налогом было тягло, то есть плата за пользование земель. Некоторое время единицей обложения была «соха», но выяснилось, что из-за разорения в Смуту многие земли запустели и более правильно будет взимать налоги с «живущей четверти», то есть с осваиваемых земель, а не с общего числа земли. Помимо этого, существовали общегосударственные налоги: таможенные сборы, кабацкие деньги, стрелецкие деньги или хлебные запасы, ямская гоньба, городовое дело, мостовые деньги и др. Часто сбор этих налогов отдавался на откуп разным лицам или миру — общине.

Неокладные налоги (различные пени, штрафы, пошлины с судебных дел, временные налоги) не носили постоянного характера. Однако четкой градации между окладными и не-

окладными налогами не было, и в разных местностях количество налогов различалось, но они взимались раз в год.

О том, какие налоги платили посадские люди, можно судить по грамоте тульских кирпичников (август 1622 г.): «В ямскую слободу в охотники брали, дани в мостивщину, ямщинный амбар и двор, в поделку деньги, проводные и пищальные деньги, в городовое дело, полавочные деньги с товару».

Посадские люди выполняли много различных повинностей: принимали у себя на дворах ратных людей, приезжих иностранцев, кормили их и лошадей, платили налоги за изготовление браги, пива, сооружали и чинили городовые укрепления, ремонтировали дороги и мосты, выделяли людей в ямские слободы и др. Это давало возможность государству за счет населения вести строительство укреплений, осуществлять перевозки внутри страны, обеспечивать проживание и питание иностранных гостей и ратников во время военных действий.

Чтобы население посадов не уменьшалось, в 1620 году был издан указ, запрещающий дворянам и боярам брать на откуп земли или дворы на посаде. Это могли делать только крестьяне и посадские люди.

При несовершенном и запутанном законодательстве некоторые новые законы все же позволяли более четко регламентировать внутреннюю жизнь в стране.

Так, в 1627 году в принятом законе о подводах для государственных перевозок подробно перечислялось количество подвод, которые должны были выделять представители различных сословий. Например, митрополиты и бояре — 20 подвод, архиепископы и окольничии — 15, думные дворяне — 12, дьяки — 10, стольники первой статьи — 10, второй — 8, третьей — 6, гости — 5 и т.д. Перечень показывает, какое место в иерархии занимало каждое из сословий.

Еще один указ касался наказаний за бесчестье. Теперь обидчик платил большой денежный штраф, а не «выдавался с головой», как раньше, тому, кого обидел.

Несколько законов касалось пьянства. Отныне на гостиных дворах в крупных торговых городах запрещалось содержать корчмы. С нарушителя этого указа брался большой

штраф, его били кнутом и сажали в тюрьму. Наказанию подвергались и любители выпить. Замеченного в пьянстве в первый раз отводили в «бражную тюрьму», откуда можно было освободиться только по чьему-либо ходатайству. Замеченного в пьянстве вторично снова сажали в тюрьму, но уже надолго. Иногда его водили по улицам, нещадно избивая кнутом. Так продолжалось до тех пор, пока виновный не отставал от пагубной страсти. Если же и эти меры не помогали, то пьяницу помещали в тюрьму до самой смерти — «пока не сгниет». Думается, что такие меры были достаточно эффективны в борьбе с пьянством, и московские люди во времена царя Михаила, по воспоминаниям некоторых иностранцев, соблюдали «великую трезвость».

В 1637 году были приняты два более мягких закона, касающиеся уголовных преступлений. Один относился к беременным женщинам. Теперь за преступление их подвергали наказанию только после рождения ребенка, которого в таком случае отдавали родственникам. Второй закон касался фальшивомонетчиков. Раньше им заливали горло расплавленным металлом. Теперь их сначала наказывали торговой казнью, то есть заставляли публично отречься от преступного промысла. Пойманного во второй раз заковывали в железо и ставили на щеке клеймо «вор».

В 30-е годы XVII века вышло несколько указов, касающихся табакокурения. Они запрещали употребление табака, поскольку курение становилось одной из частых причин пожаров в деревянных русских городах.

Одним из признаков укрепления царской власти стала новая государственная печать. От прежних она отличалась большим размером, изображением орла и надписью: «Божиею милостию Великий Государь Царь и Великий Князь Михаил Федорович всеа Руссия Самодержец и многих государств Господарь и Обладатель». Она короче той, что выбита на печати царя Федора Ивановича, так как там содержался перечень владений государя (от Владимира до северных стран), а у Михаила всех их не было. Отличался от прежнего и царский титул. У Федора он был таким: «Божиею милостию Государь Царь и Великий Князь Федор Иванович всеа Руси... Повелитель и многих земель Государь и Обладатель». Иной

была и надпись на печати царя Бориса: «Божиею милостию Царь и Великий Князь... Господарь всяя Руси».

В титуле Федора и Бориса на печатях не было слова «самодержец» и эпитета «великий» к слову «государь». Хотя слово «самодержец» появилось в титулах русских великих князей, а потом и царей еще в конце XV века, но на государственной печати его впервые употребил Лжедмитрий I. Именно надпись на печати Лжедмитрия I имеет наибольшее сходство с надписью на печати Михаила Федоровича: «Божиею милостию Великий Государь Царь и Великий Князь Дмитрий Иванович всяя Руси самодержец...»

Изображенный на печати самозванца двуглавый орел имел только одну корону, на печати же Михаила их было три: над головами орла, как в печатях Федора и Бориса, и третья посередине, как у Лжедмитрия, только меньше размером. Таким образом, при создании печати для царя Михаила образцами стали прежние печати, но из них были взяты все элементы, которые подчеркивали самостоятельность и величие власти нового царя.

Таким образом, укрепление государственности, приказная система и законодательство в период правления Михаила Федоровича, несмотря на некоторые недостатки, несомненно, были шагом вперед в развитии страны после анархии Смутного времени. Число приказов росло, их функции становились определеннее, что вносило большую четкость в управление государством. Новый свод законов — Соборное Уложение 1649 года появилось уже в правление Алексея Михайловича, сына царя Михаила, но основная его база была создана именно при первом Романове.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Внешняя политика также нуждалась в преобразованиях. Смута прервала дипломатические контакты Руси со многими европейскими странами. Речь Посполитая входила в союз со странами, где правила династия Габсбургов, то есть со Священной Римской империей и Испанией, и оставалась главным противником нового царя. Поэтому

наиболее дружеские отношения стали налаживаться со странами антигабсбургской коалиции — Англией, Голландией, Данией, Швецией. Тесные контакты устанавливаются с константинопольским патриархом, а через него — с Османской империей, с которой предполагалось заключить союз против Речи Посполитой.

С Англией и непосредственно с английским королем Якобом I Михаила связывали традиционно дружеские отношения. В 1617 году король в лице своего посланца Джона Мерика оказал большую помощь царю в заключении со Швецией Столбовского мирного договора. Отправленному в Англию посольству во главе с С. Волынским наказывалось просить денег для новой войны с Речью Посполитой. Эта просьба была встречена благосклонно, правда, вместо просимых 200 тыс. таллеров английский посол Д. Дикс привез только 20 тыс. Оказалось, что ввиду неспокойной ситуации в России в 1619 году он побоялся взять с собой бóльшую сумму.

В 1620 году в Москву вновь прибыл английский посол Дж. Мерик. Во время официального приема англичанина встречали не только царь, но и патриарх. Дж. Мерик привез дорогие подарки: царю — хрустальную солонку, отделанную золотом и драгоценными камнями, серебряные фигурки льва, страуса, единорога, серебряную посуду, шелковые материи и сукна, двух попугаев и антилопу. Патриарху он подарил хрустальную и серебряную посуду, бархатные и атласные ткани, кресла, обитые бархатом с золотым шитьем.

В ходе переговоров выяснилось, что не все гладко во взаимоотношениях между двумя странами. Так, Мерик стал жаловаться на большие убытки, которые понесли английские купцы за время Смуты и от уменьшения веса русской монеты. Кроме того, он заявил, что английскому королю не понравилось, что многие англичане, посетившие Россию, женились на русских девушках и остались служить царю. В заключение посол выразил просьбу английских купцов «получить дорогу в Персию», то есть право ездить через территорию России в Персию для торговли.

Царь не стал решать единолично вопросы, связанные с торговлей, и приказал позвать на совет московских купцов. По просьбе царя дьяки объяснили купцам, что торгов-

ля англичан с Персией через русскую территорию может принести царской казне большие доходы, а также существенно улучшит отношения между двумя странами. В ответ те заявили, что, если англичане сами станут ездить в Персию за товарами, это разорит многих русских купцов, получавших большую выгоду от монопольного права на торговлю с Востоком. Узнав это, царь Михаил приказал «в дороге в Персию англичанам отказать», показав этим, что выгода подданных для него важнее собственных интересов. Несомненно, что именно за подобные поступки Михаила Федоровича заслуженно любили все русские люди.

В 1623 году между Якобом I и Михаилом Романовым был заключен «трактат мирный и торговый». Оба государя обязывались помогать друг другу во время войны, не поддерживать отношений с общими врагами, во время войн нанимать друг у друга солдат, покупать провиант, разрешать свободно торговать отдельным лицам, имевшим особые заслуги, и проезжать по своим территориям послам в другие страны, не препятствовать свободному вероисповеданию англичан в России и русских в Англии.

Хорошие отношения поддерживала Россия и с Голландией. Они проявлялись главным образом в активной торговле. Еще в марте 1614 года царь Михаил выдал жалованную грамоту двум голландским купцам на право свободной торговли в России сроком на 3 года. Взамен их обязали снабжать товарами царский двор.

В 1630 году к царю Михаилу Федоровичу прибыли послы голландского принца Генриха Оранского. Они заявили, что принц хочет дружбы с царем и расширения торговли с Россией. Оказалось, что голландцы нуждаются в таких товарах, как зола, лен, пенька, но им приходилось покупать все это в Данциге, платя большую пошлину польскому королю. Для обеих сторон выгоднее было бы продавать и покупать эти товары в Архангельске. Кроме того, принц просил разрешить голландским купцам самим закупать зерно в России, без посредников. (В то время в Западной Европе из-за неурожаев ощущался недостаток в продовольствии, и многие иностранные купцы пытались закупить его в России.) Взамен принц обещал оказывать русскому царю воен-

ную помощь и разрешить русским купцам беспошлинно покупать в Голландии некоторые товары. Просьбы принца встретили у царского двора понимание. Голландцам предложили прислать в Москву торгового агента. Но некоторые просьбы остались без ответа, например, «дать дорогу в Персию» и позволить голландцам обрабатывать пустующие земли в России. Царь Михаил не хотел наносить ущерб своим подданным в какой-либо форме и проводил политику протекционизма.

Неплохие дипломатические контакты стали налаживаться и с Турцией. Связывающим моментом была общая борьба с Речью Посполитой. Уже с 1620 года вынашивались планы заключения договора против общего врага. В 1621 году ко двору Михаила Федоровича прибыл турецкий посол Фома Кантакузин с целью склонить Россию к войне с польским королем. Весной 1622 года в Турцию было направлено русское посольство во главе с И.Г. Кондыревым. В его задачу входило продолжить переговоры по созданию антипольской коалиции. Определенную роль в переговорах играл и константинопольский патриарх Кирилл, который поддерживал постоянные контакты с патриархом Филаретом. Вероятно, именно он был главным инициатором расширения русско-турецких контактов.

Налаживались и укреплялись взаимосвязи с Францией. Несмотря на то, что Франция одной из первых признала Михаила царем, заключение договора о дружбе и взаимопомощи откладывалось на неопределенное будущее (он будет оформлен через 14 лет). В 1621 году во Францию был направлен русский купец Юрий Родионов с целью присмотреть для царя невесту и выяснить внутривосточную ситуацию. Однако первую задачу он выполнить не смог. Свой отчет о поездке купец сдал в Посольский приказ, что свидетельствовало об официальном характере его миссии. Дипломатические контакты между странами возобновляются лишь в 1629 году, благодаря визиту в Россию французского посла Курменена. В привезенной им грамоте содержалось предложение французского короля быть с русским царем в любви и дружбе, вместе стоять против общих недругов и расширять торговлю между странами. Все это было воспринято с большим интересом.

Активизируются дипломатические контакты России со Швецией. Исследователи полагают, что главным их инициатором был опять же патриарх Филарет, желавший создать мощный союз европейских держав против ненавистного ему Сигизмунда III. Шведский король Густав II Адольф неоднократно предпринимал попытки втянуть Россию в войну с Речью Посполитой. С этой целью в Москву посылались посольства в 1626, в 1629 и в 1630-м годах. Но Михаил Федорович считал, что Россия еще не готова к такой войне, и отказывался воевать под предлогом мирного договора с Речью Посполитой.

Московское государство шло на активное сближение и с Данией, которая присоединилась к антигабсбургской коалиции. В июне 1631 года в Москву прибыло датское посольство с предложением заключить союзный договор, однако переговоры не дали никакого результата, так как в это время Дания заключила мирный договор с Австрийской империей. В целом дипломаты России стремились к созданию мощного союза против своей главной противницы Речи Посполитой. К 1628 году идея восточноевропейского союза окончательно созрела. Предполагалось, что в него должны войти Россия, Турция, Швеция и Трансильвания при поддержке Англии, Голландии и Дании.

Хорошие отношения поддерживала Россия с Персией. Между странами происходил регулярный обмен посольствами. В феврале 1625 года персидские послы привезли царю Михаилу в подарок величайшую святыню в христианском мире — часть хитона Иисуса Христа. По легенде, в числе охранников Христа, ведомого на казнь, был один грузин, который получил по жребию рубашку казненного. Эту рубашку он привез в Грузию, откуда она попала в Персию. Персидский шах в знак дружеских отношений к царю Михаилу решил подарить ее России.

Казалось бы, такое сокровище следовало беречь «пуще ока», но царь и патриарх распорядились разрезать ее на две части. Одну, во избежание потери, приказали положить в золотой ларец и поставить в Благовещенском соборе. Здесь к нему могли подходить все страждущие о помощи. Вторую часть велели носить по домам болящих, неспособных

встать с постели. Кроме того, 27 марта было объявлено новым церковным праздником — Обретение Ризы Господней.

В целом вполне очевидно, что правительство царя Михаила стремилось всячески активизировать дипломатические контакты со многими европейскими и азиатскими странами, при этом на первое место ставились интересы Русского государства: организация коалиции против недругов и развитие торговли. Царь Михаил не был склонен разрешать конфликтные ситуации с соседними государствами военным путем. Обмен посольствами, заключение мирных и дружеских договоров, торговые вопросы были для него приоритетными в международных делах.

ТОРГОВЫЕ ДЕЛА

Торговля в России, как и во многих других странах, по праву занимала особое место. Она приносила большие прибыли царской казне и способствовала развитию в государстве сельского хозяйства, промыслов и экономики в целом. Доходы давали не одни таможенные пошлины, которых было до 40 наименований, но и царская торговая монополия. Только царский двор имел право торговать хлебом, шелком-сырцом, медью, икрой, ревенем и мехами. Так, доход от продажи шелка равнялся 13 500 руб., икры — 30 000 руб., ревеня — 7500 руб., хлеба — до одного миллиона руб.

Обычно торговые операции царского двора совершали купцы, входившие в Гостиную сотню. Они же скупали излишки продукции, производимой в дворцовом хозяйстве: холсты, масло, орехи, овощи и фрукты, и закупали для царского дома нужные товары. За оказываемые царю услуги гости получали жалованные грамоты, освобождавшие их от налогов и повинностей.

Все вопросы внешней торговли находились в ведении царского правительства. Во время дипломатических переговоров оно регламентировало, какими товарами и в каких городах разрешалось торговать тем или иным купцам. Так, английские купцы имели право торговать беспошлинно в Архангельске, Астрахани, Новгороде, Москве.

Интенсивную торговую деятельность в северных русских городах вели голландцы. Французы получили право торговать в Архангельске, Новгороде и Москве.

Активное проникновение иностранцев на русские рынки вызывало недовольство местных купцов. В 1627 году они подали царю челобитную с просьбой закрыть внутренние рынки для чужеземных купцов. Заботясь о развитии национальной торговли, Михаил Федорович издал указ, запрещающий иностранцам посещать внутренние города государства. Открытыми городами объявлялись для северной торговли: Архангельск, Новгород и Псков, для южной — Астрахань и отчасти Казань и Нижний Новгород.

Однако на практике этот указ постоянно нарушался, так как иностранные купцы подкупали должностных лиц и получали всевозможные льготы и привилегии. Поэтому в 1635, 1637, 1639 и 1642-м годах русские купцы вновь подавали челобитные об ограничении иностранной торговли в стране. Только в 1646 году, уже после смерти царя Михаила, все привилегии иностранных купцов отменены окончательно.

Особое значение в это время имела торговля зерном. Как уже отмечалось, она считалась монопольным делом царского дома. Без ведома правительства ни один иностранный купец не имел право закупать в России продовольствие. В начале 20-х и начале 30-х годов в Западной Европе случились крупные неурожай. Поэтому закупка зерна в России, где в то время, напротив, собирали хорошие урожаи, европейским странам нужна была чрезвычайно.

При дипломатических контактах России вопрос о закупке продовольствия постоянно стоял на одном из первых мест. Наибольшие льготы получали страны антигабсбургской коалиции. Для Швеции закупка дешевого русского хлеба (поднимались пшеница и рожь) стала своеобразной субсидией во время ее войн с германскими государствами.

За 1627–1637 годы Дания купила 654 тыс. пудов хлеба, Швеция — 1566 тыс. пудов, Англия — 360 тыс., Голландия — 138 тыс., Голштиния — 180 тыс. В 1632 году значительная хлебная субсидия была предоставлена и Франции. Хлеб приобретался по низким ценам.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ХОЗЯЙСТВА

Заключение мирных договоров с Речью Посполитой и Швецией, расширение дипломатических и торговых контактов со многими странами несомненно способствовали активизации хозяйственной жизни в стране.

Начиная с 20-х годов XVII века сельское хозяйство приходит к уровню до Смутного времени, хотя его полное восстановление происходит лишь к середине XVII века. Основные пашенные угодья располагались в центральном районе вокруг столицы и на севере, в Вологодском крае. Постепенно распахиваются и новые земли на востоке и юго-востоке. По инициативе и при активной поддержке царского правительства продолжилось интенсивное освоение Урала и Западной Сибири. Непосредственно по указу царя там строились укрепления, города, направлялись служилые люди, рудознатцы и отряды землепроходцев.

Для этого из государственных средств всем желающим заняться хлебопашеством выдавались семена и денежные ссуды для покупки сельхозинвентаря (плуги, бороны и т.д.) и лошадей. Новоприборные крестьяне в первое время даже освобождались от всех налогов и повинностей. Когда стало известно, что по берегам реки Лены были обнаружены хорошие земельные угодья, царь Михаил издал указ о направлении туда не только отрядов казаков, но и целых крестьянских семей, а также молодых девушек в жены служилым людям, чтобы создавшиеся семьи осели на новых землях.

Заботясь об увеличении населения Сибири, правительство царя Михаила направляло воеводам касающиеся сбора налога (ясака) грамоты: «Служилым людям приказывать накрепко, чтоб они, ходя за ясаком, ясачным людям напрасных обид и налогов отнюдь никому не чинили, собирали бы с них государев ясак ласкою и приветом, а не жесточью и не правежем, чтоб с них собирать государев ясак с прибылью, брать с них ясак сколько будет можно, по одному разу в год, а по два и по три ясака на один год не брать. Которые новых земель люди станут непослушны, таких прежде уговаривать ласкою, а если никакими мерами уговорить будет нельзя, то смирать их войною, небольшим разорением, чтоб сми-

рить слегка. Воеводам, дьякам, подьячим и служилым людям никаких иноземцев, жен и детей их во двор к себе не брать, засылками ни у кого не покупать и не крестить, в Москву с собою не вывозить и ни с кем не высылать, чтоб Сибирская земля пространилась, а не пустела. Если же кто из ясачных людей захочет по своей воле креститься, таких людей крестить, обыскавши допряма, что добровольно хотят креститься. Окрестя, устраивать их в государеву службу, верстать денежным и хлебным жалованием».

Крестьяне сеяли рожь, пшеницу, ячмень, просо, гречиху, горох, овес. Из льна и конопли делали ткани и масло. Было широко распространено огородничество и садоводство. Царские сады и огороды, где произрастали самые разнообразные овощи и фрукты, служили образцами для всей страны. Шведский дипломат П. Петрей, посетивший Москву в начале XVII века, писал, что здесь «легче достать плодов, нежели в другом месте, каковы, например, яблоки, сливы, вишни, крыжовник, смородина, дыни, морковь, свекла, петрушка, хрен, редька, редиска, тыква, огурцы, серая и белая капуста, лук, чеснок». Петрей восхищался прекрасными сортами и качеством плодов: «Дыни огромны и вкусны... есть один чудесный сорт яблок, прозрачный, с тонкой кожицей, так что видишь семечки».

Повсеместно разводили скот, но существовали места особой специализации, например, на заливных лугах Северной Двины — крупный рогатый скот и романовских овец, славящихся шерстью. Тысячами исчислялись лошади, коровы, овцы и козы в царских конюшнях и на скотных дворах. Лошадей, как правило, было нескольких пород: ногайские, башкирские, черкасские, аргамаки и собственно русские кони. По сохранившимся свидетельствам иностранцев, скот в России некрупный, но выносливый и плодовитый.

Одним из важных занятий русских людей в XVII веке считалась охота. Пушной промысел приносил большие доходы царской казне, поскольку за счет ясака и таможенных сборов она получала огромное количество сибирской пушны. Не меньше получала она выгоды и от занятий населения рыболовством. На многих реках и озерах центральной части России располагались государевы слободы, постав-

ляющие рыбу к царскому столу. Так, в Переславском (Плещеевом) озере ловили замечательную сельдь, в Ростовском (Неро) — шук. Стерлядей и осетров везли с Волги в специальных лодках с прорезями, чтобы рыбу доставить живой. Обширные рыбные промыслы располагались около Астрахани. Иногда рыбу разводили в искусственных прудах для «царского обихода». Обычно население рыбных слобод занималось только ловлей и платило налоги рыбой.

В Поволжье на государевых землях развивалось бортничество. Как правило, к 1 сентября все бортники платили «медвяный оброк».

Правительство всячески способствовало развитию промышленных предприятий — мануфактур. Крупнейшие из них принадлежали дворцовому хозяйству. На Пушечном дворе в Москве в 1637 году работало более 100 человек. Отливали пушки и колокола, применяя простейшие механизмы. Оружейная палата занималась производством огнестрельного и холодного оружия. Если в 1614 году здесь работало только 20 оружейников, то в 1627 году их число выросло до 70. В Золотой и Серебряной палатах изготавливали изделия из драгоценных металлов. В 20-х годах появляются правила производства изделий из золота и серебра (работа велась под наблюдением старосты, на изделия ставилась проба и т.д.).

На Монетном дворе чеканили монеты. На протяжении всей первой половины XVII века качество монеты ухудшалось, она становилась все тоньше и меньше. Если первоначально из гривны серебра делали 300 копеек, то потом стали делать 400, а в 30-е годы — даже 452. Видимо, это было связано с нехваткой серебра, которое в то время в России не добывали, а вывозили из-за границы в виде иностранных монет.

С 1616 года более интенсивно начал работать Хамовный двор, занимающийся ткачеством. В 1630 году здесь уже работало 100 ткацких станков. Первоначально этот двор обслуживал только нужды царского двора, но постепенно он становится в Москве центром ткацкого производства и его ткани направляются на продажу. В 1632 году создается Бархатный двор по изготовлению шелковых тканей, которые раньше ввозились из-за границы.

При палатах царицы находились швейные мастерские, где шили одежду для членов царской фамилии, а иногда и на продажу. Производство тканей в Кадашной и Хамовной слободах находилось в непосредственном ведении самой царицы. Она обязана была контролировать производство одежды для членов царской семьи, определять запасы постельного белья, следить за его состоянием, распоряжаться изготовлением одежды, служащей подарками для приближенных ко двору, решать, что следует продать на рынке.

К царской одежде относились очень бережно, и если на ней появлялись дырки, проводили настоящее расследование: не были ли они результатом чьего-либо злого умысла. Приближенные даже давали клятву «не чинить лиха» над царской одеждой, которая стоила очень дорого. Например, аршин бархатной или парчовой ткани стоил столько же, сколько целый крестьянский двор. Поэтому одежду носили бережно и долго, передавая по наследству. Платьем царь жаловал за хорошую службу, шубой — за большие заслуги. Для торжественных приемов во дворце существовала особая одежда, которая выдавалась из царской казны. Ее изготовлением также ведала сама царица.

Вторая жена Михаила Федоровича, царица Евдокия Лукьяновна, была, видимо, очень бережлива. В описи царской казны 1644 года помечено, что при изготовлении для нее новой шапки использовались украшения старой, саму же старую шапку она пожаловала своей матери.

Царь Михаил был очень заинтересован в развитии на Руси всевозможных промышленных производств. Он постоянно выписывал из-за границы различных специалистов: рудознатцев, металлургов, оружейников, часовщиков, ювелиров и др. Многие богатые иностранцы получают от него жалованные грамоты для создания заводов. Так, А. Виниус получил высочайшее разрешение на строительство доменного завода по выплавке железной руды, добываемой в районе Тулы. В 1634 году 16 пустошей около Москвы выделяются для строительства стекольного завода. Там же был построен кожевенный завод по выделке лосиных шкур. П. Марселис получил в 1644 году разрешение организовать железоплавильное производство на костромских рудах.

Металл направлялся на Пушечный двор, где, кроме оружия, теперь делали замки, сабли, подковы, ножи и т.д.

С 1630 года начинается казенная добыча руд в Зауралье. До этого рудознаты, выписанные царем из-за границы, провели здесь активные изыскания. Первые сведения о рудах собрал в 1618 году Дж. Ватер. В 1625 году в Пермь и Сибирь отправили уже несколько горных чиновников, которые получили потом хорошее вознаграждение. Затем стольнику В.И. Стрешневу и Н. Светешникову, крупному купцу, торговавшему не только внутри страны, но и за границей, поручили организовать медеплавильное производство. В 1633 году на Урале появился первый медеплавильный завод. В 1631 году начал работать Нерчинский казенный завод по выплавке железа. Так, несомненно, с помощью и под покровительством царя Михаила на Урале возникает промышленное производство по добыче руд и выплавке металлов.

Оказывалась поддержка и старым промышленным центрам, например, тульским заводам, где выпускали по заказу двора ружья и холодное оружие, железоплавильному производству в Устюжне и на Ваге. Царские жалованные грамоты получили иностранные купцы для организации канатного производства в Архангельске и Вологде.

В 1620 году в Москве восстановили Печатный двор, который стал выпускать не только богослужебные книги, но и светские. Тиражи доходили до 1000 экземпляров. Несколько книг от каждого тиража направлялись в библиотеку царя и патриарха.

Важным промыслом являлась добыча соли, которой занимались посадские и торговые люди, а также монастыри. Производство смолы, дегтя, древесного угля, поташа и растительных красок считались казенным делом. Но государственные поташные промыслы часто отдавались на откуп дворянам или торговым людям, которые были обязаны поставлять в казну каждую десятую бочку получаемого продукта.

Поскольку войско испытывало большую потребность в порохе и селитре, правительство Михаила Федоровича активно покровительствовало сооружению пороховых мельниц, зеленых производств и селитровых варниц. Этим промыслом часто занимались стрельцы.

В бассейне Северной Двины и в Прикамье было организовано производство смолы, дегтя и вара, используемых в строительстве, при обработке кож и изготовлении канатов.

Таким образом, вполне очевидно, что именно правительство царя Михаила было основным инициатором развития в стране промышленного производства металлов, изделий из них, тканей, кож, стекла, смолы, селитры, пороха, дегтя, канатов и др. Крупные промышленные предприятия (Пушечный двор, Хамовный двор, Оружейная палата и др.) являлись казенными и обслуживали в первую очередь нужды войска, двора и царской семьи.

Михаил Федорович выписывал из-за границы различных специалистов и лично для себя. Так, мастера золотого и серебряного дела изготавливали для царской семьи ювелирные украшения, каменщики строили новые здания, часовщики сооружали на кремлевских башнях часы, к которым царь питал особую страсть. Современники вспоминали, что часы окружали Михаила повсюду, во всех комнатах его дворца. Они были и в форме зверей, и мифических фигур, и колесниц.

Впервые при царе Михаиле было сделано несколько оргáнов, один из них был подарен персидскому шаху. Новые специалисты обучали русских людей своим ремеслам, способствуя их развитию на Руси.

Иностранные дипломаты, посетившие Россию в первой половине XVII века, с восхищением отзывались о русских ремесленниках и их изделиях. Так, польский дипломат С. Маскевич отмечал, что русские ремесленники превосходны, очень искусны и смышлены. Они способны изготовить любую вещь, которую только увидят, особенно турецкие чепраки, сбруи, седла, сабли и прочее.

Австрийский дипломат А. Мейерберг писал во второй половине XVII века, что «в Москве такое изобилие вещей, необходимых для жизни, удобства и роскоши, да еще покупаемых по сходной цене, что ей нечего завидовать никакой стране в мире».

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ ЦАРЯ

ДЕЛО МАРИИ ХЛОПОВОЙ

Годы шли, а царь Михаил все еще оставался холостым человеком. Для продолжения династии необходим наследник престола. Поэтому вопрос о женитьбе царя стал важным государственным делом.

В 1616 году невестой царя объявили М.И. Хлопову. Как проходил выбор претенденток, неизвестно. Возможно, Михаил познакомился с ней еще в период ссылки: одним из надзирателей в селе Клин был В. Хлопов, родственник Марии.

Царскую невесту «для обирания его государской радости» поселили во дворце в верхних покоях. Ее нарекли царицей и вместо прежнего имени Мария дали имя Анастасии, в честь жены Ивана Грозного, которую Михаил считал своей бабкой. Многочисленные родственники невесты: отец, бабка, дядя вошли в число придворных и стали приближенными царя. Очевидно, это и сыграло роковую роль в судьбе девушки, поскольку новые царские фавориты не понравились родственникам царя.

Внезапно у Марии началась странная болезнь, проявляющаяся в частой рвоте на протяжении нескольких дней. Ее осмотрели доктора и назначили лечение. Общий надзор за состоянием здоровья царской невесты осуществляли двою-

родные братья царя – Салтыковы. Через них Мария получила лекарства. Обеспокоенная мать царя пыталась выяснить у Салтыковых, что за болезнь у невесты сына? Те отвечали, что болезнь очень опасная и препятствует деторождению. Это означало, что Мария Хлопова не могла стать царицей.

«Доброхоты» уверили царя, что Хлоповы умышленно скрыли «порчу» девушки и ввели его в заблуждение. За это их следует подвергнуть наказанию.

Михаил собрал Земский собор, который постановил лишить Марию звания царской невесты и сослать в Тобольск вместе с бабкой и дядей И. Желябужским. В августе 1619 года ее перевели в Верхотурье, а потом в Нижний Новгород.

Вернувшийся из плена Филарет предложил поискать невесту для Михаила среди иностранных принцесс. В 1621 году в Данию послали боярина А.М. Львова. Он должен был договориться о браке Михаила Федоровича с принцессой Доротеей Августой, жившей при дворе датского короля. Однако в это время король Христиан тяжело заболел и не смог принять русского посла. А.М. Львов вернулся ни с чем.

В январе 1623 года предприняли попытку посватать в Швеции сестру бранденбургского курфюрста Екатерину. Но тут непреодолимым препятствием стала разница в вероисповедании.

Время шло. Михаилу уже исполнилось 27 лет, но он все еще был холост. Очевидно, царь хранил память о своей нареченной невесте. Тогда Филарет предложил пересмотреть дело Марии Хлоповой. До двора доходили слухи, что она живет в Нижнем Новгороде в полном здравии. К царю вызвали дядю бывшей невесты Г. Хлопова. Он заявил, что Мария всегда была здорова, болезнь же, возникшая у нее во дворце, была от чрезмерного употребления сладких кушаний. У себя дома многие из них она даже не пробовала. В ссылке эта болезнь никогда не повторялась.

Комиссия из ближайших родственников царя однородца Ф.И. Шереметева, дяди И.Н. Романова и двоюродного брата И.Б. Черкасского выяснила обстоятельства этого

странного дела. Были вызваны доктора, лечившие Марию. В. Бильс сказал, что, по его мнению, у Марии была лишь временная слабость желудка. Для излечения он дал отцу девушки лекарство. Доктор Бальцер считал, что девушка страдала легкой формой желтухи, которая была неопасной.

Ответ врачей удивил Михаила, поскольку Салтыковы доносили ему о том, что его невеста долго не проживет. На допрос сначала вызвали М. Салтыкова, а затем отца Марии И. Хлопова. Последний сказал, что лечением его дочери ведал М. Салтыков, который, вероятно, умышленно вредил, поскольку затаил на него злобу из-за пустяковой ссоры, случившейся во время осмотра царем Оружейной палаты.

Стало ясно, что Салтыковы умышленно обманули государя, объявив болезнь Марии неизлечимой. В Нижний Новгород послали комиссию во главе с боярином Ф.И. Шереметевым, архимандритом Иосифом и тремя докторами. Там они узнали у Марии, что вся ее болезнь приключилась от происков «супостат».

Салтыковых обвинили в том, что они «государевой радости и живота учинили помешку» и сделали это «изменою, забыли крестное целование и государскую милость, выше ваша мера все это поставили ни во что... Только то и делали, что себя богатели, земли крали и во всяких делах делали неправду, кроме себя, никого не видели... а доброходство и службы Государю не показали». Их лишили имущества и сослали: одного в Галич, другого в Вологду. В Суздальский монастырь была отправлена и их мать, родная сестра Марфы Ивановны.

Но на Марии Хлоповой царь Михаил так и не женился. Этому решительно воспротивилась его мать, обиженная за наказание ее родственников. В ноябре 1623 года М. Хлоповой официально отказали в звании царской невесты.

Инцидент с Марией Хлоповой, вероятно, стал предметом пересудов среди знати. Поэтому Михаилу и его родителям необходимо было убедить всех, что в их семье царят мир, взаимное уважение и покой. Для этого члены царской семьи стали вести друг с другом официальную переписку, даже когда расставались ненадолго. С ней могли ознакомиться и дьяки, и гонцы, и служащие Постельного приказа, где хранились письма.

Вот образец письма, отправленного Марфой Ивановной Филарету из села Братошина (на пути в Троице-Сергиев монастырь) 30 мая 1623 года:

«Вышесестественному в подвизех и равноангельному изволением, изрядном во архиереех, богодуховенну в чловецах Великому Государю и Владыце моему Святиейшему Филарету Никитичю, Божию милостию Патриарху Московскому и всеа Руси, старица Марфа Вашему Святительству челом бьет.

На стан, Государь, в село Братишино я и сын наш, свет очю моею Царь и Великий Князь Михайло Федорович всеа Руси, пришли мая в 29 день, дал Бог, здорово». Вставка на обороте: «И того ж, Государь, дни пожаловал ты, Государь, присылал к нам Ивана Биркина возвестити о своем государском светительском душевном спасении и о телесном здравии вкупе ж и о сыне своем благородном и моем (несколько слов зачеркнуто и исправлено. — Л.М.) ...и сыну нашу Великому Государю Михаилу еси и я на вашему государскому светительскому благословение пожалование челом бью.

А из Братишина, Государь, поидем того же мая в 30 день. Молим же ся человеколюбию Божию, да сподобит нас всесельный Бог по благословию Вашего Светительства, по обещанию ж нашему достигнути пречистыя обители святых и единосущных Троицы и тамо молитвы и благодарения принести и светло в радости духовней праздновати. И оттоле царствующаго града Москвы достигнути здраво, и видети ваше равноангельное лице, и стопам вашим поклонится, и челом ударити.

131 года, мая в 30 день послана с жильцом Богданом Наркобковым в семь часов дни».

Текст письма поражает выпренностью стиля, особой пышностью выражений, почтительностью. Множество исправлений свидетельствует о том, что Марфа стремилась наиболее точно выразить свои чувства к мужу, ни в чем его не обидеть и сверх всех заслуг возвысить. Вполне вероятно, что это письмо, носящее сугубо официальный характер, предназначалось для прочтения не только Филарету, но и окружавшим его придворным.

Такой же характер носит письмо самого Михаила, написанное Филарету в тот же день и из того же Братошина. Величание патриарха еще более возвышенное и витиеватое:

«Пречестнейшему и всесвятейшему о Бозе отцу отцем и учителю Христовых велений, истинному столпу благочестия, евангилские проповеди рачителю, недремателну оку церковному благолепию, кормчию Христова корабля, неблаженно тои направляющу во пристанище спасения, Великому Государю, отцу нашему Святейшему Филарету Никитичю, Божиею милостию Патриарху Московскому и Всеа Руси, сын вашего по плоти благородия, изряднее же по духу свойства, Царь и Великий Князь Михайло Федорович Всеа Руси челом бьет.

На стан, Государь, в село Братошино мы и мати наша Государыня и благородная старица инока Марфа Ивановна пришли мая в 29 день на вечер, дал Бог здорово». Далее идет вставка с оборота письма: «И того ж, Государь, дни пожаловал ты, Государь, посылал к нам Ивана Биркина возвестити о своем государском святительском душевном спасении и телесном здравии вкупе же и о нашем, и благородной матери нашей Государыне иноке Марфы Ивановны о спасении и о здоровье веда изволил еси, и мы, и матер наша Государыня и благородная старица инока Марфа Ивановна слыша о вашем государском душевном нам спасении и о телесном здравии попремногу обрадовались пожалованием и челом бьем». Далее основной текст:

«А из Братошина, Государь, поидем мая в 30 день. Молим же ся Вашему Превысочайшему Светительству, да возслаши о нас ко всемогущему Богу честныя твоя и богоприятныя молитвы, яко да сподобит нас всеилный Бог по благословению Вашего Святительства, по обещанию ж нашему достигнути пречестныя обители святыя и единосущныя Троицы («и великого в чудесах преподобного Сергия» зачеркнуто. — Л.М.). И тамо молитвы и благодарения принести, и светло в радости духовней праздновати, и оттоле к царствующему нашему граду, Москве, возвратитись здорово, и с веселием зрети светлепное ваше лице, и стопам вашим поклонитись и челом ударить».

Характерно, что сделанные на обороте вставки в письмах Марфы и Михаила по своему содержанию совпадают. Значит, мать и сын писали свои послания одновременно.

Еще более официальный характер носит ответное письмо Филарета, который при обращении к сыну употреблял его полный царский титул:

«Божиею милостию Великому Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всеа Русии Самодержцу, Богом хранимому и Богом избранному и Богом венчанному победопобеднику великого и истинного православия по плочкому рождению сыну о Святем же Дусе возлюбленейшему сыну, нашего смирения в православии, радоватися о Госпode. И радость, да будети мир, и милость, и победа на враги и на супостаты православные наши истинные веры Божиным. Живота безнаветна и безмятежна многолетствием, Государь, здравствуи, душевне вкупе ж и телесне во всяких благопотребных и душевнех спасении.

Аще ли, Великий Государь, пожалуешь похочешь спросить о нашем пребывании, и яз, отец твои и богомолец, смиреннии Филарет Святейшии Патриарх Московский и всеа Русии, Божиею милостию и Пречистые Богородицы и великих чюдотворцов Петра, Олексея и Ионы и всех святых молитвами телесне ж, а душевне Бог весть. А здесь, Государь, в вашей царской отчине в преславушем граде Москве, мая по 30 число дал Бог здраво все. Пожаловал еси, Государь, писал ко мне, отцу своему и Богомольцу, что вы, Великий Государь, в село Братишино пришол мая в 29 день, дал Бог, здорово. И из села, из Братишина, поидешь в село, в село Воздвиженское мая в 30 день. И я, отец твои и богомолец, слыша о том, духовно возвеселись, и я всеильному, в Троице славимому Богу попремному хвалу воздал. И паки молю Всещедраго Государя, достигнути пречистую обитель святых и единосущных Троица и тамо моление и благодарение принести, и светло в радости духовно праздновати, и оттоле в царствующий град возвратися.

Молю Ваше Царское Благородие, да повелиши к нам о своем царском здравии, о путном шествии возвещати, чтоб мне, слыша ваше царское путное шествие, здраво и ве-

село, духовно веселитца. А милость Божия и Пречистей Богородицы и великих чюдотворцов Петра и Олексея, и Ионы, и всех святых молитвами нашего смирения, благословение и молитва дает и будет с Вашим Царским Благородием ныне и во веки. Аминь».

На обороте в центральной части столбца надпись: «Божиею милостию Великому Государю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всеа Руси Самодержцу, Богом хранимому и Богом избранному, и Богом венчанному, победопоборнику великаго и истиннаго православия.

131 года, мая в 31 день з жильцом Булушем Челищевым».

Примечательно, что письма доставлялись очень быстро, в тот же день.

ДВА БРАКА ЦАРЯ

Летом 1624 года царской невестой объявили Марию Владимировну Долгорукую. Ее отец, князь В.Т. Долгорукий, был боярином в окружении патриарха Филарета. Это, видимо, и стало причиной женитьбы Михаила Федоровича. Свадьба состоялась 19 сентября. Но уже на следующий день молодая жена занемогла. Ее болезнь длилась три с лишним месяца, и 7 января 1625 года она умерла. Очевидно, что и на этот раз не обошлось без происков «супостат», но кто они были — неизвестно. Одно ясно: борьба за влияние на молодого царя шла ожесточенная, и главную роль в ней играли ближайшие его родственники.

Через год, в январе 1626 года, вновь возникает вопрос о женитьбе государя. Невесту решили выбрать по обычаю прежних царей. Во дворец на смотрины пригласили 60 наиболее знатных девушек государства. При каждой находилась прислужница из менее знатного рода. В полночь вместе с матерью царь обошел спальни девушек. Михаилу приглянулась одна из прислужниц боярышни Е.Ф. Шереметевой — дочь Можайского дворянина Евдокия Лукьяновна Стрешнева. Мать пыталась отговорить сына под предлогом того, что его решение оскорбит всех знатных особ. Но Михаил остался непреклонен. Вероятно, он давно приметил красавицу

Евдокию, поскольку она служила при дворе его родственника боярина Ф.И. Шереметева, жившего в Кремле.

На следующий день в Успенском соборе огласили имя новой царской невесты. Согласно легенде, весть об этом застала отца Евдокии за работой. Он был очень скромным человеком и даже в царском дворце, где поселился после бракосочетания, продолжал вести умеренный образ жизни, не давая повода для зависти, а значит и для козней, более знатным особам. Скромной оставалась и его дочь, даже в ранге царицы. Вероятно, выбор невесты из незнатного рода был сделан Михаилом по политическим соображениям. Помня участь двух первых невест, он хотел, чтобы его жена находилась как можно дальше от придворных интриг.

Бракосочетание состоялось в феврале 1626 года в Успенском соборе. Царь появился верхом на лошади, невесту привезли в сани. Главным распорядителем на свадьбе назначили дядю царя боярина И.Н. Романова, друзьями при женихе — князей Д.М. Черкасского и Д.М. Пожарского, при невесте — боярина М.Б. Шеина и князя Р.П. Пожарского. Церемонию венчания осуществлял сам патриарх Филарет. Завершилась она праздничным пиром. В «Книге об избрании Михаила Федоровича на царство» сохранилось изображение. В центре на возвышении за высоким столом сидели государь и государыня. Вдоль стен стояли длинные столы, покрытые скатертями. На них не было тарелок, только ковриги белого хлеба. По правую руку от государя сидели знатные боярыни, по левую — князья и бояре, далее дворяне, купцы и даже простые горожане. Кушанья подавались по очереди на особых блюдах, из которых нужно было взять кусок для себя. Никакой музыки не полагалось. Пели и плясали, развлекая гостей, скоморохи. Женщины сидели на стороне невесты. (Они могли присутствовать только на свадебных пирах.) Но иногда для развлечения гостей на пир приглашали жен дворцовых служащих, которые рассказывали сказки, прибаутки, пели шуточные песни.

Марфа Ивановна постаралась принять все меры, чтобы брак сына оказался удачным. Она положила венец невесты

в свой ларец и запечатала печатью от сглаза. В будущем с царицей Евдокией у них установились хорошие отношения, они часто вместе ездили на богомолье в отдаленные монастыри.

Таким образом, только через 13 лет после вступления на престол у Михаила появилась жена. Его поздняя женитьба, возможно, была связана не только с неудачами в выборе невесты, но и с тем, что в трудное для страны время он хотел нести бремя забот один. Только после стабилизации обстановки задумался о наследниках.

Чтобы обезопасить жизнь своей жены и будущих детей, Михаил потребовал от подданных дать крестоцеловальную запись на верность не только себе, но и Евдокии Лукьяновне, и наследникам: «Целую крест Господень Государю своему и Великому Князю Михаилу Федоровичу всея Руссии и его Царевне и Великой Княгине Евдокии Лукьяновне и их Царским детям, которых им, Государем, впредь Бог даст. На том: служить мне ему, Государю, своему, и прямити, и добра хотети во всем в правду безо всякие хитрости, и ево, Государева, здоровья мне во всем оберегати, и никакове лиха ему, Государю, не мыслити, и опричь Государя своего, Царя и Великаго Князя Михаила Федоровича, всея Руссии Самодержца, на Владимирское и на Московское государство и на все великие государства Российскаго царствия иного Государя из иных государств, Литовскаго и Немецкаго королей и королевичей и из разных земель царей и царевичей и из русских родов никого не хотети, и государства под ним, Государем, не подыскивати, а где уведаю или услышу на Государя своего... в каких людех скоп и заговор, или иной какой злой умысел, и мне за Государя своего... с теми людьми битися, и будет мочь сяжет, и мне их переимав, привести к Государю».

Действия, направленные против жизни и здоровья царя и членов его семьи, а также и их личной чести, в то время рассматривались в одном ряду с самыми тягчайшими государственно-политическими преступлениями и жестоко наказывались. Так, в 1623 году за «непригожее слово о Государе бит кнутом стрелец Ивашка», в 1625 году за такое же

преступление наказали стрельца Томилку, в 1626 году – ростовского кирпичника Любимку Репкина.

В 1639 году был подан извет на постельницу царицы Л. Волосатову и ее сына, которые говорили про царицу Евдокию Лукьяновну, что она «недорога́», то есть незнатного рода, а «ныне ее Бог возвеличил». Все, конечно, знали о незнатном происхождении царицы, но говорить об этом было нельзя. Поэтому постельницу наказали.

В этом же году золотошвейка Дарья Ломакова обвинялась в том, что сыпала «ведовской пепел» на след государыни царицы. После этого царица стала печальной и почувствовала недомогание, да «вскоре Государя Царевича Ивана Михайловича не стало». Ломакову обвинили и в том, что от ее козней «в их государском здоровье и в любви стало не по-прежнему, и до сих лет меж их, Государей, скорбь, и в их государском здоровье помешка». Вполне возможно, что Ломакова не была повинна во всех несчастьях царской семьи, но поскольку каждое происшествие с особами царского рода тщательно разбиралось, то старались найти виновных.

Брак Михаила Федоровича с Евдокией Стрешневой оказался удачным. В апреле 1627 года появилась на свет дочь Ирина. Она стала любимицей Марфы Ивановны, которая шила для нее потешные куклы и угощала сладостями. Девочка отвечала бабушке полной взаимностью. Позднее она даже завещает похоронить себя рядом с Марфой в Новоспасском монастыре, а не в Вознесенском в Кремле, где хоронили цариц и царевен. (Марфа Ивановна умерла 27 января 1631 г.)

В 1628 году родилась дочь Пелагея, которая вскоре умерла. В марте 1629 года появился на свет долгожданный наследник – царевич Алексей, будущий царь Алексей Михайлович. Затем одна за другой родились две дочери: Анна и Марфа, потом сын Иван (в 1633 г.), три дочери Софья, Татьяна, Евдокия и сын Василий. Вскоре почти одновременно умирают и Иван, и Василий. Смертность в царской семье была очень высокой. Только Ирина (умерла в 1679 г.), Алексей (умер в 1676 г.), Анна (умерла в 1692 г.) и Татьяна (умерла в 1706 г.) пережили своих родителей. В чистых родах царицы дети рождались слабыми. Кроме того,

в дальнейшем мало внимания уделялось их физическому развитию, закаливанию. Например, до четырех лет царевичи жили в покоях матери, под присмотром кормилицы и мамушек. Из-за боязни сглаза они мало бывали на свежем воздухе. Потом девочки оставались при матери, а мальчиков переселяли в покои отца.

С этого момента их воспитанием занимались мужчины. Так, воспитателями царевича Алексея и царевича Ивана были В. Стрешнев и Б. Морозов. Они старались дать им вполне светское образование. Примечательно, что царевичи носили одежду немецкого покроя, специально сшитую для них по приказу Б. Морозова.

МОСКВА ПРИ МИХАИЛЕ ФЕДОРОВИЧЕ

Много внимания Михаилу пришлось уделять строительству своей резиденции, поскольку Смутное время оставило ему тяжелое наследство. В руинах лежала не только вся страна, но и Кремль. Во дворце отсутствовали крыша, полы, окна и двери. Исчезло богатое внутреннее убранство.

Теремной дворец в то время не являлся единым зданием. Это были хаотично разбросанные постройки различного назначения: покои для царя (здание, построенное по типу избы, состоящей из 3—4 комнат), покои для жены и будущих детей (каждому отдельно), хоромы для торжественных приемов, заседания Боярской думы и пиров (примером является Грановитая палата), хозяйственные постройки — службы. Все здания соединялись между собой специальными переходами-галереями.

Уже в 1614 году дворец царя был восстановлен. В 1615 году иконописцы Иван и Андрей Моисеевы расписали новые палаты, и в январе 1616 года царь справил новоселье. Однако во время пожара 1619 года царский дворец вновь пострадал. Опять пришлось возводить постельные палаты, Столовую избу, в 1624 году к ним были пристроены две мыленки (бани), затем восстановили церковь Рождества на Сенях, за дворцом возвели каменную поварню, ледник и светлицы для швей.

Иностранные путешественники, в частности голштинский посол А. Олеарий, оставили такое описание Кремля этого времени: «В центре Москвы находится великолепный замок, окруженный тройными каменными стенами, глубоким рвом и реками Москвой и Неглинкой. В него ведут пять ворот, охраняемых солдатами и артиллерией. Внутри Кремля много великолепных зданий. Хотя многие здания в Кремле были каменными, царь предпочитал жить в деревянном дворце. Это считалось более полезным для здоровья. В Кремле находилось два монастыря: мужской Чудов и Вознесенский женский, а также 50 церквей, многие из которых имели позолоченные купола, ярко сияющие на солнце. Это придавало всему городу очень праздничный и нарядный вид. Посреди Кремля находилась большая площадь с двумя колокольнями. На этой площади проходили все торжественные события и празднества. На одной из колоколен находился огромный колокол, приводимый в движение 24 человеками. Обычно в него били при въезде иностранных послов».

От Спасской башни Кремля начиналась стена Китай-города. В Китай-городе также было много церквей. Жили тут богатые гости и купцы, а также различные ремесленники. Перед Кремлем на помосте стояли громадные пушки, направленные в сторону дороги, ведущей в Крым. На большой площади здесь же перед Кремлем находился огромный рынок, на котором продавалось все, что производилось в Российском государстве и привозилось иностранными гостями. Для каждого товара был специальный ряд.

Еще одним районом Москвы был Царь-город (или Белый город), который дугой опирался на реку Москву и был окружен белой каменной стеной. Здесь жили знатные вельможи, князья, боярские дети и купцы. В Царь-городе находился Хлебный и Скотный рынки, кабаки по продаже водки, пива и меда, располагались царские конюшни, Пушечный двор.

Еще одна часть города называлась сначала Скородомом, позже — Земляным городом. Ее окружал земляной вал. Здесь находился Лесной рынок и продавали срубы для новых домов. Рядом находилось много садов и огородов.

К югу от реки Москвы располагалась Стрелецкая слобода. В ней жили стрельцы и солдаты, находящиеся на службе у царя. Впрочем, были стрелецкие слободы и в других частях города.

При царе Михаиле Федоровиче начинает отстраиваться еще одна часть города — Немецкая слобода, получившая название Кокуй. Здесь селились иностранцы, находящиеся на царской службе.

По воспоминаниям иностранцев, на реке Москве было много мостов. Наиболее примечательным считался мост около Кремля. Его сделали из бревен, связанных веревками, и прикрепили к специальным береговым башням. Поэтому он просто лежал на воде («живой мост») и во время наводнений не затапливался.

Москва в то время являлась не только столицей государства, но и усадьбой вотчинника-царя. Большая часть слобод у посада (поселения торговцев и ремесленников) возникла для нужд царского двора. На всех улицах от Москвы-реки до Никитской жили всевозможные ремесленники, делавшие предметы царского обихода. Рядом с рекой располагалось Остожье, где паслись царские табуны и хранилось для них сено. Здесь же были царские конюшни. У Дорогомилова перевоза, а потом и моста, находился государев Дровяной двор. С Пресненских прудов поставляли рыбу к царскому столу. На Новом Ваганькове была псарня. На Никитской улице жили царицыны прислужницы: постельницы, швеи и др. За Москвой-рекой, в Кадашной слободе, ткали полотна для царской семьи — для белья, скатертей и т.д. Напротив Китай-города за рекой на царском огороде выращивали овощи для царского стола. В селе Воронцове располагалась царская дача. Большой луг за рекой Неглинкой давал до 600 возов сена для царского скота.

В устье Яузы находились особые слободы, занимавшиеся поставкой овощей к царскому столу. Первые выросшие огурцы, редис и прочую зелень сначала приносили на пробу царю Михаилу и патриарху Филарету. Только после царского благословения их могли потретьять все остальные.

В мае 1626 года страшный пожар вновь опустошил Москву, особенно пострадали Кремль и Китай-город. Летописцы отмечали, что в Кремле выгорели «церкви Божия со всяким украшением, и государев двор и патриархов, и дворцы, и запасы, и приказы каменные. В них многая государева казна и дела всякие, и житнишной государев двор, и конюшни, и боярские дворы — все выгорело».

Царь с семьей в это время находился на богомолье в Троице-Сергиевом монастыре, поэтому не пострадал. После пожара пришлось заново отстраивать дворец, восстанавливать церкви, казну, деловую документацию. Михаил издал несколько указов, в которых подробно расписал обязанности служилых людей по ликвидации последствий пожара: одни должны были восстанавливать дворец, другие — Китай-город, третьи — ехать по городам за копиями документов для восстановления архива.

Все эти меры быстро дали хорошие результаты. Уже в сентябре того же года царь справил новоселье в постельных хоромы и передней избе. В 1627—1628 годах отстроили и расписали новую Постельную избу.

В Даниловой слободе строится кирпичный завод. Из его кирпича в 1631 году сложили новую поварню с водопроводом, который располагался в Свибловой башне и снабжал водой Сытный и Кормовой дворы.

В 1636—1637 годах Теремной дворец расширяется, строятся новые покоевые палаты для царя и его детей. Фактически это были избы, расположенные в несколько ярусов и завершающиеся чердаками-гульбищами с красивыми вычурными крышами с башенками. Перестройка настолько увеличила площадь дворца, что даже во время царствования Алексея Михайловича какой-либо реконструкции не потребовались.

После пожара восстанавливаются и другие постройки Кремля. В Успенском соборе золотятся купола, расписываются стены, ремонтируется Архангельский собор, к которому пристраивается колокольня, расширяется помещение Оружейной палаты. Надстраивается Спасская башня, в ней помещаются часы.

При царском дворе начинает работать группа иконописцев: Назарий Истомин, Прокопий Чирин, Никифор Савин. Искусствоведы относят их творчество к Строгановской школе, отличавшейся изысканным и изящным письмом по золотому фону. Они пишут новые иконы для кремлевских храмов, расписывают палаты Теремного дворца. В 1637 году Бажен Огурцов отделал дворец резными наличниками и другими украшениями из камня.

Значительно меняется и Китай-город. По царскому указу окольничему Г. Волконскому и дьяку Волкову предписывалось составить новый план этой части города. По нему предполагалось раздвинуть торговые ряды, построить новые каменные лавки, более удобно разместить торговцев различными товарами.

Указ упорядочивал продажу весьма разнообразного товара. Значительную его часть составляли всевозможные продукты.

Торговые ряды Китай-города А. Олеарий характеризовал как прекрасный, просторный и удобный рынок с каменными лавками общим числом около 40 тыс. Особенно запомнился ему Вшивый рынок — место, где стригли волосы. Вся земля на нем была покрыта толстым ковром из волос.

Улицы Москвы были узкими и кривыми. Их ширина редко превышала шесть метров, что позволяло разъехаться двум повозкам. Лишь Никольская улица, по которой ездил царь, на некоторых участках расширялась до 16 метров. Весной и осенью некоторые улицы превращались в непролазные болота.

Улицы Москвы мостились бревнами, а сверху укладывали деревянные плахи. Внутренние перевозки обеспечивали 200 извозчиков. Город не знал уличного освещения, поэтому на всех повозках в ночное время должны были зажигать фонари.

В то время пожары были частым явлением, так как дома освещались лучинами и свечами, а печи имели несовершенное устройство. Выгорали целые кварталы, поскольку большинство построек были деревянными. Созданные по приказу царя особые отряды стрельцов и стражников не

тушили пожар, а ломали близлежащие постройки, преграждая путь огню специальными кожаными щитами, и следили за тем, чтобы огонь не распространялся дальше. Для предохранения от огня горожанам предписывалось строить каменные здания с маленькими окошечками, железными решетками и ставнями. Летом запрещалось топить баню и печи в домах.

В течение очень долгого времени главная площадь Москвы — Красная — называлась «Пожар», в память о пожаре 1571 года. На трех башнях Кремля, обращенных в разные концы города, висели набатные колокола. Различные комбинации их звона оповещали москвичей о том, где горит — в Китай-городе, в Замоскворечье или Занеглименье.

В царствование Михаила Федоровича определенное внимание уделялось возведению церквей, посвященных важным событиям. В честь возвращения Филарета построили храм в селе Рубцове; после подписания Деулинского перемирия — церковь в селе Деулине. Особо примечательным стал Казанский собор на Красной площади в честь чудотворной иконы Казанской Божьей Матери.

Заново был сооружен собор Новоспасского монастыря, родовой усыпальницы семьи Романовых, а также возведены новые стены и колокольня. На фресках собора (созданных позднее) есть изображение царя Михаила и его сына царевича Алексея. Летописцы отмечали как особую заслугу царя строительство на Никольской улице «дома преукращенного и в нем палаты двокровны и трикровны на душеполезное книжное печатное дело», то есть Печатного двора. Еще одним гражданским сооружением стал каменный мост через Москву-реку. Некоторые храмы возводили богатые горожане. Среди них — храм Троицы на Никитской улице, храм Петра и Павла — у Яузских ворот, храм Иоанна Предтечи — на Лубянке, храм Козьмы и Демьяна — на Покровке.

Много строили не только в столице. В первой половине XVII века массовый характер приобрело возведение крепостей и укреплений — засечных полос. Были восстановлены каменные крепости в Коломне, Туле, Серпухове, Пскове, Новгороде, Гдове, Астрахани. Новые крепости появляются

в Орле и Ярославле. Земляные валы насыпаются во всех приграничных городах.

В 1620-х годах восстанавливается старая Заокская оборонительная черта. Ремонтируются все главные ворота засеки общим числом 22. В 1635—1653 годах завершилось строительство Белгородской укрепленной линии длиной в 800 верст. В 1620—1630-х годах в новых крепостях были организованы сторожевая и объездная службы. Воинские люди быстро передавали сведения о появлении неприятеля. Строительство всех этих укреплений велось по инициативе царя и за счет казенных средств.

Из «Переписной книги 1638 года» известно, что в Москве существовали плотничьи и кирпичные слободы, созданные для государственных нужд. Были такие слободы и в других крупных городах. Оттуда для устройства крепостей мастера самых различных специальностей рассылались по всей России. Им в помощь на местах выделялись крестьяне и посадские люди. С 1620 года известны такие мастера, как К. Башмаков, Г. Теряев, А. Строев. В 1636 году город Орел «ставил» Б. Колтовский, Тамбов — С. Боборыкин, Козлов — Ф. Сухотин и т.д.

Одной из последних построек царя Михаила стал загородный дворец в Коломенском, где 17 сентября 1641 года царская семья отметила новоселье. Окончательно отстроен дворец — новое «чудо света» при сыне Алексее.

Развитие промышленности, ремесла, обширные строительные работы требовали грамотных специалистов. В Москве появляются новые школы. В Чудовом монастыре на средства патриарха Филарета создается школа для обучения мальчиков грамоте и богословским наукам. В 1621 году в Немецкой слободе появляется лютеранская школа для обучения детей иностранцев, состоящих на службе у царя. Открываются и частные школы: старца Иосифа, прибывшего из Александрии, Ф.М. Ртищева в Андреевском монастыре. В 1634 году издан букварь В. Бурцева.

В 1627 году в Разрядном приказе создается «Книга Большого чертежа» — первое систематическое описание Российского государства. Оно состояло из карты и комментария к ней «для государевой службы посылок». В Ямском

приказе составляется справочник дорог и поверстные книги с описанием иностранных торговых городов. Все эти издания наглядно отражают довольно высокий уровень географических знаний служилых людей из царских приказов.

ДВОРЦОВЫЙ БЫТ

Дворцовый быт царя Михаила в сравнении с образом жизни последующих монархов был достаточно скромным и простым. О нем можно судить по устройству его личных покоев, которые состояли из 3–4 небольших комнаток с низкими потолками и бревенчатыми стенами с маленькими оконцами. В прихожей-сенцах стены ничем не обивались, в комнатах-покоях — затягивались цветной материей, на полу лежал ковер. Вся мебель состояла из лавок вдоль стен, обитых красным сукном, в центре находился небольшой трон для царя. В этой комнате государь принимал близких людей. В спальне стояла кровать под красивым вышитым пологом. Обычно у царя было несколько смен постельного белья. Богато украшенное считалось парадным и хранилось в особых сундуках. Другое, простое, — для повседневного пользования. Еще одна комната называлась крестовой или образной. Здесь хранились святыни: вода, земля и камни, привезенные паломниками, особо яркие свечи, кресты с мощами святых, всевозможные подарки греческого духовенства, церковные книги и иконы.

К покоям царя примыкали покои царицы: простые сени и две небольшие комнатки — спальня и приемная. Стены были обиты тканями. Покои царицы соединялись переходом с царскими, но имели и отдельный вход.

Существовали особые потешные палаты, где хранили музыкальные инструменты: цимбалы, домры, гусли, скрипки, используемые на пирах для увеселения гостей.

Сохранились сведения о том, что некий «немчин» Иван Семенов целых десять лет увеселял царскую семью в Потешной палате. Он был и акробатом, и фокусником, и клоуном, и так нравился Михаилу, что получил разрешение обучать своему искусству учеников: «выучил по канатам ходить

и танцевать и всяким потехам, чему сам умеет, пять человек, да по барабанам выучил бить 24 человека».

Парадные помещения для приемов украшались стенописью и картинами иностранных художников. Имя одного из них известно. Немец И. Детерс в 1642–1656 годах обучал живописи русских мальчиков. До нас дошел конный портрет царя Михаила и портрет царицы Евдокии, правда, даты их создания неизвестно.

Зеркала, которые в ту пору были редкостью и стоили очень дорого, по обычаю, хранили закрытыми. Известно, что для оплаты жалованья польским солдатам, находившимся в Москве в 1611 году, выставили на продажу одно из царских зеркал.

Во всех помещениях дворца находились часы. На Руси тогда существовало свое времяисчисление. Часы делились на ночные и дневные. С восходом солнца начинались дневные часы, с заходом — ночные. Поэтому каждую неделю количество дневных и ночных часов менялось, и в каждом городе было свое. Для точного определения времени в святцах давались особые таблицы. Поэтому иностранные часы на Руси не находили спроса.

Москвичи могли точно определять время по часам на трех башнях Кремля. Они были с колокольным боем. Для обслуживания механизмов пригласили иностранных мастеров, хотя устанавливали их русские часовщики.

Царская одежда хранилась в особых кладовых и была описана в специальных книгах. Вышедшее из употребления белье раздавалось нищим или отсылалось в тюрьму. Богатое украшение (жемчуг, мех и кружева), как правило, спарывалось и использовалось для новой одежды.

Еще одним предметом царского обихода были гребни. Они делались или из кости, или из дерева и богато украшались золотом и драгоценными камнями. В 1638 году царь получил в подарок от турецкого султана роговой гребень с яшмой и позолотой.

В качестве мыла использовалось некое душистое вещество, которое делалось в Аптекарском приказе из настояев трав. Мылись в мыленках (банях), лежа на сене, застланном полотном. Но было и обычное мыло, которое покупали за границей.

Царица пользовалась множеством различных снадобий: белилами, сурьмой, бальзамами и ароматами. Их делали в Аптекарском приказе по особым рецептам из всевозможных трав, жиров и минералов.

Царь Михаил очень любил диковинки. В 1614 году у московского гостя М. Смывалова для него были куплены: «брусок скляной, во что смотретца, трубочка, что дальше, а в нее смотря, видится близко, очки хрустальны, с одной стороны гранены, а с другой гладки, что в них смотря, много кажется,бочечка костяная точеная, в ней лунное течение да часы солнечные, скляница круга, а в ней под стеклом мужик с женой, ящик, а в нем под стеклом жена со младенцем». В царской сокровищнице хранилось много ящичков с различными восковыми фигурками людей (библейскими персонажами) и животных.

К редкостям относились попугаи, антилопы, всевозможные диковинные зверьки, которых дарили послы и иностранные купцы. Есть сведения, что в 1626 году Михаилу подарили райскую птицу Гамаюн, но что это была за птица, нам неизвестно. У царицы Евдокии Лукьяновны в хоромы жили белки и горностаи.

Свободное время царь и члены его семьи проводили в кремлевских садах: висячих, комнатных и обычных. Комнатные и висячие располагались на крышах каменных палат и над погребями. В садах росли яблони, груши, виноград, вишни, сливы и даже грецкие орехи. Много было цветов: лилии, розы, нарциссы, гвоздики. Впервые махровые розы привез царю Михаилу немецкий купец и дипломат П. Марселлис. Некоторые особо редкие растения царь Михаил выписывал для этих садов из-за границы. На ветках деревьев вешались клетки с птицами: соловьями, канарейками и попугаями.

Находились в Кремле и обычные сады с красивыми беседками, прудами, в которых плавали лебеди и потешные лодки. Особые садики для игр имели царские дети. В 1643 году в одном из садов похоронили кровь (руду) царя Михаила после кровопускания. Очевидно, со здоровьем царя было неблагополучно.

Иностранные послы дарили много подарков — от лошадей ценных пород до зеркал в красивой оправе, серебряную и хрустальную посуду, часы.

Некоторые иностранные купцы длительное время занимались обеспечением царского двора всем необходимым. Например, П. Марселис, купец из Гамбурга, в течение 30 лет привозил из Европы товары для царя и его семьи. Он помогал русским послам у себя на родине, нанимал докторов, рудознатцев и солдат для России в европейских странах. За все эти заслуги царь наградил его званием гостя и правом беспошлинной торговли на Руси.

На государевом дворе размещались многочисленные хозяйственные постройки — Сытный, Хлебный, Кормовой, Конюшенный и Житный дворы. В ледниках Сытного двора хранились всевозможные напитки: фряжские вина, пиво, меды, ягодные вина, квасы, морсы, яблочные, вишневые, смородиновые, малиновые и прочие воды. Там же хранились фрукты и ягоды: виноград, арбузные и дынные полосы, яблоки, свежие и в патоке, сливы, груши, анис, хмель, оливы, смоквы, финики, орехи и всякие травы. Как видим, запасы были весьма изрядными.

Царский обед проходил по особому ритуалу. Кушанья готовились под руководством Кормового двора. Готовые блюда сначала пробовал повар в присутствии дворецкого, а затем перед подачей на стол — дворецкий и ключник. Потом их забирали стольники и передавали кравчему, который и ставил еду перед царем. Сервировка была очень простой: на столе, покрытом скатертью, стояли судки для соли, перца, горчицы, уксуса и хрена. Каждый едок наделялся хлебом и ложкой. Кушанья подавали в общих блюдах. Отдельные блюда подавали только царю и особо почетным гостям.

Царские столовые книги дают много сведений о том, чем питалась царская семья. Хлеб ели ржаной и пшеничный. Лучшим считался крупитчатый, изготавливаемый из муки особого сорта. Выпекалось несколько видов калачей, некоторые предназначались для бесплатной раздачи бедным. Пироги пекли с рыбой, мясом, овощами, кашами, творогом. Их насчитывали до 50 видов. В скромные дни подавали курники с начинкой из кур, говядины и жира. В пост ели пироги с рыбой, творогом, грибами, яйцами, капустой, морковью, луком, маком, репой, сладкие пироги с изюмом, ягодами, яблоками. Пекли также караваи с творогом, яйца-

ми, оладьи, блины с припеком из лука, яиц, рыбы и икры. Излюбленным лакомством считались пряники и пастила.

Для приготовления основных горячих блюд использовали говядину, свинину, баранину и птицу. Иногда мясо солили впрок. Из голов варили студень, кишки начиняли смесью из мяса, гречневой каши, лука и яиц и подавали с соусом («под взваром»). Молодых поросят запекали целиком с хреном и чесноком. Телятину считали поганым мясом и не ели (слух о том, что Лжедмитрий I ел в пост телятину, испортило его репутацию в народе). Из баранины, соленых огурцов, перца и уксуса готовили особое блюдо, которое называли «похмелем». Особо ценилось мясо лосей, жареную лосину посылали в подарок именитым гостям. Торжественные пиры украшались лебедями под соусом. Кур жарили на вертеле, начиняли кашами, варили из них щи и уху (белую, черную, шафрановую).

Однако рыбная пища была распространена больше. Рыбу в Москву везли со всех концов государства «про царский обиход». В год на ее приобретение тратилось до 100 тыс. руб. К холодным закускам относились черная икра, вязига и соленая рыба. Популярна была уха, которой существовало до 10 видов. Рыбу жарили, пекли с ней караваи, жарили блины. Все сдабривали различными специями. Много употребляли овощей в свежем, соленном, вареном и жареном виде: свеклу, горох, капусту, репу.

На сладкое подавали фрукты (яблоки, груши, вишни и др.) в свежем виде и в патоке. Конфеты и сахар были привозные, поэтому ими угощали только особо именитых гостей.

Пили всевозможные квасы, пиво, меды, фруктовые воды. Вином называли как русскую водку, так и привозное вино.

ПРИЕМЫ И ПРАЗДНИКИ

Некоторые иностранные послы оставили описание приемов в царском дворце. Они проходили в больших парадных помещениях, либо в Грановитой палате (в особо торжественных случаях), либо в Столовой избе. У одной из стен стоял царский трон, по обе стороны от него распо-

лагались лавки для бояр. Царь Михаил сидел на троне в богатом одеянии, усыпанном жемчугом и драгоценными камнями. На голове была корона с крупными брильянтами, одетая поверх собольей шапки. Перед царем стояли 4 князя (рынды) в белых одеждах с секирами в руках. Выслушав речь послов, царь разрешал им поцеловать свою руку, но после этого сразу же ее мыл в специальном умывальнике, находящемся рядом с тронем. Делалось это, видимо, из-за опасений «морового поветрия». Канцлер, так называли иностранцы главу Боярской думы, принимал у послов подарки и грамоты. На этом аудиенция заканчивалась.

Сохранились рассказы некоторых иноземных послов о русских праздниках, в которых участвовал и царь. Так, Олений описал празднование Нового года, наступление которого отмечалось в то время 1 сентября. В Кремле на дворцовой площади собиралось множество народу. Из Успенского собора в сопровождении духовенства выходил патриарх. Навстречу ему шел царь с боярами. В центре площади царь и патриарх обнимались. Царь преподносил патриарху подарок. После этого патриарх произносил поздравительную речь и благословлял всех. Народ, окружавший царя, бросал ему под ноги грамоты с прошениями, которые приближенные собирали и уносили с собой.

Другой интересный обряд — «шествие на осляти» — совершался в Вербное воскресенье. От Успенского собора начинался крестный ход, в котором принимало участие духовенство и царь. Процессия выходила на Красную площадь и останавливалась у Покровского собора (Храм Василия Блаженного). Царь и патриарх проходили внутрь храма и облачались в парадные одежды. Отслужив литургию, все шли на площадь и поднимались на устланное дорогими тканями Лобное место. Там патриарх подносил государю веточку вербы. Затем диакон читал текст из Евангелия. Дойдя до того места, где говорилось, что Христос, желая въехать в Иерусалим, просил учеников привезти ему осла, патриарх подавал знак, и двое священнослужителей подводили ему коня. Начиналось шествие. Патриарх ехал, правда, не на осле, а на лошади, которую за уздечку вел сам царь. Впереди бежали придворные и расстилали перед шествующими свои одежды.

Личная жизнь царя

Заканчивалось шествие у стен Успенского собора. Царь и патриарх обменивались поцелуями и расставались.

Еще один праздник — Водоосвящение или Богоявление, который отмечался два раза в год: на Крещение 6 января и 1 августа. В Крещение празднество проходило на льду Москвы-реки, где заранее прорубали большую прорубь, куда опускали иордань — расписной деревянный ящик, увенчанный шатром. Снаружи стенки ящика украшали изображения четырех евангелистов, а внутри — сцена Крещения Господня.

К проруби из Кремля под колокольный звон начинался крестный ход. Процессию открывали выбранные от стрелецкого войска несколько сот человек, одетых в кафтаны цвета своих полков. За ними следовало духовенство с хоругвями, иконами во главе с патриархом. За духовенством в сопровождении громадной свиты следовал царь. Слуги несли атрибуты царской власти. Два высших представителя духовенства поддерживали под руки патриарха, а бояре В.И. Стрешнев и М.Б. Шеин вели царя. Рядом с прорубью были устроены места для царя и патриарха. Пространство вокруг устилали красным сукном и огораживали металлической решеткой. Царь поднимался на возвышенное место у проруби, а патриарх подходил к проруби, погружал крест в иордань, после этого оттуда брали освященную воду. Затем патриарх давал царю поцеловать свой крест и кропил его и всех присутствующих святой водой. Ее несли во дворец и окропляли комнаты и иконы. Патриарх поздравлял царя с праздником. После обряда все садились в сани и возвращались в Успенский собор Кремля на молебен.

Празднество завершалось пиром во дворце.

СМОЛЕНСКАЯ ВОЙНА

Михаил Федорович понимал, что заключенный в 1618 году мирный договор с Речью Посполитой не мог быть вечным, поскольку у поляков оставался Смоленск и многие исконно русские земли. Кроме того, сын короля Сигизмунда III Владислав все еще мечтал о русской короне.

В 1621 году, подталкиваемая Турцией и Швецией, Россия чуть не оказалась вновь втянутой в русско-польскую войну. Даже созванный по этому поводу Земский собор постановил: «Идти на недругов поляков», хотя страна была явно не готова к этому тяжелому испытанию. Действовать против Речи Посполитой побуждали и обращения православного населения Украины, искавшего покровительства царя. Однако, пока в Москве готовились к войне, турецкий султан потерпел поражение при осаде Хотина. Потеряв много воинов, он заключил с Речью Посполитой перемирие. Осложнилась ситуация и в Швеции. В одиночку Россия не могла вести новую войну, поэтому военные приготовления отложили до лучших времен.

К концу 1620-х годов финансовая ситуация в России значительно улучшилась. Торговля хлебом на европейских рынках давала казне огромные прибыли: цены на зерно

из-за неурожаев в европейских странах поднялись очень высоко. Улучшение финансового состояния государства позволило правительству царя Михаила начать фундаментальные приготовления к войне. Нанимаются иностранные солдаты, закупаются в европейских странах оружие и боеприпасы.

Поначалу на службу к русскому царю для набора и обучения солдат были взяты несколько иностранных офицеров. Запрещалось только принимать на службу французов и всех католиков, которых подозревали в тайной дружбе с поляками.

Предполагалось большую часть войска нанять в Швеции: 5000 пеших солдат, 2—3 полковника и несколько капитанов. Там же следовало купить 10 тыс. мушкетов и 5 тыс. шпаг. Недостающих воинов следовало взять в Дании, Англии и Голландии. Кроме того, по распоряжению царя Михаила пригласили европейских мастеров, умеющих лить ядра и пушки.

Первым на царскую службу приняли шотландского полковника Лесли, который служил до этого в Швеции. Ему присвоили чин старшего полковника, звание рыцаря и дали имя: Александр Ульянович Лесли. В помощь ему взяли полковника И. фон Дама из Голштинии. Он обещал сам нанять полк в 1600 человек и доставить его в Нарву.

Иностранные солдаты обходились весьма дорого казне. 15 руб. платили только за наем каждого солдата, его служба стоила более 200 руб. в год. (Для примера можно заметить, что годовой оклад московских дьяков был 20—30 руб.) Каждый мушкет стоил 15 руб. (их купили 1100 шт.), алебарда — 4 руб. (40 шт.); знамя — 1 руб. (5 шт.), барабан — 3,5 руб. (24 шт.), 150 пудов фитиля — 300 руб. 60 коп. Дополнительно в Голландии купили 20 тыс. пудов пороха, 15 тыс. пудов ядер и 3 тыс. сабельных полос.

В помощь царю английский король отправил 3-тысячный отряд под началом Т. Сандерсона и 40 тыс. рейхсталлеров.

Правительство Михаила Федоровича занялось реорганизацией собственной армии. Для усиления боеспособности дворянского ополчения денежное и земельное жало-

ванье стало назначаться в строгом соответствии со службой. Новобранцев начали обучать современному военному строю. Кроме дворянской конницы, в армии формируются солдатские пехотные полки. Конные рейтарские и драгунские полки состояли из наемных солдат. Из казны они получали жалованье и оружие: мушкеты, пищали, пистолеты, шпаги, пики, латы и др. Наемными солдатами могли быть не только иностранцы, но и вольные русские люди из числа беспоместных боярских детей, казаков и татар. Офицерами же обычно были иностранцы.

Сформированные четыре «немецких» полка и шесть русских стали называть полками «иноземного строя». Теперь они делились не на сотни и десятки, а на полки, роты и руководились полковниками, майорами и капитанами. В целом созданием армии занимались Иноземный приказ, Рейтарский приказ, а также приказ Сбора ратных людей, который принудительно набирал «даточных людей» из крестьян, неслужилых дворян, монастырских слуг и торговых людей, обязанных иметь собственное вооружение и соответствующую одежду.

В ведении Пушкарского приказа находились отливка пушек, ядер, закупка на Архангельской ярмарке меди и серы.

Очевидно, главным инициатором русско-польской войны был патриарх Филарет. Уже с 1622 года все дипломатические контакты с Польшей были разорваны. В 1625 году отстраняется от должности дьяк И. Грамотин, главный участник Деулинского перемирия. На его место назначается думный дьяк Е. Телепнев.

Внешнеполитическая ситуация была благоприятной для России. В конце 1627 года в Москву прибыл турецкий посол Фома Кантакузин с планом совместных военных действий против Речи Посполитой. Хотя окончательно ничего не решило, но начало переговоров обнадеживало.

В 1629 году в Москву прибыли шведские послы Моnier и Бенгарт с просьбой о помощи в войне с Речью Посполитой. Главной же целью поездки было продление договора на закупку дешевого русского хлеба, что до этого в течение шести лет разрешалось. В первые три года царь позволял шведам покупать зерно «по Двине» беспошлинно. В 1628 го-

ду заключили торговый договор на 5 лет, по которому Россия обязывалась продавать Швеции на 100 тыс. руб. сельхозпродукции, а Швеция на ту же сумму — металлов и металлических изделий. Правда, с 1631 года всем иностранцам запретили покупать хлеб в глубине территории России. Его продавали только в Архангельске у корабельных пристаней из «царского хлеба», который привозили целовальники. В начале 30-х годов международная ситуация становится исключительно благоприятной для России.

В 1630 году венгерские послы предложили создать коалиционный союз в составе Россия — Трансильвания — Швеция — Турция, направленную против Австрии и Речи Посполитой. В 1631 году окончательно оформился русско-шведский союз против стран, управляемых Габсбургами. В мае 1631 года Швеция начала войну против австрийского императора и предложила России план совместных действий. В апреле 1632 года умер польский король Сигизмунд III. Казалось, сама фортуна благоприятствует царю Михаилу. В Речи Посполитой начался период борьбы за власть.

Летом 1632 года по приказу Михаила рассылаются грамоты о «винах» поляков, в которых говорилось, что поляки нарушают договор 1618 года, заселяют русские приграничные земли, осваивают там леса и воды, зверя бьют, рыбу ловят, местных жителей грабят и побивают, берут в плен. Имя царя Михаила пишут не по царскому обычаю, не считают его внуком и племянником царствовавших особ (Ивана IV и Федора Ивановича). «Царем и Великим Князем Всея Руси» называют королевича Владислава.

На созванном по поводу новой войны Земском соборе представители всех сословий заявили, что готовы биться за честь своего государя, «не щадя своих голов».

В 1632–1634 годах увеличиваются налоги и вводятся чрезвычайные запросные и пятинные сборы. По приказу царя стали скупать повсюду зерно, крупу и льняное семя для создания стратегических запасов и продажи союзникам.

Первые трудности начались при выборе военачальников. Сам царь Михаил не имел склонности к ратному делу, поскольку был «кротким, крови нежелательным». Сначала предполагалось поставить во главе армии князей и бояр

Д.М. Черкасского и Б.М. Лыкова, опытных и удачливых полководцев. Однако Лыков отказался быть под началом Черкасского, заявив, что привык командовать сам. За местничество (отказ от службы из-за того, что она якобы наносит ущерб его родовой чести) он заплатил огромный по тем временам штраф в 1200 руб.

В конце концов во главе войска был поставлен боярин М.Б. Шеин, хотя и весьма опытный полководец, но преклонного возраста, несговорчивый и сварливый. Возглавляя Сыскной приказ, из-за гордости и упрямства он сумел поспорить со многими знатными людьми государства, оказавшимися потом в армии под его началом. Это привело к распрям и частым столкновениям между воеводами во время военных действий, что в итоге сыграло роковую роль во всей русско-польской войне, закончившейся для России полным поражением.

В помощь Шеину предполагалось поставить прославленного полководца, князя и боярина Д.М.Пожарского, что, возможно, принесло бы успех русской армии. Но Пожарский не захотел быть под командованием у сварливого вельможи и сказался больным. На его место назначили окольного А.В. Измайлова.

В поход на запад русская армия выступила 3 августа 1632 года. Начало военных действий оказалось успешным: удалось вновь вернуть Дорогобуж, Белую, Серпейск, Себеж, Красный, Невель, Рославль, Почеп, Стародуб, Новгород-Северский и другие городки. В Дорогобуже устроили склад боеприпасов. Вскоре войско М.Б. Шеина подошло к Смоленску и осадило его.

Для заключения военного договора против Речи Посполитой 28 августа 1632 года в Швецию направляется Великое посольство во главе с Б. Пушкиным и Г. Горихвостовым. К этому времени войска шведского короля Густава Адольфа уже начали с севера войну с Речью Посполитой и ее союзниками. С юга против нее собирались выступить отряды крымских татар. Перед Польско-Литовским государством возникла реальная угроза полного разгрома.

Но в ноябре 1632 года в битве при Люцене Густав Адольф был убит. Вместе с его гибелью рухнул проект русско-швед-

ского союза, который вынашивал патриарх Филарет. Великое посольство вернулось ни с чем: в Швеции пришла к власти группировка, не заинтересованная в союзе с Россией и в войне с Речью Посполитой.

Турция же начала затяжную войну с Ираном. Крымские татары, получив отпор под Киевом, изменили направление своих набегов и разорили земли под Тулой. Возникли подозрения, что в этом случае не обошлось без происков австрийского посольства.

Таким образом, к концу 1632 года на Смоленском фронте Россия осталась один на один с Речью Посполитой.

Тем временем в Кракове избрали нового короля — молодого и очень энергичного королевича Владислава. В спешном порядке он собрал войско и направился к осажденному Смоленску, где в полной бездеятельности стояли русские отряды. Теперь русской армии противостоял не 2-тысячный гарнизон в Смоленске, а 16-тысячная, хорошо обученная армия польского короля.

Шейн за полгода не сделал ни одного решительного шага для взятия крепости. Более того, его 100-тысячная армия таяла буквально на глазах. Солдаты умирали от болезней в холодное зимнее время, часть дворян и казаков ушла для защиты родных мест от нападений крымских татар.

Владислав же, наоборот, быстро и решительно провел ряд военных операций и 25 августа 1633 года подошел к Смоленску. Он не только снял осаду города, но и создал угрозу окружения для русской армии.

Хотя собственные силы Шеина все еще превышали польские, он не предпринимал ответных действий и предпочел ждать подкрепление. В Москве предполагали послать на помощь Шеину большое войско, но его не удалось собрать. Подкрепление оказалось невелико и существенной пользы не принесло. В это время Владислав взял Дорогобуж, а вместе с ним и все продовольственные запасы русской армии.

Бездеятельность Шеина стала вызывать недовольство у других полководцев, особенно иностранных. Это еще больше осложнило положение русских полков. А 1 октября 1633 года внезапно умирает Филарет, главный инициатор русско-польской войны.

По инициативе царя 28 января 1634 года в Москве созывается Земский собор, который должен был принять меры по спасению русской армии под Смоленском. Михаил Федорович понимал, что над страной вновь возникла смертельная опасность: с потерей армии появилась угроза утраты национальной независимости русского народа и всего государства в целом. Только коллективно следовало выработать правильное решение и найти выход из тяжелейшего положения.

После бурных обсуждений пришли к мнению, что прежде всего нужно послать на помощь Шеину новое войско под командованием Черкасского и Пожарского, а также для материальной поддержки ратных людей вновь собрать пятинные и запросные деньги (налоги чрезвычайного времени). Рассматривался вопрос и о мирных переговорах с польской стороной. Именно к этому склонялся и сам царь.

Однако, не дождавшись помощи и узнав о смерти Филарета, своего главного покровителя, М.Б. Шеин самостоятельно начал переговоры с Владиславом о перемирии. Они закончились тем, что 16 февраля 1634 года полководец сдал польскому королю свои полки, подписав в высшей степени унижительные условия перемирия, по которым русские воины должны были оставить свои позиции под Смоленском и четыре месяца не воевать против Речи Посполитой. (Это можно рассматривать только как откровенное предательство.) Все основное вооружение войска (29 гаубиц, 70 полевых пушек, 7 огромных мортир, 123 других орудия, 10 тыс. ружей, 4 тыс. алебард, 10 тыс. касок, множество пороха, свинца, ядер, гранат и прочего боевого припаса) отдавалось полякам. Сдавшимся воинам полагалось отойти со свернутыми знаменами, без труб и барабанов, а после троекратного салюта в честь польского короля русские знамена следовало бросить на землю. Высшее командование во главе с Шеиным обязано было преклонить колени перед Владиславом.

Когда в Москве узнали об этих невероятно унижительных условиях капитуляции, то все пришли к одному выводу: М.Б. Шеин — изменник и заслуживает смерти.

После капитуляции русской армии Владислав предложил всем желающим вступить в его войско и получить хорошее жалованье. Этим сразу же воспользовались иностранные наемники и покинули ненавистного им Шеина. Оставшиеся 8 тыс. русских солдат отступили к Москве.

Окрыленный успехом, Владислав устремился вперед, пытаясь прорваться к самой Москве.

Для организации заслона в начале марта в Боровск был направлен отряд князя Ф. Куракина. Д. Черкасский и Д. Пожарский двинулись к Вязьме. Героическую оборону Белой возглавил воевода Ф. Волынский.

В это время внутри страны значительно усилилась и начала активно действовать пропольская партия. Это вызвало ответные меры правительства. Ее руководители были арестованы. Та же участь ждала и М.Б. Шеина с его помощниками А.В. Измайловым и др. Уже в марте М. Глебов привез в ставку полководца царский указ и взял под стражу все руководство армией. Следствие шло больше месяца, и 18 апреля был вынесен приговор о виновности М. Шеина, А. Измайлова и его сына. Они были казнены. Других военачальников высекли кнутом и сослали в Сибирь.

Мобилизация правительством Михаила Федоровича всех патриотических сил вскоре дала положительные результаты. Воевода Волынский не дал польским войскам быстро продвинуться в глубь территории. Сам Владислав был ранен. Поступили сведения, что турецкий султан закончил войну с Ираном и начал поход на юг Речи Посполитой. Все это подтолкнуло Владислава начать переговоры о мире. К этому же стремилось и русское правительство.

В июне 1634 года был подписан Поляновский мирный договор. Полякам возвращались все города, которые отходили к ним ранее по Деулинскому перемирию, из царского титула исключалось «государь Смоленский и Черниговский». Контрибуция составляла 20 тыс. руб., но при этом Владислав окончательно отказывался от своих прав на русский престол и признавал Михаила Федоровича царем. Это было определенной победой русского государя, укреплявшей его положение на международной арене.

Михаил Федорович

Смоленская война 1632—1634 годов показала, что Россия еще не готова для серьезных сражений со своими противниками. Много недостатков выявилось в формировании войска. Местнические споры существенно осложняли руководство. Полки иноземного строя еще не получили должного развития. Требовались коренные изменения в русской армии, но они будут сделаны уже при преемниках царя Михаила Федоровича.

Неудачи в Смоленской войне повлияли на всю внешнюю политику России и сказывались в течение двух последующих десятилетий. Более прохладными стали отношения со Швецией. Ей даже было отказано в просьбе закупать дешевое русское зерно. Началось русско-датское сближение, поощряемое Речью Посполитой.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ

РОСТ ТЕРРИТОРИИ СТРАНЫ

Неудачи в Смоленской войне не смогли остановить дальнейшее развитие Русского государства. Увеличивалась территория страны, совершенствовалось законодательство, изменялись социальные отношения. К середине века юридическое оформление крепостнического строя было завершено (при сыне Михаила Федоровича).

Одним из этапов этого процесса стала подача царю Михаилу в 1637 году челобитной от служилых людей замосковных и южных городов с просьбой отменить слишком короткие «урочные лета», то есть пятилетний срок сыска беглых крестьян, поскольку за 5 лет беглых найти невозможно. «Урочные лета» были увеличены сначала до 9 лет, потом до 10, а для насильно вывезенных — до 15 лет. Такие же сроки распространялись и на черносозных крестьян. Запрещалось кабалить и закреплять за собой путем ссуды чужих крестьян.

Одновременно происходит консолидация различных групп служилых людей в рамках единого дворянского сословия, на основе сближения поместного и вотчинного землевладения. Столичная знать пыталась добиться для себя земельных пожалований на новых территориях. Поэтому царь Михаил был вынужден издать в 1637 году указ, запре-

щающий московским чинам приобретать земли в южных районах. Он стремился населять новые земли служилыми людьми из числа местных дворян, поскольку столичное дворянство лишь получало доходы с новых земель, а служить на окраинах не желало. Кроме того, Михаил Федорович не хотел уменьшать дворцовые и черносошные земли, приносящие доходы казне.

В 1630–1640-х годах продолжается дальнейшее освоение Сибири. Главным инициатором крестьянской колонизации Сибири выступает правительство, дававшее переселенцам денежную ссуду, семена, рабочий скот.

В бассейне Лены возникает новый сельскохозяйственный район, который распространяется дальше к Якутску. К концу XVII века Сибирь начинает полностью снабжать себя хлебом и другими видами продовольствия.

Для исследования новых земель посылаются экспедиции служилых людей. В июне 1634 года за Лену была отправлена экспедиция В. Шахова; в 1631 году на Лену из Енисейска ушел отряд П. Бекетова, за ним в 1632 году – отряд И. Кузьмина; потом в 1638–1641 годах – И. Реброва и в 1638–1639 годах – М. Перфильева и др. Русские землепроходцы под началом И. Москвитина выходят на берега Тихого океана. Отряды состояли из казаков, которые собирали пошлины с местного населения и промышленников, выявлявших пушные уголья и составлявших описания новых земель. В эти годы резко возрастает добыча пушнины в Восточной Сибири. Осваивали Сибирь и купцы, например, Н. Светешников, братья Босые и др.

В 1630–1640-е годы происходит рост городов и городского населения. Правда, крупных городов было немного. В 1634–1635 годах жители московского посада открыто выступили против Церкви, пытавшейся завладеть посадской землей. В 1637 году они подали царю петицию с просьбой вернуть на посад всех закладчиков, т.е. тех, кто перешел на службу к частным лицам. Поэтому по приказу Михаила в 1637 году объявляется сыск всех посадских людей, покинувших тягло и переставших платить налоги, начиная с 1613 года, то есть за 25 лет.

НОВОЕ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

В 1638 году был создан специальный Сыскной приказ, главной функцией которого был розыск беглых посадских людей. Его возглавил царский любимец князь Б.А. Репнин. Энергично взявшись за дело, он розослал по городам сыщиков, которые стали выявлять всех посадских жителей, самовольно сбросивших тягло.

Деятельность Репнина вызвала недовольство знати, которая использовала труд беглых тяглецов. Поэтому в 1642 году после смерти двоюродного брата царя князя И.Б. Черкасского, возглавлявшего правительство, Б.А. Репнин был отстранен от дел и послан в Тверской край на поиски золота. Новый глава боярин Ф.И. Шереметев, идя на поводу у знати, приостановил деятельность Сыскаго приказа и отозвал «сыщиков».

В последние годы правления Михаила Федоровича стала терять свое значение Боярская дума. Главную роль стала играть Ближняя дума, состоявшая из нескольких особо приближенных царю людей и руководителей многочисленных приказов. Глава Ближней думы, конюший, обычно возглавлял несколько приказов. Например, И.Б. Черкасский был во главе приказов Большой казны, Стрелецкого и Аптекарского. Сменивший его Ф.И. Шереметев добавил к ним Иноземный, Рейтарский, Оружейный и Новой четверти.

Рост приказов сопровождался увеличением числа подьячих, происходивших из различных сословий. Поэтому к 1640 году царь Михаил издает указ, запрещающий принимать в подьячие выходцев из духовных, посадских и пашенных людей (крестьян). Это делалось для того, чтобы не сокращалось тяглое население и не уменьшались налоговые поступления в казну. Отныне подьячими могли быть только дворяне и дети приказных людей.

Земские соборы перестают собираться регулярно, что было связано и с усилением царской власти, уже не нуждающейся в постоянной помощи подданных, и со стабилизацией ситуации в стране. Еще до смерти патриарха Филарета, который, очевидно, имел на царя большое влияние и не

считал нужным использовать выборные органы власти в качестве помощников, Земские соборы созывались в исключительных случаях.

Однако на редко собираемых соборах представители различных сословий стали предпринимать попытки оказывать давление на царя, а не только отвечать на поставленные им вопросы. В 1634 году стряпчий И.В. Бутурлин даже предложил сделать соборы постоянно действующим органом власти (с годичным сроком полномочий его членов), который мог бы выдвигать свои требования правительству. Этот проект был отвергнут, поскольку в условиях развития абсолютизма царская власть не хотела законодательно закреплять существование выборных органов власти.

В конце 1633 года новым патриархом «всера Руси» избирается архиепископ Пскова и Изборска Иоасаф, кроткий и благочестивый человек. Он не принял титула Великий Государь, которым именовал себя Филарет, и никогда не пытался вмешиваться в государственные дела. В 1642 году его преемником стал Иосиф, также псковский архиепископ.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

После заключения Поляновского мирного договора дипломатические отношения России с соседними государствами несколько изменились. Теперь она перестает входить в антиабсбургскую коалицию. Ее отношения со Швецией и Турцией становятся более прохладными. Весной 1635 года турецкий паша Кафы даже призвал крымцев и турок к походу на донских казаков. Послы константинопольского патриарха стали предупреждать русское правительство о враждебном отношении к нему турецкого султана и не советовали посылать в Константинополь своих послов.

Обострение отношений с Османской империей привело к сближению России с Дунайскими княжествами, где вынашивался план антитурецкой коалиции с привлечением России и Речи Посполитой.

По-прежнему дружеские отношения оставались с Англией. В грамотах Михаила Федоровича постоянно подчер-

квивались заслуги этой страны перед Россией в связи с открытием Архангельского порта, ставшего центром международной торговли: Англия снабжала Россию хлебом в неурожайные годы, отправляла войска, денежные средства, а также боеприпасы во время войны с недругами, способствовала заключению мира со Швецией и т.д.

Значительно расширяются контакты с Данией. В свое время датский принц Иоганн должен был жениться на дочери Б. Годунова Ксении, но в 1602 году внезапно умер. В 1637 году гроб с его телом наконец-то был отправлен на родину (раньше этому мешала Смута и военные столкновения со Швецией и Речью Посполитой). Церемония была организована очень торжественно. В черте города прах провожали бояре Ф.И. Шереметев, Д.М. Пожарский и 200 дворян, далее свита во главе с Н. Карамышевым.

Инициатором сближения России с Данией выступал польский король, противницей была Швеция. В 1640-х годах шведское правительство постоянно отказывалось дать разрешение русским послам на проезд по ее территории, а в 1643 году даже объявило Дании войну, когда возник план династического брака датского принца Вальдемара и дочери Михаила Федоровича Ирины.

Дружеские отношения поддерживало правительство царя с Голштинией. В 1634 году Москву посетило голштинское посольство, в состав которого входил А. Олеарий. Он оставил воспоминания о посещении нашей страны. Голштинским послам удалось получить от Михаила Федоровича «путь в Персию», то есть право ездить через территорию России для самостоятельной торговли с Персией. Такого права не имел никто: ни Англия, ни Голландия, ни Франция, не раз настоятельно просившие царя об этом.

Сложно складывались отношения с Крымским ханством. В 1637 году посланное в Крым посольство во главе с И. Фастовым и И. Ломакиным арестовали, так как якобы оно привезло хану и его родственникам мало подарков. Требования были необоснованными, поскольку подарки посылались по утвержденному и обговоренному заранее списку. Когда в Москве узнали, что русские послы закованы в кандалы и подвергнуты пытке, а их имущество разграблено, царь

собрал совет. Бояре стали настаивать на немедленном походе на Крым для отмщения за поругание послов.

Но Михаил Федоровича посчитал, что не имеет права решать единолично столь важный для всей страны вопрос, ведь война с Крымом могла принести огромные бедствия всему русскому народу, тем более что хан был вассалом турецкого султана и в войну вступили бы оба государства. Поэтому в июле 1639 года собирается Земский собор, на котором зачитывается грамота царя о «неправдах крымцев», поступивших жестоко и вероломно с русскими послами.

Приведенные факты вызвали возмущение у многих участников Собора. Они потребовали поступить аналогичным образом с крымскими послами в Москве: избить, раздеть, привязать на площади к пушке и держать их так несколько дней без еды и питья. Все служилые люди заявили, что готовы идти на Крым и «стояти, не щадя голов своих». Гости (верхушка купечества) и торговые люди принесли на Собор «писание», в котором заверяли царя в своей преданности и готовности идти на недругов, заметив, правда, при этом, что оскудели от войн и налогов.

Однако царь Михаил решил не обострять отношений с Крымом. Он вновь послал хану подарки и указал, что делает это «для царевы братцкие дружбы и любви по своему царскому изволению, а не по воле хана». Он также подчеркнул, что «с повелением к нему никто ни в каких делах не пишут». Миролюбие царя Михаила дало свои результаты. Отношения с Крымом восстановились, и послы вернулись домой. Как видим, «худой мир» был для Михаила Федоровича дороже «доброй ссоры», требующей человеческих жертв и несущей людям бедствия и страдания.

АЗОВСКИЙ ВОПРОС

В 1637 году еще одно событие существенно обеспокоило правительство царя Михаила. Донские казаки по собственной инициативе захватили турецкую крепость Азов с целью уничтожения невольничьего рынка, где пленными русскими людьми торговали как рабами. Взятие Азова

могло существенно ухудшить русско-турецкие, а значит, и русско-крымские отношения. Ситуацию осложнило и то, что недалеко от Азова проездом находился турецкий посол Фома Кантакузин. Узнав, что казаки снабжались порохом и оружием из Москвы, он послал донесение султану. Но его гонец был пойман, и письмо оказалось у казаков. Донесение Фомы так возмутило донцов, что они его казнили.

Обо всех этих событиях было рассказано царю, который понял, что взятие Азова и убийство посла могли привести к русско-турецкой войне. С другой стороны, Азов открывал выход в Азовское море, а за ним — и в Черное. Кроме того, не стоило наказывать своих подданных за излишнее рвение. Поэтому Михаил Федорович распорядился послать казакам в Азов продовольствие, деньги, оружие и боеприпасы и подождать дальнейшего развития событий.

Время шло, а ситуация с Азовом не прояснялась. Вскоре он стал центром казачьей вольницы. На улицах возобновилась торговля с иранскими, крымскими и кавказскими купцами. Турция ни во что не вмешивалась, занятая изнурительной войной с Ираном.

В 1640 году умер султан Мурад. Летом 1641 года новый султан Гусейн послал свое войско на штурм Азова. Но это не принесло никакого результата, и турецкие войска отступили. Правда, казаки при этом понесли большие потери и вновь обратились к царю за помощью.

Михаил Федорович понял, что теперь вопрос с Азовом надо решать кардинально. В январе 1642 года по его просьбе был собран Земский собор, на который пригласили представителей всех сословий. Его заседание началось с чтения письма донских казаков, в котором сообщалось о ситуации в Азове. Дьяк Ф. Лихачев сообщил Собору, что государь послал казакам свое царское жалованье и милостивое слово, велел восстановить крепость, пострадавшую во время осады. Однако есть сведения, что весной турецкие войска вновь нападут на Азов вместе с крымцами. Поэтому царь спрашивал у Собора: разрывать ли ему добрые отношения с турецким султаном из-за Азова или нет? Ведь в случае войны потребуется огромное войско, деньги, всевозможные припасы. Готова ли страна к таким испытаниям?

Представители всех сословий дали Михаилу Федоровичу письменные отписки по этому поводу. Духовенство сообщило, что радо помочь в любом государевом деле. Стольники ответили, что «на все государева воля». Дворяне написали, что многие из них бывали на Дону, знают тяжелые местные условия, поэтому «охочих людей» для сражений там будет мало. Московские дворяне предложили послать на Дон вольных людей, проживающих в украинских землях, собрав для них деньги с неслужилого населения. Представители городов советовали «Азов принять», для помощи ему послать войско и деньги. Ратных людей, по их мнению, следовало собрать с бояр и «ближних людей», сильно разбогатевших на царской службе, деньги взять у состоятельных людей, высшего духовенства, богатых купцов.

Свою помощь посадское население не предлагало, заявляя, что сильно оскудело от поборов для прежних войн и злоупотреблений царских воевод. Они с укором написали царю о том, что при прежних государях воеводы были только в войсках и на границах, городами же ведали выборные люди из посада — губные старосты. При них злоупотреблений и претеснений не было. О бедности и разорении написали представители черных сотен и слобод. Частые пожары, пятинные деньги, всевозможные налоги (городовое дело, подводы, кормовые деньги, ярыжные и пожарные службы и др.) привели их к окончательному оскудению и нищете.

Ознакомившись с писаниями, царь решил вернуть Азов Турции. Он понял, что основное население страны (жители посада и черносозное крестьянство) не в состоянии выдержать бремя новых налогов, дающих средства для ведения войны. Брать же деньги у богатых людей было опасно — это могло вызвать их недовольство и склонить к измене. По приказу Михаила Федоровича в Азов послали гонца с решением Собора и царя. Казаки встретили его с радостью, так как длительная осада истощила их силы.

Таким образом, миролюбие царя Михаила и трезвая оценка собственных сил вновь позволили восстановить дружеские отношения с Османской империей и сохранить мир.

ЖЕНИХ ЦАРЕВНЫ ИРИНЫ ПРИНЦ ВАЛЬДЕМАР

Улучшение отношений с Данией подтолкнуло Михаила Федоровича к мысли выдать свою старшую дочь Ирину за датского принца. Выбор пал на Вальдемара, побочного сына датского короля. В 1641 году он посетил Россию в составе датского посольства и, видимо, приглянулся царю и его дочери. Для переговоров о браке в Данию был послан царский посол, но четкого ответа он там не получил. Тогда в Копенгаген направляется немецкий купец П. Марселис, которому удалось договориться о приезде принца в Москву в качестве жениха Ирины. За это немец получил освобождение от пошлин на 20 лет и право на постройку железоплавильного завода на Ваге. В январе 1644 года Вальдемар прибыл в Москву, в Грановитой палате его принял сам царь и царевич Алексей.

Видимо, обе стороны были заинтересованы в сближении. Дания надеялась получить в лице России союзника против Швеции и право беспошлинной торговли для своих купцов. Михаил Федорович хотел поднять престиж царского дома на международной арене и в лице принца иметь европейски образованного помощника.

Однако непреодолимым препятствием для брака стала вера. Вальдемар был лютеранином, а царь Михаил считал, что он должен принять православие. Православными следовало стать и их будущим детям. Кроме того, принцу навсегда запрещалось покидать пределы России.

Все эти условия показались Вальдемару неприемлемыми, тем более что при переговорах в Дании принцу обещали сохранить веру, а в Москве стали настаивать на обязательной ее перемене. Лукавство царя Михаила не понравилось горячему юноше, и он решил вернуться в Данию. Однако вокруг его дома усилили стражу. Царь все еще не терял надежду либо уговорить, либо сломить упорство принца. К нему для убеждения начали посылать бояр и представителей духовенства. Пытались воздействовать и на датских послов.

Однако все было напрасным. Принц оставался тверд в своих убеждениях и даже писал царю и патриарху: «Как видно, у вас перемена веры считается делом маловажным,

когда вы требуете от меня этой перемены для удовольствия Царскому Величеству. Но у нас такое дело чрезвычайно великим почитается, и таких людей, которые для временных благ и чести, для удовольствия людского веру свою переменяют, бездельниками и изменниками почитают. Подумайте о том: если мы будем Богу своему неверны, то как же нам быть верным Его Царскому Величеству?»

Весь апрель Вальдемара пытались уговорить. Бояре уверяли его в том, что царевна Ирина очень хороша собой, умная и скромная, не склонная к пьянству, как многие знатные женщины. Однако увидеть ее до свадьбы принц не мог, так как, по русским обычаям, девицы-невесты вели затворнический образ жизни и не выходили из родительского дома. Если же она покидала свой дом, то считалась недобропорядочной и презиралась в обществе.

На принца ничего не действовало. В итоге он предпринял отчаянный шаг — вместе со слугой решил бежать. Но тут же был пойман стрельцами. Вальдемару, правда, удалось вырваться и вернуться в свой дом, слугу же арестовали. Однако когда его повели под стражей мимо дома принца, Вальдемар выскочил и отбил его у стрельцов. Эти поступки показывают, что датский принц был смел и решителен в делах, в своих убеждениях тверд и стоек.

Видя тщетность всех усилий, царь Михаил попытался уговорить Вальдемара стать ему сыном без брака с Ириной, то есть занять очень высокое место при дворе. На это принц заявил, что он не холоп и насильно никому служить не хочет.

Современники предполагали, что женитьба Вальдемара на русской царевне не состоялась не только из-за личной неприклонности принца в нежелании менять веру. Главная причина была в происках шведского двора, пытавшегося предотвратить сближение России с Данией. Некий протестантский пастор, находившийся в свите Вальдемара, отговаривал принца от перемены веры и даже сам затеял богословский диспут с русским духовенством. Отрицательно повлияло на принца и его полутюремное содержание в Москве. Ему запрещалось самовольно покидать дом, встречаться с соплеменниками. Значительно отличался от европейского и быт русского двора, его обычаи, строгая регламентация по-

ведения, ревностное выполнение церковных обрядов и т.д. Для европейского принца, воспитанного в известной свободе поведения, все это было чуждым и неприемлемым.

Видимо, XVII век еще не мог стать для русских царей временем династических браков с европейскими королевскими домами. Слишком велики были различия между странами.

Только после смерти Михаила Федоровича в августе 1645 года его сын царь Алексей Михайлович отпустил Вальдемара на родину.

В 1642 году скончался знаменитый полководец, освободитель Москвы от польского плена князь Д.М. Пожарский. Его смерть была воспринята в стране как большая горе. Сам царь Михаил оплакал его и проводил гроб с телом до городских ворот. Полководца похоронили в родовой усыпальнице в Суздале.

КОНЧИНА ЦАРЯ

Целая серия неприятностей подточила здоровье Михаила Федоровича. Одной из них стало известие о появлении в соседних государствах новых самозванцев, заявлявших свои права на русский престол. Князь Львов доносил из Польского королевства, что там одного из мальчиков считают сыном М. Мнишек и Лжедмитрия II. Его даже представили королю и отдали в обучение канцлеру Сапеге. Правда, вскоре русские послы выяснили, что он — сын шляхтича Лубы, а не М. Мнишек.

О другом «Иван-царевиче» пришла весть из Константинополя. Этот лжецаревич, вероятно, также выходец из Польши, обратился к турецкому султану за помощью. Его якобы на пути в Персию ограбили и продали в рабство. Затем еще одно сообщение пришло из Речи Посполитой о том, что там проживает сын В. Шуйского, хотя никаких сведений о его появлении на свет никогда не было. Получалось, что польская сторона активно плодила самозванцев, стремясь любым путем заварить новую Смуту и поколебать царский престол.

Все это не могло не сказаться на здоровье Михаила Федоровича. В апреле 1645 года придворные доктора после осмотра больного сделали вывод: «Желудок, печень, селе-

зенка по причине накопившихся в них слизей лишены природной теплоты, и от того понемногу кровь водянеет и холод бывает. От того же цинга и другие мокроты роятся». Было решено лечить царя «ренским вином с травами и кореньями» и строгой диетой: не ужинать, не пить холодных и кислых напитков.

Сейчас трудно судить о том, чем болел царь Михаил. Но, судя по всему, назначенное лечение не облегчило его состояние, а только усилило болезнь. Врачи назначают другое лекарство, но и это не помогло. В итоге 26 мая доктора констатировали: «Желудок, печень и селезенка бессильны от многочисленного сиденья, от холодных напитков и от меланхолии, сиречь кручины». Далекий от здорового образ жизни царя привел к тяжелым болезням в еще не старом возрасте. Назначенные промывания, бальзамы не дали никакого результата. Больной чувствовал себя все хуже, и 5 июня врачам даже пришлось составить ему порошок от головной боли. В свои именины 12 июля Михаил Федорович, как обычно, пошел в церковь к заутрене. Там у него случился припадок. На руках его принесли во дворец. К вечеру состояние стало критическим. Царь громко стонал, жалуясь на сильные внутренние боли, никакие лекарства уже не помогали.

Чувствуя близость кончины, Михаил Федорович повелел позвать царицу Евдокию, наследника царевича Алексея с воспитателем Б.И. Морозовым и патриарха Иосифа. С женой он простился, а сына благословил на царство. Боярину Морозову приказал и впредь опекать шестнадцатилетнего Алексея, заботиться о его здоровье, учить «страху Божьему и всякой премудрости». Во втором часу ночи, предчувствуя кончину, царь исповедался, приобщился Святых Тайн и в начале третьего часа ночи скончался.

Летописец писал, что вместо торжественного празднования царского имени, «вместо красного ликования и сладкия вечера найде на ны ночь велия и плача и рыдания. Все Московское государство, весь христианский народ скорбел и печалился о своем Государе».

Вскоре, вслед за царем Михаилом Федоровичем, 18 августа, умерла его жена Евдокия Лукьяновна. На царство был венчан их юный сын Алексей Михайлович.

ИТОГИ ЦАРСТВОВАНИЯ

Царь Михаил Федович умер слишком рано, едва достигнув зрелого возраста — 50 лет. Его здоровье подточили многие беды и невзгоды, обрушившиеся на него с самого раннего детства. Бремя государственных забот, борьба с военной опасностью, постоянная ответственность за судьбу Отечества наваливались на его плечи непосильным грузом. Несомненно, что «кручины и печали» значительно чаще были спутниками его досуга, чем радость и веселье.

Смутное время оставило юному царю тяжелое наследие. Казалось, что былая мощь и сила Российского государства никогда не возродятся, и ему уготована второстепенная роль на европейских задворках. Однако уже к середине XVII века Россия становится в один ряд со Швецией, Данией, Речью Посполитой и другими державами. С ней заключают договоры о дружбе и взаимопомощи ведущие страны Европы: Англия, Голландия, Франция. Налаживаются мирные отношения со всеми ранее враждебными соседями.

Границы России укрепляются, территория значительно расширяется на север и восток. Благодаря постоянному покровительству царя и правительства, активно развивается торговля, промышленность и ремесло, восстанавливается сельское хозяйство, ведется большое строительство по всей стране.

Всех этих успехов правительство Михаила Федоровича достигло главным образом потому, что сумело консолидировать основные силы государства для общей работы и действовать в интересах большинства своих подданных. Свою положительную роль сыграл и орган коллективного управления — Земский собор.

В ведении царского правительства находились все основные сферы жизнедеятельности государства: оборона и защита границ, развитие торговли, промышленности, сельского хозяйства, денежная система, строительство, культура и т.д. Развивая их, оно возрождало и укрепляло государство, которое в период Смуты пришло в полный упадок.

Активная деятельность Михаила Федоровича показывает несостоятельность мнения о нем, как о человеке не-

Михаил Федорович

самостоятельным, слабым и безвольным, якобы полностью подчиненным боярам и отцу Филарету. Все основные шаги по возрождению России царь предпринял самостоятельно, до возвращения Филарета из польского плена. Хотя он и был юн, однако нет никаких сведений о том, что какие-либо конкретные лица управляли за него даже в первые годы его царствования. Общеизвестно, например, что за малолетнего Ивана Грозного государством правили бояре-временщики, за юного Алексея Михайловича — боярин Б.И. Морозов.

Хотя несомненно, что многочисленные родственники помогали юному государю, в первую очередь мать и ее племянники Салтыковы, но, судя по всему, окончательные решения царь Михаил принимал сам. При этом он внимательно выслушивал своих подданных, стремясь узнать мнение всех сословий по важнейшим вопросам. Это позволяло ему реально оценивать состояние страны и избегать ошибок в управлении. Пожалуй, его единственной неудачей была Смоленская война, начатая по инициативе отца — Филарета и во многом по его вине проигранная.

Михаил Федорович не был деспотом и тираном, не воображал себя полубогом, требующим полного подчинения, не полагал собственным прихотям и желаниям. Доброта и благожелательность в отношении к подданным, забота об их интересах, терпеливость и разумность в принятии ответственных решений снискали ему всеобщую любовь и объединили русский народ для защиты и восстановления Российского государства. Успехи его царствования создали достаточно прочный фундамент для новой династии царей — Романовых, правивших более 300 лет и создавших крупнейшую и мощнейшую империю в Евразии.

АЛЕКСЕЙ
МИХАЙЛОВИЧ

НАЧАЛО

Долгожданный наследник Михаила Федоровича, нареченный Алексеем, появился на свет 19 марта 1629 года. Торжественное крещение младенца состоялось в Троице-Сергиевом монастыре. По этому случаю во вкладной книге самой чтимой на Руси обители можно прочесть запись от 13 апреля: «Крест золот с мощми и с камнем с яхонты и лалы, и с жемчюги за 200 рублей... Келарь старец Александр положил на Государя Царевича князя Алексея Михайловича всеа Руси в его, Государево, крещение».

О детстве будущего «Тишайшего» царя известно немного. Мальчика окружали не только разнообразные игрушки (в том числе затейливые западноевропейские — «немецкие»). Алексея выучили грамоте, приохотили к чтению. В шестилетнем возрасте он осваивает букварь, изготовленный специально для него по заказу деда, патриарха Филарета. Книга заключала и нравоучительный материал. Затем под руководством учителей и «дядек» Алексей стал читать Псалтырь, Деяния апостолов. Одновременно царевич занимался церковным пением, не исключая наиболее сложных его частей. В дальнейшем он столь хорошо усвоил весь «чин» церковной службы, что мог поправлять знатоков этого дела. Книги, перешедшие к нему из библиотеки патриар-

ха Филарета, были не только церковного содержания, но и светские: по космографии, грамматике, лексикон. Один из ранних русских «западников» — боярин Борис Иванович Морозов, воспитатель, «дядька» Алексея — одел питомца в иноземное платье, а в обучении использовал немецкие гравюры.

Отец воспитывал сына целенаправленно, внушая ему высокое предназначение государя всяя Руси. Михаил Федорович мог дать любимому сыну то, что не суждено было познать самому в ранние годы. Робкий юноша, вступивший на престол по выбору «всей земли» после изгнания польско-литовских интервентов из Москвы, вероятно, в зрелые годы вспоминал лихие времена Смуты, гонения, ссылку. Родное чадо росло в иной обстановке, когда можно было не опасаться превратностей судьбы, кругом все к его услугам, каждый готов выполнить малейшее желание царственного отрока. Ежедневно во дворце толпились высшие сановники государства, церковнослужители, приказные дельцы. Приставленные к царевичу воспитатели — «дядьки», и прежде всего Б.И. Морозов, внушали ему, что он рожден для того, чтобы сменить отца на престоле, когда наступит срок. Сходные впечатления выносил мальчик, общаясь с патриархом и другими религиозными деятелями.

Царевич был не только свидетелем, но и участником придворных церемоний, приема иностранных послов. А в 1644 году Алексей Михайлович в сопровождении бояр, окольничих и стольников встречал в Грановитой палате датского королевича Вальдемара, жениха его старшей сестры Ирины. Выполняя поручения отца, Алексей не раз принимал Вальдемара и беседовал с ним. Иными словами, Алексея учили быть государем. Так повелевают законы — божеские и человеческие. И наследник твердо это усвоил.

У него не возникало сомнений в богоизбранности царской власти, которая, кроме всего прочего, призвана свято сохранять православную веру. Современники единодушно отзывались об Алексее Михайловиче как о человеке глубоко религиозном. В любой обстановке он соблюдал все требования церковного обряда, истово молился, постился, совершал «походы» во многие монастыри на поклонение святыням.

Поныне у историков нет ясного ответа на вопрос о вступлении Алексея Михайловича на царский престол после кон-

чины его отца 12 июля 1645 года. Есть какие-то глухие намеки на проведение Земского собора, утвердившего молодого царя на троне Российского государства. Об этом писал осведомленный автор, бывший подьячий Посольского приказа Григорий Котошихин. Наблюдательный голштинский посол Адам Олеарий сообщил в своих записках о «единогласном решении» всех бояр, вельмож «и всей общины». Наконец, известна запись XVII века о том, что 13 июля 1645 года «князи и бояре и весь царский сигклит и вси чиновнии люди московский жители целовали крест Благоверному Государю... Алексею Михайловичю, что быти ему на Московском государстве и над всею Российскою землею Царем Государем и Великим Князем». Прямых свидетельств источники на этот счет не сохранили. Но саму мысль о Соборе вряд ли возможно исключить. Ведь так было и раньше. К тому же решение «всех чинов людей» укрепляло позиции новой царской династии в глазах подданных. Это было отнюдь не излишним и по другим причинам.

Еще при жизни Михаила Федоровича стало известно, что в Польше появился самозванец, выдававший себя за «московского царя Дмитрия сына». Как выяснилось позже, новым искателем московского престола был Иван Луба. Он рассчитывал на помощь турецкого султана, чтобы «землю свою отцевскую опановати». Объявился еще один самоназванный претендент, который также обивал пороги дворца падишаха. Этот именовал себя сыном Василия Шуйского. В народе ходили разные слухи о самом царе. Поговаривали, что царевич Алексей «подменный», а когда он стал государем, нашлись люди, которые уклонились от присяги ему, заявив, что его «напрасно-де на государство посадили» и что «посадил-де его на царство Морозов». Не было секрета в том, что перед смертью царь Михаил поручил попечение над своим сыном Б.И. Морозову, который и стал первым лицом в окружении нового государя. Внеся тревогу в правящие круги России, авантюры новых самозванцев, к счастью для страны, не вылились в новую смуту. В конце концов И. Луба и Тимофей Анкудинов (так звали второго самозванца) оказались в руках московских властей.

В наследство Алексею Михайловичу досталось немало нерешенных проблем. Помещики засыпали правительство челобитными о земельных делах, лихоимстве «сильных людей» государства и требованиями закрепощения крестьян. Посадские были недовольны засильем «беломестцев» в городах (то есть освобожденных от государственных налогов и повинностей жителей во владениях светских и духовных феодалов). Купечество негодовало по поводу льготных условий торговли, предоставленных в России иноземным коммерсантам. Страна еще не забыла о поражении в Смоленской войне 1632–1634 годов, которое отозвалось на состоянии не вполне окрепшей после Смуты экономики государства.

По-видимому, на первых порах юный монарх не утруждал себя государственными делами, предпочитая развлечения и разъезды по монастырям, передоверив управление Б.И. Морозову и его родственникам. Во всяком случае, современники на это жаловались. Так, стряпчий Спасо-Прилуцкого монастыря в 1645 году писал своему игумену: «Государь все в походах (имеются в виду поездки Алексея Михайловича. — *А.П.*) и на мало живет [в Москве] как и воцарился». К тому же не всегда объявленный «поход» по маршруту совпадал с первоначальным намерением: «А где поход ни скажут государев, и он, Государь, не в ту сторону пойдет». Такие хитрости избавляли царя от излишней докучи просителей по пути следования. Некоторые челобитчики по 30–40 раз подавали свои прошения — и безрезультатно. Ефремовец, сын боярский Иван Ефанов в сердцах высказался так: «О чем-де они ему, Государю, не бьют челом, и он-де, Государь, за них не стоит».

В первые годы царствования Алексея Михайловича по инициативе боярина Б.И. Морозова и дьяка Назария Чистого, вчерашнего торгового человека, была предпринята реформа налогообложения. К февралю 1646 года относится царский указ о повышении пошлины на соль. Законодатели объявляли, что такая пошлина будет «всем равна», казна пополнится, а основные прямые налоги — стрелецкие и ямские деньги — отныне отменяются.

Кажущаяся привлекательность подобной финансовой меры на практике себя не оправдала. Трудящееся население вынуждено было вследствие высоких цен сократить покупку соли. Вместо пополнения доходов государства произошло их резкое падение. Недовольство населения достигло высшего накала после того, как в декабре 1647 года, отменив соляную пошлину, власти решили взыскать опрометчиво отмененные стрелецкие и ямские деньги сразу за два предыдущих года. Таким образом, в 1648 году эти сборы увеличились втрое. Нетрудно представить, что это значило для тяглого населения России, на которое обрушился шквал поборов, вызывая всюду острое недовольство, массовое разорение людей. В Москву потянулись многочисленные челобитчики, добиваясь правды в царских приказах.

Но в том-то и дело, что повсюду в московских учреждениях процветали произвол, взяточничество и другие пороки.

Так, у всеильного царского фаворита Б.И. Морозова при всем его государственном уме и незаурядной образованности, по замечанию современника-иностранца, жадность к золоту была так велика, «как обыкновенно жажда пить». За короткое время Морозов превратился в богатейшего землевладельца. На должности начальников приказов он поставил своих людей, которые не менее жадно прильнули к источникам обогащения: произвольно сокращались денежные выплаты стрельцам и пушкарям, взятки и вымогательства стали повседневной нормой. Особенно прославились на этом поприще начальник Пушкарского приказа П.Т. Траханиотов и глава управляющего столицей Земского приказа Л.С. Плещеев. Не отставали от начальства и более мелкие служители приказов.

Предвестниками социальной бури в столице стали выступления населения на окраинах государства (на юге и в Сибири).

А когда 1 июня 1648 года царь возвращался с богомолья из Троице-Сергиева монастыря, от толпы, встретившей кортеж, отделилась группа людей, пытаясь вручить Алексею Михайловичу челобитную. Царь ее не принял, толпу охрана разогнала, были произведены аресты.

На следующий день царь Алексей участвовал в крестном ходе из Кремля в Сретенский монастырь. Во время церемонии к нему опять двинулась с челобитной группа посадских

и служилых людей. В толпе раздавались требования о выдаче Л.С. Плещеева и задержанных накануне челобитчиков. Противодействие окружавших царя бояр и приказных людей озлобило собравшихся. Следуя за царской свитой, многочисленная толпа ворвалась в Кремль. Поставленные в ружье по приказу Б.И. Морозова стрелецкие полки отказались повиноваться, заявив, что они присягали царю, а «сражаться за бояр против простого народа они не хотят». Более того, стрельцы сказали, что они готовы поддержать восставших. Лишь Стремянной стрелецкий полк (царская гвардия) остался верным правительству. Однако его сил было недостаточно, чтобы справиться с «чернью». Для переговоров направились бояре, но их не желали слушать.

Тогда к народу вышел изрядно напуганный Алексей Михайлович. Держа в руках икону, он стал уговаривать восставших, «чтоб им от шуму перестать». Однако «шум» нарастал. В городе начались погромы дворов ненавистных вельмож и приказных дельцов — Б.И. Морозова, Л.С. Плещеева, П.Т. Траханиотова, дяди царя Н.И. Романова и др.

Поведение восставших позволяет уяснить социальную сущность событий. Так, разгром двора Морозова сопровождался не расхищением богатств, а их уничтожением. Восставшие не разрешали ничего уносить с собой, крича: «То наша кровь!» И тут же уничтожали имущество, включая драгоценности. Разъяренная толпа обнаружила Назария Чистого спрятавшимся под вениками. Дьяка тотчас умертвили.

Эти выступления совпали со стихийным бедствием, столь знакомым деревянной по преимуществу Москве: 3 июня в городе начался страшный пожар. В народе говорили, что его виновниками были слуги Б.И. Морозова, по наущению хозяйина учинившие поджоги, чтобы отвлечь внимание взбунтовавшихся. Пожар истребил тысячи домов, сгорели хлебные запасы казенного Житного двора. Погибло много людей.

На Красной площади вновь забушевало людское море. Народ осаждал кремлевские палаты, требуя немедленного наказания Морозова, Плещеева, Траханиотова. Правительство оказалось в критическом положении. Решено было пойти на уступки. Плещеева выдали толпе. Его казнили на Красной площади.

На следующий день восставшие вновь подступили к царским палатам с требованием выдачи Морозова и Траханиотова. Последнего царь хотел спасти, отправив на воеводство в Устюжну Железопольскую, но под давлением народа вернул его с дороги и выдал повстанцам. С начальником Пушкарского приказа расправились на Лобном месте. Хотел скрыться и Морозов, но его опознали ямщики, и он едва избежал участи Плещеева и Траханиотова. Его убежищем стали царские покои.

И на следующий день волнения продолжались. Жизнь Морозова висела на волоске. Алексей Михайлович никак не хотел гибели своего любимца. Он вышел к восставшим и со слезами на глазах просил пощадить своего воспитателя, обещая отстранить его от дел и выслать из Москвы. Это сохранило Морозову жизнь, но народ бдительно следил за выполнением царского обещания. Проволочка с высылкой боярина грозила новыми неприятностями. Алексей Михайлович скрепя сердце отправил Морозова под сильной охраной в Кирилло-Белозерский монастырь. Властям монастыря было строго наказано всячески оберегать жизнь и здоровье любимца монарха.

Чтобы удержать на своей стороне находившихся в Москве провинциальных дворян, правительство сулило им новые земельные пожалования и прибавку денежных окладов. Шла раздача денег стрельцам, царица посылала «простонародью» подарки. Тесть Алексея Михайловича, боярин И.Д. Милославский устраивал встречи с «знатнейшими гражданами» Москвы, задабривал верхушку столичного посада. Патриарх и духовенство также всячески способствовали умиротворению.

Июньские события 1648 года имели сильное воздействие на Алексея Михайловича. Именно с той поры он стал больше и активнее заниматься государственными делами.

Тем временем события развивались стремительно. Воспользовавшись затруднительным положением правительства, дворяне вместе с купечеством провели совещание 10 июня и потребовали созвать Земский собор. Царь тотчас с этим согласился. По стране катилась волна посадских и крестьянских восстаний.

Многолюдное выступление в 1648 году состоялось в Сольвычегодске. Накануне в городе появились двое мест-

ных крестьян, находившихся в Москве, когда там развернулись грозные события. Распространилась весть, что в столице «государевых бояр и служилых людей всех посекали». Недовольные жители посада и ближних сельских местностей решились на открытый бунт. Восставшие осадили дворы воеводы А. Большова и Ф. Приклонского, и 22 июня город оказался в их руках. Выпустив из тюрьмы волостных крестьян, которых держали за неуплату налогов, они заняли приказную избу и провели там «совет». Затем последовало нападение на двор Приклонского, сопровождавшееся избиением сборщика, изъятием и уничтожением налоговых документов. Среди документов, которые «передрали» повстанцы, была и царская грамота, что само по себе показательно. Приклонский едва спасся, убежав тайком в Москву.

Вскоре (в июле 1648 года) мощное восстание разразилось в Великом Устюге. Очевидцы определяли число его участников от 2 до 5 тыс. человек посадских и крестьян. Выступление состоялось в день большого церковного праздника, когда действовала ярмарка, привлекавшая массу людей. Этому предшествовал «совет» в мирской «судебне». Там порешили идти к подьячему Г. Похабову (его в среде восставших называли «воеводкой») и отобрать у него большую сумму переданных ему «в почесть» денег, в противном случае «воеводке» грозила расправа. К действиям призвал колокольный звон главных церквей города.

Самому Похабову удалось скрыться, а двор его был разгромлен, причем пострадали и документы, видимо, долговые (восставшие «письма придрали»). В поисках Похабова восставшие бросились к воеводе М.В. Милославскому, двор его также разнесли, самого начальника уезда едва не прикончили, а подьячего приказной избы убили. Стрелецкий гарнизон Устюга не рискнул вмешаться в дело, некоторые стрельцы примкнули к движению.

Есть свидетельство, что один из инициаторов восстания, церковный дьячок из уезда Игнат Яхлаков во время выступления «носил бумагу согнута, а говорил во весь мир, что-де пришла государева грамота с Москвы», согласно которой нужно в Устюге «грабить» 17 дворов. О какой-то «государеве грамоте» говорили и другие участники событий в Устюге. Для пове-

дения восставших было характерно, что во время погрома двора Г. Похабова «животы» подъячего-вымогателя «поносили в кучю», то есть конфисковали. В ходе выступления появились на свет частные письма, которыми сносились жители, в том числе и одному из предводителей восставших, крестьянину Федору Ногину, была адресована «грамотка» от брата с советом поберечься и просьбой «отписать» в ответ. Ближайшим результатом восстания в Устюге было то, что воевода донес царю: «И я, холоп твой, в съезжую избу ездить и подъячие ходить не смеют, боясь смертного убийства... и всякие дела стали», прося при этом «от тех воров... оборонить».

Характерно стремление восставших придать законность своим действиям, заручиться мнением «мира», «совета».

Восстания 1648 года на юге страны, будучи по составу участников иными, чем в Поморье (преобладание мелкого служилого люда), имели тем не менее сходные черты. Некоторым исключением было выступление в Курске летом 1648 года, где главную роль играли монастырские крестьяне. Здесь уже знали о московском восстании. Намередаясь учинить расправу над головой служилых людей К. Теглевым (он проводил розыск ушедших из государственных селений во владения феодалов), они говорили: «На Москве и лутчи ево убили». Это намерение восставшие выполнили. Съезжая изба была осаждена. Там находились воевода Ф. Лодыженский, К. Теглев и церковники. Уговоры не подействовали, восставшие ворвались в помещение канцелярии и убили голову. В такой ситуации Лодыженский боялся что-либо предпринять, твердя: «Как-де себе хотите». Из опасения за свою жизнь он спрятался потом в церкви.

Жестокие репрессии выпали на долю восставших. Есть свидетельство о том, что предводитель движения крестьянин Козьма Воденицын даже в царском застенке говорил о московском восстании, участником которого был сам. Его бунтарский дух не сломили пытки, он и перед казнью не осудил действия своих соратников.

Почти весь июнь 1648 года происходили волнения в Козлове. Воевода Р. Боборыкин с дворянами покинул город. В Талецком остроге ремесленники-кузнецы рассказывали миру: «Стало-де на Москве убийство бояром и думным людем».

Прибывший из Москвы в Воронеж местный полковой казак Г. Кривушин рассказывал всюду «в торговые дни в ряду и по улицам многим людям разных чинов», что «учинилась-де на Москве смута большая, бояр-де и всяких многих людей побили до смерти». По городу ходила из рук в руки какая-то «грамота», «указ» (высказано предположение, что это подметное письмо) о расправе с воеводой и другими начальными людьми. Где-то за городом собирался «совет» заговорщиков во главе с Кривушиным. Заранее был определен срок выступления, совпадавший, как и в Устюге, с торговым днем, когда съезжалось много народа. В преддверии открытого выступления воевода и его приближенные тайно бежали из города и отсутствовали четыре дня. Из-за скудности источников нельзя сказать что-либо определенное о положении в городе в это время.

В начале июля 1648 года группой инициаторов-драгун были созваны «в круг» служилые Сокольска. Две недели воевода не мог овладеть положением в этом новом городе. Движения против местной администрации были и в других местах на юге страны, в районе Белгородской засечной черты.

Волна восстаний 1648 года перекатилась через Уральский хребет. Осенью этого года посадские люди Верхотурья и приезжие торговцы поднялись против воеводы Б. Дворянинова. Тот сообщал в отписке, что «сидел запершись на дворе у себя в осаде». К сожалению, нет данных о жизни города во время фактического отстранения начальника уезда от власти. Известно только, что и в начале 1649 года он не мог еще управлять из-за «бунта» в городе.

Но жители Томска еще до получения московских вестей 12 апреля 1648 года воеводе О. Щербатому «от государева дела... отказали и в съезжей избе сидеть не велели». В ответ на попытку воеводы удержаться у власти восставшие «меж себя целовали крест» и составили «заповедь» об изоляции Щербатого и наказании тех, кто будет с воеводой общаться. Ко двору воеводы поставили караул, его сторонников заключили в тюрьму. Среди других действий участников выступления необходимо отметить конфискацию текущего делопроизводства Приказной избы, меры по укреплению

города, посылку челобитчиков в Москву. Уже в июле Приказная изба была закрыта и бездействовала.

Особенность томского восстания 1648 года состояла в том, что некоторое время в нем участвовал на стороне противников Щербатого второй воевода — И. Бунаков. Заигрывая с населением, он ввел некоторые льготы для служилых людей, но в остальном не отличался от вызвавшего недовольства жителей первого воеводы. Противоречия в лагере повстанцев обострились. И все же они послали две грамоты с призывом к восстанию и единству действий казакам и крестьянам Кузнецка. Наиболее решительных сторонников восстания Бунаков обвинил в том, что они хотят бежать из Томска и «Дон заводить вверх по Оби реки и вверх Бии и Катуни». То есть участников движения обвинили в намерении учредить казачьи порядки, отказаться от воевод, используя опыт донских казаков.

Интересно, что такое же обвинение власти предъявили несколько позже беглецам на Амур, где те также предполагали «завести Дон». Большие отряды казаков, пашенных крестьян и промышленников в 50-х годах двинулись на Амур, чтобы там «служить особо, а у государевых воевод под началом не быть». Казачьи традиции переместились на тысячи верст от мятежной реки — символа вольности и непокорства феодалам.

Вернувшиеся в Томск из Москвы челобитчики в декабре 1648 года рассказали о восстании в столице, свидетелями (а возможно, и участниками) которого были. Но движение в Томске шло на убыль. Вероятно, в значительной степени это объяснялось тем, что группа томских челобитчиков была допущена к самому царю, обласкана, одарена. Обещания царя не могли не воздействовать на умы и не подогреть надежд на изменения к лучшему. Прибытие новых воевод как бы подкрепило эти надежды.

Воевода О. Щербатый попытался убедить местных крестьян не посылать в Москву челобитную о крестьянских нуждах. Переданный ему документ он разорвал, растоптал и заявил при этом: «Я-де здесь не Москва ли?» Однако крестьяне нашли возможность переправить свою жалобу в столицу, отстаивая право на подачу челобитных цент-

ральной власти. Выяснено также, что движение в Томске породило обширные челобитные от всех сословных групп местного населения, составленные в канцелярии повстанцев.

В ноябре 1648 года группа казаков города Нарыма под влиянием событий в Москве и Томске воеводе А. Нарбекову «от съезжей избы, от государевых дел ему, Афанасию, воровским заводом отказывали». Вполне вероятно, что какие-то значительные выступления служилых и посадских людей имели место в Таре и Тюмени. Об этом говорят глухие свидетельства источников о «сыскных делах» и факты подачи коллективных челобитных на воевод.

Народные движения конца 40-х годов XVII века отмечены особым упорством повстанцев, их стремлением заменить царских администраторов. Распространялись разного рода письменные призывы, «письма», «грамотки». Прослеживаются попытки (нередко результативные) поддерживать связи между восставшими разных местностей. «Нормальное» функционирование государственного аппарата во многих городах и уездах было нарушено. «Одиначество», «советы», «круги» среди участников показывали, что стихийно нащупывались пути к объединению.

Царистские настроения играли двоякую роль. С одной стороны, они выражали веру в возможность получить от справедливой верховной власти облегчение по налогам и повинностям, пресечение притеснений «сильных» людей. С другой — те же настроения были показателем борьбы со всевозможными проявлениями угнетения и произвола, что народные массы считали вопиющими нарушениями принципов справедливости и законности.

Едва ли не впервые после воцарения Алексей Михайлович прибег к перестановкам в правительстве, дабы смягчить всенародное недовольство. Он приблизил к себе недругов Морозова — боярина Н.И. Романова и князя Я.К. Черкасского. Конфискованные владения Плещеева и Траханиотова раздавались мелкопоместным дворянам. Было приостановлено взыскание недоимок, обычно сопровождавшееся «правежом» (битьем должников палками).

Спешно созывается 16 июня 1648 года Земский собор, имевший промежуточный характер. Собор принимает решение в ближайшее время подготовить новый Собор, где будет рассмотрен свод законов (Уложение). Для работы над проектом нового Уложения образовали комиссию под председательством князя Н.И. Одоевского.

Земский собор действовал с начала сентября 1648 года и до конца января 1649 года. Около 350 его участников представляли столичных и провинциальных дворян, приказных чиновников, боярство и высшее духовенство, московский и городские посады, столичные стрелецкие полки. Крестьянских выборных не было, отсутствовали также представители из Сибири и Нижневолжского края.

В двух палатах шло обсуждение и редактирование нового свода законов. В верхней заседала Боярская дума, Освященный собор, патриарх и царь. В нижней — судили и рядили «земские люди» — депутаты от городов и рядового дворянства.

За короткое время была проведена огромная кодификационная работа, результатом которой стало Уложение из 25 глав. Подлинник этого документа, скрепленный подписями большинства членов Собора, имеет длину 309 м. Довольно быстро Уложение было напечатано тиражом до 1200 экз. и поступило во все приказы и в города местным воеводам.

Во время разработки Уложения представители сословий подавали коллективные челобитные, важнейшие положения которых были учтены в соответствующих статьях кодекса. Наиболее значительным документом, составленным от имени дворян и посадов, являлась челобитная от 30 октября 1648 года. В ней с особой остротой прозвучало требование об отписке на государя беломестных слобод и дворов. В этом усматривался один из источников «межеусобия» в стране. Челобитье было доложено Алексею Михайловичу 13 ноября. Царь указал удовлетворить эти ходатайства: «Быти тем всем людям за ним, Великим Государем, в тягле». 13 декабря 1648 года после заслушивания докладной выписки по этому вопросу (челобитчики просили снять ограничения сроков давности сы-

ска закладчиков) Алексей Михайлович и здесь пошел на встречу просителям.

Дворяне добились включения в Уложение долгожданных законодательных норм об отмене сроков сыска беглых крестьян, что обозначало установление крепостной зависимости. Посады получили удовлетворение своих требований об изъятии беломестных слобод и дворов в городах и передаче их в тягло. Детально было разработано законодательство о поместном и вотчинном землевладении, а также о судопроизводстве. Особое место отводилось охране жизни и достоинства царствующих лиц.

Правящие круги сделали для себя нужные выводы из бурных событий лета 1648 года. Приход ко дворцу «скопом и заговором» под страхом смертной казни решительно запрещался, оскорбление величества влекло жестокие наказания.

Сохранилось известие о крестьянине Савве Корепине, которого перевели из беломестного владения боярина Н.И. Романова в тягло на посад. Корепин имел неосторожность выразить свое отношение к царю и его окружению в таких нелестных словах: «Государь-де молодой, глуп, а глядит-де все изо рта у бояр у Бориса Ивановича Морозова да у Ильи Даниловича Милославского, они-де всем владеют. И сам-де он, Государь, то все ведает и знает, да молчит, черт-де у него ум отнял». Критик правительства грозил «побить до смерти» Морозова и Милославского. Будучи, по-видимому, зажиточным человеком, Корепин добавил: «А побивать-де мы станем не все сами, есть-де у нас много ярыжек, которые у нас живут — от тех-де и почин будет».

Крамольные речи недовольного правительственной политикой этим не ограничились. Он заявил кому-то из дворян: «Мы-де вас всех из изб побьем ис пищалей, а холопи-де ваши с нами ж будут». По личному указу царя Корепина пытали и допрашивали в присутствии бояр. Ссылки на то, что подобные слова были сказаны спьяну, не возымели действия. Корепина казнили. Тогда же, в январе 1649 года, поплатился жизнью стрелец Андрей Ларионов. Он возвещал, что «быть замятне (бунту.— А.П.) в Крещенье».

Уложение 1649 года почти на два века стало руководящим законодательным актом для России. Со временем во исполнение норм Уложения государство приняло на себя заботу об организации сыска и возвращения беглых их прежним владельцам. В пределах страны на протяжении 1649–1652 годов проводилось так называемое «посадское строение» — отписка «на государя» беломестных (главным образом церковно-монастырских) владений в городах. Деятели Православной церкви, зная особое расположение царя к святым обителям, нередко добивались возвращения ранее отобранных в тягло дворов и крестьян, так что эта реформа осуществлялась не всегда последовательно. Но все же она пополнила казну за счет новых налогоплательщиков. К этому давно стремились тяглые посадские общины.

Молодому царю удалось вернуть из вынужденной ссылки Б.И. Морозова и вновь ввести его в правительство. Этому серьезному успеху способствовало челобитье московских стрельцов о возвращении к делам их вчерашнего начальника. Не исключено, что челобитье появилось не без участия самого царя, что, несомненно, указывает на способность Алексея Михайловича к политическому маневру, сопряженному с интригой и умением настоять на своем.

Обстановка в стране, однако, не благоприятствовала спокойствию монарха. Правительство царя Алексея вынуждено было созвать новый Земский собор в 1650 году. На сей раз поводом послужило восстание в Пскове, когда почти полгода власть в этом большом торгово-ремесленном городе и его обширном округе находилась в руках «Всегородней земской избы», во главе которой встал хлебник Гаврила Демидов. Царские власти были отстранены, местные дворяне оказались под подозрением восставших. Угрожающий характер этого движения был вполне очевиден. Семена бунта грозили вновь прорасти в столице.

В целях смирения псковичей, которые решительно отвергали обвинения в «измене», и был созван Земский собор. В мятежный город направили делегацию от имени Собора во главе с коломенским епископом Рафаилом.

Не отказались и от военного воздействия. Псков осадило войско, предводительствуемое князем И.Н. Хованским. Царю, разумеется, были известны псковские события. От его имени дьяк М. Волошенинов в ответ на не слишком вежливую челобитную восставших псковичей заявил: «И то в челобитной написали воры и заводчики (зачинщики. — А.П.), и нам, Великому Государю, указывать не довелось, холопи наши и сироты нам николи не указывали». В конце концов замирение Пскова состоялось, хотя и не без серьезных осложнений. Перед лицом «одиначества» псковичей царские власти отказались от репрессий.

Первые годы правления Алексея Михайловича конечно же не ограничивались внутренними делами. Немало было и внешнеполитических проблем. Посольский приказ развернул тогда весьма активную дипломатическую деятельность. Во многие страны Европы и Азии были направлены посольства с извещениями о вступлении на российский престол царя Алексея Михайловича. Столь широкомасштабных акций ранее не предпринималось. Это указывало на то, что Россия придавала особое значение своему международному престижу и была готова к расширению внешнеполитических связей.

Одним из первых дел, ждавших разрешения, являлось пребывание королевича Вальдемара, которого в Москве застала смерть царя Михаила Федоровича. Изрядно затянувшиеся споры вероисповедного характера вывели из терпения не только жениха, но и датский двор. Упорное нежелание сторон пойти навстречу друг другу делало бесперспективным дальнейшее пребывание принца в России, тем более что ему не разрешили даже повидаться с невестой, пока он не перейдет в православную веру. Претендент на руку Ирины Михайловны наотрез отказывался это сделать и настаивал на выезде из России.

Вступив на престол, Алексей Михайлович после новых неудачных попыток уладить дело согласился дать Вальдемару отпускную аудиенцию. Описывая пребывание представителя датского королевского дома в Москве, спутник Вальдемара изобразил в доброжелательных тонах прощание молодого царя с королевичем. Алексей Михайлович держал

себя дружески непринужденно и произвел самое благоприятное впечатление на датчан. Это несколько сгладило неприятный, тягостный настрой гостей, сопровождавший их все это время. Почетные проводы, богатые прощальные дары и заверения в продолжении связей между двумя государствами завершили длительное пребывание заморских гостей в России.

Попытка дома Романовых породниться с европейскими монархами окончилась неудачей. Этот нежелательный в международном плане эпизод немало заботил русскую дипломатию после отъезда датского принца. Послы в другие страны получили наказ, как отвечать на возможный вопрос о Вальдемаре. Суть ответа сводилась к тому, что никакого ущерба датский королевич в России не понес — «как приехал, так и отпущен». Любопытно, что подобные инструкции были даны и русскому посольству в ханства Средней Азии, правители которых вряд ли могли что-то знать о марьяжной истории Вальдемара.

В Москве почти постоянно находились шведские резиденты, снабжавшие свое правительство подробными сведениями о России, ее политическом и экономическом положении. Между Россией и Швецией возникали трения в связи с тем, что в русские пределы из Финляндии в массовом порядке переселялись карелы. Чтобы компенсировать убыток шведской стороне, Россия согласилась в 1649 году выплатить Швеции большую сумму — 70 тыс. «угорских» золотых и 120 тыс. руб. московской серебряной монетой.

Купечество в начале царствования Алексея Михайловича еще энергичнее стало добиваться у правительства обуздания иностранных коммерсантов (в первую очередь англичан), хозяйничавших на русском рынке и имевших большие льготы, предоставленные им ранее царскими грамотами. В 1646 году более 150 русских купцов подали коллективную челобитную, в которой изложили свои требования к верховной власти. По поводу получения английскими торговцами льгот и привилегий от царского правительства русские купцы заявляли: «А в жалованной, Государь, грамоте написано, что та грамота дана им для прошения аглинского их Карлуса короля».

Казалось бы, законность такого «прошения» у челобитчиков сомнений не вызывает. Монархи призваны заботиться о подданных. Однако далее купцы прибегают к явно политическому демаршу: «А они... англичане торговые люди, все Карлусу королю не подручны и от него отложились, и бьются с ним четвертой год». Восстав против короля, англичане лишились права на благосклонное к ним отношение со стороны русского царя, следовательно, и на особые привилегии. Русские купцы давали понять государю, что они не бунтуют, как «аглинские немцы», а верноподданнически просят удовлетворить их челобитье.

В дни работы Земского собора 1648–1649 годов это прошение купцов было повторено, и правительство не осталось к нему равнодушным. Согласно царскому указу от 1 июня 1649 года английские негоцианты подлежали выдворению из пределов России. Указ мотивировал эту меру тремя доводами.

Во-первых, ссылаясь на челобитье русских купцов, из-за операций на русском рынке те «обедняли», а англичане «обогатели». Во-вторых, английские купцы не поставляют товаров для царского обихода. Третий довод без обиняков давал оценку революционным событиям на Британских островах, обвиняя англичан в том, что они «всею землею учинили большое злое дело, Государя своего Карлуса короля убили до смерти».

Разрешение остаться в России было дано лишь тем английским подданным, которые находились на царской службе. Упразднились льготные условия торговли англичан, но Архангельск для приезда заморских купцов не был заказан. Английские торговцы вынуждены были покинуть Москву и другие русские города. Правительство России оставалось непреклонным и тогда, когда некоронованный Карл II через своего посла лорда Джона Колпепера просил царя отменить это решение для тех англичан, которые остались на стороне роялистов. Ответ королевскому послу прозвучал такой: «И за таких злодеев и изменников и Государю своему убойцов и говорити было не годилось. А достойны они за свои злые дела казни, а не милости. А на Московском государстве по-прежнему таким злодеям быти непристойно».

Неудача Колпепера в данном случае не исключала самого благоприятного отношения правительства Алексея Михайловича к королю-изгнаннику. Просьба Карла II о субсидии, несмотря на трудное финансовое положение России, была удовлетворена. Само посольство встретили в Москве весьма торжественно и пышно («стреча большая» — по русскому дипломатическому этикету).

О событиях на Британских островах в 40-х годах XVII века в России знали не понаслышке. Оттуда вернулся гонец Герасим Дохтуров. Миссия Дохтурова состояла в том, чтобы вручить Карлу I известительную грамоту о вступлении на русский престол Алексея Михайловича. Полгода гонец находился в Англии, представив подробный отчет в своем статейном списке по возвращении на родину.

Будучи в Англии, русский посланец оказался не только в затруднительном, но и щекотливом положении. Согласно правительственному наказу, ему надлежало вручить царскую грамоту лично королю. Но Карла I, тогда уже фактически отстраненного от власти, к прибытию Дохтурова не было в столице. Представители парламента под всяческими предлогами не разрешали русскому гонцу выехать на аудиенцию к королю. Их попытки заполучить грамоту царя Дохтуров отклонил.

Он описал торжественные встречи, устроенные ему в палатах парламента. Находясь в Лондоне, Дохтуров часто встречался с английскими купцами, членами Московской компании, развернувшей торговые операции в России. Они охотно информировали гонца о событиях в Англии. В статейном списке четко проводилась мысль о социальном размежевании в английском обществе: «За Королевским Величеством тех людей, которые торгуют в Московском государстве, никою нет, те люди, вся кумпания за Парламентом» и вообще «их аглинскому королю помощи нет ни от ково».

Английский парламент с почетом отпустил Дохтурова на родину, снабдив его грамотой на имя царя Алексея Михайловича. Гонцу во время отпускной аудиенции были предложены услуги английской стороны на случай вербовки солдат-наемников для службы в России.

Для коронованных особ на континенте судьба их собрата в Англии была далеко не безразличной, и Алексей Михайлович не исключение. «Самодержец всея Руси» явно симпатизировал Карлу I, а после его казни поддерживал Карла II. Со своей стороны, британские роялисты пытались использовать в борьбе с революцией авторитет русского царя. Это, в частности, выразилось в появлении на свет «Протеста царя Алексея Михайловича по поводу казни короля Карла I». «Протест» размножили типографским способом и распространили в европейских государствах. Этот, несомненно, подложный документ был призван уверить общественное мнение Европы в незаконности действий английских мятежников и пригрозить возможностью союза монархов против отступников. В Москве холодно встретили посланцев Кромвеля.

В России конец 40-х годов XVII века ознаменовался резким обострением внутривластной обстановки (из стран континентальной Европы также поступали тревожные вести), царь Алексей не мог воспринимать подобное с олимпийским спокойствием.

По тем же причинам в Москве не решились принять «под высокую государеву руку» восставшую против Речи Посполитой Украину. Ведь восстали против короля! Обращения гетмана Богдана Хмельницкого к царю, хотя и воспринимались с пониманием, не получали, однако, официальной поддержки. Мятежный казачий край внушал немалые опасения правящим кругам в Москве. Очевидно и то, что при положительном решении украинского вопроса война с Речью Посполитой станет неизбежной. А к ней на рубеже 40–50-х годов XVII века Россия не была готова.

Но подготовка к войне все-таки началась. И хотя в Москве поостереглись тогда принимать в подданство Украину, царское правительство оказывало порой весьма существенную помощь борьбе Б. Хмельницкого. Неурожай 1648 года на Украине подвигнул русские власти на разрешение беспопытной торговли хлебом и солью в украинских землях. Осуществлялись поставки пороха, свинца и оружия казачьей войске. Посланцев гетмана встречали в Москве весьма ра-

душно. Поощрялся приезд в Россию ученых монахов с Украины и из Белоруссии.

Продолжалось огромное оборонительное строительство, начатое в южных районах государства. Была сооружена линия укреплений, известная под названием Белгородской засечной черты, протянувшаяся почти на 800 верст. Там, в острогах и новых городах разместили военные гарнизоны (до 10 тыс. человек). Белгородская черта стала достаточно эффективным препятствием для крымских орд. Они представляли большую опасность для пограничных русских и украинских территорий, подвергавшихся частым разбойничьим нападениям с угоном тысяч людей в неволю, истреблением посевов и скота, сожжением населенных пунктов.

В отношениях с Крымским ханством Москва стремилась достигнуть мира: хану и крымской знати посылались ежегодные «поминки» — щедрые дары деньгами и мехами. Правители Крыма пытались истолковать эти выплаты в качестве дани — признака зависимости русских царей от бахчисарайских владык. Однако в России такой взгляд решительно отвергался, о чем следовали соответствующие заявления русских дипломатов и царских грамот.

Оборонительное строительство не ограничилось Белгородской чертой. В восточном направлении прошла Тамбовская укрепленная линия. Сюда на службу призывали не только русских, но также мордву, чувашей и татар. По левобережью Камы от устья протянулась Закамская черта с городами-крепостями Мензелинском, Шешминском и др.

Засечные черты включали сложную систему укреплений и защитных сооружений. На десятки верст тянулись земляные валы, рвы, деревянные рубленые укрепления, лесные завалы-засеки, сторожевые башни. Нашлись места для установки пушек. К 1654 году было завершено строительство Симбирской засечной черты. Таким образом возникла непрерывная цепь укреплений от Воркслы до Волги. Броды на реках перекрыли колодами, прикрепленными к речному дну, устраивали также волчьи ямы по берегам. Во время войны с Речью Посполитой в 60-х годах XVII века устроили засеки на западной границе от Великих Лук до Смоленска

и Опочки. Все эти работы требовали огромных затрат и трудовых усилий многих тысяч людей из тяглого и служилого населения России.

Подготовка к обороне южных и западных границ заключалась также в реорганизации военных сил этих регионов. В 1663 году был образован Белгородский разряд (округ). Кроме городов по Белгородской черте, он включал старые города на южной окраине — Мценск, Новосиль, Чернь и др. (несколько десятков городов). Вскоре учредили Севский разряд, в который входили северские города Севск, Путивль, Новгород-Северский, сюда же относились Белев, Орел и другие пункты.

Вскоре после взятия города русскими войсками для охраны западной границы возник Смоленский разряд. В введении этого округа состояли Дорогобуж, Рославль, позже вошли Вязьма, Калуга, Можайск, Верей, Боровск.

На северо-западе, по границе с Швецией возник Новгородский разряд. Кроме Новгорода и Пскова, ему подчинялись Старица, Торжок, Великие Луки, Тверь.

На востоке существовал Казанский разряд. Несколько округов было в Сибири (Томский, Енисейский, Якутский).

Среди разрядных воевод выделялся боярин Г.Г. Ромодановский (Белгородский полк), способный организатор и полководец. Царь Алексей ценил его, хотя и называл за спесь и строптивый характер так: «Самово истинново сатаны сын и друг диаволов». Ромодановский погиб во время стрелецкого восстания 1682 года.

Первые внешнеполитические шаги правительство Алексея Михайловича предпринимало и в сторону восточных государств. В Москву приезжали посольства от грузинских царей Теймураза и Александра. Грузия, зажата между Ираном и Турцией, оказалась в весьма затруднительном положении. Обращения ее правителей к единой России с просьбами о принятии в подданство и помощи не могли тогда осуществиться. Геополитическое положение России не позволяло этого. Но Алексей Михайлович пытался что-то сделать для Грузии. Он охотно принимал на службу выходцев из этой страны, предоставлял убежище царевичу Николаю Давыдовичу и его матери, дружески встречал Теймураза, по-

сылал деньги местному духовенству. В Грузию ездили царские посланники.

Продолжая дело отца, царь распорядился отправить послов в Среднюю Азию, к ханам Хивы, Бухары и Балха. Эту миссию возложили на торгового человека из Астрахани Анисима Грибова. Но проехать в Среднюю Азию посольство не смогло. Там шли междоусобные войны. Грибов побывал в Тегеране, оказавшись неожиданно гостем иранского шаха. Предусмотрительные служители Посольского приказа по просьбе Грибова снабдили посла на всякий случай царской грамотой к шаху. Последний откликнулся доброжелательным ответом Алексею Михайловичу.

Во взаимоотношениях с государствами Средней Азии, в наказах русским послам, направляющимся в Хивинское, Бухарское и Балхинское ханства, постоянно присутствовала тема русских пленников, разными путями попавшими в эти края. Алексей Михайлович продолжал политику своего отца. Однако реальных шагов к разрешению проблемы среднеазиатскими властями не предпринималось. В лучшем случае некоторые русские люди выкупались дипломатами, тем более что последние нередко были торговыми людьми, как Анисим Грибов, астраханец. На аудиенциях у Алексея Михайловича среднеазиатским послам также выдвигалось требование об освобождении русских пленников.

Эта линия последовательно проводилась во внешней политике правительства царя Алексея Михайловича. Пребывание соотечественников-православных в чуждой религиозной среде воспринималось в Москве как серьезное отрицательное явление. Царь считал себя ответственным за их судьбу не только перед Церковью, своей державой, но и перед Богом. Это, однако, не мешало правительству в первую очередь заботиться («стоять и говорить») об «отеческих детях», то есть служилых людях.

Судя по документам тех лет, в Москве всерьез размышляли о завязывании отношений с Индией, о которой собирали сведения и разведывали пути в эту сказочную страну. В планы Алексея Михайловича входило также установление торгово-дипломатических сношений с Китаем. В 1653 году

туда отправилось посольство дворянина Федора Байкова. Оно не имело успеха, но почин был сделан.

В правление царя Алексея завершилось принятие подданства России калмыцкими владетелями. Под влиянием междоусобных войн калмыки прикочевали к русским пределам из степей Центральной Азии. Они вынуждены были искать новые территории для кочевий. Уже в начале XVII века калмыцкие тайши вступили в контакты с воеводами сибирских городов, выражая намерение стать подданными Москвы. Но решение вопроса затянулось.

Тем временем калмыцкие улусы вышли к рекам Яик и Эмба. Отдельные отряды достигали Волги. Но получить земли для обитания калмыки могли лишь при условии вхождения в состав России, которая имела свободные территории на юго-востоке. Ускорила принятие подданства калмыками начавшаяся война России и Речи Посполитой за Украину. В 1655 году от имени тайшей Дайчина, Мончака и других была дана шерть (присяга) русскому правительству, в которой калмыки признавали себя подданными царя. В ответ правительство разрешило калмыкам кочевать в междуречье Яика — Волги. В 1657 году присяга была подтверждена, и после этого калмыцкие владетели обязались посылать свои войска на помощь России в ее борьбе с Крымским ханством.

Неудачи русской армии в 1659—1660 годах побудили царское правительство вновь потребовать у тайшей принесения шерти и военной помощи. Посольство думного дьяка И.С. Горюхова решило эти задачи. Подписывая присягу, тайша Мончак сказал: «Как-де бумага склеена, так бы-де калмыцким людям с русскими людьми вместе быть вечно». Калмыцкие отряды (иной раз вместе с донскими казаками) участвовали в военных действиях на стороне России.

В первые годы царствования Алексея Михайловича активизировалась культурно-религиозная жизнь России. И здесь немалая роль принадлежала молодому монарху. Он близко к сердцу принимал все, что относилось к распространению и укреплению православного вероучения. Вокруг царского духовника, протопопа Благовещенского собора Московского Кремля Стефана Внифантиева сложился кру-

жок «боголюбцев», или «духовная братия». Среди «боголюбцев» был и Алексей Михайлович. Кружок объединял как духовных, так и светских лиц. К первым принадлежали настоятель Казанского собора Иван Неронов, несколько священнослужителей из провинции, в том числе — протопоп Юрьевский Аввакум. С Внифантьевым был близок игумен Новоспасского монастыря Никон. Тогда на него и обратил особое внимание царь. В кружке состоял и постельничий Федор Ртищев, поборник просвещения, а также образованный смоленский дворянин Симеон Потемкин (возможный предок светлейшего князя Григория Потемкина) и глава Печатного приказа князь Андрей Львов. Поддержку деятельности «боголюбцев» оказывал боярин Б.И. Морозов. Стефана Внифантьева достаточно единодушно члены кружка почитали за широкую образованность и стремление следовать законам справедливости. О нем говорили, что он «боляр увещеваше... да имут суд правый без мзды, и не на лица зряще да судят». Алексей Михайлович иной раз в ночное время посещал Внифантьева и вел с ним долгие беседы. Пользовался царь и книгами из библиотеки Благовещенского собора. Тогда же в Москву пригласили с Украины ученых монахов: Епифания Славинецкого и др. Они включились в работу по изданию богослужебных книг, сверяя их с греческими оригиналами.

Практическая деятельность «боголюбцев» имела целью искоренение суеверий, укрепление правовых норм в церковной жизни. Вероятно, под влиянием этих установок были изданы царские указы о борьбе со скоморохами и народными увеселениями, связанными с языческими поверьями и обычаями. В Москве произвели облаву на владельцев музыкальных инструментов. На нескольких возах гудки и другие «бесовские сосуды» доставили на Болотную площадь и сожгли. В разосланных по стране грамотах осуждались те, кто «в громное громление» купался, «чая себе от того здравия», или занимался гаданиями, участвовал в святочных маскарадах, надевая «хари», и т.д. Даже невинное развлечение — качели — почиталось нарушающим истинное благочестие.

Важнейшей стороной деятельности «боголюбцев» явилась издательская работа Печатного двора. И здесь инициатива принадлежала С. Внифантьеву. Выходит в свет переведенная с греческого языка «Кормчая», включающая церковные и частично гражданские правила семи Вселенских соборов. Печатались и другие книги. Капитальная перестройка Печатного двора расширила его производственные возможности. Со второй половины 40-х годов XVII века наблюдается значительное увеличение выпуска книг, включая и предназначенные для обучения. С 1645 по 1652 год трижды издавали Азбуку, восемь раз — учебный Часослов (Часовник), девять изданий выдержала учебная Псалтырь. Эти книги использовались для обучения грамоте в народной среде не только в XVII веке, но и значительно позже. Согласно повелению Алексея Михайловича, 2 февраля 1648 года выпускается в свет «Грамматика» Мелетия Смотрицкого, белорусского ученого, «в научение православным, паче же детям сущим». Примечательно, что публикуется и переводное сочинение И.Я. фон Вальхаузена «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей».

Значительное место в продукции Печатного двора в конце 40-х — начале 50-х годов XVII века заняли издания полемическо-нравоучительного характера в защиту православной религии от «латинства», «люторства» и других религиозных направлений. Толчком к этому послужили «прения о вере» во время пребывания королевича Вальдемара, когда датская сторона пыталась отстаивать свои позиции. К тому же католическая агрессия и распространение униатства на Украине и в Белоруссии давали тому немалый стимул.

Новшеством в практике богослужений стали проповеди, с которыми пастыри обращались к прихожанам. Нововведение пришлось по вкусу, и к наиболее красноречивым проповедникам народ шел с большой охотой. Церкви подчас не вмещали всех желающих.

Ревнители православной веры выступали за перемены в церковном обиходе, считая неприемлемым многогласие (когда священнослужители одновременно читали или пели разные тексты). Однако введение единогласия было сопряжено с чисто житейскими неудобствами, с которыми не

могли не считаться: служба неизмеримо затягивалась, прихожане обрекались на многочасовое стояние в церкви. Ведь сидеть во время службы разрешалось лишь в католических костелах.

Роль С. Внифантьева не ограничивалась влиянием на правительственную политику в церковной сфере. Есть основания считать, что он воздействовал своим убежденным словом на разбушевавшуюся толпу в один из дней июньского восстания в Москве, тогда как усилия патриарха Иосифа и других церковников в тот момент действия не возымели. Следует заметить, что с иерархами Православной церкви духовник царя держал себя независимо, порой даже дерзко. Он выступил на Церковном соборе 1649 года с обличительной речью, направленной против высших религиозных деятелей. Конфликт приобрел далеко идущие последствия. Патриарх Иосиф и Освященный собор обратились к Алексею Михайловичу с челобитьем, в котором жаловались на Внифантьева, называвшего иерархов «волками», «губителями», а «не пастырями». Челобитчики требовали осудить протопопа Стефана, как еретика, на смертную казнь, согласно Уложению 1649 года (возведение «хульных словес» на Соборную и Апостольскую церковь). Однако царь оставил это дело без последствий.

«Боголюбцам» принадлежит заслуга распространения грамотности и учреждения училищ в России. Внифантьев стал попечителем Греко-латинской школы на государевом дворе. На собственные средства Ф.М. Ртищев открывает при Андреевском монастыре училище, где занимались люди из разных сословий. Здесь изучались славяно-русский, польский и латинский языки, а также другие науки. В Нижнем Новгороде, а позже в Москве Иван Неронов создал школы для посадской бедноты и пригородных крестьян, в которых осваивали грамоту. Обучение было бесплатным.

Кружок «боголюбцев» оказался, однако, недолговечным. Он распался в 1653 году. Причиной тому были не только возникшие серьезные разногласия с высшими церковными чинами. Слишком разных людей объединял он.

После смерти патриарха Иосифа царь остановил свой выбор на Никоне, который тогда был новгородским митропо-

литом. Алексей Михайлович посылал Никону письма самого просительно-трогательного содержания, умоляя принять высокий сан. Никон (скорее из тактических побуждений) сначала не соглашался, царь вновь настаивал, суля ему всемерную поддержку.

Следует заметить, что в недрах кружка «боголюбцев» уже вынашивалась идея проведения церковной реформы, и взгляды Никона на этот вопрос у Алексея Михайловича возражений не вызывали. Когда же Никон милостиво сообразовал принять звание Патриарха всея Руси (1652) и стал «собинным другом» венценосца (по его собственным словам), дни кружка были сочтены. С. Внифантьев удалился от дел, И. Неронов и его ученик Аввакум не приняли решительной линии Никона, ведущей к всемерному укреплению власти патриарха. В дальнейшем Аввакум становится самым ярким врагом никоновских реформ. Кроме того, назревали события, в значительной мере отвлекшие внимание и силы царя от религиозно-богословских проблем. С решением украинского вопроса связан новый этап деятельности Алексея Михайловича.

Царь недолго был холостяком. В начале 1647 года для выбора невесты в Москве собрали 200 девиц, из которых шесть наиболее красивых предстали пред очами царя Алексея. Ему приглянулась дочь Рафа Всеволожского, ей он и отдал предпочтение. Но избранница вдруг упала в обморок, узнав о воле царя. Тотчас нашлись царедворцы, усмотревшие в этом признак падучей болезни невесты. Алексея Михайловича отговорили жениться на несчастной девушке, которую немедленно сослали.

Вторая попытка женитьбы оказалась вполне удачной. На сей раз выбор пал на одну из дочерей Ильи Даниловича Милославского, небогатого дворянина. Бракосочетание Алексея Михайловича и Марии Милославской состоялось 16 января 1648 года. Из кругов, явно недоброжелательно настроенных к царице, иностранцы-современники проведали, что Мария в юности собирала грибы и торговала ими, а ее отец подавал вино заезжим иностранным купцам.

Свадьбу отпраздновали пышно и торжественно, сообразно особому церемониалу — «чину». Присутствовавших на свадьбе крайне удивило распоряжение молодого царя — «быть без мест». Это значило, что докучливые тяжбы дворянских родов, их сутяжничество на почве «чести» по любому поводу отменялись, а нарушение царского указа могло повлечь наказание. Алексей Михайлович этим актом сделал серьезную заявку на будущее. Он начинал понимать, что «великая порода» человека не всегда определяет его деловую пригодность на государственной службе. Правда, вполне отказаться от давно заведенного порядка царь так и не смог.

Сохранились довольно подробные сведения о свадебном обряде царских особ. Утро в день свадьбы начиналось с посещения государем Успенского собора, где он получал благословение патриарха, тот кропил царя святой водой и говорил приветственную речь. Затем монарх посещал Архангельский собор, молился у гробов своих предков. С согласия жениха, вернее, по его личному указанию определялся круг наиболее близких участников церемонии. Свадебным церемониалом заправлял тысяцкий. Приглашенных извещали дружки и их помощники. Они же по поручению царя и тысяцкого произносили речи. Женскую часть свадьбы представляли жены дружек и свахи. Их задача — оберегать будущую царицу и «укручивать», снимать и надевать платье. Во время «укручивания» свечник держал свечу.

В обязанности «коровайников» входила доставка в церковь и из церкви хлеба, который помещали на обитые бархатом носилки, покрытые дорогой тканью и соболями. «Сидячие» бояре и боярыни по 12 человек занимали места за торжественным столом, как гости. Они в церковь не ходили. Дворецкий ведал «ефвой» и питьем. Для обслуживания стола выделялась группа стольников. Перед обедом протопоп, духовник царя, благословлял жениха и невесту крестом и предлагал им поцеловаться. Затем бояре и боярыни поздравляли молодых. После обеда царь отпускал царицу к своим сестрам, гости разъезжались по домам. На этом завершалась первая часть свадебных торжеств.

На следующий день «царской радости» (женитьбы) перед посещением церкви для венчания снова учинялся стол с более усложненной процедурой. Сначала усаживалась невеста со своими родителями и другим «свадебным чином», ожидали прихода государя. Он появлялся в полном царском облачении, занимал место на подушке рядом с невестой. Она к тому времени при помощи женщин уже «укручена», ее коса расчесана.

Перед новобрачными пока весьма скромная еда — хлеб и сыр. Да и многочисленные гости не стремятся досыта наесться — не положено. На тарелки кладут дары — «ширинки», шитые золотом, с невесты снимают девичий головной убор и набрасывают подвенечный покров. «Ества» идет чинно, сопровождаясь чтением «Отче наш» и благословениями протопопа, крестом и иконой. В этом участвуют и «родители» государя, посаженные отец и мать. Родители невесты берут ее за руки, ведут к царю, и он принимает суженую для сопровождения в церковь.

Движение новобрачных к венцу возвещали колокольным звоном всех церквей. Протопоп совершал обряд церковного венчания. Царя под руку держал дружка, царицу — сваха и протопоп. Молодым предлагалось отведать из одного сосуда заморского вина. В адрес обрученных произносилось поучение о праведной жизни в супружестве. Затем супруги целовались, их поздравляли с венчанием. Под перезвон колоколов процессия возвращалась во дворец. Гости радостно встречали царя и царицу, звучали поздравления. Все рассаживались по своим местам, пир продолжался. Кульминация обеда — перед новобрачными появлялось блюдо с лебедем.

Наконец, молодых провожали в опочивальню, а пир продолжался без них до тех пор, пока от царя «ведомо будет». Уединение супругов охранял конюший. Он разъезжал на коне вокруг палаты с обнаженным мечом «всю ночь до рассвета». В это время никому близ этого места находиться не позволялось.

Супруги должны были следовать устоявшемуся порядку, который предусматривал подтверждение невинности молодой царицы. Нужно было после брачной ночи показать бли-

жайшим людям ее сорочку. После этой доброй вести царь звал к себе «свадебный чин» и жаловал их кубками и ковшами с вином, пил сам и царица также. Новобрачных опять поздравляли присутствующие. Поскольку ранее молодожены почти не ели, им подносили легкие кушанья. Отпуская людей по домам, государь наказывал им на следующий день прибыть во дворец к обеду.

Между тем для царя и царицы готовили баню, в которой они мылись порознь. Переодевшись, государь слушал заутреню. Потом вместе с царицей он шел к обеду. Но до этого молодая жена преподносила мужу и гостям «мыльные дары» — сорочки и порты, они посещали патриарха и получали его благословение. Далее государь ходил по церквям и монастырям и там молился.

После этого начинался обед. Первоначально он проходил под названием «княжого» (от имени мужа), затем — стол «княгинин». Угощали овощами, ягодами, сахарами и «иными диковинками». Тут же гости дарили царственным молодоженам дорогие ткани, кубки, соболей, перстни с драгоценными камнями.

Свадебные торжества продолжались три дня, в течение которых во дворце гремели трубы, зурны, литавры, а по ночам жгли дрова «для светлости». На четвертый день завершал весь церемониал визит к царю патриарха с высшим духовенством. В их честь также давался торжественный обед, а гости одаривали супружескую пару.

В празднествах участвовали горожане всех московских сословий, они приходили ко дворцу с поздравлениями и дарами. И для них устраивали угощение. Известие о царской женитьбе сообщалось в города по всей стране местным воеводам и духовенству особыми грамотами, а в иных случаях и через нарочных гонцов. Рассылались «молебные деньги» для богослужений. Выходы царя и царицы в церкви и монастыри превращались в благотворительные дела, раздавалась милостыня, посещались богадельни и тюрьмы, где кормили людей и оделяли деньгами.

Семейная жизнь Алексея Михайловича оказалась не только благополучной, но и счастливой. Его супруга отличалась кротким, добрым нравом и скромностью. Мария Ильинич-

на аккуратно рожала государю детей. Первыми появились на свет дочери Евдокия, Марфа и Анна. В феврале 1654 года родился сын Алексей.

За 20 лет супружества царская чета имела 11 детей — 5 сыновей и 6 дочерей. После смерти отца в живых остались лишь ставшие позже царями сыновья от первого брака Федор и Иван. В качестве правительницы несколько лет подвизалась дочь царя Алексея, честолюбивая Софья.

Как и было принято, родственники жены получали высокие чины. Тесть, Илья Данилович Милославский, стал боярином и вошел в число ближайших советников Алексея Михайловича. Особыми способностями сей «боярин по кике» не отличался, но корыстолюбия, а также спеси был не лишен.

Спустя всего 10 дней после свадьбы царя его великомудрый «дядька» Б.И. Морозов заключил брак с сестрой молодой царицы, Анной. Таким образом, всеильный боярин еще более упрочил свое положение при дворе. Ходили упорные слухи, что Морозов ловко подстроил женитьбу царя и собственный марьяж.

ВОЙНА

Алексей Михайлович продолжил вслед за отцом создание полков «нового», «иноземского» строя. Согласно росписи 1661–1663 годов, русское войско этой поры имело 75 таких полков численностью около 54,5 тыс. человек, в том числе 24 тыс. пехоты (солдаты) и 30 тыс. конницы (драгуны, рейтары и др.). Офицерский корпус в подавляющем большинстве состоял из иностранцев. Но появились и русские генералы — Аггей Шепелев и Матвей Кровков. Окончание военных действий влекло за собой роспуск полков «нового строя» по домам. В этом смысле более постоянными можно считать стрелецкие части, которые имели до 48 тыс. человек.

Вскоре после воцарения Алексея Михайловича был составлен наказ о проведении учений стрельцов, «чтобы из самопалов стрелять были горазды». Комплектовали полки из «даточных» людей — предшественников рекрутов петровской поры. Из числа тяглого населения по определенной норме брали на военную службу. Допускали наем за деньги людей со стороны. За неявку в срок следовали суровые наказания не только «даточному», но и тем, кто его выделил.

В середине XVII века существенно вырос артиллерийский парк, на вооружение армии поступали орудия различ-

ного назначения и калибра. Уже после завершения войны 1654—1667 годов были созданы гренадерские части, вооруженные ручными гранатами.

Традиционной частью русской армии оставалось дворянское конное ополчение. Помещики выступали в поход со своими слугами, холопами, которых было больше, чем господ. Боеспособность такой поместной конницы была невысокой. Многие дворяне уклонялись от службы, числились «в нетях». Нестройные, мало дисциплинированные массы конного ополчения, при том не имевшие единообразного вооружения, все более представляли анахронизм военной системы России XVII века. Поражения при Конотопе 1659 года и при Чуднове 1660 года обнаружили слабость военных сил России. К тому же принцип местничества в среде сановных военачальников часто причинял непоправимый урон в боевых условиях. Царский указ быть во время войны «без мест» выполнялся плохо.

Примечательно внимание властей к пострадавшим на войне. Раненых помещали в монастыри на полном казенном содержании до конца жизни. Те, кто продолжал службу, имея ранения, получал лечение «безденежно». Что касается вышедших из плена, то вчерашние крепостные становились свободными. Для выкупа «полоняников» с населения взыскивали особый сбор — «полоняничные деньги».

В пограничных районах, по засечным чертам для несения службы призывали ясачных людей — татар, мордву, чувашей и др. — по разнарядке, исходя из числа дворов. На тех же основаниях собирали «даточных» людей в русских селениях для пополнения военных сил.

Значительную роль в вооруженных силах страны играли казачьи войска Украины, Дона, Яика и Терека. Они представляли собой мобильные, боеспособные конные части.

В середине XVII века Россия участвовала в двух войнах — с Речью Посполитой и Швецией.

Освободительная война украинского народа в 1648—1654 годах с неизбежностью привела к новому столкновению Речи Посполитой с Россией. Неоднократное обращение Богдана Хмельницкого к России с просьбой о принятии

Украины в российское подданство увенчалось успехом: 22 февраля 1653 года Алексей Михайлович совещался с боярами, а 14 марта «совершился государская мысль о сем деле». Решение не могло быть иным. В противном случае не исключался захват украинских земель Крымом и Турцией, так как стало ясно, что собственными силами Украине отбиться от Речи Посполитой не удастся. К тому же судьба единоверного народа не могла не заботить царя. Москва время от времени давала понять Варшаве, что украинские дела ее касаются самым непосредственным образом. Русская дипломатия старательно выискивала поводы, чтобы показать «неправды» со стороны Речи Посполитой.

Причин для претензий оказывалось более чем достаточно. «Прописки» в царском титуле служили, в глазах русских политиков, серьезным уличающим аргументом. А в январе 1650 года в Речь Посполитую были отправлены «великие послы» боярин Г.Г. Пушкин и окольный Ст. Пушкин. Помимо вопроса о титулах русских государей, послы должны были заявить протест по поводу изданных в Речи Посполитой книг, в которых содержались «бесчестье и укоризна» царям Михаилу Федоровичу и Алексею Михайловичу. Примерами таких изданий служили, в частности, книги, напечатанные в Кракове и Данциге. Самое последнее из сочинений толковало «о Черкасской войне» (то есть о восстании Б. Хмельницкого) и высмеивало Москву за то, что она тогда «в сторону скакнула». Послы не преминули выговорить «панам радным», что в случае продолжения притеснений православного люда на Украине царь созовет в Москве Земский собор, обличит короля Речи Посполитой, а за честь отца своего, за свою собственную «и за честь всего Московского государства стоять будет, сколько ему милосердный Бог помощи подаст». Об этом будет сообщено в иные государства, а Украина восстанет по призыву государя. При этом послы показали грамоты Богдана Хмельницкого с просьбами о принятии его «под высокую государеву руку».

Здесь отчетливо просматривается «сценарий» развития событий в отношениях России и Речи Посполитой. Острота конфликта нарастала.

Из Белоруссии поступали известия о поддержке борьбы Б. Хмельницкого и желании перейти в подданство России. Хмельницкий был уверен, что белорусы не останутся в стороне от борьбы против господства Речи Посполитой.

Подготовка к войне развернулась по всем направлениям. Было создано дворянское ополчение, усиленное «даточными» людьми из крестьян и посадских в полках «нового строя», в Москву затребовали кузнецов, ствольных мастеров и других специалистов для изготовления военного снаряжения. По разверстке собирали лошадей. Важнейшей мерой стал указ царя от 23 октября 1653 года: «На нынешней нашей службе всем быти без мест». Вредоносное для любого (особенно военного) дела местничество временно отменялось, что облегчало управление войсками и устраняло бесконечные препирательства дворян-военачальников на почве родовитости и «чести». Указ был занесен в разрядную книгу и закреплен собственноручной подписью царя. Такое случалось редко.

Дабы ускорить обеспечение русской армии вооружением и боеприпасами, кроме собственных ресурсов, было решено прибегнуть к широкомасштабным закупкам в других странах.

Земский собор 25 мая 1653 года постановил «писать во все окрестные государства» о «неправдах» короля Яна Казимира, что побуждает царя начать против него войну, а на заседании 1 октября 1653 года Земский собор принимает решение принять гетмана Богдана Хмельницкого с Войском Запорожским под высокую руку государя. Это означало официальное объявление войны королю Речи Посполитой. И 8 января 1654 года Рада в Переяславе возвестила о воссоединении Украины с Россией.

В Посольском приказе закипела работа. Надо было подготовить посольства, снабдить их царскими грамотами и инструкциями, выделить потребные средства, определить маршруты. В Европе не прекращались войны, что весьма затрудняло задачи русских послов. Достаточно очертить круг стран, куда направлялись русские дипломаты, чтобы оценить размах задуманной операции. Это Империя (позже Австрия), Франция, Венеция, Швеция, Дания, Голландия, Курляндия и Бранденбург (последние два

государства — вассалы Речи Посполитой), а также подвластные Османской империи Валахия, Молдавия и Крымское ханство.

Уже 17 октября 1653 года в Голландию отправилось посольство подьячего Герасима Головина и толмача Дерябина. В царской грамоте выражалась просьба о продаже для русской армии 20 тыс. мушкетов, 20 тыс. пудов пороха и свинца. Просьба была удовлетворена даже с превышением — добавили еще 10 тыс. пудов боеприпасов. Россия не осталась в долгу. В Голландию послали большие партии хлеба, поташа и других товаров. В августе 1654 года из Голландии на двух кораблях доставили в Архангельск свыше 4 тыс. шпаг, до 1200 лат «рейтарских» и солдатских, сотни пистолетов «колесчатых», карабинов и другого вооружения. Кроме того, без указания числа каждого вида вооружения — 17 «ларей».

Выяснение позиций соседних и отдаленных государств было призвано обеспечить в одних случаях нейтралитет, в других — найти возможных союзников. Одновременно дипломатическая активность Москвы обозначала, что в этой столице хотят знать международное общественное мнение и по возможности на него воздействовать в благоприятном для России духе. Кроме того, вопрос о вступлении Украины в подданство России по справедливости рассматривался царским правительством отнюдь не только в качестве яблока раздора между русской и польско-литовской сторонами.

В Париж к Людовику XIV не без приключений прибыл Константин Мачехин. Он имел с собой польские книги, в которых, по мнению русской стороны, содержались оскорбительные в адрес царя выражения и допускались искажения титула Алексея Михайловича. Мачехина встретили радушно, король подтвердил свое желание поддерживать дружественные отношения с царем. Хотя «Король-Солнце» и выразил сожаление по поводу конфликта между соседями, осуждения начинавшейся Россией войны против Речи Посполитой не последовало.

Венский двор в ответ на царскую грамоту, врученную Фердинанду III русскими посланниками Иваном Баклановским

и Иваном Михайловым, не возражал против территориальных приращений России. Русским дипломатам даже удалось убедить императора переписать ответную грамоту, включив в титул царя «Малую Россию».

Удачной оказалась миссия русских послов в Швеции. Королева Христина согласилась выделить для России 20 тыс. мушкетов по низким ценам. Это было серьезным подспорьем, ибо шведское оружие славилось в Европе высокими качествами.

Со своей стороны Богдан Хмельницкий стремился образовать коалицию государств против Речи Посполитой, видя в ее составе и Швецию. Дипломатические акции гетмана согласовывались с Москвой и, наоборот, действия русских политиков нередко обговаривались с гетманом.

После Переяславской рады состоялась присяга украинского населения на верность России. Царский посол боярин Василий Бутурлин ездил с этой целью по городам Украины. Особое значение имело посещение русским посольством Киева: 16 января 1654 года Бутурлина за 1,5 версты от города встретил митрополит Сильвестр Косов. Речь митрополита имела символическое значение. В ней были такие слова: «Внидите в дом Бога нашего и на седалище первейшее благочестия русского, да вашим пришествием обновится, яко орля, юность наследия благочестивых Великих Князей Русских». Воссоединение с Россией — это воссоединение с историей Руси Киевской.

Свои военные планы Россия должна была строить совместно с Б. Хмельницким, но и с учетом обстановки на юге, где крымские орды создавали постоянную напряженность. Правда, до Переяславской рады крымская опасность не представлялась столь ощутимой, так как хан был союзником в борьбе с Речью Посполитой, союзником ненадежным, но другого не нашлось. После открытого перехода Украины под власть Москвы крымские правители всполошились. Усиление России в их планы не входило. Вот почему политика Бахчисарая меняется в сторону антимосковских, а тем самым и антиукраинских действий. Хмельницкий применил весь свой дипломатический талант, чтобы не допустить сближения хана с королем Речи

Посполитой. Однако этого избежать не удалось. Возникла реальная угроза объединения войск хана и Яна Казимира. Московская дипломатия также намеревалась помешать этому альянсу, но безуспешно. В такой обстановке развернулись боевые действия на русско-польском фронте летом 1654 года.

Русское командование направило основные силы армии в западном направлении — на Смоленск, а 27 февраля «наряд» ушел в Вязьму. В марте устроили смотр учению рейтарских и солдатских полков. Царь повелел князю А.Н. Трубецкому идти с полком к Брянску. Воеводе был торжественно вручен царский наказ на церемонии в Успенском соборе Кремля. Алексей Михайлович обратился к начальным людям с напутственным словом, вручив Трубецкому списки ратных людей.

Южный фланг в планах Москвы имел вспомогательное значение. Там должен был действовать Б. Хмельницкий со своими казаками. В районе Белгорода и Севска находился русский корпус, готовый прийти на помощь казакам или оборонить от возможного нападения крымчаков. В Киев был введен русский гарнизон с «нарядом».

Царь Алексей Михайлович решил лично возглавить войско. В Москве провели торжественный смотр русской рати. Гремели колокола, духовенство пело молебны, благословляя воинов на грядущие испытания. О походе царь регулярно сообщал в письмах своей семье. Эти документы не оставляют сомнений в руководящей роли Алексея Михайловича при осуществлении военных действий против неприятеля.

Первое письмо царь отправил из Можайска 26 мая 1654 года. Из него явствует, что армия должна спешно выступить в поход, так как получены сведения об отсутствии вражеских войск близ Смоленска («чтоб скорее захватить»). Алексей Михайлович заранее знает, где будет его очередной «стан» и когда. Вероятно, польско-литовская сторона не предусматривала движения именно в этом направлении, полагая, что русские должны были испытывать суеверный страх после поражения в Смоленской войне именно на этом участке фронта.

Спустя неделю армия Алексея Михайловича остановилась на пустоши Жижели. Царь рассказывает, как по его приказу воины ходили «за рубеж» на разведку, имея задание взять «языков». Поиск оказался удачным. Командирам рати предъявили 8 человек пленных. Полученные от них сведения подтвердили, что в Смоленске не слишком сильный гарнизон (порядка 2 тыс. человек). И что самое важное, по словам Алексея Михайловича, они «моего похода не чают». Зато в Орше находится войско противника числом 10 тыс. человек. Важным также было известие о походе коронного войска против Хмельницкого. Не без огорчения Алексей Михайлович поведал о перебежчике из русского стана, которым оказался «смолянин сын боярской Васка Михайлов сын Неелов». Беглеца изловили. Он признался, что хотел перейти на сторону противника и предупредить его о движении русской армии.

Возмездие не заставило себя ждать. Царь распорядился Неелова четвертовать. В заключение Алексей Михайлович счел нужным уведомить родных: «Да не покручинтесь, государины мои светы, что не своею рукою писал — голова тот день болела, а после есть лехче».

Как видно из других источников, далеко не все, кто сопровождал Алексея Михайловича в походе, одобряли войну. Иные с большой неохотой оставили свои дома и опасались неудач. Царь это видел и 31 мая 1654 года писал А.Н. Трубецкому: «А у нас едут с нами отнюдь не единодушием, наипаче двоедушием, как есть облака: иногда благопотребным и благонадежным и уповательным воздухом явятся, иногда зноем и яростию, и ненастьем всяким злохитренным, и обычаем московским явятся, иногда злым отчаянием и погибель прорицают, иногда тихостью и бледностью лица своего отходят, лукавым сердцем. Коротко вам пишу, потому что неколи писать, спешу в Вязьму. А мне уже Бог свидетель каково становится от двоедушия того, отнюдь упования нет. А потом здравствуйте и творите всякое дело с упованием к творцу своему и будьте любовны между собою, ей, Бог с вами, а ко мне, если бы не Его светова милость, ей, сокрушение бы моему сердцу малодушие оных». Размышлениями такого горестного

свойства Алексей Михайлович с семейством не делился. Военная обстановка, однако, помогала рассеяться невеселым мыслям царя. Из писем можно заключить, что Алексей Михайлович в людях разбирался и был довольно наблюдательным.

Из деревни Федоровской, где был разбит стан государя, 4 июня полетело в Москву радостное сообщение — взят Дорогобуж. Притом операция эта проведена небольшим отрядом (до 100 человек), возглавляемым «белорусцем Павлом Володарским». Противник («ляхи и литва») ударился в бег, поверив слуху, что идет большая сила. Прибыв в Вязьму, царь аккуратно сообщает, когда предстоит продолжение похода, где он остановится. Дальше шел «рубеж». Вступление на территорию Речи Посполитой стало для Алексея Михайловича незаурядным событием, о чем он написал сестрам, жене и детям из стана Войновщины 22 июня. Через 4 дня отправляется письмо, в котором царь дает знать о победе передового русского полка над неприятелем: «Поляков побили и языков поймали».

Тем временем русские войска подступили к Полоцку. Город сопротивления не оказал («нам, Великому Государю, добили челом и город Полотеск здали»). Но недалеко от города произошло полевое сражение, «и наши люди литовских людей побили, и языки, и знамена, и литавры поймали». Царь получил эти сведения, находясь близ Смоленска. В порядке дополнения к этим обнадеживающим известиям Алексей Михайлович написал: «И самих панов Саколинского и Тишкевича в полон взяли и шлют ко мне». Следующим был взят Рославль. Город не только сдали, но и «в винах своих добили челом». Царь целиком ушел в военные дела. Несмотря на это, корреспонденция от него идет исправно. Он опять извиняется, что пишет не собственноручно, объясняя это: «Ей, недосуг и дела многия». Но приписки к письмам он делал сам, равно как и адрес: «Государыням моим сестрам».

А 12 июля 1654 года царский стан на Девичьей горе у Смоленска посетили посланцы наказного гетмана Ивана Золотаренко. Они привезли сообщение о военных действиях на Украине. «А те-де ляхи пошли было под наши черкасские го-

роды, под Чернигов и под иные... и они-де их не пропустили». Просматривая это письмо перед отправкой, Алексей Михайлович не без удовлетворения рядом с именем гетмана Золотаренко вставил слово «наш».

Осада Смоленска продолжилась. «А над Смоленском, прося у Бога милости, промышляем», — отмечает царь. И тут же делится дальнейшими планами, которые предусматривали приход к Смоленску отрядов Золотаренко (ими уже взят Гомель) и совместные с ними операции. Предполагался штурм города. В успехе царь не сомневался, собираясь затем двинуться к Орше. Судя по письмам от 17 и 28 июля, подготовка к приступу продолжалась. А общее наступление русских войск развивалось стремительно и успешно. Противник понес новые потери («поляков побили наголову, и языки, и знамена, и литавры, и барабаны, и пушки поимали»). А из Полоцка боярин В.П. Шереметев дал знать о взятии городов Десны и Дриу.

Лейтмотивом всех писем Алексея Михайловича служат многократно повторяемые слова о милости Божией, о молитвах близких людей, которые помогают в ратных делах и сохраняют здоровье государя и его семьи. Характерно такое собственноручное признание царя: «Многолетствуйте, светы мои, во веки и на веки и со мною, и с женою, и со всеми детьми нашими и уповайте на Бога! Той сотворит на пользу нам и вам! Без Него же ничто может состояться. А потом челом бью». После замысловатых знаков, символизирующих подпись, царь добавляет: «Протопоп благословение подает вам светом». Видимо, речь идет о духовном лице, сопровождавшем Алексея Михайловича в походе.

Наконец состоялся долгожданный штурм сильнейшей смоленской крепости, но он не принес удачи. В письме от 23 августа царь кратко об этом повествует: «Августа в 16 день был приступ к Смоленску, и наши ратные люди милостию Божію к Смоленску зело храбро приступали и на башню и на стену взошли, и бой был великой». Отчаянно сопротивляясь, неприятель взорвал башню. Однако русские ратники успели спуститься со стены, хотя некоторых «порохом опалило». Обе стороны понесли большие потери.

В собственноручной приписке Алексей Михайлович успокаивал родных: «А о приступе не кручиньтесь: ей, дородно и славно наши люди учинили и их побили».

Силы защитников Смоленска иссякли, и жители города настаивали на сдаче. В итоге 23 августа 1654 года гарнизон сложил оружие и знамена, горожане открыли ворота русским воинам. Царь устроил пир в столовом шатре, на котором присутствовали, кроме бояр, сотенные головы, смоленская шляхта, наказной гетман И. Золотаренко с казацкой старшиной и др. Здесь находился и грузинский царевич Николай Давыдович.

Ободряющие известия пришли от А.Н. Трубецкого. Его войска в 15 верстах от Борисова наголову разбили армию Я. Радзивилла. В плен попали 12 полковников, захвачены знамя и бунчук гетмана, другие знамена и литавры. Едва спасся сам Радзивилл, который в этом бою был ранен.

После Смоленской операции, спустя месяц, царь оставил войска и направился в обратный путь. К этому его побудили тревожные вести из столицы. Там разразилась эпидемия чумы — «моровое поветрие». Болезнь уносила тысячи жизней. Москва была взбуждана совпавшими с эпидемией первыми мерами патриарха Никона по изменению церковных обрядов. По его распоряжению изымали иконы старого письма, производя публичное их уничтожение. А 2 августа померкло солнце над Москвой — началось солнечное затмение, что воспринималось как дурное предзнаменование. В городе вспыхнули волнения. В бедствиях обвиняли патриарха и его окружение. Стремившихся выехать за пределы столицы знатных людей народ задерживал. Подогрели недовольство слухи о печатании новых богослужебных книг.

Царское семейство тогда находилось в Троице-Сергиевом монастыре, куда оно выехало по совету Никона. До возвращения Алексея Михайловича царица не оставалась безучастным наблюдателем происходящего. Она отравила грамоту князю М.П. Пронскому «с товарищи», который ведал тогда Москвой. Она писала: «Моровое поветрие множится гораздо, и православных христиан оста-

ется малая часть». Мария Ильинична сетовала по поводу падения авторитета высшей церковной власти в народе. Воеводам предписывалось всячески противодействовать распространению зловердных слухов и разъяснять населению, что Печатный двор «запечатан давно и книг печатать не велено для морового поветрия, а не для их бездельных врак».

Воеводы докладывали царице о продолжающихся в Москве волнениях, грабежах брошенных дворов, побеге группы «тюремных сидельцев». Лишь в октябре чума стала затихать, но тревожная обстановка сохранялась. Задержанных воров и грабителей отослали в стан к царице, как того и требовало ее указание. В те дни Мария Ильинична проявила характер.

Между тем Алексей Михайлович 18 октября прибыл в Дорогобуж и тотчас отправил письмо семейству. Он поделился известиями о новых успехах русских войск: «Городы Дубровна, Кричев, Горы нам, Великому Государю, здались». Несмотря на поспешное движение, царь не преминул дать знать, что намеревается посетить Болдин монастырь. Миновать эту святыню Алексей Михайлович считал себя не вправе.

Новые сообщения о положении в столице и о местонахождении царского семейства убедили царя воздержаться от возвращения в Москву. Он остановился в Вязьме и стал там ожидать прибытия семейства. Оно появилось пред очами государя к его великой радости вскоре после 4 ноября — даты последнего царского письма из похода 1654 года.

В Москву Алексей Михайлович вернулся только 10 февраля 1655 года. Его пребывание в столице было недолгим. Еще в январе он сообщил Я.К. Черкасскому из Вязьмы: «Мы пойдем к Москве на малое время легким делом, оставя все в Вязьме; пойдем помолиться образу Пресвятые Богородицы, приложиться к святым мощам, бояр и всех людей обвеселить от печали и, отвезши сестер своих, царицу и детей, назад возвратимся и пойдем против польского короля».

С театра военных действий поступали неутешительные вести. Противник перешел в контрнаступление. Поэтому

Алексей Михайлович указал воеводам действовать энергичнее, не упуская времени — «чтоб не дать недругу войти в наши города, чтоб его встретить в его земле, до тех пор огонь и тушить, пока не разгорелся, а как разгорится, то уж некогда тушить». О «тяжестях великих душевных» поведал царь в письме А.С. Матвееву, выражая надежду на лучшее и желая быть хотя бы «малой звездой» там, где идет война.

Военная кампания 1654 года позволила русской армии занять значительную часть Белоруссии. Дабы прочнее закрепить эти земли, царь повелел: чтобы служилые люди «белорусцов... не имали и к Москве и в деревни не посылали». Запрещалось под страхом наказания забирать крестьян, их жен и детей в белорусских селениях. Не редкостью были всевозможные насилия над мирными жителями, о чем ведало русское командование. На заставах предписывалось проверять на этот предмет всех едущих во внутренние уезды страны. При обнаружении «белорусцев пахотных крестьян» надлежало их и провинившихся «с приставы присылать к Великому Государю».

Смысл этих мер понятен. Противник признавался: «Мужики очень нам враждебны, везде на царское имя сдаются и делают больше вреда, чем сама Москва; надо опасаться чего-нибудь вроде казацкой войны». Местная шляхта тоже нередко перешла на сторону русских. Осторожной была политика русских властей и в занятых городах. Там, где было магдебургское право (Могилев, Полоцк и др.), оно сохранялось, жителей освобождали от постоя, не забирали в войско, разрешали выборы из черни на городские должности. Просьбы горожан о выселении польских шляхтичей с посадов также были удовлетворены.

Политическим результатом успешных действий против Речи Посполитой стало добавление к титулу царя Алексея Михайловича нового высокого чина — «всея Великия и Малыя и Белья России самодержец». Русские посольства в другие страны теперь должны были неукоснительно добиваться признания нового титула, что не раз вызывало жаркие словесные баталии.

Миновала зима 1654/55 года, и 11 марта 1655 года Алексей Михайлович вновь отправился в действующую армию. На время своего отсутствия в стольном граде царь поручил управление князю Г.С. Куракину, который должен был писать грамоты от имени наследника, великого князя Алексея Алексеевича. Думал ли при этом Тишайший о превратностях будущего похода или хотел приучить подданных к упоминанию своего сына, тогда еще малолетки? При любых условиях речь шла о подтверждении прав династии Романовых на российский престол. Для пополнения армии был издан указ, согласно которому вместо больных и увечных служилых людей из их владений брали «даточных» — крестьян и бобылей.

Как и год назад, в Москву стали приходить письма государя из похода. И на сей раз они были адресованы сестрам Ирине Михайловне и Татьяне Михайловне, а также царице Марии Ильиничне и детям — Алексею, Евдокии, Марфе и Анне. Теперь в письмах именуется и «Великий Государь святейший Никон патриарх», моления которого Алексей Михайлович неизменно отмечает. Появляется еще один весьма показательный момент. Сообщая о своем добром здоровье, царь указывает: «А мы на Божией службе». Так он оценивает свое участие в войне. Крепнет его уверенность в правоте своих дел, хотя по-прежнему он не переоценивает собственных заслуг, полагая все на небесные силы. Участие в походах во главе своих ратных людей, когда все нити управления войсками сходятся в его руках, способствовало самоутверждению Алексея Михайловича как личности и государственного деятеля.

Замелькали в письмах уже знакомые пункты следования: Вязьма, Дорогобуж, Войновщина и т.д. Царь весьма критически оценил дороги, по которым пришлось продвигаться. Из села Кубенского он сообщал: «А дорога такова худа, какой мы отроду не видали: просовы великие и выбои такие великие ж, без пеших обережатых никоими мерами ехать нельзя». Но войско продвигалось на запад. Из Вязьмы, служившей сборным пунктом для царской рати, Алексей Михайлович 17 марта, в день своих именин, писал: «А люди почали съезжатца, человек

с 500 съехалось и беспрестани едут». К 23 марта сбор завершился, и «тово же дня и числа пошли за милостью Божию в Смоленск». Благовещенье Алексей Михайлович встретил в Болдином Дорогобужском монастыре. Миновав станы в селах Войновщине и Стрелке, 31 марта царь пишет уже, что пришли «в славный град Смоленеск... в субботу в 5-м часу дни». Он не забыл об именинах Марии Ильиничны, собираясь их «править» в этом городе. 15 апреля государь встречал Пасху и вопрошал родных: «А у нас Христос воскресе. А у вас воистину ли воскресе?» Уведомления в апрельских письмах о благополучном пребывании в Смоленске царь сопровождает просьбами к сестрам: «И паки молю не оставьте их (жену и детей. — А.П.) ради Христа, а у нас только и племяни, что вы, светы мои. Брат ваш Алексей челом бьет».

Первое сообщение о ходе военных действий содержится в письме от 30 апреля из Смоленска. После неудач 1654 года войска Речи Посполитой пытались взять реванш. Действия поляков на Украине не принесли успеха. Казачье войско Б. Хмельницкого и русские отряды отразили натиск, а затем, развивая наступление, подошли к Львову.

К той поре новый крымский хан заключил союз с Яном Казимиром и двинул орду на Украину, что заставило объединенное войско отступить к Белой Церкви. Литовский магнат Я. Радзивилл подступил к Могилеву, но взять его не смог. Царь сообщил об этом и добавил не лишнее интереса описание необычного в тех местах разлива Днепра («с 30 лет такой большой воды не запомнят»). Вода подступила к таборам царской рати, «все поняло и горы много захватило».

Как и в прошлом году, Алексей Михайлович отмечает, что противник «не чаял» его похода. По распоряжению Алексея Михайловича отряд И. Золотаренко пришел на помощь русскому войску. Военачальники неприятельской стороны оказались в затруднительном положении. Опять инициатива принадлежала русской армии.

Маршрут своего движения на театре военных действий Алексей Михайлович определил на Могилев. Верный своим семейным привязанностям, он отпраздновал именины

старшей сестры Ирины «по чину». Полученное из Москвы от родных яйцо царь с умилением целовал «вместо самих вас». Письмом от 24 мая 1655 года из стана Казачья Поляна царь уведомляет: «Пошли из Смоленска противу недруга своего полского Яна Казимира короля... в самый праздник Вознесения Господня». Выступая из Смоленска, он обратился к рати со словами уверенности в успехе. Он призвал воинов соблюдать по отношению к занимаемым городам и селам разумную линию поведения: не жечь, не разорять — «те же деревни вам пригодятся на хлеб и на пристанище». Изпод города Шклова Алексей Михайлович шлет очередное письмо уже 10 июня 1655 года. Его автор повествует о важном событии: «Привезли к нам из Афонския горы крест царя Константина да главу Иоанна Златоустого, которым крестом царь Константин победил Максентия». Царь был уверен, что эти реликвии поднимут дух русских ратников. Восторженно извещает он и о своем причащении: «Господь Бог... еще потерпел моему окаянству и не возгнушался мною грешным».

Одна из самых обстоятельных корреспонденций отправлена царем в Москву из того же Шклова 26 июня 1655 года. Следующим пунктом на пути движения Алексея Михайловича был назначен город Борисов, где предстояла переправа через Днепр. Алексей Михайлович был озабочен недостатком хлебных запасов для войска, что заставило отложить выступление. Не удалось наладить доставку необходимого водой по Днепру. Алексей Михайлович указал послать по сухопутью в Смоленск 500 подвод для хлебных запасов. Оттуда же ожидали к Петрову дню доставки «большого наряду» (пушек). Русское командование хотело продолжать наступление, основательно подготовившись.

«А бояр и воевод, дав им запасы и надеясь к Богу на отца нашего святых молитвы, отпустили за Днепр», — повествовал далее Алексей Михайлович. Передовой полк под начальством князя Н.И. Одоевского был отпущен 20 июня, 24 июня двинулся в путь большой полк князя Я.К. Черкасского. На следующий день настала очередь выступить сторожевому полку князя Б.А. Репнина. Перед армией царь

поставил задачу — наступать на Минск. Туда же передислоцировались казаки И. Золотаренко. По сообщению воеводы Б.М. Хитрово, его отряд переправился через реку Березину («Березу») и на том берегу построил укрепления, ожидая дальнейших указаний от царя. Отправленный от Хитрово разведывательный отряд «для языков» выполнил свою задачу, из-под Минска «языков многих поймали». По словам пленных, «в Менску людей нет, а сенатыри все отъехали к королю на Сейм». О состоянии королевского войска «языки» ничего не знали. По вестям от боярина В.П. Шереметева, главного воеводы русского войска, в двух сражениях его войска одолели польско-литовскую рать, а город Велиж открыл ворота сыну Шереметева Матвею.

О новых победах поведал государь 8 июля 1655 года из стана в селе Крупки. Отписка В.П. Шереметева подтвердила взятие Велижа. Б.М. Хитрово со своей стороны отрапортовал о битве с противником близ Минска, в результате которой «литовских людей гнали до Менска и многих побили и языков взяли 15 человек, да знамя белое, а на нем клеймо, да 2 барабана». Бегство неприятеля привело к тому, что русские воины «на их спинах в город и въехали, и город Менск взяли». Затем в город вступили главные русские силы и казаки И. Золотаренко. Алексей Михайлович отдал войскам приказ продолжать наступление. О своих планах он сообщил, что намерен идти «наскоро в Менеск и под Вильно, и, прося у Бога милости, станем промышлять, сколько Он Милосердый помочи подаст».

Своими общими размышлениями о последующем ходе кампании (вернее, о своем в ней участии) Алексей Михайлович поделился в письме от 12 июля 1655 года из-под Борисова. Вместе со словами успокоения он пишет, что задержится в походе до зимнего пути. Объясняя такое решение, государь аргументирует его желанием «отделатца — и вовсе с вами быть на Москве», чем вернуться сейчас, а затем вновь идти к войску. По другим известиям, Алексей Михайлович в обращении к войскам 12 июля объявил, что поведет их на Вильно и Варшаву. Через два дня царь уже на стане у реки Бродни (за Березиной). Письмо повез в Москву боя-

рин В.И. Стрешнев, отпущенный из армии «для его безмерные болезни».

Судя по письму от 22 июля из села Молодечно, Алексей Михайлович держит путь к столице Великого княжества Литовского. Его стан в 90 верстах от Вильно. Войска Я.К. Черкасского приблизились к городу на 60 верст, нанеся поражение «польским и литовским людям». Разгромив армии Я. Радзивилла и Гонсевского, русские войска ворвались в Вильно 30 июля 1655 года. Продолжая преследование врага, Я.К. Черкасский и И. Золотаренко перешли р. Вилею. А царь поспешил к захваченной столице Литвы, радуясь столь большому успеху («Ей, Бог дает доброй путь и победу»). В течение августа были взяты Ковно и Гродно. Алексей Михайлович рассчитывал у Вильно пробыть неделю, чтобы обеспечить войско запасами, а затем двинуться «к Оршаве». Но здесь царь задержался более чем на месяц. Характерно, что Вильно он именует «нашим стольным городом». А 2 сентября Алексей Михайлович поздравил с именинами «дщерь нашу... Марфушку».

Последующие письма царя не дают ответа на вопрос о причинах изменения первоначальных планов. 11 сентября 1655 года стан государя в 15 верстах от Вильно, 20 сентября — в Радожковичах, затем — в Борисове (27 сентября), Шклове (5 октября), Могилеве (9 октября). В Смоленске царь оказался 18 ноября. Он спешит в Москву, но по дороге не упускает из вида военных действий, о которых ему докладывают воеводы сражающихся русских полков. Так, князь С.А. Урусов сообщил, что его ратники побили поляков и взяли в плен двух полковников, ротмистра и несколько десятков шляхтичей. По сведениям от князя С.П. Львова, и его отряд нанес поражение противнику. Направленные из войска князя Ф.Ф. Волконского ратные люди взяли «литовских три города».

Конец ноября 1655 года застал Алексея Михайловича в Дорогобуже. Письма все более выражают его нетерпение увидеть родных, военные сведения уже не встречаются. Зато из села Кубинского 7 декабря он сообщает: «А я наскоро еду, готовтеса с радостию восприяти меня грешного». А спустя три дня Алексей Михайлович прибыл

в Москву. Кампания этого года для него закончилась (и весьма удачно).

Ее результаты поставили Речь Посполитую в крайне тяжелое положение. Оно усугубилось нападением на Польшу шведского короля Карла X Густава. В Стокгольме подумывали о войне с Россией, но Польша была в тот момент более слабой, и шведы не упустили свой шанс. Литовские Радзивиллы и некоторые польские магнаты перешли на сторону Карла X. Были захвачены Варшава, Краков и Познань. Ян Казимир укрылся в Силезии.

Россия, нанося удары по Речи Посполитой, не была заинтересована в усилении Швеции. Скандинавский сосед внимательно наблюдал за развитием обстановки в войне России с Речью Посполитой. И его внезапная атака на Яна Казимира имела целью не только воспользоваться русскими победами, но и поставить предел продвижению России к берегам Балтики. А эта перспектива уже обозначилась.

В Москве поняли истинный смысл происходящего. Алексей Михайлович еще в январе 1655 года писал А.С. Матвееву о беседах с шведским посланником, из которых царь вынес четкое представление о стремлении Швеции всячески воспрепятствовать новым успехам России в борьбе с Яном Казимиром. «И Смоленск им не так досажен, как, что Вытепск да Полотск, потому что отнят ход по Двине в Ригу». Швеция опасалась вступления в Курляндию русских войск. Истинные намерения шведской стороны стали еще более ясными, когда войска Карла X выбили русский гарнизон из города Двинска (Даугавпилса). Потребовалась быстрая переориентация внешнеполитического курса России.

Среди окружения Алексея Михайловича не было единства в оценке ситуации. Одни (среди них — Никон) считали целесообразным довести разгром Речи Посполитой до логического конца. Другие настойчиво доказывали, что нужно заключить перемирие с Яном Казимиром и вступить в войну с Карлом X Густавом, в котором усматривали более опасного на тот момент противника. Царь принял сторону противников Швеции. При успеш-

ном течении дел Россия имела шанс выйти на Балтийское побережье.

Алексей Михайлович приказал прекратить военные действия против Речи Посполитой и начать мирные переговоры. Предложения Швеции о совместной войне с Яном Казимиром были отвергнуты. Весной 1656 года состоялось русско-польское соглашение о перемирии. Переговоры проходили в Вильно. Территориальный вопрос вызвал резкие расхождения сторон. Тогда русские представители сделали заявление весьма неожиданного свойства. Они предложили избрать Алексея Михайловича наследником бездетного Яна Казимира и тем самым объединить оба государства. Разумеется, последовал отказ, но отрицательные последствия этого шага отозвались на Украине. Там опасались, что освободившийся край может вновь подпасть под власть магнатов Речи Посполитой. Царь повелел снять свою кандидатуру на престол соседнего государства, а на переговоры пригласить представителя гетмана Б. Хмельницкого.

Россия также предприняла попытку создания антишведского союза между царем, датским королем и австрийским императором. Посол в Данию Д. Мышецкий получил необычную грамоту — с личной подписью Алексея Михайловича. Такого предыдущая дипломатическая практика России не знала. Но датчане медлили с ответом.

Уже 15 мая 1656 года Алексей Михайлович выступил из Москвы в поход против Швеции. И на этот раз царь издал указ, согласно которому на время его отсутствия отписки следовало посылать на имя царевича Алексея Алексеевича. Три дня потребовалось, чтобы достигнуть Можайска. Царь писал: «А за грязями ехать скоро не можно».

В пятницу 20 июня Алексей Михайлович прибыл в Смоленск, и в тот же день армия двинулась далее. Миновав Дриссу, Алексей Михайлович подступил к городу-крепости Динабургу. Поход протекал удачно, и 3 августа царь послал русских ратников на штурм города. Внешняя линия укреплений («Большой город») была взята. Обстрел Малого города гранатами вызвал там пожары. Новая атака привела к захвату верхнего города «того же часа». Алексей Михай-

лович сообщал, что в операции участвовало 3400 человек, «а убито и ранено немного». Победа в этом сражении совпала с днем памяти Бориса и Глеба, и царь приписал этим святым заступничество за русских воинов, а Динабург повелел переименовать в «Борисоглебов город».

Русские войска развивали наступление в Прибалтике. Пала сильная крепость Куkenойс (Кокнесс). В те августовские дни царю было видение: святые Борис и Глеб наказали Алексею Михайловичу поставить и освятить церковь во имя царевича Дмитрия, «нового страдальца». Царь все исполнил в точности, церковь была воздвигнута, а город стал отныне называться по указу государя «Царевичев Дмитриев град». Восхищение царя вызвали укрепления этого города; он нашел для этого весьма выразительные сравнения: «Крепок безмерно, ров глубокий, меньшей брат нашему кремлевскому рву, а крепостию сын Смоленску граду. Ей, чрез меру крепок». Штурм обошелся русским не слишком дорогой ценой: «А побита людей наших 67 человек да ранено 430 человек».

Алексей Михайлович дошел со своей армией до Риги, осада которой успеха не принесла. Отсутствие флота не позволило блокировать город с моря. Но на других участках фронта русской стороне сопутствовала удача. Значительная часть прибалтийских провинций была очищена от шведских войск, в том числе города Дерпт, Нейгаузен, Мариенбург. Наступление на севере привело к взятию Ниеншанца и Нотебурга.

А 1 октября 1656 года царь повернул назад и через Полоцк, Витебск и Смоленск вернулся в столицу. Нетерпение поскорее увидеть родных сквозит в письмах из этих городов. Царь в буквальном смысле слова считает версты, остающиеся до Москвы, сокрушаясь по поводу осеннего бездорожья.

Военные походы Алексея Михайловича имели широкий международный отклик. События в Восточной Европе и Прибалтике освещались на страницах европейских газет, дипломаты во всех столицах говорили об этом. Историки на Западе оценили походы как признак вестернизации России, которая после событий 1654—1656 годов обозначилась более явственно.

Вступление России в войну против Швеции помогло Речи Посполитой несколько оправиться от поражений, а затем и вытеснить шведские войска со своей территории. Однако правящие круги Польско-Литовского государства не склонны были отказываться от претензий на Украину и Белоруссию. Хитросплетения внешней политики выявили возможность возникновения для России, особенно после смерти Богдана Хмельницкого, неблагоприятной ситуации. Швеция была не прочь заманить Украину в союз против России. И. Выговский, преемник покойного гетмана, устремил свои взоры к Варшаве.

Все более нарастала опасность со стороны Крымского ханства на юге. В этой обстановке Россия пошла на перемирие со Швецией, в конце 1658 года предвидя продолжение борьбы с Речью Посполитой и союзным ей Крымом. Опасения московских политиков оправдались. Военный конфликт вновь разгорелся, миновав пик удач русского оружия. Переговоры со стороны России вел А.Л. Ордин-Нащокин в местечке Валиесары. Царь наказывал, чтобы он добивался у шведской стороны уступки части побережья Балтийского моря («выговорить корабельные пристани»). Валиесарское перемирие закрепило за Россией ряд завоеванных территорий. Однако позже, в тяжелых условиях возобновившейся войны с Речью Посполитой, дело свелось к полному отказу от всех приобретений в Прибалтике (Кардисский мир 1661 года).

Разумеется, страна в эти годы жила не только войной. Алексею Михайловичу приходилось заниматься делами самого разного характера.

После принятия Земским собором Уложения 1649 года был разработан текст присяги и крестоцеловальной записи на верность государю. В нем воспроизвели основные положения первой главы кодекса — «О государственной чести». Практическим воплощением этих норм стало дело самозванца Тимофея Анкудинова. Еще при Михаиле Федоровиче, в последние годы его правления, стало известно, что по разным странам скитается некий Тимофей Анкудинов, называя себя то ли сыном, то ли внуком царя Василия Шуйского. Спутник Анкудинова, задержанный царскими

властями и доставленный в Москву, рассказал об одиссее самозванца.

После побега из России в Литву судьба забрасывала его в Турцию, Рим, Венецию, Семиградье. Побывал он в Запорожье у гетмана Богдана Хмельницкого. Гетман уклонился от выдачи самозванца, ссылаясь на казацкий обычай. Сам Анкудинов ускользнул от посланцев Москвы, находясь в Ревеле. Задержали самозванца в Голштинии. По требованию царя его отправили в Москву. Здесь Анкудинова пытали с пристрастием, он признался, что родом из Вологды, был подьячим в Новой четверти. Этому человеку нельзя было отказать в уме, начитанности, находчивости. О нем говорили, что он занимался астрологией и читал «звездочетные книги». Конец Анкудинова был печален. Его четвертовали.

С введением в действие Уложения 1649 года перед правительством возникла проблема выполнения данного дворянскому сословию обязательства о бессрочном сыске беглых крепостных крестьян и холопов. Задача особенно усложнилась в условиях начавшейся войны. Созыв помещного ополчения, набор «даточных» людей в армию из тяглого населения — тех же крестьян — ослабили непосредственный надзор господ за своими подданными и власть вотчинной администрации. У зависимых крестьян появился соблазн покинуть крепостную неволю и искать счастья на новых местах.

Тысячи людей уходили в южные районы (на «черту»), в Поволжье, на Урал. Наиболее отчаянные вливались в донское и яицкое казачество, возникали шайки разбойников. Впрочем, борьба с разбоями была почти постоянной заботой властей. Показательно, что в 1651 году по распоряжению Алексея Михайловича с этой целью были посланы в Кинешемский, Лухский, Шуйский и Юрьев-Польской уезды дворянин и подьячий. Им дали отряд стрельцов, мобилизовали местных служилых людей и других тамошних жителей. В наказе подробно рассматривался порядок действий, в том числе по выявлению «станов» разбойников.

Нередко беглецы, уйдя из родных мест, подыскивали подходящие условия для поселения, а затем увлекали за собой

других односельчан. Дворяне, находившиеся на государственной службе, получали тревожные известия о побегах своих крестьян. В военное время уход со службы рассматривался как особо тяжкое преступление. Тем не менее некоторые помещики, опасаясь полного разорения, покидали полки и возвращались домой, чтобы наладить хозяйство и пресечь бегство крестьян. Однако наиболее действенной мерой стали правительственные сыски беглых. Помещик давал сведения о «сходцах», а специальные комиссии вкупе с военными командами призывали поиски, выявление и возвращение беглых. Но такой порядок установился не сразу.

Всего через 12 дней после выступления царя в поход против Яна Казимира, 27 мая 1654 года, появился указ о беглых боярских холопах. За побег от бояр из полков «пократчи» холопа при поимке надлежало вешать. Через год не менее строгий указ предписывал ловить беглых из боярских дворов в тылу и после допросов, если будет установлен факт грабежа имущества господина, также предавать смерти через повешение. Запрещался под страхом наказания прием беглых. Групповой характер побегов побудил правительство к новым законодательным актам, по которым следовало казнить несколько человек беглецов, а остальных после наказания кнутом возвращать владельцам. В том же году по царскому указу местные воеводы должны были всех подозрительных прихожих людей сажать в тюрьму, приказчики вотчин и поместий за потакание беглым и их прием подлежали сечению батогами и кнутом.

Пока еще правительство в своем законодательстве отличало холопов от крестьян. Но со временем для тех и других вводятся одинаковые юридические нормы, что свидетельствовало о стирании граней между этими категориями зависимых людей. В 1653–1656 годах выходят указы и о сыске беглых крестьян. Идя навстречу коллективным челобитным дворян, правительство царя Алексея в 1658 году организует первый широкомасштабный сыск беглых крестьян в Нижегородском уезде. Эта мера мотивировалась тем, что крестьяне, «бегая-де их, помещиков

своих и вотчинников, разоряют и дома их пожигают, а иных... до смерти побивают». Правда, этот сыск распростирился и на посадских людей, татар и мордву, «чтоб за Государем пустых дворов нигде не было». Давление дворянства все усиливалось, и царь шаг за шагом продвигался по пути создания системы государственного сыска беглых на всей территории страны. Тогда же направили сыщиков в обширный Казанский край.

Своего рода рубежом в организации борьбы с бегством стала коллективная дворянская челобитная 1660 года. Ее составители внесли предложение о том, чтобы бегство приравнять к уголовно преследуемым преступлениям (убийство, разбой, кража с поличным и т.д.). Иначе говоря, дворянин мог бы рассчитывать на поимку сбежавших от него людей на основе закона, а не жалобы потерпевшего в каждом отдельном случае. Лучшим временем возврата беглых рекомендовалось считать зиму (после окончания полевых работ).

Челобитная 1660 года примечательна и в другом отношении. Она как бы устанавливала в государстве «крепостной устав», утверждающий сословные занятия и права подданных государя. «И в предние (то есть будущие. — А.Л.) лета Твой государев крепостной устав в сем деле вовеки был неподвижен, и никому б неповадно было Божия даяние, а Вашего государского давнаго и вечнаго жалованья... восхищати и неправедными прибытками богатеть, — писали челобитчики, — и чтоб в Твоей государевой державе вси люди Божии и твои государевы, коиждо от великих и четырех чинов: освященный и служивый, и торговый, и земледельческий, в своем уставе и в Твоем царском повелении твердо и непоколебимо стояли, и ни един бы ни от единого ничим же обидим был, и кийждо людие по заповеди Божии от своих прямых трудов питались».

За витиеватой формой изложения в этом документе отчетливо прослеживается мысль о законности крепостного права в России, своего рода разделения обязанностей между сословиями. Авторы челобитной не прочь во веки вечные утвердить наследственность положения в обществе каждого сословия, которые предполагаются как замкнутые

группы людей. Одновременно «крепостной устав» формально приравнивал все сословия перед лицом высшей государственной власти — монарха. Эти идеи нашли свое отражение не только в законодательстве, но и в общественной практике той эпохи, да и много позже. Здесь воплотился почти классический средневековый порядок соподчиненности классово-сословных структур.

Основные линии социальной политики правительства Алексея Михайловича обнаруживают немало созвучного содержанию «крепостного устава». Так, проведенное в 1649—1652 годах «посадское строение» утверждало в городах монополию торгово-ремесленного населения на «городские» виды занятий, прежде всего на торговлю. Крестьянам было запрещено иметь в городах торговые помещения. Дворянство наделялось исключительным правом на обладание земельной собственностью и даровым трудом крепостного населения. Приток в дворянское сословие был затруднен. Г. Котошихин замечал, что из простонародья дворянство не дается никому. Царский указ 1667 года предупреждал, чтобы не попадали в церковный причт беглые холопы и крестьяне, так как эта перемена положения для них отнюдь не приверженность вере: «Не хотя рабы в рабех, а крестьяне во крестьянстве быти».

И все-таки жизнь была сильнее любых установлений. Крестьяне-предприниматели обходили закон и внедрялись на посады. И в дворянскую среду проникали выходцы из непривилегированных сословий. Среди дельцов приказного аппарата появились вчерашние торговые люди, дослужившиеся до высоких чинов думных дьяков (Алмаз Иванов, Назарий Чистой и др.). Поставление в священники подчас проводилось по воле крестьянских общин (прежде всего на русском Севере). Богатые купцы (гости) получили доступ к земельной собственности вотчинного типа.

Уже в 50-х годах царь Алексей по собственному почину начал нарушать старинные порядки, которые зиждились на принципе родовитости, «породы». Он стал смело выдвигать к кормилу правления наряду с представителями знатных родов и людей из рядового дворянства.

Серьезными правительственными мерами в области экономики ознаменовались 50-е годы XVII века. Не без воздействия патриарха Никона была проведена реформа питейной продажи — доходной статьи бюджета. Именным царским указом 1652 года всюду в стране отменялась откупная система содержания кабаков. Вырученные от продажи вина деньги надлежало собирать «на вере», то есть специально назначенным головам и целовальникам. В городах и больших «государевых» селах предписывалось иметь по одному «кружечному двору», в малолюдных селениях открывать эти заведения запрещалось. Вскоре последовало уточняющее распоряжение, согласно которому запрещалось содержать в поместьях и вотчинах бояр, стольников, стряпчих, дворян московских и «жильцов» кабаки и кружечные дворы, а где они есть, их следовало «свести». Тем самым центральная власть вводила казенную монополию на производство и продажу спиртных напитков. Правда, исключение было сделано только для тех «поварен», которые производили питье по договору с казной на основе подряда.

Усиленная подготовка к войне с Речью Посполитой не отвлекла царя Алексея от забот по упорядочению таможенных сборов — также важного источника пополнения казны. И 25 октября 1653 года была издана Уставная таможенная грамота, вносившая много изменений в таможенное дело, которое вызывало много нареканий со стороны купечества, создавая для них различные неудобства. Издавна существовавшие местные особенности в таможенных ставках и порядке сбора пошлин стесняли передвижение и осуществление торговых сделок, как и разноразмерных таможенных пошлин.

Поэтому правительство упразднило многочисленные таможенные сборы, объединив их в единую рублевую пошлину, которая взималась по 5 денег (2,5 коп.) с каждого рубля продажной цены товара или суммы наличных денег. В таможенном деле отменялся откупной порядок, оно препоручалось таможенным головам и их помощникам (по назначению из Москвы). За исправность поступления таможенных сборов головы несли материальную

ответственность, недобор грозил взысканиями соответствующих сумм с нерадивых сборщиков, в которые определяли представителей купечества и зажиточных посадских людей. Как говорилось в указе, уставная таможенная грамота издана царем с боярским приговором, «слушав выписки (доклад по этому вопросу. — А.П.) и челобитья, и сказок гостей, и гостиной и суконной, и черных сотен и слобод, и всяких чинов торговых людей». Иными словами, было удовлетворено одно из сословных требований торгового люда. Новый порядок существенно облегчал торговую жизнь в стране и содействовал росту товарооборота и купеческого капитала. Выигрывали от этого и покупатели.

Некоторое исключение в порядке таможенных и питейных сборов было сделано в годы войны для пограничных с Украиной местностей: там эта функция была поручена военачальникам, подотчетным Разрядному приказу. Собранные деньги быстрее поступали в раздачу ратным людям Белгородского и других полков. Ранее пошлины поступали в Москву и только оттуда направлялись по назначению.

Были упразднены откупы на проезд, с мостов и перевозов, взимание поголовной пошлины («головщины»), на торговлю харчем. На откупщиков обрушились обвинения: «Тии откупщики, врази Богу и человеком», «приметываются» к проезжим и прохожим, взыскивают с них незаконные поборы, чем наносят большой ущерб торговым людям. Указ без обиняков запрещал помещикам и вотчинникам «мытов и проезжие пошлины и головщины имати и на откуп отдавати». Установленные казной пошлины с перевозов на Волге и Оке понижались.

Война требовала напряжения всех финансовых возможностей государства. Вводятся чрезвычайные налоги с торгово-промышленного населения: «десятая деньга» (то есть 10%), «пятая деньга» (20% от стоимости имущества человека). С каждых 100 дворов крестьян указывалось собрать по 20 руб. на содержание ратных людей. Немалые займы делал царь у богатых монастырей, а также у Строгановых. Но и этого оказалось недостаточно.

В 1654 году началась денежная реформа, призванная обеспечить постоянный доход царской казне. Ее суть была достаточно проста. В оборот вводилась медная монета, которая должна была находиться в обращении наравне с серебряной и по одному курсу с ней. Московский Денежный двор приступил к чеканке новой монеты. Открыли такое же предприятие в Новгороде. Во главе денежных дворов поставили видных купцов — московских и иногородних. Состоялся запрет на свободную торговлю медью, поскольку она требовалась казне в больших количествах.

На первых порах новшество не только не вызвало протеста, но, наоборот, было встречено одобрительно. Котошихин заметил, что медные деньги поначалу «возлюбили всем государством». В стране далеко не сразу поняли, что за сим последует. Медные деньги успешно внедрились во все расчеты, на них охотно продавали товар, их брали и давали в долг. Но постепенно стали замечать: налоги правительство собирало только серебряной монетой. В Сибири вообще было запрещено хождение медных денег. Ратные люди, находившиеся на службе в пределах Украины и Белоруссии, стали испытывать немалые трудности: там не хотели принимать мелкую монету, которой они получали свое жалованье. А монетные дворы чеканили и чеканили медные деньги. Естественно, они начали обесцениваться.

Наконец, по стране развилось в огромных масштабах изготовление фальшивых медных денег, так как их подделывать было гораздо легче, нежели серебряные. Правительство издает строжайшие указы по борьбе с фальшивомонетчиками, их ловят и предают смертной казни, отсекают конечности. Но и это мало помогало. Кроме того, в народе поползла молва, что причастные к чеканке медной монеты купцы и их покровители из царского окружения (И.Д. Милославский и др.) немало разбогатели, передавая на монетные дворы не казенную, а свою медь. Особенную неприязнь вызвали гость Василий Шорин и тесть царя Илья Данилович Милославский. Тем временем выпуск медных монет продолжался в нарастающем темпе.

Сначала незначительная разница в рыночной стоимости серебряной и медной монеты не была столь заметной. Но со временем этот угрожающий разрыв нарастал. Медная монета падала в цене, ее все менее охотно встречали на рынке. Между тем цены стали расти как на дрожжах, ставя население в тяжелое положение. Сохранились любопытные свидетельства русских торговых людей о падении курса медных денег по отношению к серебряным. Так, в Новгороде на протяжении 1656 — августа 1658 года медные и серебряные деньги «ходили ровно», с 1 сентября 1658 года по 1 марта разница составила 3 коп., в следующие полгода она выразилась в 5 коп. Затем обесценение медной монеты пошло ускоренно и в июне—августе 1661 года достигло 47 коп., а за сентябрь—декабрь этого года подскочило до 2 руб. 50 коп. А к 1662—1663 годам за один серебряный рубль давали уже 10—12 медных. В Москве и того более — до 15 руб. Рынок лихорадило. Всюду нарастал ропот, вспыхивали волнения. Особенно беспокоило правительство положение в армии. Двукратное увеличение денежного жалованья не решало проблемы. Указы царя о необходимости продавать ратным людям хлеб и фураж по умеренным, «указным» ценам вызывали протест владельцев хлеба. Возникали конфликты между служилыми людьми и населением. Военные неудачи 1659—1660 годов еще более усугубляли остроту обстановки в государстве. Все говорило о том, что приближается мощный социальный взрыв. Частные меры властей успеха не сулили. Вряд ли удовлетворились новгородцы, когда «скудным» разрешили покупать хлеб по твердой цене, а у кого нет денег — давать в долг.

Тщетны были попытки правительства найти выход в созыве совещаний с представителями сословий. Приглашенные в царские палаты торговые люди, посадские, жители московских «черных слобод» не могли дать вразумительного ответа на вопрос о причинах сложившейся ситуации, прежде всего «хлебной дороговизны». Одни говорили, что все дело в хищничестве скупщиков хлеба, другие кивали на большие запасы зерна у помещиков, третьи разводили руками. Но чаще всего настаивали на том, что следует отменить медные деньги и вернуться к серебряной монете.

Купечество, наиболее осведомленное в рыночной конъюнктуре, жаловалось, что оно «стало возненавидено» всеми и заявило в 1662 году правительству: «Ныне всякими большими и лутчими промыслами и торгами владеют и промышляют духовный и воинский и судебный чин, оставя и презрев всякое государственное правление». Подобное заявление выражало явную оппозицию политике властей и неудовольствие сословным положением торгового люда России того времени. И хотя раздавались голоса о необходимости искать выход общими усилиями, царь не пошел на созыв Земского собора.

Решительным толчком к изменению финансового курса правительства послужило скоротечное, но мощное народное восстание в Москве 25 июля 1662 года, известное как Медный бунт. В тот день Алексей Михайлович находился в селе Коломенском. Рано утром 25 июля 1662 года москвичи обнаружили в центре города (на Лубянке и других улицах) прилепленные воском или прибитые гвоздями к столбам и стенам листы-прокламации. В них боярин Милославский, окольный Ф.М. Ртищев, гость В.Г. Шорин и др. объявлялись изменниками, которые будто бы сносятся с польским королем. Листы по несколько раз читали вслух набежавшей толпе.

Возбуждение быстро нарастало. Собравшиеся решили немедленно идти с этими листами к царю в Коломенское и требовать выдачи «изменников». Оставшиеся в Москве бояре (Ф.Ф. Куракин и др.) послали дворянина С. Ларионова и дьяка Башмакова в сопровождении охраны изъять кремльские письма. Однако их прогнали. Несколько тысяч москвичей двинулись в Коломенское.

По-видимому, царь уже был уведомлен о «гиле». Более того, по данным «Дневальной записки» приказа Тайных дел ему доставили одно из «писем». Алексей Михайлович находился в церкви, где слушал обедню. Боярам, которым угрожала расправа восставших, Алексей Михайлович помог укрыться. Народ подступил к дворцу. Царь прервал молитву и вышел из церкви. Из толпы повстанцев послышались требования выдать обвиненных «на убиение». Алексей Михайлович, не в пример событиям 1648 года,

проявил самообладание и стал уговаривать народ «тихим обычаем, чтоб они возвратились и шли назад», обещая рассмотреть претензии.

Посадский Лука Жидкий и нижегородец И. Жедринской подали царю «письмо». Жедринской настаивал, чтобы Алексей Михайлович «изволил то письмо вычесть перед миром и изменников привести перед себя». Наиболее смелые из повстанцев ухватились за пуговицы на царской одежде, вопрошая: «Чему-де верить?» Алексей Михайлович клялся Богом, что разберет жалобы, и «дал им на своем слове руку». Кто-то из толпы «с царем бил по рукам». Эта обнадеживающая, почти «народная» сцена заставила пришедших поверить государю. Люди из Коломенского двинулись в Москву.

Москва тем временем продолжала бурлить. Громили дворы богатых купцов, торговцев принуждали покинуть лавки и присоединиться к взбунтовавшимся москвичам. Один из обвиненных в листах, гость Василий Шорин, бежал из города. Известие об этом еще более распалило поднявшийся народ, воспринявший этот факт как подтверждение известия об «измене». Сын Шорина пытался скрыться, переодевшись в крестьянское платье. Его привели и стали допрашивать. Прошел слух, что Шорин-старший бежал в Польшу. Перепуганный юноша лепетал что-то несуразное. Его поняли так, что слух имеет основания. Посадив на телегу молодого Шорина, разъяренная толпа ринулась в Коломенское. По дороге она встретила первую волну восставших, возвращавшихся в Москву. Часть последних присоединилась к шедшим в Коломенское. И вновь перед царским дворцом забушевала народная стихия, еще более грозная.

Однако правительство не дремало. На выручку царя спешили стрелецкие полки. Объявили тревогу в Немецкой слободе, где проживало много иностранных офицеров. Городские ворота закрыли, на заставах появились усиленные караулы. Повстанцы вновь потребовали выхода к ним царя, чтобы он сам допросил юного Шорина. Тот повторил, что его отец якобы сбежал в Польшу с какими-то «листами». По приказу царя его арестовали. Но восставшие упор-

но добивались выдачи других «изменников». Царь пообещал приехать в Москву и во всем разобраться. Но на сей раз государю не поверили. Из толпы Алексею Михайловичу «учали говорить сердито и невежливо, з грозами», предупреждая, что в случае неисполнения требований повстанцы бояр-изменников «у него учнут имать сами, по своему обычаю».

В эту критическую минуту царю дали знать о прибытии войск. Он сразу переменял тон, закричав на восставших, и приказал свите и стрельцам «тех людей бити и рубити до смерти и живых ловити». Началась кровавая бойня безоружных людей. Многих загнали в Москву-реку, где те утонули. Натерпелось тогда и царское семейство: «А царица в то время и царевичи, и царевны, запершися, сидели в хоромах в великом страхе». Говорили, что царица Мария Ильинична после этих событий болела целый год.

Одержав «победу», царь приказал разослать по всей стране грамоты, в которых картина восстания излагалась в угодном властям духе. Расправа якобы была проведена по единодушному челобитью всего населения, начиная от бояр и кончая посадскими людьми московских черных сотен и слобод. Не соответствовало действительности и утверждение о том, что в восстании не участвовали «всяких чинов ратные и торговые, и земские люди». Очевидец событий Г. Котошихин писал, что в рядах повстанцев находились «люди торговые, и их дети, и рейтары, и хлебники, и мясники, и пирожники, и деревенские, и гулящие, и боярские люди». Барон Мейерберг сообщал, что «заговорщики» принадлежали к «подонкам черни». Согласно современным известиям, верхи торгового мира не поддерживали восстание, за что получили царскую похвалу.

Три следственные комиссии без устали вели дознание с пытками, пропустив через застенки сотни людей. У грамотных брали образцы почерков, чтобы установить авторов прокламаций, но тщетно. Четвертование, виселица, отсечение рук и ног, выжигание на лице буквы «Б» (бунтовщик), массовая ссылка — таков был итог московского восстания 25 июля 1662 года. Тишайший в этой ситуации проявил другую сторону своей натуры... Недаром его инте-

ресовала личность Ивана Грозного, по которому царь казывал панихиды. Позже, когда шел спор между царем и бывшим патриархом Никоном, последний напомнил Алексею Михайловичу о бунте. Царь в ответ заявил, что приходили «земские люди» бить челом на обидчиков, а не против него.

Год 1662-й для правительства царя Алексея оказался особенно «урожайным» на восстания. Подавление мятежа в столице совпало с цепной реакцией выступлений местных народов на востоке страны. Поднялись башкиры на Урале, запылали русские селения, был стерт с лица земли город Кунгур. Волнения охватили обширные районы Сибири — от Березовского и Тобольского уездов в 1665—1666 годах они перекинулись до берегов Тихого океана. Активизировались в южносибирских степях потомки хана Кучума. С великим трудом удалось справиться властям с этой полосой вооруженных действий иноплеменных подданных России. От набегов страдали и мирные ясачные люди. Из пограничного Тарского уезда они писали царю, что нужны решительные военные меры против налетчиков, грабящих жителей и угоняющих людей в плен. Без царского указа нельзя было применить силу против иноземцев. Это поощряло нападавших. В челобитной говорилось: «Они, царевичи (Кучумовичи. — А.П.)... ведаючи, что Ваших государевых ратных служилых людей на них посылать не велено без Вашего государева указу», и совершают нападения, «не опасаясь... ратных служилых людей».

Разумеется, вряд ли возможно утверждать, что серия восстаний 1660-х годов на периферии была непосредственно связана с экономическими затруднениями, вызванными неудачной денежной реформой правительства царя Алексея. Были на то и свои причины. При всем том царь решил на отмену медных денег. Указ был издан 11 июня 1663 года: «На Москве и в Великом Новгороде, и во Пскове денежного медного дела дворы отставить, и маточники и чеканы в тех городех, собрав все, прислать к Москве в приказ Большие казны. А старой Денежного дела двор на Москве завести и серебряные деньги на нем денежным ма-

стерам делать июня с 15 числа». Отныне все расчеты необходимо было вести на серебряные деньги. Казна принимала медные деньги в обмен на чисто символические суммы серебряных. Отвергнутую монету пускали в переплавку и на изготовление различных предметов, в том числе и для царского дворца.

Постепенно в стране налаживалось денежное обращение и рынок обретал нормальные черты. Но рецидивы «указных», принудительных цен на съестные продукты кое-где давали себя знать и позже, проявляясь в основном на окраинах государства. Было официально признано, что приставленные к выпуску медных денег торговые люди «казну многую крали... и от того воровства обогатели большим богатством».

Для получения новых казенных доходов власть вводит в 1662 году государственную монополию на торговлю с иностранцами шестью «заповедными товарами» (пенька, поташ, сало, нефть, смольчуг, пушнина). Через два года вновь вернулись к свободной торговле ими, правда увеличив на время вдвое ставку таможенной пошлины, что мотивировалось необходимостью получения серебра. Расчет был на расширение торговых операций и соответственное увеличение пошлинных сборов. Царь в данном случае не обманул подданных: в 1667 году повышенную пошлину отменили.

Внимательно присматривались в Москве к набиравшей силу Макарьевской ярмарке близ Нижнего Новгорода. Правом собирать здесь таможенные пошлины, согласно прежним царским грамотам, пользовался местный Желтоводский Макарьев монастырь. Видимо, властям этой обители не пришлось по вкусу грамота Алексея Михайловича от 26 июня 1667 года. В ней говорилось: «...На ту Макарьевскую ярманку... съезжаются торговые люди со всякими товары и с деньгами со всего Московского государства, и иных государств иноземцы торгуют две недели», тогда как ранее был лишь один торговый день в начале июля. Грамота запрещала монастырю впредь собирать торговые пошлины — этим будет заниматься казна. Монастырю была обещана «руга» — государственное содержание. Чтобы еще

более приохотить торговых людей посещать Макарьевскую ярмарку, первые пять дней дозволялась беспошлинная торговля.

Ранее говорилось о настойчивых требованиях отечественного купечества оградить его от засилья на внутреннем рынке западноевропейских коммерсантов. Постепенно правительство царя Алексея Михайловича усиливает в своей финансово-экономической политике элементы покровительственного порядка. Это в дальнейшем сулило постоянный доход казне и к тому же удовлетворяло претензии торгового люда страны. Привилегии заморских торговцев постепенно сокращаются, а в 1667 году выходит один из важнейших законодательных актов этого рода — Новоторговый устав. Главное внимание в этом документе уделялось регулированию деятельности зарубежных купцов и сбора с них таможенных пошлин. При подготовке Новоторгового устава воспользовались прежними челобитными русских торговых людей, прежде всего челобитной 1646 года, которую тогда «сыскали» в архиве. Разработка устава проходила долго и довольно тщательно.

В создании Новоторгового устава участвовали крупные русские купцы, а от правительства — А.Л. Ордин-Нащокин, пожалованный в боярский чин. Вводный раздел устава носил явные следы авторства этого видного политика. Он, будучи еще воеводой во Пскове, предпринял опыт создания своего рода банка, чтобы приглушить противоречия между «лучшими» и «молодыми» посадскими людьми и обеспечить кредитование операций по купле-продаже. Из городских доходов и взносов местных жителей создавался соответствующий фонд. Объединения по профессиям должны были строиться на основаниях помощи богатых бедным путем соединения средств тех и других под главенством зажиточных горожан. Эту мысль Ордин-Нащокин провел и в Новоторговом уставе. Текст нового торгового закона был скреплен подписями виднейших русских купцов.

Торговлю иностранцев Новоторговый устав ограничивал тремя городами — Архангельском, Новгородом и Псковом. Для проезда внутрь страны иностранцы должны были полу-

чать особое разрешение. Кроме того, они уплачивали повышенные пошлины в иностранной валюте. В результате иностранные купцы вносили в казну до 19% цены товаров, тогда как русские торговцы облагались лишь 5%-ной пошлиной. Розничная торговля иностранцам была запрещена, они могли торговать только оптом, продавая русским купцам большие партии товара. Все это благоприятствовало русскому купечеству, ограждая его от конкуренции европейского капитала. Но по-прежнему отечественные негоцианты не имели возможности вести операции в чужих краях в сколько-нибудь значительных масштабах. Россия не имела удобных морских выходов и своего флота.

Особая роль отводилась Архангельску. Там было указано построить новую корабельную пристань и капитальный Гостиный двор. Таможенными головами в Архангельск назначались богатейшие купцы (А. Кириллов и др.). Им препоручались и судебные дела, возникающие на торговой почве между русскими и иностранными купцами.

В Москве понимали также и значение торговли с восточными странами. В том же 1667 году была выдана жалованная царская грамота армянским купцам на провоз в Россию шелка-сырца. Льготные условия торговли по просьбам владык Ирана и Средней Азии предоставлялись купцам этих государств.

Царствование Алексея Михайловича знаменовало дальнейшие шаги по освоению пространств Сибири. В 1648 году казак Семен Иванович Дежнев со своими товарищами преодолел на морских судах — «кочах» — пролив, отделяющий Евразию от Северной Америки. Это выдающееся открытие не сразу заняло свое место в географических знаниях эпохи. В конце 40-х — начале 50-х годов XVII века русские землепроходцы В. Поярков и Е. Хабаров совершили походы на Амур и привели в русское подданство население этого края. Сюда устремились вольные переселенцы, возникло Албазинское воеводство. В южной Сибири строятся новые опорные пункты, и среди них — город Иркутск.

Довольно быстрыми темпами происходило хозяйственное освоение западносибирских мест, где создавались новые земледельческие поселения. Крестьяне европейского Севера

уходили за Урал в поисках лучшей доли. Постепенно складывались очаги русского земледелия (верхотурско-тобольский, енисейско-красноярский, томский и др.). Здешние служилые люди в подавляющем большинстве были выходцами из непривилегированных сословий (крестьян, посадских) и нередко занимались сельским хозяйством, ремеслом и промыслами. Сбор ясака пушниной давал царской казне большие доходы. Частные зверопромышленники и торговцы вывозили из Сибири значительные партии мехов, уплачивая государству таможенные пошлины. Первые шаги делало промышленное предпринимательство за Уралом. Природные ресурсы богатейшего края начинали служить человеку.

Царская власть проявляла повышенную заинтересованность в разведке и эксплуатации месторождений полезных ископаемых, в первую очередь серебряной и медной руды, а также железа, слюды и др. Значительно возрастает в конце 50-х — начале 70-х годов XVII века деятельность частных предпринимателей. Поиски руд ведутся на Урале, в Сибири, на островах Новая Земля, Вайгач и в других местах. Серебряную руду пытались искать и на Оке. Нередко разведки оказывались безрезультатными, хотя в состав экспедиций приглашали иностранных рудознатцев.

Одной из самых крупных, но также безуспешных экспедиций по разведке месторождений серебра была экспедиция Я.Т. Хитрово на Урал в начале 70-х годов XVII века. В ней участвовали сотни людей, начальник экспедиции получил широкие административные полномочия, местные власти были обязаны всемерно помогать Хитрово и выполнять все его требования о посылке людей и материалов. Несколько лет существовал в тех краях Уральский городок (сожженный, когда Хитрово с пустыми руками вернулся в Москву). Кстати, именно тогда в русских документах появляется название «Уральские горы» вместо традиционного именованья этой горной цепи «Камнем».

На Урале семейство рудознатцев Тумашевых основало медеплавильное производство в Соликамском уезде. После истощения месторождения они перенесли свою деятельность

в Верхотурский уезд, где устроили небольшой железодельный завод, наняли работников, поставляя продукцию на местные рынки. Позже в этих местах вырос первенец крупной уральской металлургии — Невьянский завод. В европейской части страны не без успеха действовали предприниматели-иностранцы, становившиеся владельцами различных промышленных предприятий, включая металлургические. В Москве осела группа западноевропейских купцов, которых именовали «московскими торговыми иноземцами». Они прочно связали свою судьбу с новой родиной. В их числе была династия тульских заводчиков Виниусов.

В промышленной жизни России времен царя Алексея наиболее заметное развитие получило солеварение. Главным его центром стал Соликамский уезд на Урале. Активную роль в разработке тамошних соляных рассолов играло русское купечество, а также именитые люди Строгановы. Не отказывалась от заведения варниц и казна. По водной системе Кама — Волга — Ока соль на судах доставлялась в центр страны и была одним из ведущих товаров на рынке. На обслуживании соляных караванов были заняты многие тысячи работников. Изготовление большегрузных речных судов стало существенной стороной предпринимательства в России той поры.

Алексей Михайлович поощрял заведение новых производств — бумагоделание (на реках Пахре и Яузе), «стеклянный» завод в Измайлове, Сафьянный двор в Торжке, Бархатный двор в Москве и др. Доходным производством являлись «будные станы» (или «майданы»), где вырабатывался поташ — важный экспортный товар. Предприятия возникали в лесистых местах, их владельцами зачастую были дворяне, в том числе придворная знать (бояре Б.И. Морозов, Н.И. Одоевский и др.).

Однако распространение поташного дела (особенно в районах засечных линий) создавало свои трудности в значительной мере стратегического, но также и экологического характера. Так, в 1659 году по царскому указу запрещалось отводить леса для будных станов, поскольку вырубка деревьев наносила ущерб засечным линиям. Возникали да-

же трудности с дровами, страдали промысловые угодья. «И от лесов от многие сечи и от сженья того лесу на поташ и на смольчугу и от дыму, — отмечалось в указе, — пчелы по-вылетали и от того бортные угодья опустели, а мед стал дорог». Местным воеводам запрещалось без согласия правительства разрешать кому-либо отвод участков под будные станы. Трудно сказать, каков был эффект от этого указа, но сходные запреты временами поступали и в Сибирь, где ясачные люди жаловались на лесные пожары от небрежного обращения с огнем.

«ГОСУДАРСТВО ПРАВИТ ПО СВОЕЙ ВОЛИ...»

По достаточно единодушному мнению современников, Алексей Михайлович был не только по титулу, но и по существу самодержавным государем. Даже в письмах родным царь неизменно именует себя «Великим Государем». В письме Г.Г. Ромодановскому Алексей Михайлович втолковывал: «...Бог... благословил и предал нам, Государю, правити и рассуждати люди своя на востоке и на западе, и на юге, и на севере в правду, и мы Божия дела и наши, Государевы, на всех странах полагаем, смотря по человеку».

«А отец его (Алексея Михайловича. — А.П.)... царь Михайло Федорович, хотя самодержцем писался, однако без боярского совету не мог делати ничего» — это слова Котошихина. Алексей Михайлович, в отличие от отца, — самодержец «и государство свое правит по своей воли». Посол герцога Тосканского Я. Рейтенфельс засвидетельствовал, посетив Москву: «Они все (бояре и другие знатные люди, включая высшее духовенство. — А.П.) полагают на мудрость царя и предоставляют ему полную власть выбирать и решать, как ему угодно, как единственному и высшему издателю законов». Имперский посол А. Мейерберг также отмечал, что царь Алексей в Боярской думе держал себя

как полный хозяин. «По произвольному распоряжению царя между этими советниками разделены все заботы о каких бы то ни было делах царства...» Он поведал о довольно бесцеремонном обращении Алексея Михайловича даже с собственным тестем И.Д. Милославским, заседавшим в Боярской думе.

Последний «не один раз отведал... тряски за волосы на голове и бороде и кулачных тузов». Однажды царь, разозлившись на хвастливые слова И.Д. Милославского о готовности разгромить войска Яна Казимира, «сперва влепил ему громозвучную пощечину», отругал тестя и «выгнал его пинками из Думы и сам запер дверь за ним». Характеризуя вышший разряд русского общества — боярство и других «ближних людей» государя, тот же Мейерберг не без язвительности сообщал, что бояре обязаны каждодневно до полудня посещать царский дворец для засвидетельствования почтения — «как муравьи в муравейник они туда собираются». Не отказываясь еще от традиции, царь тем не менее был уверен в том, что бояре ему обязаны «послушанием и покорением».

Интересно, что среди служилого московского дворянства в царствование Алексея Михайловича заметное место занимали предки А.С. Пушкина. Великий поэт живо интересовался генеалогией своего рода. Он знал, что четверо Пушкиных поставили свои подписи под грамотой об избрании на престол Михаила Федоровича Романова. Не раз в пушкинских стихах проходит эта тема — и всегда с удивительной гаммой чувств, сплавом достоинства, изысканного юмора с примесью некоей горечи.

Люблю от бабушки московской
Я слушать толки о родне,
Об отдаленной старине.
Могучих предков правнук бедный,
Люблю встречать их имена
В двух-трех строках Карамзина.
От этой слабости безвредной
Как ни старался, видит Бог,
Отвыкнуть я никак не мог.

Правление Алексея Михайловича стало для представителей этого семейства своего рода звездным часом. Один за другим они поднимаются по служебной лестнице, достигая довольно высоких чинов. За год до вступления Тишайшего на престол думный дворянин Григорий Гаврилович удостоился производства в окольничие за удачное выполнение посольской миссии в Польшу. А в 1646 году Борис Иванович Пушкин за посольскую службу в Швеции также получил окольничество. Этот год был весьма удачным и для Г.Г. Пушкина. Его очередная дипломатическая миссия в Швецию принесла высший чин — боярство. Григорий вошел в число близких помощников царя, будучи вскоре пожалован высоким званием оружничего. Одновременно его поставили во главе Оружейного и Ствольного приказов, а также Золотой и Серебряной палат. Он же состоял судьей Челобитного приказа, который по роду своих обязанностей был постоянно в поле зрения государя. Брат Григория, Степан Гаврилович, хотя и не достиг столь значительного положения, но все же дослужился до чина окольничего.

После смерти братьев в Боярской думе некоторое время не было Пушкиных, пока не возвысился сын Степана — Матвей. Он много лет выполнял ответственные поручения царя, в том числе по дипломатической линии, был все время на виду. Матвей сопровождал государя во время военного похода 1656 года. Но лишь за год до кончины Алексея Михайловича стал окольничим. В правление царя Федора он был одним из самых заметных государственных деятелей. В дальнейшем судьба Матвея Пушкина сложилась неудачно. Связи со староверами, какая-то причастность к мятежным стрельцам вызвали опалу — лишение боярства и ссылку в Книсейск, а его сына Федора казнили.

Из младшей ветви рода Пушкиных (прямых предков поэта) только один Иван Федорович Шиш дослужился до думного чина, но уже при царе Федоре. Многие Пушкины назначались воеводами в разные русские города.

Усиление царской власти произошло в условиях войны 1654—1667 годов с Речью Посполитой. После созыва Земского собора в октябре 1653 года этот общегосударствен-

ный орган фактически прекратил свое существование. Царь управлялся с делами без него. Даже Боярская дума уже не имела прежнего значения. В 1654 году по указу Алексея Михайловича создается «приказ Его Великого Государя Тайных дел». Это необычное учреждение должно было служить целиком и полностью исполнению царской воли, но, в отличие от других органов центрального аппарата, новый приказ действительно был тайным: даже бояре и другие приближенные к царю могли не знать о намерениях и действиях государя. В этом учреждении состояли особо доверенные лица. Дьяки приказа имели право действовать «в государево имя». Никаких вольностей тем не менее Алексей Михайлович этим лицам не позволял. На исходе царствования служащие приказа Тайных дел — подьячие — посылаются в качестве дьяков в другие приказы, что еще более отдаляло Боярскую думу от повседневных государственных дел. А для царя это служило дополнительным рычагом воздействия на приказной аппарат. Штат приказа был совсем не велик, но его роль в государственной жизни несомненна.

Таким образом царь имел не только личную секретную канцелярию. Приказ Тайных дел осуществлял надзор за всеми гражданскими и военными делами в стране и доставлял монарху необходимые сведения. Стало довольно обычным явлением, когда чиновники приказа (подьячие) отправлялись в качестве соглядатаев с военными частями и дипломатическими миссиями. Утверждение одного из иностранных авторов о том, что у царя везде и всюду шпионы, явно преувеличено, однако функции тайной полиции приказ выполнял.

Приказ Тайных дел боролся со старообрядцами-раскольниками, руководил поиском и захватом их потайных поселений. Подчиненные ему стрелецкие отряды прочесывали леса в центральных местностях, проводили допросы пойманных, уничтожали скиты.

Среди сторонников староверия оказались знатные люди. Особую известность получили боярыня Ф.П. Морозова и ее сестра княгиня Е.П. Урусова. Царь Алексей надеялся, что они откажутся от своих убеждений и примут реформу

Церкви. Их сослали, заключили в тюрьму, но добиться желаемого не удалось. Решительно, бескомпромиссно Морозова и Урусова стояли на своем, отвергая любые попытки воздействовать на них. Более того, между ними и протопопом Аввакумом наладилась секретная переписка. Аввакум увещевал своих сподвижниц твердо стоять, не страшась никаких кар властей. Его письма — своего рода проповеди, как всегда яркие, эмоциональные.

Неисповедимыми путями происходил обмен письмами. В одном из них Аввакум рассказал, как ему удалось переслать весточку Ф.П. Морозовой. Он попросил стрельца выполнить роль посыльного: «И стрельцу у бердыша и топориче велел ящичек зделать, и заклеил своими бедными руками то посланьице в бердыш». Стрелец получил от него шубу, около полтины денег. Сверх того, Аввакум «поклонился ему низко». Наиболее примечательно послание протопопы Морозовой и Урусовой, в котором он выразил свою поддержку страдальцам за веру и не скупился на ободряющие, хвалебные слова в их адрес. «О, светла и великия солнца и луна Русские земли, Феодосия и Евдокия... О, две зари, освещающие весь мир на поднебесьней», — писал он. Аввакум восхищенно одобрил поведение этих гонимых дочерей Христа: они превозмогли «женскую немощь» и восприяли «мужскую мудрость», показывая пример другим. Случилось так, что Ф.П. Морозова и Е.П. Урусова погибли в заключении раньше, чем сам Аввакум. Кстати, в письмах он выражал опасение, что с непокорными женщинами могут расправиться самым жестоким образом.

Бдительно следили служители приказа Тайных дел за тем, что говорят в народе, пресекали недозволенные высказывания подданных о царской особе. Доносы такого свойства принимались к рассмотрению, по ним чинили суд и расправу — вырезали слишком развязавшиеся языки, секли нещадно кнутом, а то и казнили.

Приказ принял на себя дела по управлению обширным хозяйством царя Алексея Михайловича. В различных районах государства располагались дворцовые села и деревни, где трудились многие тысячи крестьян. К числу дворцовых принадлежало и село Измайлово с прилегающими местнос-

тями. Здесь с особым тщанием занимались не только полевыми работами. Знаменитые сады и огороды были гордостью государя. Система прудов с мельницами и плотинами поддерживалась в должном порядке.

Приказ довольно аккуратно вел приходно-расходные книги о состоянии денежной казны, из которых можно почерпнуть весьма интересные данные о жизни не только царского двора. Согласно распоряжению Алексея Михайловича, здесь же велись «Дневальные записки», где отражались (подчас по дням) занятия царя, его местопребывание, сведения о стрельцком карауле. И едва ли не самое редкое — в этих записках давались краткие сведения о погоде в Москве. Другого подобного источника о метеорологии той поры наука не знает.

Наконец, новое административное детище царя Алексея занималось обеспечением охотничьих пристрастий государя, прежде всего соколиной охотой, которой царь увлекался.

В помещении приказа Тайных дел царь имел «рабочее место» — стол с набором письменных принадлежностей. Здесь он выслушивал доклады, читал документы, отдавал распоряжения.

Знаком усиления царской власти стало и создание так называемого Счетного приказа. Тем самым была предпринята попытка согласовать финансовую деятельность сложной системы приказов — центральных ведомств, а также контролировать денежные поступления в казну и расходование средств. Серьезных последствий создание такого органа, однако, не имело.

Еще одним новым государственным учреждением, появившимся также по инициативе Алексея Михайловича, стал Записной приказ, который должен был составить историкородословный труд о династии Романовых и ее деятельности. Над богато иллюстрированным «Титулярником» (1672) трудились искусные мастера-художники. Этот труд в виде галереи портретов был призван соединить Рюриковичей с новой династией, то есть утвердить положение новых русских царей в мире. Изображения иностранных монархов подчеркивали международное значение российских властителей, а рисунки гербов городов и областей страны как

бы расшифровывали впечатляющий и обширный титул государя. Все это служило возвеличению царской власти.

Издаются указы, уточняющие и дополняющие Уложение 1649 года о царской чести. К примеру, в 1668 году появилось повеление: «Когда будут Великому Государю выходы», то на улицах всадники должны сойти с коней и стоять, сняв шапки, «смирно и немятежно и меж себя у них никаких игр не было». Пешим людям указывалось стоя встречать государя и также без шапок.

Подданным с малолетства внушалось благоговение перед государем. В 1657 году царь и патриарх Никон должны были посетить Иверский монастырь. Туда полетела предупредительная патриаршая грамота. В ней строго наказывалось подготавливаться к встрече достойным образом. Для этого нужно было «убрать» (нарядно одеть) 12 монахов, которым предстояло «орацию говорить краткую и богословную и похвальную». С той же целью (для произнесения орации) предписывалось подготовить 12 «младенцев». Сверх того, патриарх требовал, чтобы во время пребывания царя пресечь любые тяжбы, челобитья. Сомнительных и неугодных людей убрать из монастыря, «да и иных смутных людей, которых-либо чаять, потому ж на то время... отослать дале, где пригож». К слову заметим, что конфликт царя и патриарха еще не развернулся, а оба владыки официально назывались «Великими Государями», пока не произошло низложение Никона.

Писатели и поэты времен Алексея Михайловича безмерно славословили государя, что граничило с обожествлением его личности. Наиболее приближенный и плодовитый Симеон Полоцкий в стихах и прозе возвеличивал своего кумира. Из-под его пера появились такие строки, обращенные к Алексею Михайловичу:

По всей вселенной, во все мира страны,
Где солнечный свет бывает виданы,
Где солнце восходит и где западает,
Всякия страны царску славу знает.

В стихотворении, вошедшем в книгу «Орел российский», С. Полоцкий многозначительно высказался по поводу грядущих внешнеполитических успехов царя:

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Всея Европы и Азии вся
Град Константинов чаёт Алексея.

В день рождения царевича Петра С. Полоцкий написал поздравительные стихи с пожеланиями:

Яко да покориши бусурманскую славу
Вся страны же и царства под свою державу.

Будучи горячим сторонником единения Украины и Белоруссии с Россией, поэт выражал надежду, что царь будет надежной «обороной» не только его родного Полоцка, но и всей Белорусской земли.

Неоднократно придворный пиит сравнивает Алексея Михайловича с солнцем. Приветствуя наследника престола, царевича Алексея Алексеевича, он пишет:

Отец твой солнце, ты еси другое,
Во свете вам быти есть природное.

Для С. Полоцкого идеал монарха — философ на троне, поборник просвещения. И он эти качества обнаруживает в русском царе, считая его одновременно охранителем православной веры.

В том же ключе писали свои произведения Н. Спафарий и другие авторы, близкие ко двору. Нечто совсем иное говорили тогда в адрес царя литераторы из числа старообрядцев, прежде всего неистовый Аввакум в своих гневных и язвительных высказываниях, иногда — напрямую, в других — иносказательно. Согласно реформе Никона, в литургию было введено новшество: прямое упоминание имени царя, что равносильно признанию святости государя. Аввакум резко выступил против этого. Царь-де и в самом деле может подумать, что и «впрямь таков, святее его нет». Идеологи староверия отказывались считать Алексея Михайловича «тишайшим и благочестивейшим». Аввакум писал, что царь «много мучительства сотворил».

Посещавшие Москву тех времен иностранцы в один голос заявляют, что появление Алексея Михайловича на людях обставлялось с необыкновенной торжественностью и пышностью, чтобы подчеркнуть могущество и богатство

православного государя. Став патриархом, Никон много способствовал этому, не забывая и о возвеличении собственной персоны.

Великолепие царских выходов поражало современников. Все было продумано до мелочей и оставляло у зрителей ощущение не только торжественности, но и эстетического удовольствия. Не говоря о роскошном одеянии государя, сверкающем убранстве его коня, вся процессия являла собой красочное зрелище. Отряды воинов в одеждах определенного покроя и расцветок, обдуманное чередование пешего и конного строя, вереницы нарядных карет и повозок, группы знаменосцев с расцветченными знаменами — все это должно было подчеркнуть богатство и могущество царя России.

Сам Алексей Михайлович очень любил все эти «действия» и с удовольствием в них участвовал. Нередко (если не всегда) царь следил за «чином» таких мероприятий, сам распределял роли, проверял «рописи» участников, вносил в них своей рукой исправления и дополнения. Царь любил во всем порядок и исполнительность подчиненных. Эта особенность характера царя — действовать по распорядку во всех областях жизни государства — проявилась и у его сына.

Особенно торжественными были крестные ходы во время больших церковных праздников. Это не только дань религиозному мироощущению их современников, но и нечто большее. Не только Рождество Христово, Пасха и некоторые другие великие дни христианского календаря имели свое назначение, но и другие примечательные даты сопровождались крестными ходами. После празднования Нового года, тогда это было 1 сентября, которое заканчивалось большим приемом у царя, праздник Покрова Богородицы отмечался торжественно 1 октября. В этот день царь, патриарх, высшие гражданские и духовные лица шествовали в Покровский собор, «что на Рву», то есть в храм Василия Блаженного, отдавая дань уважения своим предкам, присоединившим Казань к России. Ведь храм Василия Блаженного, как известно, был воздвигнут в память об этом выдающемся историческом событии.

А 22 октября в один из самых грандиозных праздников — Казанской Божьей Матери — Алексей Михайлович в сопровождении бояр и духовенства шел за иконой Казанской Богоматери. Служба проводилась в Казанском соборе на Красной площади. В этот день в 1612 году начался штурм укреплений Китай-города, за которым последовало взятие этого предместья Кремля, а затем и самой цитадели. Осуществлялось долгожданное «очищение московское», польско-литовский гарнизон сложил оружие, и рать Второго ополчения во главе с Д.М. Пожарским и К.А. Мининым вступила в Кремль.

Русских ратников осеняла тогда икона Казанской Богоматери. Ее считали в народе избавительницей Руси, ей посвятили построенный в центре столицы храм. Поэтому с особым чувством русские люди отмечали этот праздник, он обретал черты живого напоминания о патриотических свершениях народа. И царь Алексей это понимал. Он с особым тщанием относился к организации всех мероприятий этого дня. Торжественные процессии, в которых участвовали стрелецкие и солдатские части, обходили стены Кремля, Китай-города, Белого и Земляного по строго заведенному распорядку. Едва ли не высшей точкой празднества было восхождение на круглую башню Китай-города по причине ее «первовзятия» в памятном 1612 году. Другой праздник Казанской Богоматери отмечался летом по случаю обретения этого чудодейственного образа.

Несомненно патриотическое звучание и чествование другой православной святыни — иконы Владимирской Богоматери. Этот образ предостерег Русь от нашествия орд Тимура. В день праздника икону несли крестным ходом, а в Успенском соборе царь и власти присутствовали на молебне. Богослужения в дни московских чудотворцев Алексея, Петра и Ионы (русских митрополитов времен владычества Орды) также возвращали мысли людей XVII века к тем далеким временам. Не исключено, что крестный ход 19 августа к Богородице Донской также имел отношение к историческим событиям — борьбе с Ордой, а позже с Крымским ханством.

Каждый год в осенне-зимний сезон царь Алексей Михайлович вместе с семейством совершал «походы» в Троице-Сергиев монастырь, где молился в храмах этой обители, вознося хвалу одному из вдохновителей борьбы Руси против ордынского ига — Сергию Радонежскому. Помимо того, в самой столице в день памяти этого святого проходили богослужения.

Алексей Михайлович имел обыкновение направлять придворных и военачальников в наиболее почитаемые московские церкви, когда по городу двигались процессии с крестами и иконами. Царские посланцы должны были следовать за образами и представлять особу государя при всех этих храмах.

Когда в Москву прибыли вселенские патриархи на Церковный собор по делу Никона, их пригласили участвовать в церковных праздниках и отправлять службы в московских храмах. При этом публично произносились здравицы — благословения царю как ревнителю православного вероучения. В 1668 году после службы в Успенском соборе патриарх Антиохийский Макарий прочел в адрес царя благословенную грамоту.

Для тогдашней жизни было правилом любое начатое или завершенное государственное дело отмечать торжественным богослужением. При этом царь лично провожал или встречал иконы, бывшие в походах или на переговорах с представителями других государств («на съездах»). При этом речь идет не только о делах внешних. Сам государь в своих походах против Яна Казимира и шведского короля имел почитаемые образа, а также «пелены» с изображениями святых и преподобных («те все пелены были за Великим Государем... в Смоленском, и в Виленском, и в Рижском походах»). В единственном сохранившемся от 1670 года письме родным Алексей Михайлович писал: «А мы на Спасителе деле, так же и всего нашего государства на великом смотре...» Царь придавал большое значение своевременному вручению воинским частям боевых знамен, на которых была как религиозная символика, так и иные изображения. Алексей Михайлович торопил мастеров, чтобы они изготовили знамена из отпущенных для этих целей

тканей («дорог», «киндяков» и пр.). В день Богоявления духовенство обычно кропило святой водой знамена стрелецких войск.

С большой торжественностью войска были отправлены на «государеву службу» в Уфу и Казань 7 и 12 сентября 1669 года. Царь наблюдал, как ратные люди шли строем со знаменами, пушками, литаврами, барабанами и трубами. В конце ноября 1672 года Алексей Михайлович встречал русское посольство, вернувшееся из Польши, и шел за образом Спаса, 8 и 11 декабря он учинил смотр-провождение войск, направленных в Киев с князем Трубецким, а 31 января 1673 года государя можно было видеть на проводах ратных людей, уходивших служить на Дон.

Необычайным великолепием отличались приемы и отпуски иностранных послов. Существовал детально разработанный церемониал, который неукоснительно соблюдался Посольским приказом и при царском дворе. Наиболее почетной считалась «встреча большая», когда посол иной страны удостоивался наивысших знаков внимания. Соответственно этому обставлялись все этапы приема в царском дворце: приезд послов в Кремль, встреча у лестницы, на крыльце и т.д. Чем ближе к царским палатам, тем выше был ранг встречающих русских сановников. Неизменно высших почестей удостоивались послы «цесаря». Алексей Михайлович принимал заграничных дипломатов, сидя на «царском месте».

К государевой руке допускали не каждого. Да и характер приема мог зависеть от состояния отношений России с тем или иным государством. Если о здоровье иноземного монарха царь спрашивал, вставая со своего места, то во время приема английских послов от Кромвеля Алексей Михайлович демонстративно не поинтересовался здоровьем протектора и не поднимался в знак приветствия. На аудиенциях бояре и другие «ближние люди» блистали золотыми цепями и роскошной одеждой. Полы, лестницы, стены помещений на пути следования почетных гостей покрывались дорогами тканями и коврами.

Конечно, год на год не приходился, и Алексею Михайловичу порой долго не встречались на приемах инозем-

ные представители. Но вот в 1657 году «дневальная записка» зафиксировала приемы послов и посланников из Крыма, Речи Посполитой, Бранденбурга, Молдавии, не считая посланцев от Богдана Хмельницкого и калмыков, а также греческих духовных лиц и купцов. Рабочая часть переговоров обычно проходила в Ответной палате, где бояре и дьяки беседовали с послами, передавали им мнения царя и выясняли все интересующие русскую сторону вопросы.

Иностранные дипломаты пользовались в Москве обильным «кормом» и питием, их приглашали к богатому царскому столу перед отпуском на родину. Вручались также дары, от стола передавались кубки и ковши с горячительными напитками. При этом не обходилось без курьезов. Крымские послы порой воспринимали драгоценные сосуды с питием как подарки и прятали их за пазуху. Считалось неприличным отнимать эти предметы. И тогда нашли способ: крымцам посылали вместо драгоценных чаш их имитации из меди, для вида посеребренные или позолоченные.

Одним из самых пышных стал прием грузинского царевича Николая Давыдовича и его матери, когда они решили отправиться из Москвы на родину. Прощальная аудиенция была дана и царицей Марией Ильиничной для матери царевича Елены Леонтьевны. Присутствовали одни женщины, сообразно принятому при дворе «чину». Подобное в придворном этикете случалось чрезвычайно редко.

Постоянной заботой Алексея Михайловича было стремление закрепить положение будущего наследника престола в государстве. Мы уже видели, как царь повелевал на время своих военных походов писать донесения и другие документы на имя младенца Алексея. Когда отрок достиг 13-летия, Алексей Михайлович устроил его пышное представление придворным, войску и духовенству, а 2 сентября 1667 года уже сам Алексей Алексеевич в своей Столовой палате устроил «кушанье» для многих приглашенных в тот день вельмож, дворян, начальных людей войска. И «вечернее кушанье» тогда состоялось в Деревянных хоромаш у царевича. На именинах царской дочери Марфы Алексей Алексеевич

угощал 30 человек нищих и одарил их деньгами — по 2 руб. на брата. А 7 сентября 1667 года состоялся большой прием в Грановитой и в Золотой палатах, где царь «объявил» наследника престола. Среди гостей значились иноземцы: генерал-поручик Бовман (сидел на весьма почетном месте близ царя), «дохтур и аптекари, и полковники, и подполковники», «здоровать» царевича приходили стрелецкие и солдатские полки, за что получили вознаграждение. Недолго оказался век «надежи» царской: через два года Алексея Алексеевича не стало...

Конечно же выходами, приемами, смотрами не исчерпывалась государственная деятельность Алексея Михайловича. Было много повседневной, будничной работы, от которой царь не уклонялся. Образ благодушного лежебоки, любителя сытно покушать и повеселиться вряд ли соответствовал действительности, хотя именно в таком духе представлял его в своих последних произведениях и письмах неистовый протопоп Аввакум. Если просмотреть записные книги приказа Тайных дел за 60-е — начало 70-х годов XVII века, то можно убедиться в большой каждодневной работе царя (рассылка указов, писем, устные распоряжения и т.д.).

Показателем несомненной активности Алексея Михайловича служат довольно многочисленные его автографы, имеющие прямое отношение к различным областям внутреннего управления и внешней политики, не говоря уже о хозяйственной документации. Если бы ученые задались целью подготовить к изданию все, что вышло из-под пера царя Алексея, им редактировалось, диктовалось (а именно по этому принципу печатаются более 100 лет тома «Писем и бумаг императора Петра Великого»), набрался бы солидный том, возможно и не один. Так или иначе, можно с должными основаниями говорить, что причастность царя ко всему, что касалось страны в его правление, достаточно заметна.

Многие документы начинаются словами «по государеву указу», «по именному государеву указу». В ряде случаев это еще не обозначало прямого участия царя, так как подобным образом могли ссылаться на законы, на то же Уложе-

ние 1649 года и т.д. Однако очень часто речь идет именно о непосредственной роли самого Алексея Михайловича. Известны ранние хозяйственные документы, исходившие от царя Алексея, его резолюции на челобитной сокольников, письма будущему патриарху Никону (их более сотни) и другим деятелям. Алексей Михайлович получал от должностных лиц запросы, как поступать в тех или иных случаях, и давал на эти «статьи» свои руководящие ответы. В описях дел Тайного приказа нередко указания на царскую руку. Готовясь к заседаниям Боярской думы, государь иной раз составлял для себя своего рода программу-тезисы, как вести дело.

Приведем еще пример, достаточно показательный. В 1655–1656 годах царь написал «статьи», посланные в разные города воеводам с подьячим приказа Тайных дел Ю. Никифоровым, в которых изложен такой план:

«В Переаславле. О здоровье (то есть спросить. — А.П.). О обнадеживании милости, что выданы не будут, а обережены будут ратными людьми, и о повороте в Переаславль Семенова полку Змеева, у которого быть Ивану Чаадаеву, и верному б быть надежну во всем, и впредь о верной службе безо всякого сомнения, о побое Чернецкого и очищение Быхова...

О разлитии негодной крови ни за что и о унятии разрешением Днепром и Киевом.

О миру польском, о третьих о том же и так никогда учинено не будет, хотя разлитие будет...

О житье в подданстве, о могилевских поборах...»

На первый взгляд малопонятный текст представляет собой план достаточно пространной информации, которую должен был царский посланец изложить устно представителям гетманской власти в Переяславле. О перемещении полков догадаться можно без труда. Сложнее расшифровать пункты, относящиеся к военным делам с Речью Посполитой. Можно полагать, что царь здесь говорит о возможном перемирии на условиях разграничительной черты между Россией и Речью Посполитой по Днепру (Киев — русской стороне). «Негодная кровь», скорее всего, понимается как напрасная. Под «третьим» разумеется по-

средничество в переговорах. Царь недоволен злоупотреблениями своих военачальников в занятом Могилеве и желает предоставить более благоприятные условия новым подданным.

Во время одного из своих походов Алексей Михайлович составлял наказ Н.И. Одоевскому (писан «в наших царских шатрах»). Здесь же формулировался текст присяжной записи о приводе к «вере» украинских гетманов. А.Л. Ордину-Нащокину государь сообщал, что присланные тем «статьи» он прочел и они «зело благополучны», но тут же замечает, что одну из статей нужно «вынуть» до нового рассмотрения. Тому же адресату было сообщено о посылке «указных статей» царя на поступившие запросы. Ордину-Нащокину переправлялись с нарочными «тайные статьи» государя, в том числе написанные криптограммой. Сам царь был причастен к разработке тайнописи. Алексей Михайлович строго следил за тем, чтобы секретные бумаги доходили только до тех лиц, которым предназначались. В особых случаях надлежало сжигать письма и грамоты после прочтения.

Алексей Михайлович требовал от чиновников приказного аппарата соблюдения определенных правил. Так, в 1658 году вышел указ: «Приказным людям, дьяком и подьячим в приказах сидеть во дне и в нощи 12 часов». Наказывалось в Золотой палате «сидеть» боярам, окольниковым и думным «по вечерам, а съезжаться в 1-м часу ночи» (то есть после захода солнца). «В приказах судьям и дьякам сидеть за дела с 1 часа ночи во все дни, да им же с делами входить в Верх перед бояр и сидеть в приказах до 8-го часа, с 1-го часа ночи». Это уточнение было дано в 1669 году.

Определив продолжительность рабочего дня приказных людей, царь не разрешал своим подчиненным чем-либо заниматься в воскресные дни. Стольник князь Г.В. Оболенский угодил в тюрьму за то, что «у него июня в 6-м числе, в воскресенье Недели Всех Святых, на дворе его люди и крестьяне работали черную работу, да он же, князь Григорий, говорил скверные слова».

По указанию государя было составлено расписание внесения дел приказами на рассмотрение Боярской думы по дням

недели. Не ограничиваясь тем, что служители приказа Тайных дел «надсматривали» за деятельностью других приказов, Алексей Михайлович время от времени лично посещал их для проверки. 12 июля 1662 года он, например, инспектировал Пушкарский и Сибирский приказы. С. Коллинс писал: «Скоро царь намерен ходить и осматривать бумаги дьяков своих, чтобы видеть, какие дела решены и какие просьбы остались без ответа». Но, видимо, это не было постоянной практикой.

Многое в состоянии государственных дел зависело от местного управления. Царю Алексею не удалось наладить должную работу воевод, в обязанности которых входил самый широкий круг вопросов административного, военного и судебного характера. Воеводы правили, как царьки, злоупотребления по должности являлись обычным делом. От притеснений местных «игемонов» стонал народ, в Москву тянулись вереницы челобитчиков в поисках управы на зарвавшихся правителей. Об этом царь знал, но изменить сложившуюся практику было, по сути дела, невозможно. И хотя воеводы менялись на своем посту через два-три года, новые лица вели себя не лучше. Строгие наказания правительства беречь население, соблюдать закон, не позволять взяточничества и других преступлений оставались на бумаге. Не слишком помогали наряжаемые правительством сыски по жалобам, отзыв отдельных воевод и прочие меры. Жизнь шла по заведенному кругу. А дворяне, зная, что воеводская должность сулит обогащение, наперебой выпрашивали у монарха назначения на эти посты. Конкуренция достигла большой остроты. И здесь пускались в ход подкупы приказных чиновников, родственные связи, знакомства.

Считалось вполне нормальным делом, когда воеводы пользовались регулярными подношениями жителей города и уезда. Начальник мог многое: отсрочить уплату налогов, ускорить или замедлить судебное разбирательство, наказать или помиловать провинившихся по административно-финансовой линии должностных лиц. Неудивительно поэтому, что по отношению к воеводе, его семье и людям проявлялись знаки внимания. По праздничным дням

представители посадского или крестьянского «мира» посещали воеводу и одаривали его деньгами, продуктами, охотничьей добычей. Как правило, начальник приглашал посетителей «хлеба ясти». Нарушение установленного порядка вызывало у местного царька неудовольствие, и жителям пеняли, если они не являлись к воеводе «с приносом». Должностные лица общин записывали в своих расходных книгах, когда и что именно было передано воеводе «в почесть». Сплошь и рядом эта по виду практика добровольных подношений превращалась в типичное вымогательство.

В условиях войны Алексей Михайлович при определении на воеводскую должность руководствовался собственными соображениями. И они имели свою логику. Требовалась широкая мобилизация служилых людей в действующую армию. Поэтому воеводами назначаются отставленные от службы по ранению. Им предоставлялась первоочередность в определении на должность. Это одновременно означало и поощрение, награду за понесенные на войне страдания. К раненым приравнялись и бывшие в плену.

Такого рода указ был издан в мае 1660 года. Предполагалось вчерашних воевод, пригодных для полковой службы, отозвать с мест и заменить их ранеными и освободившимися из «полона». Но и в данном случае более чем на один срок воеводства дворяне рассчитывать не могли. Еще более радикальный шаг предприняло правительство в следующем году. Вероятно, много тревожений доставил дворянству указ, согласно которому «...изо всех городов воевод и приказных людей для своей государевы службы переманить и выслать к Москве». Управление на местах поручалось губным старостам, а там, где таковых не было, привлечь отставных дворян и детей боярских. Была составлена именная роспись отзываемых в Москву.

Напомним, что в то время к раненым и перенесшим «полонное терпение» проявлялось усиленное внимание, не очень большое значение имела социальная принадлежность. Для выкупа пленников существовал государственный налог «полоняничные деньги». Вчерашние крепостные и холопы, вернувшиеся из плена, становились

свободными. Для «полонянников» устраивались приемы у царя. Семьи и вдовы погибших на службе получали казенное пособие, что распространялось, к примеру, на стрельцов. Увечных, по возможности, определяли в богадельни.

Теперь вернемся к событиям войны и международных отношений, изложение которых мы прервали на исходе 50-х годов XVII века.

Мысль невольно возвращается к тому вопросу, который волновал и современников, а у историков получил самую противоречивую трактовку. Нужно ли было России прерывать удачно начатую войну против Речи Посполитой на хрупкой основе перемирия и обращать оружие против Швеции? Не стало ли это роковой ошибкой внешней политики правительства Алексея Михайловича, в результате которой не удалось добиться присоединения всей Украины?

Пожалуй, наиболее определенно на сей счет выразился историк Н.И. Костомаров, который резко осуждал Алексея Михайловича и его советников, называя войну со Швецией «нелепой», а договор с Речью Посполитой в Вильно «самым гибельным ударом для Хмельницкого», то есть препятствующим укреплению союза России с Украиной. Некоторые исследователи увидели свою логику в изменении внешнеполитической ориентации России в середине 50-х годов XVII века.

Сложный клубок взаимоотношений государств на востоке и севере Европы в тот исторический момент порождал немало споров историков разных стран, гипотез. Один шведский ученый выдвинул положение о том, что нападение Швеции на Речь Посполитую в 1655 году явилось превентивным антирусским действием, которое сочеталось с попыткой шведской стороны договориться с Яном Казимиром о совместном выступлении против России. И лишь несговорчивость короля Речи Посполитой помешала осуществиться этому замыслу. Нашлись и сторонники, и противники такого подхода. Но и среди советских исследователей бытует мнение, что война 1654–1667 годов со стороны России была направлена не только на воссоединение старинных земель

Руси — Украины, Белоруссии, Смоленска, но также и в целях продвижения к Балтике. В этом плане русско-шведский конфликт не кажется чем-то противоестественным и нелогичным. Верно и то, что в правящих кругах России шла борьба группировок.

Вряд ли можно сомневаться, что вступление Швеции в войну против Речи Посполитой не было изолированным явлением. Известно, что могущественные литовские магнаты Радзивиллы перешли на сторону Карла X Густава добровольно, когда значительная часть Литвы с ее столицей уже была занята русскими войсками. В Польше придавали большое значение союзу с шведским королем — сначала как щиту против России, а затем и как союзнику в борьбе с ней. В любом случае позиция России была невыгодной, что и не замедлило сказаться на театре военных действий. Если правительству Алексея Михайловича удалось избежать войны против коалиции Речи Посполитой и Швеции, то потом пришлось сразиться с этими державами порознь.

В этом раскладе политических сил мы намеренно не рассматривали одну из важнейших составляющих тогдашней международной конъюнктуры — Украину. Во внешнеполитической жизни России едва ли не ведущее место занимал «малороссийский вопрос».

После принятия Украины в подданство России Москву посетило посольство от Б. Хмельницкого. Принятые так называемые «мартовские статьи» уточняли условия подданства, порядок управления Украиной, имевшей тогда автономное положение. Гетман располагал довольно широкими полномочиями, хотя было признано, что сношения с другими государствами он будет осуществлять по согласованию с Москвой. Впоследствии это обеспечило постоянные контакты посланцев Хмельницкого с царскими властями на всех уровнях. В дальнейшем во многих вопросах, несмотря порой на некоторые разногласия, Россия и Украина при Богдане Хмельницком все же проводили согласованную политику. Иной раз внешняя сторона дела для историков затмевала глубинный смысл происходившего. Не было недостатка в критике «непоследовательности» гетмана и «жесткости» московской линии.

При более основательном изучении проблемы оказывается, что военно-дипломатические шаги со стороны царя и гетманской власти были куда более скоординированными, чем представлялось. Хмельницкий остался верным до конца принятым на себя обязательствам, а правительство России с его помощью решало важные вопросы в интересах обоих народов. Так, Б. Хмельницкий был посредником в переговорах придунайских княжеств Молдавии и Валахии (вассалов Турции) о переходе в российское подданство.

В 1656 году прибывшие в Москву послы молдавского господаря Стефана привезли Алексею Михайловичу грамоту с просьбой о подданстве. Положительный ответ был дан в царском послании господарю от 29 мая 1656 года. Но его осуществление наткнулось на серьезнейшие препятствия внешнего порядка. Османская империя и Крымское ханство стояли на пути, да и северный сосед — Речь Посполитая — имел свои виды на Придунайские княжества. Не встречало поддержки такое развитие событий и у Империи (будущей Австрии). Последняя приложила огромные усилия к тому, чтобы примирить Россию и Речь Посполитую, не позволив окончательно сломить католическую шляхетскую республику. Посол Империи Алегретти сумел сделать все от него зависящее, чтобы перемирие в Вильно было заключено и военные действия прекратились.

Во всех хитросплетениях дипломатической борьбы Россия, вероятно, допустила тогда один изрядный промах: она начала войну против Швеции, не получив от Речи Посполитой официального признания территориальных завоеваний, то есть воссоединения Украины и Белоруссии, возвращения Смоленской земли. Это обстоятельство развязало руки Яну Казимиру. Когда фактически прекратились боевые действия русских войск против Швеции и уже начались переговоры о мире, Речь Посполитая вдруг активизировалась. Ее войска повели наступление в Белоруссии, началось их продвижение в Литве. Осаде подвергся русский гарнизон в Вильно. Правда, князь Ю. Долгорукий нанес противнику серьезное поражение и пленил гетмана Гонсевского.

После смерти Богдана Хмельницкого (1657), верного последователя воссоединения, обстановка на Украине осложнилась. Ему не оказалось достойной замены. Старшинская верхушка проявляла колебания в своей политической ориентации. Пробившийся к власти Иван Выговский вскоре выдал свои тайные замыслы, перейдя на сторону Речи Посполитой.

Чрезвычайно осложняла обстановку позиция Крымского ханства. На первых порах Освободительной войны Украины и Белоруссии Б. Хмельницкому удалось заручиться военной поддержкой Крыма. Тяжелым был этот вынужденный союз для Украины, но другого выбора гетману тогда не представлялось. Не раз войска хана и его подручных вели себя вероломно, как случилось в битвах при Зборове и особенно под Берестечком в 1651 году. Пока Украина одна боролась против Речи Посполитой без признания себя в русском подданстве, крымско-украинский союз кое-как существовал. Но стоило Украине объединиться с Россией, как Крымское ханство отказалось от военного союза с гетманом и перешло к враждебным действиям против непокорного края и поддержавшей его России. Более того, хан договорился с Яном Казимиром о совместной антиукраинской и антимосковской борьбе.

Для России было крайне нежелательно (по опыту предыдущих военных конфликтов) вооруженное противостояние одновременно на западе и на юге. Но так складывалась обстановка. Усилия же русской дипломатии при поддержке гетманской стороны не дали нужного результата. Началась полоса непредсказуемых обстоятельств. Измена И. Выговского внесла смуту на украинские земли, затруднив положение сторонников Москвы.

В апреле 1659 года у города Конотопа разыгралось сражение между казаками И. Выговского и ордой Крымского хана, с одной стороны, и русскими войсками князя Трубецкого — с другой. Изобразив отступление, противник заманил русскую конницу в засаду и окружил рать. С большими потерями битва была проиграна. Несколько тысяч пленных резали, как баранов, выведя на открытое поле. Трубецкому все же удалось благополучно вывести основные силы из Ко-

нотопы и перевести их в Путивль. Многократные атаки преследователей были отражены благодаря сильному артиллерийскому заслону русских.

Известие о Конотопском побоище вызвало немалую тревогу в Москве. По царскому указу москвичей вывели на постройку земляных укреплений, опасаясь неприятельского прихода. Алексей Михайлович появился на людях в траурном «печальном» одеянии. Но случилось так, что хан, узнав о действиях запорожцев против Крыма, повернул назад. «Чинили промысел» над Крымом в это время и донские казаки. Выговскому ничего не оставалось, как отказаться от дальнейших активных действий в одиночку. Настроение казачества и всего народа было не в пользу преступившего клятву гетмана. Вскоре его лишили гетманских клейнодов, и Рада выбрала нового гетмана — сына Богдана Хмельницкого Юрия, который присягнул на верность Алексею Михайловичу. Речь шла о всей Украине — Левобережной и Правобережной. Польский военачальник А. Потоцкий не без горечи извещал короля, что население Украины поддерживает Москву. Выговский был выдан царским воеводам с семьей и отправлен в сибирскую ссылку.

Князь А.Н. Трубецкой в какой-то мере сумел отплатить за конотопский позор. Его войска нанесли поражение неприятелю у Быхова. Город был взят. Царь отблагодарил воеводу. Ему вручили шубу в 360 руб., массивный драгоценный кубок, 200 руб. придачи к жалованью и передали родовой город Трубчевск в вотчину. На одном из приемов в адрес Трубецкого по царскому велению произнесли речь, в которой отмечалось, что он «оборонной рукой» отбил от противника, нанеся ему большие потери.

Поистине «черными» стали для России 1660 и 1661 годы, когда военные неудачи шли одна за другой. Большая армия В.Б. Шереметева, измотанная предыдущими боями с польско-татарским войском, подступила к городу Чудново. Противник опередил русских и занял выгодную позицию на замковой горе. Шедшие на соединение с Шереметевым казаки Юрия Хмельницкого получили ложные известия о разгроме русских. Ю. Хмельницкий, о котором тот

же Шереметев отозвался как-то в очень нелестном духе («этому гетманишке надобно было бы гусей пасти, а не гетманствовать»), вступил в переговоры с польско-татарскими начальниками. Русский лагерь подвергался постоянному обстрелу из пушек, кончились запасы пороха и свинца, ратники голодали, в пищу пошли палые лошади. Принявший присягу королю Ю. Хмельницкий призвал казаков из стана Шереметева покинуть его. Русское войско оказалось в отчаянном положении, и 23 октября 1660 года Шереметев пошел на переговоры. Пришлось принять жесткие условия неприятеля о капитуляции. Самого Шереметева татары увели в Крым, надеясь получить за него богатый выкуп. Самое боеспособное войско России выбыло из игры.

Чудновская катастрофа вызвала в Москве огромное беспокойство. Как и год назад, опасались продвижения неприятеля к столице — путь был почти открыт. К тому времени дурные вести поступили и из белорусско-литовских краев. Там потерпело поражение войско боярина И.А. Хованского. После упорной осады Ян Казимир взял Вильно, в его руки перешли многие другие города. Не исключалось, что и с этой стороны можно ждать угрозы Москве. Не было уверенности в надежности перемирия со Швецией. Помнили внезапное нападение шведских войск на Речь Посполитую в 1655 году. В столице поговаривали о возможном отъезде Алексея Михайловича в Ярославль или Нижний Новгород. Но «Дневальная записка» за это время не отмечает каких-либо отклонений от заведенного при дворе порядка.

Царя серьезно тревожил вопрос о реакции на военные поражения России в других странах. По распоряжению государя события изложены в истолковании русской стороны. Указывалось на предыдущие победы русского оружия, изобличалась тактика затягивания мирных переговоров комиссарами Речи Посполитой, использованная для усиления войск и их развертывания против России. Не обойдено было и предательство Ю. Хмельницкого, осуждался также крымский хан за содержание В.Б. Шереметева в тюрьме. Этот материал был отправлен в Любек русскому агенту для

публикации в газетах и рассылки в другие государства. В сопроводительной царской грамоте говорилось: «Как к тебе ся наша грамота придет, а авизы (это слово знали в России еще до Петра. — А.П.) печатные в немецких государствах и в иных городех о побое... воеводы Василия Борисовича Шереметева с товарищи и наших... ратных людей их полков учнут выходить, и ты б те авизы покупал и после тех авиз велел напечатать авизы другие по образцовому письму, каково тебе послано под сею... грамотою». Само это действие русского монарха свидетельствовало о заинтересованности в том, чтобы за рубежом существовало благоприятное мнение о его стране. В свою очередь, здесь нельзя не видеть понимания государственных задач, вполне соответствующих эпохе.

Мирные предложения России в Варшаве были отвергнуты. Там не хотели и слышать о переговорах иначе как на условиях унижительного для России Поляновского мира, то есть полного отказа от всех приобретений, включая Смоленск. На это царь пойти не мог, и война продолжалась, хотя обе стороны изрядно обескровили друг друга и с трудом вели боевые действия. По-прежнему на Украине происходили почти постоянные столкновения между сторонниками и противниками Москвы. Обнаружились немалые противоречия казачества и городского мещанства. Да и в среде казачества существовали разные группировки, ориентация которых была нередко весьма переменчивой.

Противоборствующие стороны в равной мере допускали одну ошибку, имея дело с Украиной: они ее видели прежде всего как объект борьбы и властвования, а не как субъект собственного исторического бытия. А это, в свою очередь, еще туже затягивало узел трудностей и противоречий, разговор шел порой на разных языках. Но одно обстоятельство из всех драматических событий той поры в связи с Украиной вырисовывалось с достаточной рельефностью, хотя его не все принимали и понимали. Однако было ясно, что Украине собственными силами из водоворота событий выйти невозможно. Отсюда частые метания тех или иных значительных лиц из казацкого лагеря то в одну, то в другую сторону. Между тем и в Варшаве, и в Москве воспринима-

ли все это лишь сквозь призму «измены» и склонны были объяснять происходящее своеволием и непостоянством казаков.

Подобный взгляд проник и на страницы солидных исторических сочинений. Так, В.О. Ключевский считал возможным в следующих словах оценить роль казаков и их вождей в то бурное время: «Истый представитель своего казачества, привыкшего служить на все четыре стороны, Богдан (Хмельницкий. — А.П.) перебивал слугой или союзником, а подчас и предателем всех соседних владетелей, и короля Польского, и царя Московского, и хана Крымского, и султана Турецкого, и господаря Молдавского, и князя Трансильванского, и кончил замыслом стать вольным удельным князем Малороссийским при польско-шведском короле, которым хотелось быть Карлу X». Конечно, нельзя отрицать того факта, что казачество как своеобразный социальный слой (особенно вольное запорожское) не могло обходиться без грабежа, который представлял средства для существования. И все же в конечном счете оно проявляло чувство своей родины и хотело ей свободного житья.

По мере развития конфликта между Речью Посполитой и Россией из-за Украины все явственней выступала на историческую арену роль южных соседей — Крымского ханства и Османской империи. Оба эти государства заявили свои претензии на Украину и включились в конфликт. Турция заявила себя в этом отношении позже Крыма, но зато и угроза с ее стороны для других участников была наивысшей. Пока шло соперничество между гетманами варшавской и московской ориентации, выдвинулся деятель украинского казачества, считавший целесообразным признать власть турецкого султана, — Петр Дорофеевич Дорошенко. Свою позицию он откровенно выразил в 1666 году.

К той поре Украина являла собой страшное зрелище — результат бесконечных распрей и военных походов, в том числе неизменно грабительских нашествий крымских татар. Тысячи и тысячи людей угонялись в рабство. Особенно пострадало Правобережье, состояние которого метко названо современниками «руиной». Относительно благополучным

было положение Левобережья, где русская сторона стремилась наладить мирную жизнь и пресекать вторжения с правого берега Днепра и с юга.

Для людей того времени, независимо от их настроений, разница в положении двух частей Украины объективно была в пользу Москвы. Антимосковски настроенный гетман Правобережья Павел Тетеря признавался в письме польскому королю в 1664 году, что «...вся Украина решила умереть за имя царя Московского». Кошевой атаман Запорожья Иван Сирко уверял Алексея Михайловича, что все города от Днестра до Днепра хотят «держаться под крепкою рукою Вашего Царского Величества, доколе души их в телесах будут». Население не раз заявляло о том, чтобы царь прислал на Украину своих воевод. При всех недостатках этой формы правления, которую на своем опыте познали русские люди, введение воеводской власти было признаком хоть какого-то порядка во всеобщем хаосе. Воевод то изгоняли, то настаивали на их возвращении. Характерно в этом плане письмо нежинского писаря Филиппа Константинова находившемуся в Москве представителю мещан города и крестьян: «Припадайте к степени ног престола государева, чтобы кроме власти государевой ни едина власть власти не имела над нами... в противном случае жизнь наша будет хуже каторжной». Можно понять поэтому, что даже после заключения Андрусовского перемирия, по которому Правобережье осталось за Речью Посполитой, украинский вопрос полного разрешения не получил.

Последующие военные действия протекали с переменным успехом. Намерение Яна Казимира перенести войну на Левобережье Днепра на первых порах осуществлялось безуспешно. Польско-литовско-татарское войско заняло несколько городов. Однако под Глуховом король потерпел неудачу и отвел поредевшую рать за Десну, а потом и за Днепр. Не получилась и операция близ Киева и Белой Церкви. Чтобы усмирить поддавшиеся Москве правобережные полки, противник прибег к уничтожению урожая на полях. Татарские загоны мешали русским отрядам сосредоточиться и соединиться с запорожцами.

От царя поступали грамоты гетману И. Брюховецкому о лучшей организации совместных действий и налаживании снабжения служилых людей, которые нередко оставались без продовольствия. Удачные поиски произвели у Перекопа донские казаки и калмыки. Недалеко от Умани воевода Г. Касогов вместе с казаками разбил прославленного польского полководца Чарнецкого. Но русские силы на Украине были невелики, почему гетман Брюховецкий просил Алексея Михайловича прислать подмогу. Он писал со своими посланцами, прибывшими в Москву в январе 1665 года, что Украина в тяжелом положении. Она — «преддверие Великой России. Если Государь потеряет ее, не приславши... ратных людей, тогда неизбежная в Российской земле война будет». Гетман также уведомил царя о разгроме в Полесье польских полков и о других успешных действиях. В «Дневальных записках» приказа Тайных дел за 60-е годы XVII века достаточно часто мелькают сообщения о приеме и отпуске посланцев с Украины. Среди них был и гетман Иван Мартынович Брюховецкий, который удостоился необычайной чести. Ему на приеме было «сказано» боярство в знаменательный праздник 22 октября 1665 года после крестного хода с образом Казанской Богоматери. Будучи в Москве, свежее испеченный боярин женился на русской дворянке. Правда, на родине все это ему не прибавило веса в глазах населения.

В течение 1665 года военные действия между Россией и Речью Посполитой почти прекратились, но переговоры о перемирии не шли на лад. Каждая из сторон стояла на своем, и территориальный спор никак не мог найти разрешения. Король Ян Казимир пытался добиться условий, на которые Алексей Михайлович пойти не мог (отказ от всех завоеваний России на Украине, в западнорусских землях и в Белоруссии).

Показавший себя в качестве умелого дипломата А.Л. Ордин-Нащокин усиленно уговаривал царя пойти на уступки Речи Посполитой и поскорее заключить с ней мирный договор. В одном из писем Алексею Михайловичу он ссылаясь, не скрывая антишведских настроений, на возможности в дальнейшем усилить связи с дунайскими

княжествами, которые после заключения договора с Яном Казимиром «пристанут к союзным государствам и отлучатся от турка».

Одновременно Ордин-Нащокин давал знать государю, что в Швеции продолжают антимосковские козни. Они выражались и в том, что там «составляют злые вести, в Стокгольме печатают и во весь свет рассылают, унижая Московское государство». Оскорбительное содержание шведских известий усматривалось в том, что расписывалась слабость России, недостаток у нас войск, значительная часть которых занята подавлением восстаний внутри государства, включая движение в Башкирии. Ордин-Нащокин подозревал в этом шведского резидента в Москве.

Под воздействием такого рода известий польская сторона занимает несговорчивую позицию. Ордин-Нащокин был склонен пожертвовать Украиной, считая казачество опасной для России силой, лишь бы договориться с Яном Казимиром.

Отвечая Ордину-Нащокину, Алексей Михайлович многим согласился, но относительно судьбы Украины остался непримирим. Он наставлял своего дипломата, чтобы тот старался на переговорах отстаивать права России на обе стороны Днепра, однако не исключал и некоторого компромисса: «Иди с миром царским путем средним... не уклоняйся ни на десную, ни на шую, Господь с тобой». Последующая секретная инструкция послам предельной чертой уступок предусматривала Днепр, но лишь после конечной неудачи исходного тезиса о полном присоединении Украины. Царь болезненно воспринимал возможные отступления России по территориальному вопросу, считая себя ответственным перед Богом за православное население этого края. Кроме того, присутствовал и исторический довод — принадлежность Руси земель Малороссии и Белоруссии с давних времен.

Алексей Михайлович пытался примирить сановных послов Н.И. Одоевского, Ю.А. Долгорукого и других с вчерашним рядовым дворянином Ординым-Нащокиным. Несогласия в посольской команде мешали совершению дела, Ордин-Нащокин откровенно жаловался на именитых собратий, с горечью замечая: «...Они службишке нашей мало

доверяют... у нас любят дело и ненавидят, смотря не по делу, а по человеку...» В другом случае он писал Алексею Михайловичу: «За твое государево дело, не страшись никого, я со многими остудился, и за то на меня на Москве от твоих думных людей доклады с посяганием и из городов отписки со многими неправдами...» Царь по мере сил старался поддерживать Ордина-Нащокина, когда тот вступал в пререкания с «породными» сановниками. На жалобу боярина И.А. Хованского Алексей Михайлович отозвался письмом, где были слова: «Афанасий хотя отечеством и меньше тебя, однако Великому Государю служит верно, от всего сердца». Напомнив, что князя называли «дураком», царь предупреждал, чтобы тот не заносился. Справедливости ради надо сказать, что и сам жалобщик проявлял гордыню и давал немало поводов для недовольства.

Усилия русских дипломатов трудно было подкрепить решительными военными успехами. Но в пользу русской стороны служил слух о том, что Алексей Михайлович якобы собирает войско и сам возглавит новый поход, повторив удачливые действия 1654—1655 годов.

Но и в Речи Посполитой внутриполитическое положение было далеко не блестящим. Возникший между королем и магнатом Ю. Любомирским острый конфликт привел к военному столкновению монарха с непокорным вельможей. Ян Казимир дважды потерпел поражение и пошел на переговоры с Любомирским. Продолжать войну с Россией королю было не под силу. Это несколько ускорило продвижение к перемирию. В Москве знали о «рокоше».

На Смоленщине в деревне Андрусово с апреля 1666 года начался новый тур переговоров представителей Речи Посполитой и России. Много времени отнимали споры о причинах нарушения Поляновского мира. Одна сторона обвиняла другую, изоощряясь в приведении обоснований. Но главным яблоком раздора являлся вопрос территориальный. Алексей Михайлович произвел перестановки в посольстве, сделав так, что его возглавил Ордин-Нащокин, которого пожаловали чином окольничего. Этому дипломату царь доверял больше других и надеялся на благоприятный исход переговоров.

Между Москвой и Андрусовом сновали гонцы с инструкциями от царя и отписками Ордина-Нащокина. Алексей Михайлович внимательно следил за развитием событий. Состоялось уже 30 посольских съездов, а согласованного результата все не было. Царь подбадривал Ордина-Нащокина не только грамотами. Его любимец получал от него изысканные яства и заграничные вина — романею, рейнское, кагор и др.

В это время на юге Украины произошли серьезные перемены. Провозглашенный гетманом Правобережья П.Д. Дорошенко выступил одновременно против Варшавы и Москвы. Крымская орда, ранее поддерживавшая Яна Казимира, теперь взяла сторону Дорошенко. Казацко-татарское войско разгромило поляков. Татарские загоны рассыпались на больших территориях Украины и пограничных польских областей. В плен были уведены десятки тысяч людей. В этой ситуации Дорошенко предпринимал усилия для сохранения состояния войны России с Яном Казимиром.

Обстановка позволила московским дипломатам укрепить свою позицию на переговорах. Польские комиссары долго не хотели и слышать, чтобы Киев достался России на каких-либо условиях. В тайных «статьях» А.Л. Ордину-Нащокину царь уже был готов совсем отказаться от Киева, имея согласие другой стороны на передачу России Левобережья Украины. Однако успехи Дорошенко побудили царя еще раз попытаться «разыграть» киевскую карту. Киев временно предавался русским, затем Речи Посполитой. При этом в ход пошли закулисные денежные выдачи комиссарам Речи Посполитой, от которых те не отказались.

В итоге 31 января 1667 года было достигнуто общее соглашение о перемирии на 13,5 лет. К России отходили Смоленская земля, Северщина, Левобережная Украина и на 2 года — Киев с окрестностями. Запорожской Сечи договор предусматривал двойное подчинение. Обусловлен был обмен пленными. Только о «пашенных людях» предстояло согласовать вопрос на последующих переговорах. В случае враждебных действий Крыма против обеих частей Украины царь и король договорились выступать совместно на за-

щиту. Объявлялись свободными торговые отношения между подданными обоих государств.

Прибывшие затем в Москву посланцы Речи Посполитой, подтверждая договор, заявили, что нужно компенсировать шляхту, изгнанную из Левобережья и Северской земли («потому что от нее беспрестанная добука и вопль»). Для удовлетворения этих «выгнанцев» посланцы запросили огромную сумму, с которой русская сторона решительно не согласилась. И все же царь позволил выдать из казны один миллион польских злотых (по другим данным — 200 тыс. руб.).

Прием в Москве польских послов был чрезвычайно радужным. Тогда-то им «явили» наследника престола царевича Алексея Алексеевича, намекнув, что те видят возможно-го короля Речи Посполитой, поскольку этот вопрос время от времени всплывал в ходе переговоров. Как известно, Ян Казимир был бездетен, а потому введение наследственной монархии в данном случае исключалось.

Когда в Речи Посполитой начались приготовления к выборам нового короля, от имени тамошних вельмож (прежде всего литовского великого гетмана Паца) поступило письмо на имя А.Л. Ордина-Нащокина с объявлением, что царевич Алексей Алексеевич назначен кандидатом на престол и успех несомненен. Вместе с тем авторы письма хотели узнать у русского дипломата, согласится ли царь послать сына на их условиях.

Ордин-Нащокин фактически отклонил этот зондаж, выдвинув предложение о более прочных отношениях России и Речи Посполитой, имея в виду превращение Андрусовского перемирия в мирный договор. Алексею Михайловичу он доказывал, что царевича в короли все равно не изберут. К тому же условия польской стороны будут неприемлемы. Дипломат был убежден, что «корону польскую перекупят, как товар, другие».

Позже возникал вопрос о кандидатуре царевича Федора на престол Речи Посполитой. Но и в этом случае он не решался положительно, хотя существовала довольно сильная партия приверженцев России, в первую очередь в Литве.

Заключение Андрусовского перемирия стало важнейшим внешнеполитическим событием. Оно положило конец вековому противостоянию Речи Посполитой и России, будучи в 1686 году подтверждено «Вечным миром». Киев так и остался в пределах России. Закреплялось воссоединение Левобережной Украины с Россией, возвращены старинные западнорусские земли. Решая одни проблемы, Россия волей-неволей вовлекалась в водоворот других. А они сгустились на юге, где нависала угроза борьбы с Крымским ханством и Османской империей. Впрочем, эта забота была и у Речи Посполитой, что послужило главным предметом обсуждений на встречах представителей примирившихся государств. Ближайшие годы показали обоснованность таких опасений.

Правительство Алексея Михайловича понимало значение акта, заключенного в Андрусове, и приложило много усилий, чтобы его результаты стали международным достоянием. Русские посольства посещают ряд европейских стран. Это было сопряжено также с признанием за царем Алексеем нового титула.

Окончание войны торжественно отметили в Москве. Царь пожаловал служилых людей 20%-ной передачей из поместных земель в вотчины. Наибольших царских милостей удостоился А.Л. Ордин-Нащокин. Он стал боярином и получил необычное титулование «царственной большой печати и государственных великих посольских дел оберегатель» и назначался начальником Малороссийского и Посольского приказов.

В отношениях царя с Ординым-Нащокиным возник момент, который мог повлечь за собой трагические последствия для дипломата. Его сын Воин сбежал в Речь Посполитую, затем оказался у императора и, наконец, во Франции. Воспитанный в духе западных образцов (не без влияния отца, а особенно учителей-поляков), молодой человек решил искать счастья вне России. Такой поступок во времена Грозного мог бы стоить отцу головы. Тем более что Воин оставил службу (он был направлен из Москвы к отцу, который стоял тогда воеводой в Ливонии). Можно себе представить злорадство врагов А.Л. Ордина-Нащокина.

Несчастный отец ожидал опалы и даже попросил у царя отставки. Но вместо этого он получил теплое, участливое письмо Алексея Михайловича. Царь утешал, как мог, своего любимца, проявив великодушие и найдя нужные слова. В обычной для себя высокопарной манере Алексей Михайлович изобразил постигшее Афанасия Лаврентьевича горе как попускание сатаны, который увлек «сего доброго агнца».

Поскольку Ордин-Нащокин-старший просил государя отпустить его от службы, тот решительно этому воспротивился. Поступок Воина царь объяснял малодушием и молодостью: «Он человек молодой, хочет создания владычня и творения руку его видеть на сем свете, якоже и птица летает семо и овамо и, полетав довольно, паки ко гнезду своему прилетает; так и сын ваш вспомянет гнездо свое телесное, наипаче душевное привязание от Св. Духа во святой купели, и к вам вскоре возвратится».

Алексей Михайлович завершал свое послание наставлением продолжать честную службу, «а нашего государского не токмо гневу на тебя... ни слова нет». Венценосный автор письма оказался прав: Воин вернулся на родину и был прощен.

ЦАРЬ И ПАТРИАРХ

Будучи человеком глубоко религиозным и знающим толк в отправлении церковных служб, Алексей Михайлович, вероятно, в иных обстоятельствах мог бы вполне стать предстоятелем Русской православной церкви. Его богословские знания, начитанность в «учительных» книгах позволяли достаточно самостоятельно разбираться в религиозно-церковных делах. Помимо регулярного соблюдения всех обрядов и законов (молитвы, посты, причащения, исповедь, участие в крестных ходах по случаю больших церковных праздников, благотворительность и т.д.), царь много времени проводил в душевспасительных беседах со священнослужителями, порой по ночам, лишая себя сна.

Алексей Михайлович много способствовал быстрому продвижению в церковной иерархии вчерашнему крестьянину Никите Миневу, в монашестве Никону. Ярый ревнитель веры, властный, честолюбивый и красноречивый, Никон произвел на Алексея Михайловича сильное впечатление. В короткое время Никон проходит путь от настоятеля небольшой северной обители до архимандрита Новоспасского монастыря в Москве, где была родовая усыпальница Романовых. В 1648 году он уже на митрополичьей кафедре

в Новгороде, а это означало, что выше по церковной иерархии Никона тогда был только сам патриарх Иосиф.

У молодого царя с патриархом сложились не самые лучшие отношения: старик не во всем сочувствовал нововведениям «боголюбцев». Между тем Никон заявил себя горячим сторонником перемен. Будучи новгородским владыкой, он показал не только верность царю, но и сумел воздействовать на восставших горожан, отлучив их от Церкви.

Такое «крепкостоятельство» пришлось весьма по душе царю Алексею — он увидел в Никоне надежную опору. К тому же Алексею Михайловичу импонировало нищелюбие Никона, по распоряжениям которого регулярно раздавалась милостыня, проявлялась забота о богадельнях. Будучи в Новгороде, Никон завел богослужение на греческом языке и киевский распев. Зимой он приезжал в Москву, и царь был в восторге от хора певчих из Новгорода. Но не всем это нравилось, в частности патриарху Иосифу.

В 1651 году Никон сумел убедить царя в необходимости переноса мощей митрополита Филиппа из Соловецкого монастыря в Москву. Он сам и вызвался осуществить это. Не без колебаний царь пошел навстречу своему любимцу. Никон подобным действием давал понять, что Иван IV осуждается за убийство Филиппа, справедливость — на стороне Церкви. И Алексей Михайлович написал покаянное письмо за своего предка.

В адрес Никона царь отправляет пространные, наполненные восторженными словами письма. Душевные и доверительные излияния чувствительного царя, доходящие до уничижения, упали на подготовленную почву. И без того беспредельно самонадеянный Никон безмерно возгордился и принял уверения Алексея Михайловича в «собинной» дружбе и преданности.

После смерти Иосифа для Алексея Михайловича не было сомнений, кто станет преемником патриарха. Никон применил вначале тактику смирения и не соглашался на избрание. Царь умолял его долго и упорно, кланялся в ноги. Наконец «скромник» сдался и был провозглашен новым патриархом. Никто из членов Освященного собора не риск-

нул противиться воле государя. Никон добился еще большего. Царь указал, чтобы патриарха именовали «Великим Государем». При Михаиле Федоровиче, как известно, «Великим Государем», наряду с царем, назывался его отец, патриарх Филарет.

Никон быстро вошел в новую роль, и его властолюбие, нетерпимость, корыстолюбие развернулись в полную силу. Патриарх желал выделяться среди духовенства буквально во всем. С недоумением встретили русские иерархи, да и миряне, упорное стремление Никона жить и править дела по греческому образцу. На Церковном соборе 1655 года он объявил себя русским по рождению, но при этом добавил, что его вера и убеждения — греческие. После одной торжественной службы в Успенском соборе патриарх на глазах у всех богомольцев снял с себя русский клобук и надел греческий. Никон предпочитал и греческую кухню. Все это должно было показать, что Никон претендует на роль вселенского патриарха.

Приступая к церковной реформе, патриарх разметал кого куда (включая ссылку) вчерашних своих единомышленников по кружку «боголюбцев». Он не желал видеть никого рядом с царем, кроме себя. Да и собственное положение Никон все чаще выставляет в особом ореоле. Этому способствуют длительное пребывание царя в местах военных действий, когда патриарх получал почти неограниченную власть в делах государственных. Ему подчиняется Боярская дума, в гражданских делах встречается выражение: «святейший патриарх указал, и бояре приговорили».

Тревожным звонком для репутации патриарха послужил «чумной бунт» 1654 года в Москве, когда обнаружилось неприятие церковных новшеств, вводимых Никоном, тысячами жителей. Но это не повлияло на его поведение. К тому же он недвусмысленно давал понять, что сан патриарха выше царского. Сравнение высшей духовной власти с солнцем, а царской — с отраженным светом луны («месяца»), примененное им несколько позже, говорило само за себя. Постепенно намечаются признаки охлаждения между царем и Никоном. После походов

1654—1656 годов Алексей Михайлович во многом переосмыслил свое монаршее предназначение, и линия поведения Никона, часто вмешивавшегося в дела управления и политики, не могла нравиться царю. Назревал конфликт, которому было суждено сыграть роковую роль в судьбе «собинного друга» государя, да и всей церковной организации России.

Энергичная деятельность Никона по исправлению богослужебных книг, введению измененной обрядности вызвала к жизни движение так называемых старообрядцев (раскольников). На этой почве у царя и патриарха разногласий не было. Но их отношения определялись другими обстоятельствами. Современники обратили внимание, что при Никоне выходы патриарха и службы с его участием приобрели дотоле неслыханную пышность. Постоянное превозношение Никона, небывалые славословия в его адрес вызывали не только у мирян, но и у многих церковнослужителей недоумение и ропот.

Патриарх сурово карал за малейшие проявления неуважения (чаще кажущегося) к своей персоне. По жестокости обращения с людьми его слуги почти не отличались от светских властей. Никон установил повышенные поборы с церковников в свою пользу, что также не содействовало популярности архипастыря.

Все это возбуждало недовольство и не являлось секретом для царя. О чрезмерных претензиях Никона царю писал еще в 1654 году один из «боголюбцев» — Иван Неронов. Кроме того, патриарх добился передачи в его владение больших земельных участков, богатых рыболовных угодий на Каспии и соляных промыслов на Урале. По его указанию близ Москвы построили монастырь-резиденцию под многозначительным названием Новый Иерусалим. Однажды он вместо уплаты долга торговому человеку Щепотьеву (500 руб. — крупной суммы по тому времени) вдруг взял да и отлучил от Церкви купца-кредитора, пришедшего от этого в ужас.

В одной из челобитных говорилось, что патриарх «возлюбил стоять высоко, ездить широко». Некоторое время Алексей Михайлович открыто не выказывал своего отношения к его деяниям. Но долго это продолжаться не могло.

Первым внешним проявлением противостояния царя и патриарха стал совсем незначительный случай. Но конфликт имел куда более глубокие корни. Взаимоотношения светской и духовной власти в России XVII века складывались в обстановке, когда все отчетливее выявлялось «обмирщение» культуры и общественного сознания. В то же время государственная власть приобретала черты неограниченной, абсолютной монархии. Слишком самостоятельное положение Церкви приходило в противоречие с этими тенденциями.

Подобное столкновение было «запрограммировано» самой действительностью. Патриарх Никон имел свои представления о месте монарха и главы Православной церкви. Для него не существовало сомнений о верховенстве «священства» над царством. На этой основе он готов был сотрудничать с Алексеем Михайловичем. Со своей стороны государь, независимо от суждений первосвященника Руси, считал себя помазанником Бога, получившим власть не только по «отечеству», но и в силу Божественного промысла. И это твердое убеждение в конечном счете не отрицало и Церковь.

При всей важности идейно-политических представлений в верхних сферах светской и духовной власти большое значение имели чисто житейские, материальные интересы. Напомним, что церковная организация в России обладала огромными земельными богатствами, промыслами, торговыми, располагала многочисленным зависимым населением. Господствующий класс дворянства давно зарился на церковно-монастырские владения, в том же направлении шла линия правительственной политики на секуляризацию церковных имуществ. Совсем не случайно Никон инициировал Соборное уложение 1649 года «проклятой книгой», поскольку закон ограничивал земельные права духовенства, а создание Монастырского приказа изъяло из ведения клира некоторые судебные дела.

Помимо всего прочего, не существовало сколько-нибудь четких законодательных норм о разграничении сфер деятельности гражданской и церковной администрации. А это приводило на практике к тому, что патриарх вмеши-

вался в светские дела, а царь порой распоряжался в делах церковных.

Серьезное противоречие возникло после успешных походов 1654–1655 годов Алексея Михайловича против Речи Посполитой, когда в титуле государя появились новые элементы («Всея Великие, Малые и Белые России»). Киев тогда оказался в руках России, в церковном отношении до этого Киевская митрополия находилась в подчинении константинопольского патриарха. В то время умер киевский митрополит, нужно было решить вопрос о его преемнике. Алексей Михайлович решил переподчинить здешнюю митрополию кафедре Московской патриархии, то есть Никону. Он наметил и своего кандидата. Однако Никон с этим не согласился, чем очень разозлил царя.

В 1656 году состоялось перемещение из Рождественского монастыря во Владимире в Троице-Сергиев монастырь архимандрита Иоасафа. Сделано это было «повелением Великого Государя Царя... Алексея Михайловича... и по благословению... святейшего Никона Патриарха». Инициатива царя в этом назначении налицо. Дальнейшая судьба Иоасафа уже целиком зависела от государя, по указу которого его перевели в 1667 году на должность «первопрестольника» в патриархии. Несомненно, по воле Алексея Михайловича тогда же архимандрит Феодосий «взят» из Юрьева монастыря Новгорода Великого. К 1674 году относится перевод архимандрита Викентия из Владимира в Троице-Сергиев монастырь.

В то же время, оставаясь фактическим правителем государства в годы царских военных походов, Никон решал множество чисто светских задач. И делал это с присущей ему напористостью, не считаясь со спесивым боярством, которое все более копило ненависть к патриарху. Царские советники чувствовали себя уязвленными высокомерным к ним отношением Никона. Они принуждены были подолгу ждать, когда патриарх позволит им войти к нему. При этом бояр заставляли кланяться патриарху земным поклоном, выслушивать его резкие суждения. Кичившимся своей родовитостью боярам выносить все это от вчераш-

него мужика было неумоготу. Вполне естественно, росла оппозиция Никону в правящих верхах. Бояре не упускали случая, чтобы пожаловаться Алексею Михайловичу, живописуя действительные и мнимые прегрешения Никона. Намеки на то, что патриарх слишком много на себя берет, оттесняя царя на второй план, сыграли свою роль в развязывании конфликта.

Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и личные качества Никона и Алексея Михайловича. Вряд ли царю были по душе назидательные замечания патриарха в его адрес, вроде упрека в излишней гордыне. Так, Никон пенял Алексею Михайловичу, что поражения русских войск в 1659–1661 годах на фронтах войны с Речью Посполитой — своего рода небесная кара за отступничество государя от правил церковного общежития и канонов православного вероучения.

Таким образом, разрыв царя и патриарха, поражение последнего в затяжной распри — явление далеко не частного порядка. Светская власть стремилась подчинить духовную, превратив ее в часть государственного аппарата. Алексей Михайлович и здесь начал то, что в более определенной форме осуществит его сын.

Как известно, в 1700 году после смерти патриарха Адриана этот высший сан Русской православной церкви на деле был исключен из иерархии государственных институтов. Затем начинается синодальный период в жизни Православной церкви. Промежуточным звеном послужило временное существование должности Местоблюстителя Патриаршего престола. Такова оказалась историческая перспектива.

Можно спорить, насколько целесообразными были эти перемены. Мнения историков по данному поводу далеко неоднозначны. Подчас в подчинении Церкви государству усматривают едва ли не главную причину трагических событий русской истории последующих времен. Не следует, однако, забывать, что секуляризация общества происходила почти во всех странах, независимо от традиционных религиозных систем. Особенно там, где происходило становление и развитие буржуазного способа производства,

индустриализации и урбанизации. Но эта проблема — предмет самостоятельного изучения.

Итак, в июле 1658 года приближенный к Алексею Михайловичу окольничий Б.М. Хитрово сопровождал в Кремль грузинского царя Теймураза. Излишне любопытствующих по пути следования он награждал ударами палки. В этом не было ничего особенного — таков порядок. Но один из ударов пришелся по голове патриаршего дворянина. Тот вступил в пререкания с Хитрово и получил новый тумак: окольничий не внял словам потерпевшего, что тот служит у Никона. Патриарх написал царю обиженное послание, требуя разбирательства.

Алексей Михайлович, против своего обыкновения, не откликнулся на письмо. Более того, он повелел передать Никону, что не посетит праздник, на котором ранее обычно бывал вместе с патриархом. Не появился царь и в Успенском соборе на обедне. Отряженный им к Никону князь Ю. Ромодановский уведомил патриарха, что Алексея Михайловича на богослужении не будет. Ромодановский присовокупил в конце разговора, что царь на патриарха «гневен: ты пишешься Великим Государем, а у нас один Великий Государь — Царь». Никон сослался на волю самого Алексея Михайловича, выраженную в собственноручных царских грамотах. На это посланец возразил: «Царское Величество почтил тебя как отца и пастыря, но ты этого не понял», — и передал распоряжение Алексея Михайловича, запрещающее Никону впредь пользоваться именованием «Великий Государь».

Никон отправился в собор, но после службы приказал не выпускать прихожан и обратился к ним с проповедью, в которой патриарх напомнил о проступках москвичей, когда они порицали Никона, грозили ему убийством и т.д. «И чем вам камением меня побить и еретиком называть, так лучше я вам от сего времени не буду патриарх». Присутствующие оцепенели от такой неожиданной речи. А Никон тем временем стал снимать с себя патриаршее облачение. Богомольцы, приведенные в смятение, стали уговаривать Никона от ухода, пытались его удержать в церкви.

Царю тотчас доложили о происшедшем. Государь встретился и отправил в Успенский собор князя А.Н. Трубец-

кого. Никон, однако, не поддался уговорам князя остаться на патриаршем престоле, как того желает и царь. Патриарх вручил Трубецкому письмо для Алексея Михайловича и стал дожидаться царского прихода. Видимо, патриарх не сомневался, что царь самолично явится его уговаривать и все встанет на свои места. Но изменились времена, переменялся и сам Алексей Михайлович.

Царь вновь послал к Никону Трубецкого с прежним напоминанием. Никон был вне себя, почитая случившееся за великое бесчестье. Сняв с себя мантию, Никон пешком отправился на подворье Воскресенского монастыря на Ильинке. Там он пробыл два дня, возможно еще надеясь, что царь изменит свое отношение к нему. Но Алексей Михайлович молчал. Отправив царю короткое письмо, Никон уехал в Воскресенский монастырь. Вскоре там появился Трубецкой.

Однако ожидаемых перемен не произошло. Князь уведомил разгневанного патриарха, что царь просит у него благословения себе и семейству, а также... на избрание нового патриарха! Преемником назван крутицкий митрополит Павел. Никон все исполнил, даже просил прощения у Алексея Михайловича и заверил, что не препятствует избранию нового предстоятеля Русской православной церкви. Кажется, дело уладилось как нельзя лучше для царя Алексея. Вчерашний патриарх весь ушел в хозяйственные заботы в любимом Новоиерусалимском монастыре, не вмешиваясь ни в церковные, ни в гражданские дела.

Но Никон не был бы Никоном, если бы так просто растался со своим высоким положением. Он проведал, что весной 1659 года в празднестве «Шествие на ослати» участвовал митрополит Павел, а царь, как полагалось, вел под узцы осла. Никон тотчас направил Алексею Михайловичу письмо с осуждением царя и митрополита за такое, с его точки зрения, нарушение порядка. Он утверждал, что право восседать на осле имеет только он, Никон, поскольку за ним сохраняется патриаршее звание. Алексей Михайлович остался крайне недовольным и распорядился вновь известить Никона, чтобы он прекратил вмешательство в дела Церкви. Одновременно в московской резиденции

Никона по царскому повелению стали разбирать бумаги патриарха. Узнав об этом, Никон пришел в еще большее негодование. В послании царю он писал: «Удивляюсь, как ты дошел до такого дерзновения, прежде страшился судить простых церковных причетников, потому что этого святые законы не повелевают, а теперь захотел ведать грехи и тайны бывшего пастыря, и не только сам, да еще попустил мирским людям».

Не преминул Никон упрекнуть Алексея Михайловича и в том, что его не позвали на именинный пир в честь царевны Анны Михайловны, сестры царя: «...Все веселились от твоей трапезы, один я, как пес, лишен богатой трапезы вашей!» Но и здесь Никон выражал надежду, что царь перестанет на него гневаться. Алексей Михайлович не пошел на попятный и распорядился о выезде Никона подальше от Москвы. Ему предложили Калязин монастырь. Но упрямец отказался, намекнув, что он предпочтет тюрьму. Тогда остановились на Крестном монастыре у Белого моря, построенном Никоном в память о спасении его после кораблекрушения. Перед отъездом Никон всячески заискивал перед москвичами: устроил трапезу для странников, сам омывал им ноги. При этом не забывал восхвалять свои заслуги и пенять на затянувшуюся войну, которую он мог унять.

Удалив патриарха, Алексей Михайлович занялся устройством дел церковных. В феврале 1660 года был созван Собор русского духовенства, на котором постановили избрать нового патриарха. Не ограничившись этим, Собор лишил Никона чести архиерейства и священства. Узнав об этом решении Собора, царь вдруг заколебался. Обратились за советом к находившимся тогда в Москве греческим духовным лицам. Те присоединились к мнению Собора. Но за Никона заступился известный церковный деятель Елифаний Славинецкий, знаток церковного права.

Он написал послание, в коем доказывал несостоятельность постановления о лишении Никона церковного сана, хотя и соглашался с тем, что избрание нового патриарха возможно. Суждения Славинецкого заставили Алексея Михайловича задуматься. Он попытался обратиться к Никону

с ласковым увещанием благословить избрание нового предстоятеля Русской церкви. Ответ опального патриарха состоял в том, что необходим его приезд в Москву для совершения этого акта, после чего он удалится в монастырь. Правительство сочло небезопасным появление Никона в столице. Ему разрешили переезд в Новоиерусалимский монастырь.

Оказавшись в дорогой его сердцу вотчине, Никон возбудил иск против служителя крутицкого митрополита, обвинив того в намерении отравить патриарха. Делу был дан ход, обвиненного подвергли допросу с пристрастием, но результат расследования оказался невразумительным.

Не остались в долгу противники Никона. Пользуясь тем, что земельные дела Церкви подлежали рассмотрению в Монастырском приказе, особом государственном учреждении (его всячески ругал Никон), один из соседей-дворян стал оспаривать у Воскресенского монастыря часть угодий и крестьян.

Никон возмутился этим, усмотрев вмешательство светской власти в церковную сферу. Он вновь взялся за перо, и царю полетела раздраженная жалоба. «Какие законы Божии повелели тебе обладать нами, Божиими рабами?» – вопрошал Никон. Здесь же патриарх разразился обличениями Алексея Михайловича в неподобающем вторжении в решение вопросов поставления архиереев по царскому изволению. Напомнил он и об изъятии у Церкви земель и крестьян.

Прибег Никон и еще к одному средству. В письме он рассказал о видении, которое предвещало беду государству и царскому двору. Некий седой муж по поводу царского дворца сказал: «Псы будут в этом дворе щенят своих родить, и радость настанет бесам от гибели многих людей». Такое послание вряд ли могло способствовать примирению царя с патриархом.

Масла в огонь подлило решение Монастырского приказа о земле, вынесенное не в пользу Воскресенского монастыря. В ответ Никон во время молебна приказал зачитать царскую грамоту о пожаловании монастырю земель и крестьян.

После чтения он призвал проклятие на головы нарушивших эту грамоту. Алексею Михайловичу донесли, что проклятие распространялось и на царскую особу. Богобоязненный государь был повергнут в отчаяние и даже плакал, получив это известие. Он говорил: «Пусть я грешен, но чем виновата жена моя и любезные дети мои, и весь двор мой, чтобы подвергаться такой клятве?»

Конфликт царя с первым лицом Православной церкви в России стал мучительным испытанием для монарха. Царь был воспитан на единстве светского и духовного начал во всех государственных проблемах. Логика завязавшегося противостояния диктовала более решительные шаги, но Алексей Михайлович постоянно испытывал колебания. Их можно понять, и они придали конфликту затяжной характер. Тем более что и сам Никон питал такие настроения царя. Он метался в своих письмах и высказываниях от оскорбительных обличений к примирительным словам.

Выход из почти тупикового положения предложил митрополит Газский Паисий Лигарид, находившийся тогда в Москве. Он посоветовал обратиться к православным патриархам, чтобы они выступили третейскими судьями. Алексей Михайлович принял эту мысль. Сочинили 25 вопросов пунктов по «делу Никона» и отправили их каждому из патриархов, ожидая ответов. Из осторожности документ составили так, что имя Никона нигде не фигурировало. Разумеется, эта миссия не могла завершиться скоро. Нарочный посланец должен был посетить Стамбул, Антиохию, Александрию, Иерусалим и вернуться в Россию.

К Никону в Воскресенский монастырь двинулась посланная царем высокопоставленная делегация — боярин Н.И. Одоевский, окольничий Ф.М. Ртищев, думный дьяк Алмаз Иванов. Духовенство было представлено астраханским митрополитом и П. Лигаридом. Задача состояла в том, чтобы добиться у Никона ответа на вопрос, проклинал ли он государя.

Царских посланцев, известных недоброжелателей Никона, патриарх встретил враждебно и грубо. Разгорелся жар-

кий спор со взаимными упреками. На лобовой вопрос о проклятии царя Никон в конце концов ответил, что имел в виду не Алексея Михайловича, а дворянина Боборыкина, затеявшего земельную тяжбу. Ответ не убедил посланцев. Они потребовали предъявить свидетелей, присутствовавших в храме. Патриарх никого не назвал, но и не возражал против допросов тех, кого посланцы пожелают расспрашивать. Однако допросы ничего предосудительного о Никоне не дали.

Продолжившийся спор вызвал резкие выражения со стороны Никона в адрес царя, среди которых была угроза, что он «оточтет» государя от христианства. Не раз вступал в дискуссию П. Лигарид, блеснувший своей ученостью. Он, в частности, уязвил патриарха за чрезмерные претензии, когда на берегах речки Истры вырос Новый Иерусалим, который газский митрополит назвал «антихристовым». Светские посланцы грозили патриарху расправой, если бы он был иного чина.

Вернувшись в Москву, диспутанты доложили Алексею Михайловичу о встрече с Никоном. На вопрос царя о патриархе П. Лигарид ответил: «Лучше было бы мне не видеть такого чудища».

Никон не упускал случая, чтобы метнуть критические стрелы в царя. В 1663 году вышла из печати Библия. Оформление книги вызвало негодование патриарха. «Написан орел двоеглавый, на орле же царь на коне, в гордости велицей зело», — язвил Никон по этому случаю. Он усмотрел унижение Церкви в том, что крест помещен под ногами коня и орла, «в темноте и бесславии». Резко высказывался Никон против проявлений обожествления личности монарха.

Наконец, в 1664 году поступили ответы вселенских патриархов. Их доставил в Москву специально отряженный царем верный человек из греческого духовенства — Мелетий. Ответы осудили все поступки анонимного архиерея, перечисленные в вопросах, и прежде всего говорили о недопустимости вмешательства архиерея в светские дела, первенство царя в их решении и т.д.

Все это вполне согласовалось с позицией Алексея Михайловича, занятой им в споре с Никоном. Однако вокруг

миссии Мелетия завязался клубок интриг: сторонники Никона имелись и вне России. Они приложили усилия, чтобы представить патриарха Никона в самом благоприятном свете и обвинить окружение Алексея Михайловича в возникшем конфликте. Да и сами патриархи чувствовали себя не слишком твердо в данном случае. И не только из-за противоречивых известий о «деле» Никона. Их заботило отношение правительства Турции, косо смотревшего на контакты православного духовенства своей империи с Москвой. Было известно, что всего несколько лет назад предстоятель Сербской церкви после возвращения из Москвы подвергся смертной казни, будучи обвиненным в измене.

Константинопольский и иерусалимский патриархи были склонны каким-либо образом примирить царя с Никоном. Более определенную позицию в поддержку Алексея Михайловича заняли антиохийский патриарх Макарий и александрийский патриарх Паисий.

Алексей Михайлович собрал русское и греческое духовенство для свидетельствования подлинности присланных патриархами ответов и их подписей. Это потребовалось в связи с тем, что один приезжий иерарх перед царем оспорил подлинность грамот и заявил о мнении константинопольского владыки насчет примирения с Никоном. Но царь ему не поверил, и присутствовавшее духовенство вскоре убедилось в подлинности привезенных Мелетием документов.

И все же у царя не было твердой уверенности, что вселенские патриархи его поддержат до конца. Он вторично снарядил посланца на Восток и наказал ему непременно уговорить патриархов приехать в Москву на Церковный собор. Согласие приехать дали Макарий и Паисий.

Известие об ожидаемом приезде вселенских патриархов сильно встревожило Никона. Он тотчас обращается к Алексею Михайловичу с письмом, в котором без обиняков запугивает царя всевозможными разоблачениями, опасными для его чести. Алексей Михайлович на письмо не ответил.

И тут произошла почти детективная история, впрочем, вполне в духе строптивого патриарха. В середине декабря

1664 года, в ночь, к московской заставе подъехало несколько саней. На оклик стражи последовал ответ, что едут власти Саввино-Сторожевского монастыря. Было хорошо известно особое расположение царя к этой обители. Приехавшие направились в Кремль. В Успенском соборе шла заутреня, ее служил ростовский митрополит Иона. Внезапно двери церкви с грохотом растворились, и появилась группа монахов с крестом, а за ними шествовал... Никон. Патриарх занял патриаршее место и взял в свои руки ведение службы при полном замешательстве всех присутствующих. Препятствовать Никону никто не решился, хотя Иона был человеком не робкого десятка. Никон повелел Ионе отправиться к Алексею Михайловичу и возвестить о приходе патриарха. Тот повиновался.

Царь в это время находился в придворной церкви Святой Евдокии. Иона сообщил ему новость. Во дворце поднялся переполох, Алексей Михайлович послал за боярами и духовенством. По образному выражению С.М. Соловьева, было такое впечатление, будто «пришла весть, что татары или поляки под Москвою». После короткого совещания царь направил к Никону бояр Н.И. Одоевского и Ю.А. Долгорукого, окольничего Р.М. Стрешнева и думного дьяка Алмаза Иванова. Настроенные решительно, посланцы стали вопрошать Никона о причинах его незваного появления и передали требование царя об отъезде в Новоиерусалимский монастырь. Патриарх хотел передать им письмо для Алексея Михайловича. Только после разрешения царя послание Никона было принято и доставлено по назначению, причем патриарх отказался покинуть собор до тех пор, пока не получит царский ответ.

Письмо Никона не произвело на царя того действия, на которое, вероятно, рассчитывал его автор. Никон и на сей раз поведал о вещем сне, в котором ему явились покойные святители Русской церкви, а митрополит Иона будто бы объявил, чтобы Никон занял свой патриарший престол, ибо такова воля Господа. Этим Никон объяснял свое появление в Кремле и одновременно просил Алексея Михайловича, чтобы он его принял в прежнем сане, так как патриарх явился «в кротости и смирении». Алексей Михайлович на сей раз

послал митрополита Павла с боярами и велел Никону немедленно покинуть Москву и отправиться в свой монастырь. Никон взял патриарший посох и направился к выходу. При этом он грозно произнес, что отрясает прах со своих ног. Кто-то из царских служителей на это бодро ответил: «А мы его подметим!» В тот час над Москвой прошла комета. Указывая на нее, патриарх заявил: «А вас выметет эта метла». Никон заявил также, что приезжал в Москву по какой-то «вести».

Когда об этом стало известно Алексею Михайловичу, он распорядился догнать Никона, отобрать у него посох и узнать, какая «весть» привела его в столицу. Исполнить монаршую волю не удалось. Никон наотрез отказался вернуть знак патриаршего достоинства, но обещал его прислать позже со своим человеком. Обещание Никон выполнил и вместе с посохом отправил Алексею Михайловичу новое письмо с просьбой о разрешении прибыть в столицу на богомолье и для свидания с царем.

Такой оборот дела не устраивал Алексея Михайловича. И на то были причины. Патриарху сообщили: «Великий Государь указал тебе сказать: для мирской многой молвы ехать тебе теперь в Москву непристойно, потому что в народе теперь молва многая о разности в церковной службе и печатных книгах, и от твоего в Москву приезда и по готову ждать в народе всякого соблазна, потому что патриарший престол оставил ты своею волею, а не по изгнанию». В заключение Никону предлагалось ехать в Новоиерусалимский монастырь и ждать вызова на Церковный собор с участием вселенских патриархов. Все клонилось к тому, что мира между царем и патриархом не будет.

Но государь, как выяснилось, недаром интересовался поводом внезапного появления Никона в Москве, желая знать, что за «весть» привела патриарха в Успенский собор. Расследование этого вопроса, несмотря на запутанность, все же установило, что с Никоном поддерживал отношения боярин Н.И. Зюзин. Его письмо патриарху обрисовало обстановку при дворе и содержало ободряющие известия о желании царя Алексея примириться. Зюзин также сообщал о желательности приезда Никона в Москву. Таким образом, вояж

патриарха, встревоживший правительство, как будто бы получал некое обоснование. Правда, показания боярин давал под пытками, и потому не исключался элемент наговора. К дознанию оказались привлеченными любимцы Алексея Михайловича А.Л. Ордин-Нащокин и А.С. Матвеев. На них указал в допросах Зюзин, как о собеседниках на деликатную тему взаимоотношений царя и патриарха. Оба они отвергли свою причастность к этому делу. Боярину Н.И. Зюзину грозила смертная казнь за нарушение царского распоряжения о строжайшем запрещении связей с опальным патриархом. Но Алексей Михайлович смиротворился, и плаху заменили ссылкой на сносных условиях. Ордина-Нащокина царь послал воеводой во Псков. Но вскоре его вернули в Москву, и в дальнейшем он не был обойден милостями государя.

В истории патриарха и царя, помимо внешнего, постоянно присутствует второй, приглушенный фон. Нарастающее противостояние затмевало внутренний, скрытый диалог двух людей, некогда клявшихся друг другу в вечной верности и дружбе. Но трагизм положения состоял в том, что ни одна из сторон не могла открыто идти на уступки.

Вероятно, Алексей Михайлович и мог найти выход из патовой ситуации, простив патриарха. Но он слишком хорошо знал нрав Никона, его необузданное властолюбие. И, влекомый логикой борьбы, подогреваемый враждебным Никону боярским окружением, царь Алексей в конце концов поступал так, как он поступал.

И без того прошло слишком много времени. В смятении была не только Церковь, преданные анафеме раскольники не покорялись, их движение ширилось. Не выигрывало и государство, лишенное твердой и авторитетной поддержки со стороны Православной церкви.

В преддверии приезда вселенских патриархов Никон решился на рискованный шаг. Он подготовил обширные письма в их адрес, где изложил свою точку зрения на все происходящее в России, осудил поведение царя, подчеркнув, что даже в церковной сфере «все делается царским хотением». Однако патриарху не удалось передать свои послания по назначению. Его гонца перехватили, и письма

стали достоянием Алексея Михайловича. Царь с возмущением перечитал эти послания и был оскорблен попыткой Никона вынести сор из избы и представить его перед православными патриархами в худшем виде. На полях писем Никона Алексей Михайлович делал собственноручные пометки. Против слов патриарха о бесполезности налагаемых на народ податей царь начертал: «А у него льготно и что в пользу?»

К тому времени в арсенале антиниконовских обличений Алексей Михайлович использовал и челобитные опального протопопа Аввакума. Конечно, воспользоваться напрямую этими документами царь не мог — они исходили от одиозного лица. Алексей Михайлович был противником старообрядчества и его проповедников. Но возвращение Аввакума из сибирской ссылки, куда его отправил Никон, все же состоялось. Вскоре неистовый протопоп опять угодил в тюрьму, но уже по другому поводу.

А в 1663–1664 годах Аввакум трижды обращался к царю. В своих посланиях он резко бичевал Никона за жестокие истязания, выпавшие на его долю. Голод, избиения, унижение — все пришлось испытать Аввакуму. Его не раз возили по Москве «на телеге с цепью... ростяня руки». Во время ссылки вместе с Аввакумом претерпевала все муки и его семья. Умерли два сына.

Автор гневных эпистол называл Никона «отступником и убийцей», призывая Алексея Михайловича отвергнуть церковные нововведения Никона. Аввакум сравнивал патриарха с Юлианом Отступником и другими отрицательными персонажами древности. Челобитные до царя дошли, хотя и остались безответными, а мнение бывшего соратника по кружку «боголюбцев» вряд ли осталось для Алексея Михайловича безразличным, и оно, можно полагать, пополнило «компрометирующий материал» на бывшего патриарха, который усиленно накапливался к Собору с участием вселенских патриархов.

Никон, развернув активную деятельность по защите своей позиции, допустил еще один серьезнейший промах. Он вознамерился перехватить царского посланца Мелетия, но удача ему не сопутствовала. К тому же он вступил в кон-

такт с врагом царя гетманом Правобережной Украины Павлом Тетерей. Это стало известно в Москве и дало лишние козыри противникам патриарха.

Приезд в Москву патриархов Антиохийского Макария и Александрийского Паисия был обставлен с исключительной торжественностью. При встрече царь произнес прочувствованную приветственную речь, пересыпанную восторженными славословиями и прочими красотами тогдашней риторики. Первое деловое «сидение» у царя состоялось 5 ноября. Затем гостей познакомили с документами по делу Никона. Патриархи выразили пожелание пригласить Никона на Церковный собор.

Он встретил посланцев заявлением о том, что его на патриаршество благословлял константинопольский патриарх, а прибывшим он ничем не обязан. Лишь при условии, если есть согласие константинопольского владыки на рассмотрение «святительских дел», он приедет на Собор. Такой ответ был с большим неудовольствием воспринят царем, боярами и духовенством. Вторично, с выговором послали вызов Никону. Но Никон и сам понял, что слишком занесся, и поспешил в Москву, не дожидаясь повторного требования.

В Столовой избе царского дворца 1 декабря 1666 года началось заседание Церковного собора русского духовенства и вселенских патриархов. Никону дали знать, чтобы он явился на Собор «смирным обычаем». Но свергнутый патриарх с этим не посчитался. Появление Никона сопровождалось внесением креста, за которым шествовал он сам. После молитвы за здоровье государя, его семьи, почетных гостей и всех православных он поклонился государю и патриархам. Иными словами, он вел себя, как подобало в таких случаях действующему патриарху. Окружающим не оставалось ничего иного, как стоя выслушать молебен.

Никона пригласили сесть на одну лавку с другими архиереями. На это строптивец отвечал: «Я места себе, где сесть, с собою не принес, разве сесть мне тут, где стою. Пришел я узнать, для чего меня вселенские патриархи звали?» Алексей Михайлович, сойдя с царского места, стал говорить краткую обличительную речь. Он обвинил патриарха

(называя его «бывшим») в самовольном уходе с престола без одобрения царя и Освященного собора, что вызвало смуту в государстве, Церковь «вдовствует» много лет. Обратившись к патриархам, Алексей Михайлович выразил желание, чтобы гости с Востока допросили Никона о причинах таких действий. Патриархи обратились с этим вопросом к обвиненному.

Тот сразу перешел в наступление, заявив, что не станет отвечать на поставленный вопрос, если на суд нет согласия константинопольского и иерусалимского патриархов. При этом он заметил, что посвящение им было получено из Константинополя. Тогда Паисий и Макарий указали ему на свитки, в которых отсутствовавшие патриархи передавали свои полномочия прибывшим в Москву. Ход Никона не удался. Но он выдвинул другое требование — удалить с Собора двух русских иерархов, коих Никон обвинил в попытках его отравить и удавить. Те горячо возражали, объявляя слова Никона клеветой. Продолжения этот сюжет не получил, на суде были предъявлены документы, отвергающие версию Никона.

Патриархи вновь задали Никону главный вопрос. Тот пустился в пространные объяснения, припомнив побои, нанесенные его человеку, непосещение царем патриарших богослужений и т.п. Алексей Михайлович сослался на большие государственные дела, мешавшие ему бывать на службах Никона. Появление патриаршего посланца, получившего палкой в лоб, оказалось не ко времени: тогда шел прием грузинского царя Теймураза. Судьи вопрошали Никона насчет обид, которые он приписывает царю. Бывший отрицал какие-либо обиды, нанесенные ему Алексеем Михайловичем, но настаивал на том, что царь положил на него свой гнев, а это и послужило причиной оставления патриаршего престола. Русские архиереи, отвечая на вопрос патриархов, подтвердили, что царь Никону никаких обид не причинял.

В ходе спора царь Алексей обратился к одному из самых сильных своих аргументов. Он потребовал, чтобы публично прочитали грамоту Никона константинопольскому патриарху Дионисию, содержащую «многие бесчестья и укоризны»

в адрес царя. Чтение грамоты прерывалось замечаниями и вопросами Алексея Михайловича. Так, при оглашении слов грамоты о перенесении мощей митрополита Филиппа из Соловков в Москву царь придрался к выражению «которого мучил царь Иван несправедно».

Алексей Михайлович, питавший большое уважение к этому монарху, оскорбился, что Никон посмел так отозваться о Грозном. При этом царь Алексей уколол Никона замечанием, что тот утаил расправу над двумя архиереями. Никон ничего не смог ответить на это обвинение, что явно произвело невыгодное для него впечатление на членов Собора. При чтении текста о вмешательстве царя в церковные дела Алексей Михайлович в упор спросил Никона, что конкретно имеется в виду. «Чего я писал, того не помню», — заявил патриарх. И здесь его позиция не выглядела убедительной.

Кульминацией этого дня судебного разбирательства стал уже известный тезис Никона о государственном гневе на него. И письменно, и устно он прозвучал на Соборе. Но духовные лица и бояре в один голос опротестовали это утверждение. Припомнили, что при уходе из Успенского собора патриарх произнес слова о невозвращении на престол предстоятеля («Аще помыслю в патриархи, анафема да буду»). Патриархи пеняли при этом Никону за неканоническое поведение и ненужную обидчивость, признавая, что он сам отрекся от своего высокого сана.

Нелегко пришлось Никону, когда читали его самые отрицательные оценки Уложения 1649 года. В самом деле, под Уложением были сотни подписей членов Земского собора, в том числе тогдашнего патриарха Иосифа и самого Никона. Он не нашел ничего лучшего, как сослаться на то, что подписал свод законов «в неволю».

По мере дальнейшего чтения Никон явно уступал царю в логике рассуждений, говорил невпопад, временами отмалчивался. А на замечание архиерея Питирима (он указал на то, что Никон был возведен в новгородские митрополиты при живом предшественнике) обвиняемый вскипел и молвил в сердцах: «Авфоний был без ума, чтоб тебе также обезуметь!»

Тема эта была обоюдоострой, так как сам царь Алексей приложил усилия к скорейшему определению своего тогдашнего кумира на митрополичью кафедру в Новгороде.

Новый удар получил Никон, когда дошли до его слов об «отлучении» Руси от православия после ухода патриарха от дел. Здесь было усмотрено обвинение не только царя и русских иерархов, но и вселенских патриархов. На Никона градом посыпались упреки, возмущенные возгласы соборян. Никон резко высказался в адрес Алексея Михайловича. Царь на этот раз промолчал, но это молчание было многозначительным. Прения продолжались по другим пунктам злополучной грамоты Никона патриарху Дионисию.

Многочасовые бдения притомили участников собора. Особенно царя Алексея и Никона — ведь они все время стояли. С 3 часов дня до 3 часов ночи продолжалось это «сидение», завершившееся «кушаньем» у государя.

На следующем заседании царь объявил патриархам о происшествиях предыдущего дня. Он распорядился послать Никону съестное и напитки, но тот от всего отказался, заявив, что ни о чем не просил и ни в чем не нуждается. Подобный грубый выпад подсудного вызвал всеобщее негодование. Патриархи выразились об этом совершенно определенно: «Никон делает все, исступя ума своего».

Появление Никона в Столовой избе сопровождалось челобитьем присутствующих на возмутителя спокойствия. Ему с ходу предъявили прежнее обвинение: Никон объявляет всех православных, в том числе и патриархов, еретиками. Алексей Михайлович и весь Собор при этом отвесили земной поклон патриархам и просили их «очистить» от страшного обвинения.

У царя был припасен и еще один сильный ход в противоборстве с «собинным другом». Он выложил перед патриархами три письма Никона, в которых он себя называл «бывшим патриархом». Тем самым упорство обвиняемого в том, что уход не означал отказа от патриаршества, оказывалось неосновательным. Патриархи на это откликнулись словами: «Никон патриарх объявился во многих лжах, и ему ни в чем верить не подобает».

На третьем заседании Собора 5 декабря Никон попытался поставить под сомнение правомочность вселенских патриархов, высказавшись в том смысле, что (по его сведениям) в Антиохии и Александрии иные патриархи, а не те, кто здесь находится. Он потребовал свидетельства на Евангелии. Такого, видимо, гости Москвы не ожидали. Последовала возмущенная отповедь. Вероятно, он понял, что его положение безнадежно, и дал волю своей неукротимой натуре.

Среди участников Собора находился думный дьяк Алмаз Иванов. Именно от него исходил один из самых выразительных антиниконовских аргументов. Дьяк напомнил: «Никон писал Государю, что ему не подобает возвратиться на престол, яко псу на своя блевотины». Опальный патриарх не смог парировать этот выпад. Не удалось Никону представить царя свидетельствующим неправду, «когда на Москве учинился бунт» (вероятно, имелся в виду день 25 июля 1662 года). Алексей Михайлович возразил довольно уверенно, что бунт был не против него, «земские люди» приходили к царю искать управы на притеснителей. О кровавой расправе в тот день царь предпочел умолчать.

В ходе прений назывались и другие претензии Никону, тот отбивался не лучшим образом, к тому же грубил патриархам. На вопрос Макария он бросил: «Там (то есть в Антиохии. — А.П.) и суди...» И в другой раз: «Широк ты здесь...» Участники Собора с осуждением отнеслись к этим выпадам. Суд завершился. Приговор гласил: «Отселе не будешь патриарх и священная да не действуеши, но будеши яко простой монах». После этого все разошлись.

Алексей Михайлович беседовал с патриархами 8 декабря наедине. А 12 декабря в Крестовой патриаршей палате Никону объявили его вины и решение Собора. Затем александрийский патриарх снял с Никона клобук и панагию, сопроводив этот акт разжалования словами о «смирном» житье Никона в монастыре и замаливании грехов.

Низложенный патриарх дал волю своим чувствам. «Знаю я и без вашего поучения, как жить, — гордо заявил он и про-

должил издевательски: — А что вы клобук и панагию с меня сняли, то жемчуг с них разделите по себе, достанется вам жемчугу золотников по пяти и по шести, а золотых по десяти». Зная самое уязвимое место почетных гостей с Востока, Никон беспощадно высказался и на сей счет: «Вы султанские невольники, бродяги, ходите всюду за милостынею, чтоб было чем заплатить дань султану...» — и все в том же духе.

Вчерашнего главу Русской церкви сослали в Ферапонтов монастырь. Во избежание волнений в народе Никона вывезли из Москвы не той дорогой, о которой ранее объявили. Гордец не принял царский подарок — шубу и деньги — и отказался благословить государя и семейство. В Ферапонтове монастыре Никону запретили кому-либо писать, одновременно наказывалось беречь бывшего патриарха от оскорблений, а пищу и все другое необходимое дозволялось ему получать «по его потребе».

Так завершился более чем восьмилетний конфликт царя с патриархом. Светская власть торжествовала победу. Но смутно было на душе государя...

Между тем вселенские патриархи не спешили покинуть едиנוверную Москву. Они участвовали в богослужениях по случаю памяти митрополита Московского святителя Петра, а 25 декабря 1666 года провели литургию в Успенском соборе, отмечая Рождество Христово. В начале января 1667 года Макарий и Паисий ходили в Иордань в сопровождении торжественной процессии. Они участвовали также в Церковном соборе русского духовенства, который прервался делом Никона.

Собор рассматривал вопрос о расколе Православной церкви. Старообрядцев повторно отлучили от Церкви и одобрили все нововведения, то есть поддержали реформу Никона, но уже без него. Решения Собора были подкреплены авторитетом вселенских патриархов. Соответствующие грамоты разослали по стране. Царская власть пошла на некоторые уступки церковным иерархам в делах мирских. Функции Монастырского приказа были несколько ограничены. Против раскольников развернулась активная борьба. Возвращенный из сибирской ссылки Аввакум вновь был от-

ЦАРЬ И ПАТРИАРХ

правлен в изгнание, теперь в Пустозерск, где его засадили в тюрьму.

К этому подталкивало распространение в государстве слухов о близком конце света, приходе Антихриста, о чем возвещали повсюду бродячие проповедники, странники, предсказатели, нищие. Наиболее острая обстановка сложилась в Соловецком монастыре, который превратился в оплот старообрядчества и оказал вооруженное сопротивление царским войскам.

Окончание войны с Речью Посполитой и разрешение конфликта между монархом и патриархом завершают определенный этап жизни и деятельности царя Алексея.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ – НЕ ПОСЛЕДНИЕ ЗАБОТЫ

Окончание войны облегчило положение страны, но нанесенный ущерб продолжал сказываться. На первых порах правительство царя Алексея не сразу отказалось от чрезвычайных налогов военной поры. Так, в 1668 году было предписано взыскать с торгово-промышленного населения страны «десятую деньгу».

Судопроизводство требовало упорядочения. Некоторые статьи Уложения 1649 года нуждались в уточнениях, конкретизации, другие, вследствие плохого исполнения, в подтверждениях. «Новоуказные статьи» 1669 года продолжали законотворчество по уголовным и гражданским делам, где документы были более четко сгруппированы по их тематике, что облегчало судьям поиск нужного материала.

Усиление центральной власти вызвало некоторое сокращение круга обязанностей местных воевод в судебной сфере. Уполномоченные правительства (сыщики) направлялись в уезды для проведения розыска по различным делам. «Новоуказные статьи» предусматривали повышение значения свидетельских показаний в судебном процессе. Несколько ограничивалось применение пытки, некоторых видов наказаний. Стали чаще заменять тюремное заключение ссылкой в Сибирь, что способствовало заселению этой

отдаленной окраины. Законодатели учли также решения Церковного собора 1666—1667 годов по делам воровства в храмах и другим проявлениям святотатства.

По-прежнему правительству Алексея Михайловича приходилось вплотную заниматься земельными делами дворянства. Участники войны 1654—1667 годов получили земельные и денежные пожалования, включая перевод части поместных дач в вотчинное владение. При этом учитывалась продолжительность военной службы, что влияло на размеры таких «придач». Эти меры намечали постепенное превращение земельной собственности дворян из условной, временной в наследственную и постоянную.

На юге европейской части страны происходило продвижение русских поселений на плодородные черноземы, что серьезно повлияло на правительственную политику. Длительное время там не поощрялось распространение крупного феодального землевладения, в частности из соображений обороны страны. Мелкие служилые люди «по прибору», наделенные небольшими земельными участками, представлялись более предпочтительными, нежели бояре и другие «ближние люди», для которых главная забота — заселить новые места своими крепостными крестьянами и холопами. Но в начале 70-х годов XVII века правительство Алексея Михайловича все чаще отказывается от прежнего курса и допускает проникновение крепостников в южные пределы. На этот счет издаются соответствующие царские указы, правда не лишённые противоречивости и потому создававшие много споров среди землевладельцев.

По фискальным соображениям правительство отказывается от прежних льгот по таможенному обложению, отменив в 1672 году тарханные грамоты. Церковникам запрещалось промышлять «мирскими торговлями», держать лавки. О всех случаях нарушений указа надлежало докладывать («писать») царю. Вместе с тем проявлялась известная гибкость политики в торговых делах ясачных людей. По челобитьям башкир, с них запрещалось брать, согласно грамоте царя от 1673 года, таможенные пошлины при продаже продуктов их хозяйства. Притом главный мотив этой меры — «для их иноземства». Пошлины с мехов и других товаров

в таких случаях взыскивались с покупателей. Льготной являлась торговля сибирских «бухарцев» — выходцев из Средней Азии, равным образом и купцов ряда восточных стран, посещавших Россию.

В те годы активно развивались торговые отношения с армянским купечеством, в частности Джульфинской компанией, которая получила царскую жалованную грамоту на ввоз в страну шелка-сырца. Алексею Михайловичу армянские коммерсанты преподнесли весьма ценный подарок — алмазный трон.

Поскольку армянские купцы желали большего, в августе 1672 года в Посольский приказ созвали видных русских купцов (Василия Шорина, Михаила Гурьева, Остафия Филатьева и др.). Их попросили дать ответ на следующий запрос властей: «Будет те армяне... шелк сырой и всякие персидские товары станут привозить в Московское государство и к Архангельскому городу, и в Великий Новгород, и Псков, и Смоленск, и за море в Немецкия земли с теми товары ездить учнут, и от того не будет ли московским и всех городов купецким людям в промыслах их помешки?»

Купцы «за своими руками» подали «сказку» — ответ, где доказывали нежелательность транзита восточных товаров в европейские страны. Авторы сказки ссылались на положения Новоторгового устава о защите прав отечественных торговцев и предрекали ущерб для царской казны. К тому же выдвигался аргумент о возможности прямых договоров армянских купцов с европейскими, минуя Россию. С этим мнением посчитались. (Но вопрос возник снова после кончины Алексея Михайловича.)

Правительство царя Алексея заступалось за русских торговцев, когда они подвергались притеснениям в других государствах. Спустя много лет, вследствие обид, причиненных русским купцам в пределах Ирана, Петр Великий объявил войну соседней державе.

Восстание С.Т. Разина побудило Алексея Михайловича принять меры для укрепления сословных рамок в обществе. Практические и юридические меры правительства затрудняли переход из одного социального статуса в другой. Наметилось разграничение между служилыми «по отечест-

ву» (дворянами) и «по прибору». Прежде всего это касалось служилых людей, поскольку в антиправительственном лагере объединились различные силы из низших сословий. Среди них были приборные служилые люди (стрельцы, городовые казаки, пушкар и др.).

Неоднократно выходили царские указы, запрещающие «верстание» из тяглого люда даже в низшие категории служилого сословия. В одном из указов повелевалось местным воеводам «из пашенных крестьян в службу не верстать и ни в какие чины без государева указу не приверстывать». В стрельцы и казаки предписывалось верстать их детей и родственников, но не выходцев из крестьян и посадских.

Разумеется, жизнь не укладывалась в прокрустово ложе высочайших предназначений. Но законодательная направленность показательна. «Крепостной устав» давал о себе знать много лет после его появления на свет. Принцип сословности довлел над обществом. Он и послужил одной из причин народного движения, во главе которого встал донской казак Степан Тимофеевич Разин.

Это второе восстание (1670–1671) в России (иногда его началом считают 1667 год — исходную дату знаменитой экспедиции Степана Разина к берегам Ирана).

Социальная направленность движения — борьба за свободу, как ее понимали угнетенные слои населения в условиях засилья крепостничества, произвола царской администрации, составляла суть восстания. При этом объектом ненависти повстанцев были в основном бояре и прочие сановники, приказные дельцы и другие проводники правительственной политики. Личность царя представлялась в идеализированном виде, всю вину за несправедливые дела в государстве возлагали на злодеев-советников из окружения монарха. Конечно, возникало недовольство и самим Алексеем Михайловичем, о чем свидетельствуют всякого рода «непристойные речи» о царе, за которые сурово карали. Но в ходе самого восстания не проявлялось антицаристских настроений, о чем говорили «прелестные» письма и грамоты, распространяемые из лагеря повстанцев.

Эти прокламации клеймили господ и начальных людей всех рангов, но призывов к свержению монарха или к рас-

праве с ним не содержали. Сохранилось любопытное свидетельство священника Н. Иванова, весьма бывалого человека, о том, что в Паншине-городке С. Разин в казацком кругу, по сути дела, обвинил «государевых неприятелей» в кончине за короткое время царицы и царевичей Алексея Алексеевича и Симеона Алексеевича, вопрошая: «Когда-де то бывало?» При этом атаман заявлял о необходимости «изменников из Московского государства вывезть и черным людям дать свободу». В одном из «прелестных» писем 1670 года указывалось, что Разин выступил «за дом Пресвятые Богородицы и за всех святых, и за Великого Государя, Царя и Великого Князя Алексея Михайловича...».

Все это нисколько не мешало участникам движения вступать в сражения с «государевыми» полками. Ядро повстанцев составляли донские казаки, к ним примыкали работные люди ходивших по Волге судов, посадская беднота, крестьяне, мелкие служилые люди, жители ясачных районов Поволжья. Широкой поддержкой различных слоев тогдашнего общества объяснялись и территориальный размах движения и его значительные успехи. Власти не без оснований опасались, что восстание Разина сольется с мятежными действиями антимосковских сил на Украине.

Без больших усилий Разину удалось овладеть, например, Астраханью и Саратовом. Ему открывали ворота и другие города. Многочисленные отряды восставших действовали не только в Поволжье, но и в районе Тамбовской засечной черты, в лесном Заволжье, на землях вновь заселяемой Слободской Украины. Лишь под Симбирском Разин встретил серьезное сопротивление, которое и стало решающим в подавлении движения царскими войсками. Битва у стен этого города лишней раз показала преимущества полков «нового строя», им принадлежала главная заслуга в разгроме разинского войска. Немало крови пролилось с обеих сторон.

В организации борьбы с движением Разина царь принял самое деятельное участие. Он понимал, что призывы разинцев имеют сильное воздействие на простой народ. Поэтому, помимо чисто военных мер, Алексей Михайлович не оставлял без внимания своего рода контрпропаганду. Если разинские прокламации поднимали на восстание «кабальных»

и «опальных» людей, царские увещательные грамоты стремились выставить разинское движение как бунт «бездомных» и «незнающих», сбитых с толку смутьянами. Алексей Михайлович обещал всем, кто не поддержит Разина, всевозможные льготы. Такие грамоты поступили, например, в Важский уезд, Муром, Юрьевец-Повольский, Скопин. В войска передавались и там широко объявлялись царские запросы о здоровье ратных людей и посулы наград за верную службу.

Царь провел грандиозный смотр войск перед их выступлением в поход против Разина. А в письме семье от 29 октября 1670 года из села Семеновского он сообщал: «А мы на Спасителеве деле так же и всего нашего государства на великом смотре...» Для дворян, которые не явились в полки, действовавшие против разинцев, или сбежали из них, царский указ предусматривал чувствительные наказания: у них отбирали половину поместий и вотчин. Зато для добросовестных служаек Алексей Михайлович устраивал щедрые приемы с пожалованиями и наградами. Неудовольствие царя вызвали те военачальники (Ю.А. Долгорукий и Б.М. Хитрово), которые посмели вступать в переписку с С.Т. Разиным, за что им было выражено высочайшее порицание.

С торжеством было объявлено о поимке атамана. Преданный Церковью анафеме, Разин подвергся жестокой казни на Красной площади. По всей Руси отслужили благодарственные молебны по случаю подавления восстания. Жесточайшие массовые расправы над участниками движения и их сторонниками прошли в Арзамасе.

В связи с восстанием С.Т. Разина власти вновь вспомнили о Никоне. Алексей Михайлович собственноручно написал «статьи»-вопросы, на которые должен был дать ответы измученный пытками атаман. Среди 10 пунктов значился и один, относившийся к Никону. Следовательно, царь принимал участие в суде над С.Т. Разиным.

По-видимому, Разин пытался установить связи с опальным патриархом, бытовал слух, что Никон находится в разинском войске. Этот слух дошел до иностранцев и попал на страницы европейской прессы. В одной публикации го-

ворилось: «С ними (то есть повстанцами. — А.П.) находится патриарх, а это хитрая голова».

Противоречивые известия на сей счет не дают ясной картины связей Никона и Разина. Однако отставному патриарху пришлось держать ответ перед посланцами Алексея Михайловича. Не отрицал сношений с Никоном и сам атаман в расспросных речах. Как бы то ни было, Никона перевели из Ферапонтова монастыря в Кирилло-Белозерский — место более надежное для содержания ссыльного строптивца. Никон пережил царя на 5 лет и до конца своих дней не простил «собинного друга».

Повстанцы использовали в идейном своем обосновании имена усопших членов семьи государя. Если на первых порах они признавали факт кончины царевича Алексея Алексеевича, то позже появилась версия о том, что он жив и даже находится в стане Разина. Официальным властям пришлось это опровергать, ссылаясь на общеизвестность данного факта.

Но честь царской фамилии пришлось отстаивать с неожиданной стороны. Казалось, пора самозванцев прошла. Но в 1673 году Алексею Михайловичу доложили, что в Запорожье объявился некто, именующий себя его сыном Симеоном. Кошевой атаман запорожцев Иван Сирко оказал самозванцу знаки высокого почтения. Тем не менее он спросил Лже-Симеона, хочет ли он написать письмо «отцу». Рассказывая о своей одиссее, сей молодой человек поведал, что долго скрывался, побывал в войске Разина и только теперь решил открыться, но лишь избранным.

В Запорожье прибыли посланцы правительства и гетмана Ивана Самойловича с требованием выдачи Лже-Симеона. Однако, верные заповеди о невыдаче кого-либо из Запорожья, казаки отвергли это требование. У самозванца нашлось немало сторонников. Между царскими посланцами (с ними был небольшой стрелецкий отряд) и запорожцами произошло столкновение. Сирко выказывал доверие Лже-Симеону, выслушивая его баснословные рассказы о ссоре в царском семействе, грозившей-де «царевичу» смертью. Счастливый случай спас его, а затем последовали скитания по белу свету.

Считал ли кошевой новоявленного царского отпрыска таковым или хитрил, сказать затруднительно. Возможно, бравый рубака был обижен на Москву, где его обошли гетманскими клейнодами. Царские уполномоченные договорились с запорожцами, что те отправятся в Москву и выслушают царское слово о «сыне».

Действительно, такая поездка состоялась. Запорожские гонцы везли для вручения Алексею Михайловичу письмо его «сына». Авантюрист не постеснялся и такого, почти самоубийственного шага. Он называл царя своим батюшкой и просил о личном свидании, которое рассеет все сомнения.

Царь отправил Сирко гневное письмо: «Этот лист Нашему Царскому Величеству ныне и никогда не потребен». Далее Алексей Михайлович назвал точную дату кончины своего сына Симеона и обстоятельства его погребения. От запорожцев государь требовал немедленно выдать самозванца, но тут же обещал обеспечить войско оружием, боеприпасами, золотыми деньгами и сукнами. Прибывших в Москву казаков было приказано держать заложниками вплоть до передачи Лже-Симеона царским властям.

Получив эту грамоту, Сирко не стал перечить. Самозванца выдали. Его провезли по Москве в той же телеге, что и С.Т. Разина. И конец Лже-Симеона был сходным. Царь, Боярская дума и патриарх приговорили самозванца к такой же смертной казни, как и Разина, что и свершилось на Красной площади.

Еще до разинского восстания в противоборстве с властями светскими и духовными оказался Соловецкий монастырь. С 1668 по 1676 год продолжались волнения в этой обители, значение которой на Руси было всегда велико. Монастырь превратился в оплот старообрядчества, большинство его братии не приняло церковную реформу. Там составили один из самых авторитетных в старообрядческой среде документов — челобитную, которая послужила образцом для последующей публицистически-богословской литературы раскольников.

Длительное время монастырь выдерживал блокаду, отбивал штурмы направленных против мятежников правительственных войск. Разгром восстания С.Т. Разина вызвал

приток в Соловецкий монастырь радикально настроенных повстанцев. Впрочем, взбунтовавшийся монастырь всегда лихорадило. Замирение восставшего духовного и мирского люда в этом центре православия состоялось под давлением военной силы уже после смерти царя Алексея.

Конец 60-х — середина 70-х годов XVII века — своеобразный этап во внешней политике России, который во многом определил ее основные черты вплоть до начала XVIII столетия. Андрусовское перемирие (1667) правительство Алексея Михайловича решило закрепить на международном уровне. В европейские страны были отправлены посольства с извещениями о территориальных приращениях России, а также о других условиях достигнутого соглашения между вчерашними противниками.

Среди этих посольств одним из самых примечательных стало посещение Испании и Франции стольником П.И. Потемкиным. Согласно посольскому отчету (статейному списку), король Людовик XIV с одобрением встретил известие о перемирии, одновременно выразив надежду на развитие русско-французских отношений по торговой линии. Французское купечество тоже проявило в этом заинтересованность. Визитом русских послов воспользовался министр финансов Франции Кольбер. Желая добиться льготных условий торговли с Россией, он изучал торговые договоры России с Голландией, давая соответствующие инструкции своим агентам в Гааге и Курляндии.

В Италию была отправлена миссия дворянина Лихачева. Она побывала во Флоренции, где послам показали театральное представление, которое Лихачев обстоятельно описал. (Это, видимо, подтолкнуло царя к созданию своего придворного театра.) В 1668 году Алексей Михайлович командировал торгового иноземца Келдермана в Венецию, который вручил царские грамоты дожу и Сенату.

После Андрусовского перемирия наметилось военно-политическое сближение России и Речи Посполитой. Весьма интенсивно проводятся переговоры в Андрусове, Москве и Варшаве о совместных действиях против турецко-крымской опасности. К тому времени вполне очевидной стала активизация политики Османской империи на северном

участке ее территории. Кроме того, Турция заключила выгодный мир с Венецией и Империей (позже Австрией) и на рубеже 70-х годов была готова к наступательной войне в Причерноморском регионе. Опасность нависла прежде всего над Речью Посполитой и Россией. Переход гетмана П.Д. Дорошенко с правобережными полками под власть султана укрепил намерение Стамбула расширить территориальные захваты. Однако на путях сближения России и Речи Посполитой при всей его естественности в ту пору возникало множество трудностей.

На престоле Речи Посполитой появился новый король — Михаил Вишневецкий, сторонник возвращения Украины под власть магнатов. Предметом разногласий оставалась принадлежность Киева. Россия всемерно старалась удерживать «мать городов русских». Пока шли сложные обсуждения всех этих вопросов, произошла смена руководства Малороссийским и Посольским приказами. Алексей Михайлович был недоволен самовольными действиями А.Л. Ордина-Нащокина в международных делах. Воспользовавшись просьбами Ордина-Нащокина об отставке, царь принял ее и назначил преемником А.С. Матвеева, своего давнего любимца. Ордин-Нащокин удалился в монастырь.

Между тем в 1672 году турецкая армия нанесла мощный удар по южным районам Правобережной Украины. Пала сильнейшая крепость Каменец-Подольский, господствующая цитадель Речи Посполитой в Подолии и на Волыни. Царь Алексей мобилизует русскую дипломатию, чтобы помочь Речи Посполитой в этот трудный момент, не забывая, естественно, и о безопасности России. Неоднократные посольства в Турцию терпели неудачи, султан не желал прислушиваться к настойчивым требованиям Москвы прекратить войну. В западноевропейские государства отправились русские дипломатические представители. Главная цель их состояла в том, чтобы создать широкую антиосманскую коалицию держав. Переговоры проводились в Вене, Париже, Мадриде, Лондоне, Гааге, Копенгагене, Стокгольме, но их результаты оказались неутешительными.

В исторической литературе эта внешнеполитическая акция России подчас оценивается как свидетельство слабости

русской дипломатической службы, ее неосведомленности о реальной обстановке в тогдашнем мире. Конечно, у европейских государств были тогда не всегда совпадающие, а то и расходящиеся интересы, назревали и развертывались военные конфликты и т.д.

Московская линия на международной арене имела свои обоснования и свою идею, хотя и трудновыполнимую. Речь идет о религиозной окраске предполагаемого антитурецкого союза — объединении христиан всех направлений против мусульманской империи, угрожающей не только православной вере.

В Москве не играли в политику и относились к предпринятым шагам вполне серьезно. Алексей Михайлович считал себя ответственным перед Богом как за свою державу, так и весь христианский мир, особенно единоверцев. Еще в 1656 году царь в беседе с греческими купцами спросил их, желают ли они освобождения от турецкой неволи. Получив, безусловно, положительный ответ, Алексей Михайлович обратился к боярам, прослезившись и без напускного пафоса, со словами глубокой боли за страдающих единоверцев. Он говорил о том, что Бог взыщет с него в судный день, если не будут использованы все средства для вызволения поработенных — вплоть до собственной крови. Только с учетом этого фактора можно дать более объективную характеристику дипломатических усилий Москвы.

Узнав о падении Каменец-Подольского, Алексей Михайлович созвал Боярскую думу для совета. Царь опасался турецкого похода на Киев. А это новая война. Было решено назначить сбор чрезвычайных налогов. Алексей Михайлович объявил о своем намерении возглавить русскую армию в предстоящем походе. В Путивль поступило распоряжение строить там царский двор. Определили военачальников в главные украинские города.

Осложнилось положение на Украине в конце 60-х — начале 70-х годов XVII века. Восстание С.Т. Разина перекинулось на Слободскую Украину и на Левобережье Днепра. Царские войска были двинуты на подавление движения.

Сложную игру вел П.Д. Дорошенко. Он не отказывался от мысли о гетманстве на обеих сторонах Днепра. Но на Лаво-

бережье был свой гетман — Демьян Многогрешный, которого на первых порах поддерживала Москва. Речь Посполитая выдвинула своего претендента на гетманскую булаву — М. Ханенко. Раздираемая внутренними противоречиями Украина вместе с тем неодобрительно воспринимала вести о русско-польских переговорах, подозревая их участников в желании уладить свои отношения за ее счет.

О Д. Многогрешном стали поступать в Москву обвинительные известия и доносы. К тому же гетман неуважительно высказывался о государе и распространял слух о намерении Москвы всю казацкую старшину арестовать и отправить в Сибирь. Противники гетмана улучили момент, схватили его и доставили в Москву. По свидетельству подьячего Алексеева, который поехал в Батурик к старшине с царским «милостивым словом», по дороге многие украинцы ему говорили: «Чтобы Царскому Величеству прислать нам своих воевод, а гетману у нас не быть, да и старших бы всех перебить; нам было бы лучше, разоренья и измены ни от кого не было бы; а то всякий старшина, обогатясь, захочет себе панства и изменяет, а наши головы гинут напрасно».

В Москве Д. Многогрешного и его брата Василия в Москве строго допросили, не обошлось без пытки. Они признались в измене, сношениях с Дорошенко и других провинностях. Боярская дума приговорила братьев к смертной казни. На Болотной площади все было для этого готово, осужденных положили на плаху, но в последний момент последовало царское прощение. Братьям сохранили жизнь и отправили в сибирскую ссылку. Вскоре туда же угодил запорожский кошевой И. Сирко, схваченный при попытке вывести из повиновения русскому правительству казаков Левобережья.

По согласованию с царем казацкая старшина собралась в июне 1672 года на Раду, присутствовал также князь Г. Ромодановский в качестве царского уполномоченного. Рада состоялась в Казачьей Дубраве, недалеко от Конотопа. Во время чтения статей об условиях пребывания Украины под властью Алексея Михайловича в шатер вошел посланец царя и от его имени объявил «Великого Государя радость: мая 30, за молитвами святых отец, даровал Бог Царскому Величеству сына, а нам Царевича и Великого Князя Петра

Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России!». Присутствующие встали и поздравляли Ромодановского с этой вестью. Новым гетманом избрали Ивана Самойловича, бывшего генерального судью.

После Бучачского мира Речи Посполитой с Турцией осталась неопределенной судьба Правобережной Украины. В Польском приказе России положение расценили в том смысле, что король Речи Посполитой, уступив султану южные районы Правобережья, лишился прав и на остальную часть этого региона. Подобный подход к проблеме как будто находил свое подтверждение в колебаниях П.Д. Дорошенко, размышлявшего о переходе в подданство России. Запорожцы, подтвердив свою верность царю, попросили освободить И. Сирко, своего удачливого в ратном деле кошевого. Алексей Михайлович исполнил желание Запорожья.

В марте 1673 года в Москве была устроена демонстрация русской артиллерии, отправляемой в украинские города. Запряженные парами цугом лошади везли «строем» крупнокалиберные пушки, снаряженные к бою. Немцы, греки, армяне, иранцы, наблюдая это зрелище, оценили возможности русской армии в грядущей войне с султаном.

Но ближайшие события обрели далеко не парадный характер. Не слишком посчитавшись с исходным намерением царя, русские военачальники и гетман Самойлович попытались перейти с войсками на правый берег Днепра. Операция не удалась, а в тылу появилась крымская орда. В результате русско-казацкое войско отступило. Алексей Михайлович послал Ромодановскому гневное письмо с осуждением предпринятых действий.

Более успешными оказались операции русских войск под Азовом. Донцы и ратные люди нанесли поражение противнику, но взять мощную крепость небольшими силами нечего было и думать.

Зимой 1673/74 года Ромодановский и Самойлович повторили поход за Днепр, на этот раз небезрезультатный. Были взяты Черкассы и Канев, осажден Чигирин. Сторонники Дорошенко стали переходить в стан русских войск, в плен попал брат гетмана. Правобережные полки один за другим обращались с просьбами о принятии их под высокую государеву руку.

В марте 1674 года, в день именин Алексея Михайловича, в Переяславе собрались представители 10 казацких полков левой и правой стороны Днепра и постановили просить царя утвердить гетманом всей Украины И. Самойловича. Но осуществить это не удалось. Правобережная Украина осталась вне России. В следующем году запорожцы, донские казаки и калмыки, подступив к Перекопу, заставили крымскую орду вернуться восвояси из похода на Украину. А в 1676 году П.Д. Дорошенко сдался на милость Москвы. Это случилось в последние дни жизни царя Алексея.

Тяжкие испытания, выпавшие тогда на долю украинского народа, привели к тому, что жители Правобережья стали массами переселяться на левые берега Днепра, то есть в области, находившиеся почти постоянно под верховной властью царя. Украинцы признавали более безопасной жизнь в пределах России. Популярность Дорошенко резко упала в немалой мере потому, что он пытался насильственно удерживать население на постоянно разоряемом Правобережье. Не могли поддерживать украинцы и крымско-турецкое присутствие на своих землях, результаты которого были слишком хорошо известны.

В последние годы правления Тишайшего обострилась обстановка на Дальнем Востоке. В Китае Цинская династия решила положить предел русскому продвижению в Приамурье, но в 50-х годах маньчжуры в противоборстве с казачьими отрядами терпели поражения. В Пекине даже после пребывания там посольства Ф.И. Байкова не было ясности, что же представляет собой русская сторона, с которой пришлось иметь дело. С течением времени накапливались сведения России и Китая друг о друге, чему содействовали торговые поездки (в том числе две экспедиции в Китай купца Сеиткула Аблина).

Нерчинский воевода Д.Д. Аршинский вел переговоры с китайскими властями, о чем докладывал в Москву. Трения вызывал вопрос о подчиненности населения местностей, разделявших два государства. Воспользовавшись прибытием в Пекин казачьего десятника И. Милованова, посланца Аршинского, китайские власти переслали на имя царя Алексея Михайловича «лист» от императора Сюань Е, в котором

выражалось согласие на мирные отношения между обеими державами. Но правительство Китая не отказывалось от насильственного выдворения русских из Приамурья, но пока скрывалось за дипломатической любезностью.

В Москве посчитали необходимым снарядить в Китай специальное посольство. Во главе этой миссии указ Алексея Михайловича 4 февраля 1673 года поставил Николая Спафария. Его рекомендовал царю глава Посольского приказа А.С. Матвеев. По существу, это была первая попытка на официальном высоком уровне завязать дипломатические отношения с Китаем. Перед посольством также ставилась задача узаконить торговлю между подданными России и Китая. По-видимому, не исключалось рассмотрение территориального вопроса, хотя в подготовленном для Спафария правительственном наказе об этом не упоминалось. В начале марта 1675 года многочисленное и пышное посольство выехало из Москвы. Но отчитываться ему пришлось уже перед новым царем — Федором Алексеевичем, — столь много времени заняла эта трудная и дальняя поездка.

По южносибирской границе, четко еще не определенной, Россия имела политические и торговые отношения с монгольскими государствами, враждовавшими между собой (государство Алты-ханов, Халха, Джунгария). Россия стремилась не вмешиваться в эту борьбу, пытаясь сохранить мир близ своих пределов. Но порой приходилось отбивать нападения отдельных воинственных правителей, претендовавших на ясачных людей приграничной полосы.

Таким образом, внешнеполитические проблемы в последние годы царствования Алексея Михайловича продолжали занимать первенствующее место в государственных делах. Россия стремилась к более тесному включению в международное сообщество. Соответственно рос интерес к нашей стране в других государствах.

Так, восстание С.Т. Разина вызвало не только небывалый поток записок иноземных наблюдателей и статей в газетах разных стран, но и неподдельный страх перед разбушевавшейся народной стихией, готовой выплеснуться за рубежи России, а верхам русского общества угрожавшей полным уничтожением. Разумеется, такие публикации не обходили

фигуры попавшего в крайне затруднительное положение царя Алексея, тем самым сообщая европейскому читателю как достоверные, так и невероятные данные о русском монархе.

Неудачи на Западе лишали Россию возможности иметь морской флот. Но эта идея не оставляла Алексея Михайловича. Он поручил А.Л. Ордину-Нащокину организовать работы по созданию морских судов для плаваний на Каспийском море. В селе Дединове на Оке стали строить трехматчтовый 22-пушечный корабль «Орел» и несколько более мелких судов. Наконец, летом 1669 года «Орел» был спущен по Оке и Волге до Астрахани. Команда состояла из нанятых в Амстердаме моряков с капитаном Д. Бутлером во главе. На борту были и русские члены экипажа. Однако во время взятия Астрахани разинским войском корабль сгорел.

Строительство дединовской флотилии послужило поводом для подготовки первого русского Морского устава, предписывавшего: «Капитану ж должно учинить присягу верного служения, что ему корабль врученный неприятелю не отдать», в безвыходном положении надлежало судно сжечь или потопить, но не сдаваться неприятелю. Здесь виден прообраз некоторых положений Морского устава Петра Великого.

Уместно вспомнить о том, что почтовая связь в России получила свое государственное оформление при царе Алексее Михайловиче. Одним из толчков к упорядочению пересылки корреспонденции за рубеж явились статьи Андрусовского перемирия 1667 года, дополненные в Москве. Речь шла об учреждении постоянной международной почты. В качестве обоснования указывалось на необходимость частых сношений России с Речью Посполитой, а также «приумножение торговых обоим тем великим государствам прибытков». Предлагалось назначить в пограничных пунктах «начальников над почтою». Они должны были обеспечивать пересылку государственной и частной корреспонденции на обе стороны. Признавалось, что за пересылку грамот и деловых писем людей торговых можно установить плату, как это делается в других странах.

Для осуществления этих начинаний требовалась немалая организационная работа и выделение нужных средств. Был

учтен опыт иноземца фон Сведена, который осуществлял почтовые пересылки через Новгород и Псков в Ригу («езда была явно, а не тайно»). У истоков официальной почтовой связи стоял А.Л. Ордин-Нащокин. По его рекомендации почтовые дела были поручены Леонтию Марселису. При этом Ордин-Нащокин считал необходимым, чтобы контроль за почтовым делом оставался в руках государства.

В то же время правительство осознает необходимость организации почтовой связи внутри государства. Возникает регулярная, возложенная на ямщиков, доставка корреспонденции из Москвы в другие города. С первых шагов почтовое дело становится на коммерческую основу. Однако высокие тарифы за переправку посылок и писем лишали рядовых жителей возможностей пользоваться услугами почт. Русские купцы редко участвовали в деловой переписке международного характера. Главные выгоды доставались иностранным коммерсантам. Но в плане межгосударственных сношений учреждения Рижской и Виленской почты обрели необходимую устойчивость, стали сокращаться сроки доставки корреспонденции. В дальнейшем почтовое дело было поручено А.А. Виниусу.

Царь Алексей напрямую имел отношение к учреждению почтовой связи. По его повелению Л. Марселис отправился в Ригу для заключения почтового договора, что и было выполнено в 1668 году. Среди условий договора предусматривалось, чтобы почтовые ящики носили особые кафтаны, по которым их можно было отличить от прочих. Подробно оговаривалась сохранность писем в дороге, попорченные печати и связки должны были внимательно осматриваться. Указывалось доставлять почту без задержек. Ордин-Нащокин разослал грамоты на места о соблюдении всех предначертаний договора. Царская грамота утверждала предпринятые Ординым-Нащекиным меры по учреждению почты. Ямщиков обязали дать особую присягу в добросовестном выполнении почтовой службы. Затем была учреждена Виленская почта. Определились дни отправки корреспонденции по тому и другому почтовому направлению.

К исходу 60-х годов общественно-культурная среда, в которой жил и вершил государственные дела царь Алексей,

определилась окончательно. В свое время В.О. Ключевский дал выразительную, почти зримую характеристику Алексея Михайловича: «...Одной ногой он еще крепко упирался в родную православную старину, а другую уже занес было за ее черту, да так и остался в этом нерешительном переходном положении».

Действительно, трудно было найти человека, более приверженного православию, чем второй представитель династии Романовых. Что же касается иной части этой формулы, то она, полагаем, не вполне точна. Царь уже сделал свой выбор. Об этом наглядно свидетельствуют многочисленные факты из разных областей жизни самого монарха, да и наиболее приближенных к нему лиц, среди которых особенно выделялись А.Л. Ордин-Нащокин и А.С. Матвеев (кстати, оба — завзятые «западники» по своему мировоззрению).

С детских лет Алексея Михайловича окружали предметы культуры и быта иноземного происхождения. Приглашение иностранных специалистов стало обычным явлением в России тех времен. Через своих уполномоченных царь зазывал в Россию, помимо военных, людей, сведущих в разных областях знания. Так, в 1658 году полковник Франц Траферт, отправляясь в Голландию с поручением Алексея Михайловича, обещал добыть на царскую службу «инженеров таких, что во всей Еуропии других таких не будет». Не раз подобные миссии выполнял фон Стаден. К 1669 году приурочена его поездка за море для найма рудознатцев и мастеровых. И. Гебдон, кроме закупок оружия, призывал на русскую службу мастеров.

Алексей Михайлович оказывал знаки внимания представителям других профессий. В марте 1668 года он на Каменном крыльце дворца жаловал к руке «дохтуров и аптекарей и всяких Оптекарские полаты мастеровых людей». Тогда же этой чести удостоились мастеровые люди Золотой, Серебряной и Оружейной палат. «Дохтур и аптекари» были на торжественном обеде по случаю «объявления» царевича Алексея, а также «иноземцы торговые».

Устраивал царь и приемы для «выезжих иноземцев». Некоторое время в России служили «сербяня» князья Богдан и Степан Милорадовы. Их командировали для поисков се-

ребряной руды на север. Менее чем за два года до кончины Алексей Михайлович среди множества получивших жалованную государем рыбу не обошел докторов, аптекарей, алхимиста, а также учителей сына Федора. С интересом отнеслись в Москве к заезжему прожектору Я. де Грону с его предложениями о пополнении царской казны.

Алексей Михайлович доверял иностранцам весьма ответственные дипломатические поручения. К примеру, Павел Менезиус представлял Россию в Вене и Риме, Петр Марселис посетил в качестве посланника Данию и Венецию, Н. Спафарий — Китай.

Однако взоры царя были устремлены не только на Запад. Воеводы Астрахани и Терского городка получали неоднократно указы о приискании из числа индийцев и других восточных жителей мастеров различных специальностей по выработке хлопчатобумажных тканей, разведению шелковицы и «бумажного семени» (хлопчатника), шелкоткачества и т.д. О масштабах предпринимаемых мер говорит хотя бы такой факт: огромный обоз из 200 подвод вез редкий груз — тутовые деревья. Незадолго до смерти Алексей Михайлович направил в Индию посланником астраханца М.Ю. Касимова. В наказе говорилось не только об установлении прямых дипломатических и торговых отношений, но и о призыве на русскую службу «самых художных мастеров каменных мостов и иных изрядных дел».

Помимо уже называвшейся ранее многолюдной Немецкой слободы, в Москве были компактные поселения украинцев и белорусов, греков, грузин, армян, татар. В альбоме рисунков посольства Мейерберга запечатлены различные этнические типы встреченных в столице России людей.

Таким образом, Тишайший, оставаясь преданным вере и православной стране, отнюдь не исключал применения опыта других народов. Все полезное могло найти место на русской почве. Это — прямое предвестие эпохи Петра Великого. Полки «нового строя», попытка заведения флота, расширение международных связей, порыв к Балтике, укрепление высшей власти до уровня абсолютной, новые люди у кормила правления, новые веяния в культурно-бытовой области — все это присуще временам царя Алексея. Между

отцом и сыном не было пропасти, которую нужно было бы преодолевать одним прыжком. Преобразователь России начал движение с подготовленной основы — движение более решительное и ускоренное, и без накопленного потенциала предыдущей поры такое движение неминуемо потерпело бы неудачу.

В это время начинает формироваться придворная культура, и к этому царь имел самое прямое отношение. Причудливое переплетение отечественных традиций с иноземными, а также переосмысление библейских сюжетов во всем придворном церемониале и быту создавали соответствующую атмосферу, общий настрой. Писатели и поэты, художники, ученые-богословы составляли окружение Алексея Михайловича. Его собственные интересы были достаточно разносторонними.

До конца дней своих царя не покидали пристрастия к постижению книжной мудрости — религиозной и светской. Недаром современники говорили, что он «навычен многим философским наукам». Алексей Михайлович не расставался с книгами. С ними он был у себя «на Верху», брал их в «походы» к Троице и в другие святые места. По указаниям царя книги покупались на Печатном дворе и в Торговых рядах. Дневальные записки, прихода-расходные документы приказа Тайных дел и другие источники не оставляют сомнений в таком выводе. Кроме собственного чтения, царь приобретал книги для рассылки в монастыри, церкви, полки и т.д. Изрядно трудились переплетчики — им работы хватало по заказам Алексея Михайловича. Для царя переписывались некоторые рукописные произведения, в том числе исторические.

Так, в 1669 году царю было передано в один прием 8 книг, среди которых — беседы, деяния и послания апостолов. Тогда же по распоряжению Алексея Михайловича в полк М. Кровкова «для севской службы» послан комплект богослужебных изданий (Потребник, Евангелие, Псалтырь, Минея общая, Триодь постная, Шестоднев). В сентябре 1669 года куплено в «ряду» 10 Псалтырей учебных в переплете по цене 22 алт. 2 д. за экземпляр — в Троицкий поход государя. Большая партия (100 новых книг) куплена с Пе-

чатного двора, причем книг весьма дорогих (по 2 р. 6 алт. 4 д. за штуку).

Мартом 1670 года датирована запись об очередной крупной партии книг (200 Триодей постных по 40 алт. за экземпляр). Столько же Триодей цветных «в тетратех» взято с Печатного двора по «указаной цене». К услугам «рядов» прибег царь в то же время (10 Октоихов, Апостол и 2 еще издания). В церковь Александра Невского Алексей Михайлович купил Триодь постную и Потребник. «Судие вселенскому» патриарху Паисию Александрийскому царь пожаловал 12 книг. По царскому указу обеспечили книгами служилых людей, посланных на поиски серебряной руды. А в Уфу со стольником П.И.Годуновым отправлено два Пролога. Отъезжая в Преображенское, венценосный книголюб затребовал себе книгу Скрижали. В царские хоромы купили Потребник, напечатанный в Киеве.

Переплетчикам иногда указывалось изымать из книг соответствующие тексты, переплетать их и пускать в дело. Так поступили и в 1668 году с 33 экземплярами Евангелий, из которых «выиманы» поучения в Мясопустную и первую неделю Великого поста и некоторые другие тексты. По указу царя книги отправляли в Вятку, Верхотурье и другие города.

Показательно и то, что для Алексея Михайловича переписывали «Историю Казанскую» (ее рукопись была взята во временное пользование у Н.И. Одоевского). Вряд ли обошел своим вниманием царь «тетрати, в полдесть, перевод с греческого письма о Мосохе, от него же нарекошася москвичи», а также рукопись «О комете» и перевод с латинского «О медных рудах», выписки об Индии. Эти материалы в приказе Тайных дел хранились особо, а в опись попали наряду с корреспонденцией самого хозяина.

Алексей Михайлович любил художественно оформленные книги. В 1672–1675 годах Посольский приказ перевел несколько книг с греческого и латинского языков. А мастера Оружейной палаты — живописцы и переплетчики — с большим вкусом оформили эти работы бархатными переплетами, золотой и серебряной инкрустацией, орнаментами, иллюстрациями. Это были книги о семи «свободных

учениях», о четырех древних монархиях, «Василиологион» (о подвигах царей), родословная книга и т.д. Все книги побывали у царя.

Царь Алексей хорошо знал церковное пение. Он не ограничивался слушанием патриаршего и епархиальных хоров певчих. Понравившихся ему певцов он собирал в Москве. В Кремле была целая слободка из 5 добротных дворов, в которых жили певчие. Своего рода «конкурс» хорового пения обычно устраивался на Рождество Христово, когда хоры пели «переменяясь». Состязались певчие из Новгорода, Суздаля, Пскова, Казани, Белгорода, Архангельска, Смоленска. В начале января 1676 года, менее чем за 4 недели до кончины, Алексей Михайлович слушал «славенье» певчих «станиц» из епархий и оделил их щедро.

Будучи жизнерадостным и веселым человеком, Алексей Михайлович не отвергал и светскую музыку. За два дня до Медного бунта в Коломенское были вызваны музыканты числом 13 человек, в том числе «сиповщик». Они тешили государя. В начале 1675 года в царских покоях поздно вечером «в трубы трубили и в накры били». Прочно стояли «на Верху» органы — о них источники упоминают не раз.

Центром «музыкального обеспечения» запросов монарха была так называемая Набережная изба в Кремле, где работали переписчики нот и исполняемых произведений. В ноябре 1669 года было куплено для отопления этой избы, «где пишут государевы певчие книги» (здесь же были и переплетчики), 10 саж. дров по гривне воз, а в декабре выдали государеву жалованье «певчих книг писцам» Потапу Максиму и Семену Сидорову по 5 руб. на полугодие. Следы деятельности писцов Набережной избы сохранились в перечне документов приказа Тайных дел.

Царь лично наблюдал за сохранностью и соответствующим внешним оформлением певческих рукописей, представленных книгами, тетрадями, столбцами «наречному и прежнему строчному и знаменному пению» и «всякими певческими переводами». Богатство и разнообразие музыкальной библиотеки царя Алексея несомненно, что говорит о его запросах и вкусах, далеко не заурядных. Известно, что его сын Федор настолько овладел нотной грамотой и ком-

позицией, что сочинял духовные песнопения, которые заняли свое место в старинной русской музыке.

Нужно отдать должное Алексею Михайловичу в привлечении образованных и способных людей из украинского и белорусского духовенства для просветительской работы в России. Еще во время своего похода в 1656 году царь в Полоцке познакомился с местным ученым монахом Симеоном. Тот произвел на русского монарха сильное впечатление своими знаниями и красноречием. Симеон принял приглашение Алексея Михайловича, и Россия обрела писателя и поэта, автора многих произведений — Симеона Полоцкого. Ему было доверено также воспитание наследников престола.

Частое, а то и повседневное общение с С. Полоцким, по-видимому, доставляло Алексею Михайловичу немалое удовольствие. Тем более что в своих стихах Полоцкий воспевал монарха, превознося его заслуги в панегирическом стиле. Алексей Михайлович ценил также Е. Славинецкого, Сатановского и других редакторов-«справщиков» Печатного двора.

Длительное время в России находился газский митрополит Пахомий Лигарид, человек авантюрного характера, но умный, начитанный, умелый полемист и ритор. Из друзей Никона, оценив обстановку, Лигарид перешел в лагерь царя и способствовал поражению патриарха, хотя на решающем этапе — суде — он не участвовал. После смерти царицы Марии Ильиничны Лигарид обратился к царю с утешительным посланием, выдержанным в выспреннем духе, что не могло не покорить сердце Алексея Михайловича, питавшего слабость к риторике с вопросительно-восклицательной фразеологией, цитированием творений Отцов Церкви и философов древности.

В совместном произведении Полоцкого и Лигарида «Опровержение челобитной попа Никиты», направленном против учителей раскола, развивались мысли о пользе книжного чтения и собирания библиотек («вивлители») частными лицами. Личной библиотекой располагал сам царь, были они у А.С. Матвеева, Б.И. Морозова, а также у царевичей Алексея и Федора. «Опровержение» адресовалось Алексею Михайловичу и призывало монарха распространять школь-

ное образование в России, притом не только церковное. Несомненно, царь знакомился с этим трактатом. Соавторство было продолжено в других сочинениях близкого просветительского содержания.

В 1647 году Москву посетило посольство Речи Посполитой. Вместе со свитой ехал сербский ученый Юрий Крижанич, чтобы познакомиться с Москвой и Россией, собрать материал для своих трудов. Первая поездка породила у Крижанича желание побывать в этой стране еще раз и подольше. С молодым царем у него встреч не было. Его занимали тогда вопросы объединения Православной и Католической церквей, из России он вывез нужные ему книги. Углублялся интерес Крижанича к славянской тематике. Свое намерение ученый смог осуществить много позже — в 1659 году.

Как было принято тогда, Крижанича, иноземца, дотошно расспрашивали в Посольском приказе — кто он, откуда, зачем приехал. Эту «сказку» Ю. Крижанича доложили царю. На ней осталась отметка: «Государю — чтено». Вскоре дьяк Посольского приказа сообщил царю, что «на его имя» вышел из Сербской земли ученый человек, знающий четыре языка, грамматику, риторику, философию, арифметику и музыку. Алексей Михайлович заинтересовался Крижаничем: такие люди России были нужны. Царь распорядился для начала выдать приезжему ученому жалованье «за выход». Крижанича зачислили на службу в приказ Большого дворца.

Находясь в Москве, Крижанич подготовил обширное письмо на имя царя, в котором высказал свои предложения по различным вопросам научно-образовательного характера. Он еще до приезда в Россию читал известную книгу А. Олеария. Ее содержание показалось ему весьма предосудительным, наносящим ущерб престижу России (и славянству вообще) в других странах Европы. Крижанич предлагал свои услуги в опровержении зловердных писаний голштинского путешественника и был готов ответить на них своей книгой.

Защитить честь русского монарха, развеять ложные представления о порядках в России, стесняющих жизнь народа до рабского положения и препятствующих притоку иност-

ранных мастеров, — другая задача, которую принимал на себя автор письма. Особое место Крижанич отвел улучшению книжного дела и библиотек (в том числе царской). «Молю... назвать меня историком-летописцем Вашего Царского Величества и под сим именем служить», — просил Ю. Крижанич, одновременно рассчитывая получить должность царского библиотекаря. Кроме того, в письме выражалось согласие Крижанича подготовить грамматику и лексикон, а также новое издание Библии.

В Посольский приказ «сербанин» подал свои рассуждения об Украине, ее управлении («Беседа к черкасам»). Крижанич ехал в Москву через украинские земли, общался с местными жителями и вынес твердое убеждение в том, что будущее этого края — в единстве с Россией. Иными словами, Крижанич, представляя свои писания, претендовал на роль советника государя.

Чиновники Иностранного ведомства России не без опаски отнеслись к предложениям заграничного ученого. Возможно, они предполагали принадлежность его к иезуитам. Да и вряд ли они хотели в узкий круг приближенных царя ввести неизвестного им человека. До Алексея Михайловича довели только два предложения из всей программы Крижанича: по составлению славянской грамматики и о новом издании Библии. Алексей Михайлович одобрил доклад дьяков приказа, и Крижанич получил возможность заняться давно задуманным трудом. Правда, к печатанию Библии его не допустили, но идеей воспользовались. Позже он вспоминал: «...Царем ему велено книги писать, алфавит истинный славинского языка составить и грамматику исправить».

Крижанич упорно работал, близился к завершению его труд. Но произошло непредвиденное. В начале 1660 года его арестовали и по царскому указу отправили в сибирскую ссылку. В чем состояла вина ученого, осталось тайной. Тогда ведь могли наказать за любое неосторожное слово. А Крижанич был человеком общительным. Полтора десятилетия он провел в Тобольске, продолжая свои научные труды. Ссылный получал самое высокое жалованье (7,5 руб. в месяц), но покидать сибирскую столицу ему не разрешали.

Крижанич, ратуя за Россию, православную веру, единение славян под главенством русского царя, остался католиком, что само по себе вызывало настороженность и подозрения.

При всех перипетиях судьбы пребывание Крижанича в России стало самым плодотворным этапом его научной деятельности. В Сибири он написал свое знаменитое сочинение — «Политику». При Федоре Алексеевиче Крижанича вернули из ссылки, и он покинул Россию. Вероятно, возымело действие отчаянное письмо невольного сибиряка наследнику престола (и какими-то путями дошедшее до него) после того, как надежды на помощь со стороны Алексея Михайловича иссякли.

Большое место в духовной жизни Тишайшего занимало и собственное литературное творчество. Он составил описание начала похода против Речи Посполитой, пытался сочинять стихотворения, имея перед глазами живой пример — поэта Симеона Полоцкого. Своеобразно довольно обширное эпистолярное наследие Алексея Михайловича.

Царю нельзя было отказать в художественно-эстетическом восприятии окружающей обстановки. Заказы на иконы и картины царь поручал наиболее даровитым и опытным мастерам из соотечественников и иностранцев. Алексей Михайлович высоко ценил искусство Симона Ушакова, который много лет руководил живописными работами в царских покоях. Однажды художникам пришлось трудиться день и ночь 12 суток, чтобы успеть выполнить заказ Алексея Михайловича к Пасхе. В связи с новосельем князей Юрия Алексеевича и Михаила Юрьевича Долгоруких в 1674 году Алексей Михайлович торжественно преподнес им образ Покрова Богородицы в серебряном окладе работы Симона Ушакова.

По-видимому, Алексей Михайлович не отказывался от позирования художникам, писавшим его портреты. В 1669 году С. Ушаков выполнил на полотне портрет царя, подаренный затем александрийскому патриарху Паисию. Художник Станислав Лопуцкий тоже писал портреты царя Алексея. После смерти царя Федора Алексеевича были найдены портреты его отца, брата Алексея, матери, царицы Марии Ильиничны. Иван Салтанов, известный художник того

времени, в 1671 году поднес царю на Пасху «5 персон разными статьями». Он же изобразил царя Алексея Михайловича «в успении» (посмертный портрет).

Для «осьмого чуда света» — Коломенского дворца — С. Лопуцкий и Иван Мировской рисовали гербы («клейма государево и всех вселенских сего света государств») и другие картины. При дворе работал и «перспективного дела мастер» Петр Энглес.

По заказу Алексея Михайловича исполнялись картины на сюжеты библейской и древней истории. Д. Вухтерс написал «Пленение града Иерусалима», «Град Иерихон», картины о деяниях Адександра Македонского. Армянин Б. Салтанов запечатлел государев двор, ученик его, Карп Золотарев, в 1672 году преподнес царю аллегорическую картину «Чувство осязание». Известно, что во дворце позже находились картины о всех пяти чувствах.

Выполняя повеление государя, в Постельных хоромаш на трех плафонах были выписаны притчи пророков Ионы, Моисея, а также Эсфири. А в Столовой избе плафон потолка украсили небесные светила ночи, блуждающие кометы и неподвижные звезды с астрономической точностью расстояний и размеров. Предполагают, что это поучительное изображение служило руководством при воспитании царевича Петра. Такие «беги небесные», картины, чертежи, гравюры были в домах А.С. Матвеева, В.В. Голицына.

В любимом Измайлове царское семейство могло сидеть в беседках, «писанных красками». Дворцовые помещения Кремля имели настенные росписи, в которых причудливо сочетались изображения растений, животных, птиц. Комнаты и двери со времен Алексея Михайловича стали обивать дорогими тканями и кожей, также художественно раскрашенными. В комнате царевича Петра обивка являла собой серебряные кожи.

Художников привлекали для изготовления карт-«чертежей» не только разных территорий России, но и других государств (включая Индию), частей света (в том числе Америки) и т.д. Конечно, с современной точки зрения, это все весьма несовершенные произведения, но следует учитывать уровень тогдашних знаний. «Столовой чертеж», писан-

ный красками, находился в приказе Тайных дел и был всегда перед глазами.

В самой разнообразной живописи, украшавшей царские палаты, важное место отводилось картинам с сюжетами из русской истории. Проводилась идея преемственности власти московских государей с князьями киевского периода, а также императоров Рима и Византии. Легенда о кесаре Августе — прародителе русских владык — воплощена в серии картин с соответствующими пояснительными надписями. Вот Август распределяет Вселенную между своими братьями. Прус получает земли по Висле и Балтийскому побережью. Следующий сюжет представляет потомков Пруса, князей Рюрика, Игоря, Святослава. Далее — на престоле Владимир, креститель Руси, с 12 сыновьями. Тут же обозначен порядок городов, которыми он наделяет сыновей. Другие картины повествуют о передаче императором Константином царских регалий Владимиру Мономаху. Последний восседает на троне при всех царских атрибутах, в окружении бояр.

Другая группа рисунков связана с царем Федором Ивановичем, Борисом Годуновым и группой бояр на фоне палат и церкви. В других местах изображены русские князья от Ярослава Мудрого, в том числе предки правителей Северо-Восточной Руси и Московского княжества, Ярослав Всеволодович, Александр Невский, Даниил Александрович, Иван Калита. Надписи всех князей именуют царями. Иван Грозный нарисован вместе с сыном Иваном.

Назидательно-нравоучительное значение имели картины-притчи, осуждающие неправедных судей и вельмож, притесняющих народ, берущих посулы и весело пирующих до поры возмездия. Алексей Михайлович заботился о сохранности изображений и их обновлении.

В обиходе царя Алексея находился целый ряд предметов иноземного происхождения. Особое пристрастие царь (как и его отец) питал к часам. Их было множество во всех помещениях дворца, равно как и всевозможных зеркал. Оставаясь истинно православным человеком, Алексей Михайлович придавал значение вещам, которым приписывались магические свойства, например, у него был таинственный сосуд из нефрита в золотой оправе. «Сила того камня та-

кова, — указывалось в описи, — кто из него учнет пить, болезнь и скорбь изнутри отоймет». Наследник приказал принести чашу пред собственные очи. У царя Алексея были очки, но пользовался ли он ими, сказать трудно. Возможно, не на людях.

При Алексее Михайловиче проводились разнообразные строительные работы. Завершилось возведение Теремного дворца, где поселился царь со своим семейством. Подверглись переделкам его палаты и жилые помещения. Тишайший был многодетным отцом. Каждый член разветвленного семейства, включающего и сестер царя, имел свои комнаты и, кроме того, персональные сады. Воздвигли Потешный дворец — здание довольно своеобразного архитектурного облика. Здесь устраивались театральные представления. Внутреннее убранство новых построек отличалось богатством и живописностью: стены и потолки украшались искусными росписями знаменитых мастеров.

Новые здания выстроили также для приказов. Прежние сильно обветшали, начали рушиться. Справили новоселье служители Посольского ведомства, приказа Казанского дворца и других государственных учреждений. Строительство было завершено при Федоре Алексеевиче. Занялись также благоустройством Красной площади: ее освободили от маленьких лавчонок. Согласно царскому указу, Гостиный двор и Торговые ряды не торговали в субботу после вечерни и в воскресенье — только после окончания литургии.

Богобоязненный монарх позаботился и о храмосозидании. Собор Василия Блаженного получил впечатляющие пристройки крылец, колокольня Ивана Великого обрела новый громадный (8 тыс. пудов) колокол. Особым вниманием государя пользовалась церковь Екатерины Великомученицы «у царицы на сених». В память о матери царя Евдокии Лукьяновны к этой церкви пристроили придел. Мемориальный характер имел чтимый Алексеем Михайловичем Вознесенский женский монастырь. Здесь царь похоронил свою первую супругу Марию Ильиничну Милославскую и безвременно скончавшихся дочерей.

В Заиконоспасском монастыре поставили двухэтажную соборную церковь. Она стала местопребыванием знамени-

того ученого монаха Симеона Полоцкого. Тут же на средства государя возвели для него и учеников здание школы — позже это Славяно-греко-латинская академия. От сильного пожара серьезно пострадал Знаменский монастырь. Святыню восстановили, как и храм Зачатия Анны, «что в углу», когда огонь причинил больший вред этой старинной церкви.

Множество новых и перестроенных церквей возникло при Алексее Михайловиче в Москве в пределах Белого и Земляного города. Было учреждено три новых монастыря на окраинах столицы (Андреевский, Покровский и Зосимо-Савватиевский). Понятно особое внимание государя к Новоспасскому монастырю — родовой усыпальнице Романовых.

Одно из самых ярких церковных сооружений времен Алексея Михайловича — храм Рождества Богородицы в Путинках. Поставленные рядом друг с другом три белокаменных шатра с шатровым крыльцом производили сильное впечатление своей строгой красотой.

В Замоскворечье вознесся прекрасный храм Георгия Неокесарийского. Царь отдавал личные распоряжения на изготовление строительных материалов и их доставку к месту возведения. На Смоленской улице выросло каменное здание нового Аптекарского двора — главной «общественной столовой» государя, где кормили нищих и странников. О внушительных размерах этого здания говорят данные описания, согласно которому главная палата «для кормок» имела площадь 70 кв. сажен, 30 столов, 60 скамей. Здесь было светло — 14 окон. Существовал и старый Аптекарский двор (деревянный) более скромных размеров.

Обновлялись и любимые загородные резиденции — Преображенское, Измайлово, и прежде всего Коломенское. В селе Измайлове шло большое строительство, возводили плотины, мельницы и другие сооружения, следили за состоянием многочисленных прудов (их было 37). За время своего правления Алексей Михайлович дважды перестраивал и расширял свой Коломенский дворец. Но самое грандиозное дворцовое сооружение здесь было возведено к 1669 году.

Деревянное чудо поражало всех, кто его видел. Архитектурные формы дворца отразили самое совершенное в рус-

ском зодчестве этой эпохи. Лучшие мастера занимались внешней и внутренней отделкой загородной резиденции Алексея Михайловича. Симеон Полоцкий восславил Коломенский дворец, назвав его «восьмым чудом света». Иностранные послы не могли надивиться на изящество и богатство дворцового ансамбля.

Любитель курьезов, Алексей Михайлович заказал для дворца необычное украшение близ царского места — двух медных львов, одетых в овечьи шкуры. Благодаря хитроумному механизму, расположенному в особом чулане, эти изваяния «яко живые рыкали», двигали глазами и «зияли устами». Порадовал государя этим произведением часовой мастер Оружейной палаты Петр Высотский.

Алексей Михайлович очень любил бывать в Саввино-Сторожевском монастыре под Москвой. Тишина, привольные дали изумительных по красоте окрестностей манили государя. Здесь построили каменные хоромы для царя и царицы.

Расширение международных связей России потребовало строительства нового здания для размещения иностранных посольств. По распоряжению царя в центре Москвы сооружается капитальный Посольский двор. Он представлял собой великолепное каменное трехэтажное здание с балконами вокруг большой башни, украшавшей подъезд. Четырехугольный внутренний двор имел посередине колодец. Достаточно сказать, что это здание было способно разместить до 1,5 тыс. человек с экипажами и лошадьми. Внутренняя отделка отличалась богатством и изяществом (златотканые обои, сукно и т.д.).

При Алексее Михайловиче единовременные заказы на кирпич иногда достигали 1 млн штук, но встречается и более внушительная цифра — в Даниловских сараях «девятнадцать сот тысяч» (то есть 1,9 млн) кирпичей. Кроме того, десятки тысяч больших камней доставлялись из Мячковской волости. О бревнах, досках и прочем говорить не приходится.

Заметим, что царь не слишком злоупотреблял в хозяйственных делах бесплатной принудительной рабочей силой. Даже и в этих случаях работников не бросали на произвол судьбы, они получали приличное денежное вознагражде-

ние, а также продовольствие и напитки. Расчеты с наемными людьми, подрядчиками (в том числе из крестьян), извозчиками и т.д. заполняют страницы расходных книг приказа Тайных дел.

В последние годы жизни Алексея Михайловича возник профессиональный русский театр, пока еще придворный. Посещая двор А.С. Матвеева, царь тешился театральными представлениями, которые давали «люди» его любимца. Тяготение к театральному действу не сочеталось с привычными представлениями о православном благочинии. Но устоять перед сильным увлечением государь не мог, да и не желал. Прежде чем устроить придворную театральную труппу (первоначально из иностранцев), Алексей Михайлович получил разрешение у патриарха. Весь народный театр скоморохов и Петрушки, ученых медведей и собак преследовался Церковью как «бесовство» и дань языческим пережиткам. Но, не афишируя своих пристрастий, царь приглашал к себе для увеселения скоморохов, обращался к ведунам, предсказателям будущего.

Интерес к зрелищам царь проявлял всегда. Старомосковские увеселения монарха сочетались с элементами европейскими. Однажды Алексей Михайлович устроил в Потешном дворце, как повествуют разрядные записи, время «вечернего кушанья» с участием бояр и других приглашенных. После «кушанья» государь «изволил тешить себя великими игры, и в органы играли... и в зурну и в трубы трубили, и по накрам (бубнам. — А.П.) били во вся». Сверх того, Тишайший жаловал присутствующих «водками и ренским, и руманеей, и всякими разными питыи, и пожаловал их своею государскою милостью, напоил их всех пьяных».

Иноземные музыкальные инструменты и игру на них Алексей Михайлович мог наблюдать еще в детские годы. Его отца развлекали органисты, «скрыпотчики» и другие музыканты. Органы стали неотъемлемой частью дворцового быта. По распоряжению Алексея Михайловича шла работа, готовили для посылки иранскому шаху «органы большие самые, как не мочно тех больше быть». Действительно, этот инструмент был доставлен шаху, за что мастер получил солидное вознаграждение — 50 руб.

Вполне вероятно, что толчком к учреждению театра стало рождение царевича Петра — первенца новой жены Алексея Михайловича, Натальи Кирилловны (кстати, воспитанницы А.С. Матвеева). Под руководством лютеранского пастора И.Г. Грегори создали актерскую труппу из числа молодых жителей Немецкой слободы.

Указ Алексея Михайловича объявили 4 июня 1672 года: «...Иноземцу магистру Ягану Годфриду учинити комедию, а на комедии действовать из Библии — Книгу Есфирь — и для того действия устроить хоромину вновь». Итак, репертуар был указан свыше. Помещения под театр («комедияльную храмину») построили в Преображенском и в Кремле. Заправлял подготовкой «комедии» А.С. Матвеев, постоянно державший царя в курсе дела. Труппа состояла из 60 человек, репетировали на русском и немецком языках. Премьера пьесы «Артаксерксово действо» состоялась 17 октября 1672 года.

Заведение театра для «утехи» государя и его семьи далеко не всеми придворными воспринималось положительно. Сторонники старомосковских порядков в разной форме выражали свое неодобрение новшеству. Поскольку главным распорядителем был А.С. Матвеев, шишки сыпались на его голову. Пока шли хлопоты по устройству театра, были обнаружены «подметные письма», в которых Матвееву предъявлялись обвинения в волшебстве. Злобствующие бояре не могли простить царскому любимцу женитьбы государя на его воспитаннице из незнатного рода и к тому же склонной к веяниям западной культуры.

На первом представлении «Артаксерксова действия» царь повелел своим приближенным быть. Бояре послушаться не посмели. Надо думать, обыкновенное житейское любопытство тоже подтолкнуло их посетить «комедийную храмину». Для Натальи Кирилловны и царских детей в зрительном зале отгородили деревянной решеткой особое помещение.

Трудно сказать, какое впечатление на окружение Алексея Михайловича произвела пьеса. На сцене и в жизни происходили во многом схожие действия. В самом деле, герой этого произведения — благочестивый, но незнатный Мардохей был воспитателем своей бедной родствен-

ницы Эсфири. А царь Артаксеркс вторым браком женился на этой девушке. Мардохея произвели в первые вельможи при владыке. Нетрудно видеть, сколько тут совпадений с действительностью русской придворной жизни. Матвеев — чем не Мардохей? Наталья Кирилловна очень напоминает Эсфирь по всем обстоятельствам. Ну, а второй брак государя? Однако никакой заранее придуманной в угоду царю ситуации не было. Представление строго следовало библейской легенде, на которой основывалось.

Алексею Михайловичу спектакль так понравился, что он смотрел его в течение 10 часов, не вставая с места. Царю, несомненно, льстило предисловие к пьесе, возглашенное отроком: «О, Великий Царю, пред ним же христианство припадает, Великий же и Княже, иже выю гордаго варвара попирает!.. Ты Самодержец, Государь и обладатель всех россов, еликих солнце весть, великих Малых и Белых».

Больших расходов потребовала не только постройка помещений для театра, но и оформление декораций, изготовление костюмов, реквизита. Денег на «комедию» не жалели. Потом спектакли стали проводить и в Москве. В апреле 1673 года Алексей Михайлович принял труппу Грегори, артистов допустили к царской руке, усадили за стол, кормили и поили. С этого года труппа стала пополняться за счет молодежи Мещанской слободы и детей приказных. Специально для театра приобрели орган стоимостью 1200 руб. (правда, с продавцом так и не расплатились).

Вслед за «Артаксерксовым действием» были поставлены другие пьесы на библейские темы («Товия», «Июдифь»). Репертуар театра к исходу своей деятельности (что совпало с кончиной Алексея Михайловича) состоял из 6 пьес, в том числе и «комедий», посвященных «Егорию», Иосифу и Адаму.

Вступив на престол, царь Федор под влиянием патриарха Иоакима запретил «комедийные действия». Театр прекратил свое существование, чтобы возродиться уже при Петре.

Новшества Алексея Михайловича в культурно-бытовой сфере перемежались с запретительными мерами. В то время как на театральных подмостках показывали далеко не старомосковские картины жизни, царь издает в 1674 году указ, которым строго предписывалось не носить иноземное платье,

не стричь коротко волосы — одним словом, внешний вид подданных государя должен соответствовать давним русским традициям. Действительно, жизнь соткана из противоречий... Скорее всего, названный указ вышел под давлением патриарха Иоакима и был своеобразной уступкой в обмен на театральные утехы царя, с которыми глава Русской церкви примирился.

Царь Алексей строго соблюдал церковные предписания, касающиеся молебнов, праздников и постов. Иной раз в течение дня Алексей Михайлович посещал до 5 храмов и монастырей, всюду выстаивая службы, и отвечивал несчетные земные поклоны (до тысячи и более). И постился государь истово. Но и пировать царь умел. Такие крайности в режиме питания неблагоприятно сказывались на здоровье.

Зато с необычайной щедростью царь оделял деньгами, дорогими тканями, всякой снедью церковнослужителей. В дни больших религиозных праздников царские посланцы развозили по сотням московских храмов подарки монарха. Ежегодно совершались торжественные «походы» в Троице-Сергиев монастырь. Об этом были осведомлены даже довольно случайные посетители Москвы — иностранцы. Наиболее часто царь посещал придворную церковь Святой Евдокии.

Царь Алексей никогда не отказывался от возможности общаться с единоверцами из других стран, охотно принимал греческих, сербских, молдавских, грузинских и иных иерархов.

Алексей Михайлович постоянно заботился о монастырях и церквях, о чем свидетельствуют его многочисленные и щедрые вклады. Кроме денег, государь жертвовал в обители драгоценные предметы культа. Например, Успенскому собору Кремля царь преподнес серебряное блюдо весом 2 пуда и при нем ведро, с которым он ходил в Крещение на Москву-реку после водосвятия. Священнослужители собора получали от государя роскошные облачения, шитые золотом и жемчугом, а также художественно выполненную пелену для иконы Владимирской Богоматери «на помин родителей». Царица Наталья Кирилловна передала в Успенский собор громадное Евангелие в массивной золотой оправе,

усыпанное драгоценными камнями. Следуя примеру царя-своика, боярин Б.И. Морозов внес вклад в тот же собор — серебряное паникадило (60 пудов).

Если Алексею Михайловичу удавалось заполучить старинные редкие иконы или другие достопримечательности религиозного культа, он непременно помещал их в отечественных обителях. Ежегодно государь совершал «походы» в Троице-Сергиев монастырь. Они всегда были сопряжены с теми или иными вкладами в казну и ризницу монастыря. Иконы, пелены и другие предметы, исполненные мастерами и богато украшенные, пополняли убранство раки Сергия Радонежского, о чем говорят записи вкладной книги этого святого места Руси. Царь неизменно требовал, чтобы подобные предметы имели эстетически привлекательный вид.

Вместе с тем Алексей Михайлович в затруднительных обстоятельствах для государства (обычно в годы войны) обращался к монастырям за крупными денежными займами. Но возвращались эти займы крайне редко.

Отнюдь не было показным и отношение царя к нищим и убогим. После смерти своего любимого «дядьки» боярина Б.И. Морозова царь пожертвовал огромную сумму — 10 тыс. рублей — на раздачу милостыни. Десятки нищих обитали в царских хоромах («на Верху»), имея полное содержание. В праздник Благовещенья 1663 года на Аптекарском дворе кормили 300 нищих в один прием и 382 человека — во второй. По дороге к Троице в 1673 году в разных местах угощали нищих калачами, варенцом, по чарке вина и кружке меда каждому. В монастырской богадельне, где находилось 123 человека, царь также распорядился выдать еду и питье. За две недели до смерти Алексей Михайлович «в Верху» кормил 100 нищих, оделив каждого сверх того деньгами (по 25 коп.). По улицам развозили хлебы, предназначенные в качестве милостыни — иногда это тысячи «двуденежных» хлебов.

Достаточно часто царь ходил по московским богадельням, раздавал деньги и харчи. Таких богаделен действовало несколько: Ильинская, Моисеевская, «на Кулишках», у Боровицкого моста, Покровская и др. Среди них были камен-

ные. В ночь с 27 на 28 августа 1669 года милостыню дали 471 богадельщику (по 25 коп.). Летом 1674 года к царю «на Верх» привели 20 нищих слепцов. Из рук хозяина дворца каждый получил по рублю.

Увечных и больных, как могли, лечили за казенный счет. В 1674 году лекарь Аптекарского приказа Федор Ильин пользовал «царских богомольцев и всяких чинов людей» на Аптекарском дворе. Истратил он 12 руб. 25 коп. на лекарства и приложил их роспись. В росписи значатся: пластыри разные, сахар «сереборинный», вино «ренское», элексир — проперитис, спирт из ягод можжевельника, жемчужный порошок и... раковые глаза.

Приближенному Алексея Михайловича боярину Б.М. Хитрово отпускали лекарства самого разного свойства и достаточно часто. Русские названия в документе («росписи») сопровождаются переводами с латинского, но в сильно искаженном виде. От 4 до 10 и более раз в месяц вельможа получал снадобья, свидетельствующие о разнообразных средствах лечения, среди которых немало водок, сиропов, бальзамов, эликсиров, мазей, пластырей и т.д. Так, 13 февраля (без указания года) боярину выписали «сыропу солодного четь фунта, сыропу фьялкового 6 золотников (золотник — 5 гр. — А.Л.) да с тем 2 склянки» (аптечная посуда). Через месяц он получил новый набор: «мази мардиатум 3 золотника, масла из червей золотник, масла из воску ползолотника» (все это «смешено» в «стоппе»). Далее названо: «масла мазжевелового 6 золотников, да с тем сулейка». Кроме того, «водок: земляничной, петрушковой по 32 золотника, спирту земляничного четь фунта, сыропу из проскурнику 12 золотников, духу из соли 12 капель («смешено»), да с тем скляница четвертная». Среди прочих лекарств значатся «дух из оленья рогу», ревень, «мазь раковая», анисовые капли, камфора, шалфей, масло янтарное, мятное и полынное, «сироп из жеребьячьего копыта» и многое другое.

Аптечное дело в России в то время приобрело определенный размах, но круг пользующихся лекарствами был еще очень узок.

Алексей Михайлович глубоко переживал смерть царицы Марии Ильиничны. Это горестное событие усилило его

благотворительную деятельность. Он не ограничился задачами милостыни. В ночь на 1 апреля 1669 года царь указал освободить «тюремных сидельцев и колодников, а исцовы иски и пошлины за них заплатить ис приказу Тайных дел». Сотни людей находились в тюрьмах с весьма характерными названиями (Барышкина, Разбойная, Сибирка, Холопья, Женская, Опальная и др.). Кроме того, существовали места заключения в приказах (Стрелецком, Земском). Наконец, в годы войны Москва приняла немало пленных, которые находились на правах заключенных. Их тоже не обходили при раздаче милостыни.

Впрочем, эти знаки монаршей милости подчас были похожи на пиры. Так, на Пасху 1663 года на Английском дворе, где содержались пленные поляки, немцы и «черкасы», по царскому повелению устроили изрядное угощение: мясо жареное и вареное, всякие каши, пироги, калачи, вино, мед и прочее. Пленные поляки (475 человек) помимо того получили купленные в рядах чекмени и холсты на рубашки (чекмень стоил дорого — 1 руб. 40 коп., холста пошло более 4 тыс. арш.). По праздникам пленные имели существенную прибавку к их содержанию. Так, полковникам вручали поистине царское жалованье — 40 руб., рядовому — 1–2 руб.

Встречаются сведения о том, что Алексей Михайлович раздавал деньги «без щоту» во время выходов в московские церкви, иногда по его велению подавание распределялось у Лобного места. В один из дней февраля 1665 года поступило для этой цели из царской казны 1 тыс. руб. Не столь уж редким было и такое, когда Алексей Михайлович платил долги за своих подданных.

Он мог, встретив на улице бедняка, распорядиться о покупке для него приличной одежды и обуви. Запись от 31 марта 1667 года в расходных книгах гласит: «Куплено неимущему Ефиму: кафтан теплый (3 р. 50 коп.), шапка с окомом собольим (1 р. 50 коп.), сапоги красные, сафьянные (45 коп.), чулки да стельки (12 коп.), две рубашки да двои портки (79 коп.), два полотенца (25 коп.), коробка (15 коп.), башмаки (22 коп.)».

Вдовы, жены и дети стрельцов совсем нередко пользовались казенными выдачами денег и продуктов по царским

распоряжениям. В апреле 1669 года вдовам и сиротам стрелецким 2237 человека на поминование Марии Ильиничны разослали более 152 «полтей» ветчины.

Благотворительность Алексея Михайловича была широко известна в России. Но знали и о том, что не без его ведома посылали на плаху множество людей. Жестокий век с его нравами давал себя знать, создавая противоречивую картину повседневной действительности.

В семейной жизни Алексея Михайловича конца 60-х — начала 70-х годов XVII века произошли большие и в основном печальные перемены — кончины дочери Евдокии (28 февраля 1669 года), жены Марии Ильиничны (3 марта 1669 года). Один за другим ушли из жизни сыновья Симеон и Алексей (17 января 1670 года). Еще раньше в малолетнем возрасте скончались дочь Анна и сын Дмитрий. Панихиды, большие раздачи милостыни (в богадельни и нищим посылали в те дни осетрину) сопровождались отправкой в епархии денег для нищих. Более сотни их провожало гроб царицы.

Если судить по длительности и многочисленности поминальных служб в церквях, то именно потеря жены отозвалась самой жгучей болью в сердце государя. Наследником престола царь определил среднего сына Федора. Его, как водится, торжественно представили народу и иностранным послам, которые тогда находились в Москве.

Два года вдовел Алексей Михайлович. И наконец решился на второй брак. Его избранницей стала юная дворянка Наталья Кирилловна Нарышкина. Девушка имела представление о культуре и быте европейских стран и не знала обычного в старомосковских семьях женского затворничества. От этого брака родились сын Петр (30 мая 1672 года) и две дочери — Наталья и Феодора. Рождение Петра отметили особо торжественно. По этому случаю была выбита медаль. Крестили Петра в Чудовом монастыре. Крестным отцом был брат — царевич Федор, а крестной матерью — старшая сестра государя Ирина Михайловна. Алексей Михайлович до конца своих дней был прекрасным семьянином.

Алексей Михайлович возлагал на Петра свои лучшие надежды. Болезненное состояние Федора уже выявилось к то-

му времени. При этом Алексей Михайлович не предпринял никаких шагов, ущемляющих права Федора на престол. Знаменательно, как государь радовался появлению на свет младшего сына. Рождение Петра было отмечено колокольным звоном в Кремле и по всей Москве. Счастливый отец ранним утром (в 5 часов) участвовал в благодарственном молебне в Успенском соборе, затем посетил Архангельский собор, Чудов и Вознесенский монастыри. Находясь в Благовещенском соборе, царь возвел в окольничие отца Натальи Кирилловны Кирилла Нарышкина и ее воспитателя А.С. Матвеева, вскоре ставшего боярином. Во дворце состоялось обильное угощение бояр, духовенства и других, пришедших с поздравлениями; поили водкой, «фряжскими» винами, предлагали заморские фрукты. Стол по случаю крещения Петра в Чудовом монастыре развернули в Грановитой палате. В Приемной палате был дан особый обед для бояр.

На рождение царевича Петра откликнулся придворный поэт Симеон Полоцкий. Поздравляя Алексея Михайловича с появлением на свет сына, он предрекает Петру великое будущее: освобождение Царьграда и сокрушение «всей бусурманской ереси».

При жизни царя (а оставалось до роковой черты совсем не много) не возникало серьезных проблем в придворной жизни. Однако подспудно зрел конфликт между родственниками первой и второй жен государя. Алексей Михайлович, видимо, не изменил своего отношения к Милославским (его тестя И.Д. Милославского уже не было в живых), но, естественно, в гору пошли представители рода Нарышкиных. Главная схватка соперничавших кланов была еще впереди.

Как и ранее, Алексей Михайлович заботился о сестрах. Ирину Михайловну он почитал особо, в письмах называя ее матерью. Имя Ирины всегда в царских письмах семье стояло на первом месте. Чувствами любви, нежности и заботы наполнено последнее по времени письмо государя из Троице-Сергиева монастыря (1674—1675 годы). В отличие от более ранних писем, тут на первом плане все дочери и Наталья Кирилловна, а затем сестры и, наконец, сыновья. Примечательно и то, что после женитьбы на Наталье Нарышкиной

не прекратились панихиды по Марии Ильиничне. Государь был верен своему прошлому.

В круг интересов и увлечений Алексея Михайловича, безусловно, входила охота. Он предавался ей с азартом и не жалел средств на содержание сокольников, ловчих и других слуг. Одних сокольников у Алексея Михайловича считалось до 200 человек. Соколов, кречетов, ястребов надо было кормить свежим мясом — для этого держали многие тысячи голубей. В окрестностях Москвы пернатые хищники имели возможность показать себя, доставляя удовольствие венценосному охотнику. Выезд царя на охоту представлял собой красочное зрелище.

Алексей Михайлович делился своими впечатлениями о «потехе» с ловчим А.И. Матюшкиным, которому писал эмоциональные письма, рассказывая об охотничьих эпизодах. Наиболее удачливых соколов царь знал по именам и строго наказывал их беречь. В одном из писем царя своим приближенным говорилось: «А будет вашим небрежением Адар, Мурат, Лихач, Стреляй или Салтан умрут, и вы меня не встречайте, а сокольников всех велю перепороть. А если убережете, и вас милостиво пожалую, и сокольников тоже». Отличившимся на охоте Алексей Михайлович выдавал денежные награды. Так, во время одной «потехи» за держание сокола было пожаловано 5 руб., «кречет добыл ворона» — 1 руб., «за гарканье» — 5 руб.

Придворный церемониал распространялся на все сферы жизни государя, начиная от «чина» поставления на царство до соколиной охоты Алексея Михайловича. Он принял самое деятельное участие в составлении любопытного и характерного документа-наставления под витиеватым названием «Книга, глаголемая Урядник, новое уложение и устроение чина сокольничья пути». В предисловии говорилось: «И по государеву указу никакой вещи без благочиния и без устроения уряженного и удивительного не было. И чтобы всякой вещи честь и чин и образец писанием предложен был потому: хотя мала вещь, а будет по чину честна, мерна, стройна, благочинна». Под «всякой вещью» здесь нужно понимать любое дело, действие, отрасль управления и т.п.

В «Уряднике» на конкретных примерах расписано производство рядового сокольника в «начальные сокольники». Процедура проходила при участии царя, штата сокольников и рассаженных на стульях пернатых хищников. К приходу государя все должно было быть готово «по чину». Начальник царской охоты дворянин П.С. Хомяков, в ферязе и шапке набекрень (надетой «искривя»), дождавшись, пока царь займет свое место, подступал к нему в сопровождении старших сокольников. Все они били царю челом.

Каждый участник «действия» должен был знать свою «речь», которая произносилась в установленное время. Говорить следовало «ясно, громогласно», стоять близ царя «человечно, тихо, бережно, весело», а птицу держать «честно, явно, опасно, стройно... подъявительно к видению человеческого». Хомяков обращался к одному из старших сокольников, чтобы тот шел известить «нововыборного», что его ждут. Это для последнего называлось «идти к государственной милости», ибо «час приблизился его веселию». Выслушав речь посыльного, новобранец рапортовал о готовности выполнить царский указ.

Явившись пред царские очи, счастливец выслушивал, как «соколиный подъячий» читал указ о его службе. В выспренных выражениях там говорилось, что новый служитель должен «тешить» государя «до кончины живота своего». Добросовестная служба будет отмечена царскими милостями. Если же будет «непослушлив», провинившегося ждет наказание: «не токмо связану быти путы железными, но и без всякой пощады быть сослану на Лену». После торжественного посвящения в Соколиной избе устраивался праздничный обед, но потчевали не служителей, а любимых царских соколов: их, сидя за столом, кормили из рук.

Насколько серьезно относился Алексей Михайлович к делам охоты, свидетельствует и такой факт: для царя перевели на русский язык с немецкого «Книгу о псовой охоте», а также «Книгу лошадиного учения».

Для охотничьих утех царя содержали в Измайлове, Чертанове и Хорошеве «волчьи дворы», где помещали мясо для

приманки. На реке Яузе диким гусям и уткам построили для зимовки две избы. Согласно царскому повелению в Москву однажды надлежало доставить 5—6 живых лосей. Но соколы служили не только ловцами дичи. Оказывается, к их услугам Алексей Михайлович прибегал и в иных случаях. Как известно, тогда одним из способов лечения считалось кровопускание. Сохранилось такое свидетельство: «Великий Государь лечился, бил у руки жилу сокол».

Царь тешился охотой для собственного удовольствия. В то же время дворец снабжался дичью — для повседневных потребностей. Любопытный образец, как это делалось, дают показания мастерового человека Г. Тараканова. Выполняя обязанности на Гранатном дворе, он имел договор с администрацией Дворцового ведомства на поставку охотничьей добычи. Тараканов должен был поставить в год «по сту тетеревей, по пятидесят рябей, по пятидесяти утят, по десяти гусей, по четыре лебедя, по четыре цапли, по два жаравля». Год на год не приходился, но охотник в 1670 году выполнил свою «норму», за что получил 8 руб. и 24 чети ржи и овса. Видимо, он был удачливым охотником, если совмещал это занятие с другими служебными делами. Поскольку жалованье выдавалось вперед, по итогам года в случае неполной поставки дичи у Тараканова вычитали переплату. Вполне вероятно, у дворца были и другие добытчики.

Государь не чурался игры в шахматы. Однажды по его заказу искусные холмогорские косторезы должны были изготовить 10 комплектов шахмат. Среди слуг царя упоминаются «дурак» (вероятно, шут) и «карла». Алексей Михайлович любил слушать рассказы столетних стариков о прошлых временах. Особый интерес он проявлял к эпохе Ивана Грозного и его царствования.

«Дневальные записки» приказа Тайных дел зафиксировали и такое необычное времяпрепровождение царя Алексея: в одну из весен несколько дней он ходил в Набережную избу смотреть, как протекал ледоход на Москве-реке. Вероятно, тот год был в этом отношении необычным.

Царю доставляло удовольствие, судя по его письму А.И. Матюшкину, купать поутру в пруду стольников, опоз-

давших на смотр. После водных процедур провинившихся усаживали за стол и подавали горячительное с доброй закуской. Сметливые нарочно опаздывали, чтобы таким способом попасть в поле зрения государя.

Современники весьма согласно рисуют привлекательный внешний облик Алексея Михайловича. Царь был достаточно высокого роста, белолицый, румяный, русоволосый. Глубокие глаза смотрели внимательно и нередко кротко. Вероятно, у государя были свои доморощенные «парикмахеры». 21 января 1675 года по царскому указу было дано стремянному конюху Михаилу Ерофееву 15 руб. за то, что он «в навечерии Рождества Христова у Великого Государя власы легчил против прежнего». Государь держался величаво, но не производил впечатления недоступного для общения. Вспыльчивость и быструю отходчивость Алексея Михайловича приписывают доброте его нрава.

Довольно устойчиво в исторической литературе Алексею Михайловичу ставят в вину слабохарактерность, влияние на него окружения. Сначала все определял Б.И. Морозов, затем — Никон, А.Л. Ордин-Нащокин и, наконец, А.С. Матвеев. Не отрицая роли этих выдающихся государственных деятелей, можно заметить и нечто иное. Алексей Михайлович позволял собой «руководить» не по слабости характера или недостатку ума, а лишь тогда, когда это влияние соответствовало его внутренним побуждениям и представлениям. Без доверенных помощников не обходился ни один даже самый «абсолютный» монарх.

В последние годы жизни Алексей Михайлович заметно дряхлел. Его тучность уже не позволяла садиться на коня, все чаще государь «шел в карете». За месяц до кончины для царя в Тележном ряду куплена «избушка, обита кожей». Это был, видимо, последний «поход» царя в село Преображенское.

Алексей Михайлович предчувствовал приближение смерти и встретил ее спокойно, как знак свыше. Государь скончался 29 января 1676 года. Вкладная книга Новодевичьего монастыря отметила под 1676 годом: «Ианурия з 29-го под 30-е число в 3-й час ночи преставился от земных на небесная преславный и премудрый, храбрый Великий

Алексей Михайлович

Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович». Удар большого колокола Успенского собора известил об этом Москву. Перед смертью Алексей Михайлович благословил на царство 14-летнего сына Федора, распорядился выпустить узников из тюрем, вернуть сосланных, простить все казенные долги и заплатить за должников по частным искам.

В истории Отечества царь Алексей Михайлович оставил заметный след. Его преемники продолжили намеченные в царствование Тишайшего пути внутренней и внешней политики. Конечно, есть все основания говорить, что Алексей Михайлович был прямым предшественником своего великого сына. Однако, и независимо от этого, он имеет право на свое особое место в нашем прошлом. «Тут ни прибавить, ни убавить...»

ФЕДОР
АЛЕКСЕЕВИЧ

В облике царя Федора Алексеевича, третьего представителя династии Романовых на русском престоле, есть нечто противоречивое. С одной стороны, это болезненный юноша, умерший, не достигнув 21 года, а с другой — царь, семилетнее правление которого было отмечено крупными реформами и важными замыслами. Царствование Федора отличалось относительной внутренней стабильностью после бурных социальных потрясений 3-й четверти XVII столетия — Крестьянской войны под предводительством С.Т. Разина, городских волнений, Соловецкого восстания, церковного раскола. Все происшедшее заставило русское общество, в том числе и его верхушку, попытаться осмыслить события, понять необходимость серьезных изменений во всех областях управления и народной жизни. В этом общественном настрое много зависело от того, какую позицию займет правительство и его глава — попытаются ли они препятствовать новшествам или будут содействовать им.

НАКАНУНЕ

Федор Алексеевич родился 30 мая 1661 года. Он — третий сын царя Алексея Михайловича и Марии Ильиничны Милославской. Несмотря на обширное потомство от первого брака (5 сыновей и 8 дочерей), царь не был счастлив в своих детях. Если дочери отличались отменным здоровьем, то сыновья росли слабыми и умирали один за другим.

Первоначально Федора не прочили в цари. Кандидата на это место — его старшего брата царевича Алексея — в 1667 году торжественно «объявили» народу наследником престола. Однако ряд неожиданных смертей в царском доме, в том числе и смерть в 1671 году царевича Алексея, вновь выдвинул на повестку дня вопрос о престолонаследии, который несколько осложнялся второй женитьбой царя на Наталье Кирилловне Нарышкиной и рождением у нее сына Петра, росшего, в отличие от сыновей Милославской, здоровым и крепким ребенком.

Присутствие во дворце многочисленных родственников и сторонников умершей и новой цариц и возникавшая в связи с этим неприязнь и глухая борьба за место рядом с царем при его жизни не прорывались наружу слишком явно. Если у Нарышкиных и близкого к ним крупнейшего государственного деятеля из окружения царя, А.С. Матвеева,

и вынашивались какие-то планы, связанные с возможностью возведения на престол маленького Петра в обход его старших братьев, то это могло быть только из области дальних расчетов.

Сам же Алексей Михайлович, видимо, подходил к решению о наследовании царской власти традиционно. Поэтому в 1674 году, когда Федору пошел четырнадцатый год, он так же, как ранее его брат Алексей, был «объявлен» народу. По существу, именно «объявление» и явилось моментом выступления Федора на политическую арену. Сам акт «объявления», торжественно обставленный, свидетельствовал не только о достижении царевичем совершеннолетия, но и об официальном признании его наследником престола. Однако позже, при исполнении четырнадцати лет царевичу, не предназначавшемуся на последующее царствование (например, Ивану Алексеевичу), проходить через обряд «объявления» не приходилось.

«Объявлению» наследника, несомненно, придавалось внутривластическое и внешнеполитическое значение.

Хотя царевичу Федору четырнадцать лет исполнилось 30 мая, церемонию намеренно сдвинули во времени так, чтобы она совпала с празднованием нового года, который приходился на 1 сентября. Ей придавалась большая торжественность и праздничность. Сначала наследника представили думным и ближним людям, к которым Алексей Михайлович обратился с пышной речью, прямо заявив: «Се прииде время и приспе день и час... второго сына своего, Государя благоверного Царевича и Великого Князя Федора Алексеевича... отдать Господу в послужение и объявить... всего Московского государства народу».

После длительного шествия по кремлевским соборам, молебна и поздравительных речей царевич, в свою очередь, обратился к отцу и патриарху с новогодним поздравлением, произнеся «от книг Божественного писания избранные многие слова», как определил содержание его речи автор официальной записи «Чина объявления». В сухое описание событий неожиданно вкрапливаются живые подробности того, как умиленный отец, «жалуючи, изволил руками своими главу благородного Царевича обнять и главу его целовать».

В церемонию входил также показ царевича народу на Лобном месте. Характерно, что в тот же день от имени царя было сказано находившимся в Москве иностранным представителям: «Вы видели сами Государя Царевича пресветлые очи и какого он возраста. Так пишите об этом в свои государства нарочно».

Пышное празднество сопровождалось массовыми награждениями московских служилых людей, денежное и поместное жалованье которых было увеличено.

В исторической иконографии нет четкого представления о том, как выглядел царевич, достигнув юношеского возраста. До нас дошло несколько детских изображений Федора, но не специальных портретов его, а вкраплений в многофигурные композиции (иконы, аллегорические гравюры и т.д.). Его неоднократно, по свидетельству документов, рисовали художники Оружейной палаты, однако, как считают крупнейшие специалисты по истории русского портрета Д.А. Ровинский и Е.С. Овчинникова, достоверным может считаться только посмертный портрет (парсуна) — иконописное изображение молодого грустного лица без усов и бороды, со слегка припухшими веками и полуулыбкой на губах. Эта парсуна находилась в нижнем ярусе иконостаса Архангельского собора Московского Кремля, где Федор был похоронен¹. Впоследствии широкое распространение получил другой вариант портрета Федора Алексеевича — с щегольскими усиками и бородкой. Скорее всего, это результат более позднего творчества художников XVIII века. Можно предположить, что погребальный портрет отражал не столько физический, сколько духовный образ царя.

Специалистов, обращавшихся к истории царя Федора, интересовал вопрос о здоровье, вернее, о нездоровье, царевича, то есть возможность его участия в государственных делах. На основании большого количества свидетельств современников можно предположить, что в раннем детстве здоровье царевича не было катастрофически плохим. Так,

¹ С 1894 года он хранится в собрании Государственного исторического музея.

доподлинно известно, что в 1670-х годах он постоянно сопровождал отца в многочисленных поездках на богомолье и охоту, а также в подмосковные дворцовые села. Подобные переезды по плохим дорогам Подмосковья требовали от маленького мальчика большой выносливости. Известно также, что у него были собственные верховые лошади. Повидимому, ухудшение наступило позднее.

В записках одного из иностранцев сохранился не слишком достоверный рассказ по поводу несчастия, происшедшего с царевичем примерно в 1673 году («по 13-му году»). В повествовании, будто бы со слов А.С. Матвеева, приводится следующее его описание: однажды Федор с тетками и сестрами захотел прогуляться за городом в санях. «Им была подана ретивая лошадь. Федор сел на нее, желая быть возницею у своих теток и сестер. На сани их насело так много, что лошадь не могла тронуться с места, но вскочила на дыбы, сшибла с себя седока и била его под сани. Тут сани всею своею тяжестью проехали по спине лежащего на земле Федора и измяли у него грудь, отчего он теперь чувствует непрерывную боль в груди и спине». Даже если эта полная бытовых подробностей зарисовка и не вполне верна, то какую-то реальность она отражает.

По мнению врачей Аптекарского приказа, болезнь Федора произошла «не от какого-нибудь происшествия» (может быть, это намек на описанный выше случай), а явилась результатом наследственного заболевания цингой. О «скорбунной болезни», которой болели Федор и Иван, а также их отец Алексей Михайлович, говорит в своих записках и А.А. Матвеев. И действительно, у Федора впоследствии имелись все признаки заболевания именно цингой: опухшие ноги и затрудненность в передвижении, что заставляло его при ходьбе опираться на палку. Можно предположить, что обострение болезни Алексея Михайловича произошло в последние месяцы его жизни и не рассматривалось им как хроническое и поэтому не могло изменить его намерений относительно царствования Федора.

Видя в Федоре (после смерти его старшего брата) законного преемника, Алексей Михайлович обратил особое внимание на его подготовку к управлению государством. Воспи-

тание и образование сыновей, особенно старших, было целенаправленным и под контролем отца, о чем сказал русский дипломат А.Л. Ордин-Нащокин на приеме послов Речи Посполитой в 1667 году, когда обсуждалась возможность избрания царевича Алексея польским королем: «Вы сами свидетели, с каким тщанием готовится светлейший наш принц к достойному и успешному управлению нашим государством... чего не имелось доселе».

Это относится и к Федору. По существу, Федор был первым из русских царей, получившим прекрасное по тому времени образование.

В детском возрасте к царевичам были специально поставлены «дядьки»-воспитатели. Они часто сохраняли свое влияние на воспитанника и в дальнейшем. Такими «дядьками» для Федора являлись боярин Ф.Ф. Куракин и думный дворянин И.Б. Хитрово, сын влиятельного придворного деятеля при дворе Алексея Михайловича. Характерно, что «мамы», то есть кормилицы царевича (А.П. Хитрово и Л.Б. Куракина), также принадлежали к семействам Хитрово и Куракиных, первая из которых была очень активна в придворных интригах. Однако, по мнению некоторых современников, выбор «дядек» царевича не был удачен и не имел большого значения для становления личности будущего царя. Скорее он свидетельствовал о том, какая политическая партия пыталась определить в дальнейшем политику правительства.

Сохранились сведения об играх маленького царевича. Как и его младший брат, Федор испытывал интерес к батальным сценам, потешным сражениям, которые он разыгрывал со своими стольниками и для которых в Оружейной палате изготовлялось потешное оружие. Для начального образования царских детей (обучения чтению и письму) привлекались, как правило, лучшие подьячие Посольского приказа. Этот своеобразный культурный центр Москвы XVII века по самому своему назначению осуществлял международные контакты Русского государства, усваивая при этом культуру и обычаи соседних государств, и владел отличной библиотекой на разных языках. От кандидатов в учителя, кроме прекрасного почерка,

чем славились подьячие приказа, и «пристойного» вида, требовались известная образованность и общая культура.

Первым учителем Федора был А.И. Федосеев, самое раннее упоминание о котором относится к 1668 году. В 1670 году, когда Федору исполнилось 9 лет, «во учителя» ему выбрали посольского подьячего П.Т. Белянинова. (Возможно, это сделал сам царь, поскольку Белянинов сопровождал его во время русско-польской войны.) Для того чтобы учитель мог с подобающей значимостью въезжать верхом в Кремль, ему выдали из казны 20 рублей на покупку лошади. Обучение царевича грамоте завершилось к 1674 году. В благодарность «за то, что научил царевича Федора писать», Белянинова пожаловали дьячим чином.

Однако настоящим учителем и наставником царевича стал белорусский ученый и поэт Симеон Полоцкий, воспитанник Киево-Могилянского коллегиума. Он пользовался большим уважением при дворе, был учителем царевича Алексея и после смерти его, в 1672 году, когда Федор еще не закончил занятий с Беляниновым, стал с ним заниматься. Последовательный сторонник расширения светского образования, Полоцкий знакомил своего ученика наряду с богословием с латинским и польским языками, философией, риторикой и поэтикой. Греческому языку царевич не обучался, так как сам поэт, по словам патриарха Иоакима, плохо знал его («греческих же книг чтенья не бяхе искусен»). Круг преподаваемых царевичу предметов не отличался от того, который ученый ввел в школе при Заиконоспасском монастыре, и был типичен для уровня западного образования. Известно, что Федор увлекался стихосложением. Его перу принадлежала часть виршей, вошедших в «Псалтырь рифмованную» Полоцкого (а именно 132-й и 145-й псалмы). В состав обязательных для грамотного человека XVII века навыков включалось церковное пение. Учился ему и Федор, много в нем преуспевший. Учил его этому, по видимому, один из певчих дьяков царской капеллы.

Постоянное общение с Симеоном Полоцким, продолжавшееся вплоть до смерти поэта в 1680 году, оказало огромное влияние на формирование мышления, интересы и вкусы Федора, в значительной мере приобщив его к западной,

в первую очередь польской, культуре и западным воззрениям на задачи и назначение царской власти. Полоцкий сознательно готовил будущего царя таким, каким он, по его представлениям, должен был быть. При «объявлении» Федора наследником ученый, как официальный воспитатель царевича, сделал своеобразный отчет о его успехах, высоко их оценив.

В литературе имеют место споры о степени образованности Федора, в том числе о владении им латинским языком. Конечно, ему не удалось достигнуть уровня образованности своего брата Алексея, однако, несомненно, он получил основы необходимых ему знаний.

Так обстояло дело до января 1676 года, когда неожиданно скончался царь Алексей Михайлович.

Существуют различные точки зрения на его предсмертные распоряжения о престолонаследии. Различны и показания источников. Есть, например, поздний рассказ о том, что А.С. Матвеев пытался провозгласить царем малолетнего Петра.

Из сопоставления сохранившихся документов можно с уверенностью заключить, что возведение на престол царевича Федора произошло без эксцессов и с согласия умирающего отца, благословившего сына на царство тем же крестом, которым когда-то благословил его самого царь Михаил. В своих «Записках» новгородский дворянин П.Н. Крекшич воспроизводит речь царя, обращенную к сыну: «Оставляю царствие Богу святому и тебе, сыну любезному. На тебе буди мое благословение и царствие правления». Надо думать, что это плод фантазии автора, передающий, однако, официальную точку зрения. О самом факте благословения Федора на царство упоминал и патриарх, принимавший деятельное участие в событиях. В обращении к Федору он прямо говорил: «И тогда он, Великий Государь, призвал нас, отца вашего и богомольца, и свой царский сигклит, тебя, Богом дарованного и благородного и бояром возлюбленного Князя Федора Алексеевича, при нас благословил царством».

Подробное описание провозглашения нового царя оставил представитель голландского посольства Б. Койет,

находившийся в январе 1676 года в Москве и хорошо информированный о придворных делах. По его свидетельству, лишь только царь Алексей Михайлович умер, больной Федор «был перенесен в большой зал и здесь в царских регалиях посажен на царский трон. Он поцеловал крест, и вслед за тем вельможи и бояре приносили новому царю присягу в верности, целуя крест, который держал в руках патриарх».

Одновременно была приведена к кресту основная часть служилого населения Москвы. Крестоцелование происходило сразу в нескольких местах: для думных чинов — в царских покоях, для стольников, стряпчих, московских дворян и жильцов — в Передней и Столовой палатах, для находившихся в Москве городских дворян, приказных людей и другого городского населения — в кремлевских соборах и других церквях. Принесение присяги населением столицы продолжалось несколько дней. Во все города немедленно были разосланы грамоты с требованием строгого соблюдения процедуры «крестоцелования».

В траурном платье, на носилках в виде стула, обитых черным сукном, новый царь сопровождал тело отца в последний путь. Только после отмены траура по умершему, 18 июня 1676 года Федор венчался на царство в Успенском соборе Кремля.

Затем приступили к изготовлению важных царских атрибутов — государственных печатей с царским именем, и в первую очередь большой государственной печати. По распоряжению царя на ней должно было быть вырезано такое же изображение, как и на печати Алексея Михайловича. Правда, позже печать переделали, так как рисунок на ней показался царю слишком мелким.

Воцарение молодого и болезненного Федора дало выход накопившейся вражде между кланами Нарышкиных и Милославских и донельзя обострило обстановку во дворце и в правительственных кругах. Следует учесть и происходившее противостояние двух начал: с одной стороны, родственного влияния теток и сестер, постоянно ухаживавших за больным мальчиком и принадлежавших в основном к клану Милославских, а с другой —

представлений самого Федора о роли царя и царской власти в обществе.

Мировоззрение молодого царя складывалось под непосредственным влиянием просвещеннейших людей его времени, и в первую очередь Симеона Полоцкого. В своих произведениях Полоцкий создал идеальный образ благочестивого и просвещенного монарха, охранителя истины и закона. Обращаясь к Федору при восшествии его на престол, Полоцкий восклицал:

Здравствуй, глаголю, царь православный,
На престоле буди миру явный
Премудростью царь Соломон,
Силою паки славна Македон!

Кроме общего пожелания мудрости и силы, поэт дает своему питомцу и конкретные советы. В том числе привлекать к управлению государством мудрых советников: «От искусных муж ищи совета и от разумных вопросом ответа».

Другой ученый, украинский богослов Л. Баранович, также обратился к новому царю с наставлениями о нравственных началах царской власти, призывая его относиться с любовью к «сущим под собою» и в их любви утверждаться, управлять своими страстями, соблюдать правду и т.д. Вторит им обоим и представитель западнославянской общественно-политической мысли Ю. Крижанич. К этому времени он вернулся по амнистии из тобольской ссылки в Москву и вручил Федору свое большое сочинение, включающее выборки из «Книги премудрости царя Соломона» и трактующее те же вопросы «гражданской и царской премудрости».

Как видим, это не столько восхваление качеств юного правителя, сколько наказ ему на будущее. Федор жадно усваивал преподаваемые ему идеи, близкие к позднейшим идеям периода просвещенного абсолютизма. Кроме привычного для русских царей представления о божественном происхождении царской власти, он все более укреплялся в мысли о необходимости достойно нести государственные обязанности. Отсюда его рассуждения о «соблюдении общего блага» как цели реформ, которые содержатся в его речи при

отмене местничества. Он также был убежден в необходимости опираться в своих действиях на советы мудрых и опытных помощников. Позже его попытки привлечь к управлению ту или иную придворную группировку определили изменения в составе его ближайшего окружения и в проводимой правительством политике.

Некоторые исследователи считают царствование Федора продолжением предшествующего правления, дальнейшим развитием преобразовательной деятельности Алексея Михайловича. Это не совсем верно, поскольку правление Федора можно разделить на две части, различные по своей направленности (с 1676 по середину 1679 года и с середины 1679 по начало 1682 года).

МИЛОСЛАВСКИЕ

В первые годы царствования Федора фактически к власти пришла партия Милославских, возглавляемая ближайшим родственником царя, его двоюродным дядей И.М. Милославским, которого противники характеризовали как человека «великого коварства и злобы». Вторую силу в правлении страной составляли примкнувшие к Милославскому деятели предыдущего периода — Ю.А. Долгоруков, Б.М. Хитрово и Н.И. Одоевский. Первоначально отношения между этими двумя группами казались вполне дружественными. Так, именно по инициативе Долгорукова и Хитрово из почетной ссылки вызвали в Москву И.М. Милославского. Ему была устроена торжественная встреча, при которой «едва не все бояре за Москвою его встретили».

Деятели обеих групп захватили в свои руки управление большей частью центральных учреждений (приказов), в том числе наиболее доходных, то есть связанных с денежными сборами. Милославский, Хитрово и Одоевский возглавляли одновременно по 6—7 приказов каждый. Под управлением Долгорукова находилось несколько меньшее число учреждений. Еще не доехав до Москвы, Милославский определил кандидатуры своих «товарищей» по

управлению приказами из ближайших друзей и сторонников. Вместе с И.М. Милославским пришли к власти и его многочисленные родственники. Боярская книга 1676 года зафиксировала в составе государева двора еще 8 человек, принадлежавших к этому роду, среди которых наиболее деятельным и способным являлся И.Б. Милославский, активно включившийся в текущие дела и потому вызвавший много нареканий.

В это время уже наблюдалась тенденция к «оттиранию» Милославским остальных своих соправителей от решения государственных вопросов, к единоличному управлению болезненным племянником.

Происшедшее объединение разнородных приказов под одним руководством было скорее показателем личных карьер их судей и способом личного обогащения, чем свидетельством централизации управления. Подобное встречалось и в другие периоды русской истории. Более того, происходило не слияние отдельных близких по функциям учреждений, но, напротив, численный рост их. Именно на середину XVII века приходится наибольшее разрастание сети приказных учреждений Москвы. К 1677 году общее количество их достигло 59, из них приказов с общегосударственной компетенцией — 43.

В это время был произведен ряд изменений в государственном аппарате, направленных на ослабление органов верховного управления, которые создавались в период правления Алексея Михайловича и являлись показателем укрепления единодержавия царя. Боярское правительство Милославского безжалостно расправилось с этими зародышами единовластия. Меньше чем через месяц после смерти его создателя был ликвидирован приказ Тайных дел (личная канцелярия царя). Та же судьба постигла Счетный приказ, осуществлявший непосредственный контроль царя над деятельностью других приказов. Примерно через год патриарх Иоаким добился уничтожения яростно ненавидимого его предшественником Никоном Монастырского приказа, являвшегося органом вмешательства светской власти в управление монастырскими и архиепископскими вотчинами.

Реорганизация в центре сопровождалась и некоторым ослаблением власти воевод на местах, из ведения которых были изъяты таможенные и питейные дела.

Возвышение Милославского повело к резкой смене лиц из ближайшего окружения царя Алексея Михайловича. С завидным рвением временщики поспешили свести счеты со своими противниками. Фактически была изолирована от придворной жизни вдова царя Наталья Кирилловна и ее дети, отправлены в ссылку ее братья Иван и Афанасий.

Постепенно удален и осужден крупнейший государственный деятель прошлого царства А.С. Матвеев, которого его современник С. Медведев характеризовал как человека «острого в разуме и к гражданским делам искусного». Уже через месяц после смерти царя Алексея у него было отобрано заведование Аптекарским приказом — учреждением, следившим за здоровьем царя и его семьи, что уже являлось признаком недоверия. Хотя он до лета 1676 года сохранял руководство Посольским приказом, на него посыпалась лавина явно инспирированных доносов — его обвиняли в государственной измене, упущениях по службе, чернокнижии, в том числе в покушении на жизнь царевича Федора во время его болезни еще при последних днях правления его отца. В августе его отстранили от всех дел и выслали воеводой на Верхотурье. (Вместе с тем присутствие его в Москве было остро необходимо в связи со сложной внешнеполитической ситуацией.) Более того, следствие по его делу разрасталось, подвергались опале его близкие и сторонники. В результате его лишили боярства, конфисковали имущество, а самого сослали в Пустозерск.

К гонениям против личных врагов присоединился и патриарх Иоаким, добившийся решения Церковного собора о снятии сана с духовника царя Алексея протопопа Андрея Савинова, который постоянно противодействовал организационным мероприятиям патриарха и резко выступил против него во время погребения царя. Когда патриарх вложил в руку покойного «прощальную» грамоту, Савинов, считавший это своей обязанностью, громко кричал в собо-

ре о нарушении чина погребения. Собор осудил протопопа, обвинив его в разнообразных грехах и сослал в дальний Кожеезерский монастырь. По настоянию же патриарха через два месяца новым заседанием Собора было принято осуждение бывшего патриарха Никона, не пожелавшего дать письменного прощения умершему царю. Собор приговорил его «к исправлению» путем ужесточения условий содержания.

Временщики разрушили органы верховного управления, однако их действия почти не коснулись основных приказов, в которых сосредоточивалась подготовка конкретных решений по ключевым вопросам внутренней и внешней политики правительства: Разрядного, Поместного и первоначально Посольского.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Посольский приказ, осуществлявший внешнюю политику государства, на протяжении первой половины 1676 года все еще возглавлялся А.С. Матвеевым и опытными дьяками. Первым дипломатическим мероприятием правительства Федора, подготовленным этим составом приказа, была посылка в феврале гонцов с грамотами ко всем европейским дворам с извещением о смерти царя Алексея Михайловича и воцарении Федора Алексеевича. К австрийскому двору поехал подъячий Т. Немчинов, в Швецию и Данию — подъячий С. Протопопов. Рассылкой грамот правительство Федора не только ставило в известность западные дворы о смене главы Русского государства, но и намечало основные направления своей дальнейшей политики. Русская дипломатия делала попытки включиться в русло общеевропейской политики, связать решение своих внешнеполитических проблем с расстановкой сил в международных коалициях вокруг франко-голландской войны 1672—1678 годов, используя их в своих интересах.

В первую очередь это коснулось отношений со Швецией, сторонницей Франции, по отношению к которой

уже в 1670-х годах на Севере Европы складывались предпосылки «Северного союза» начала XVIII столетия. Оживленная переписка с участниками антифранцузской коалиции (Голландией, Данией, Бранденбургом) хотя и не привела к вовлечению России в военные действия, но оказала значительное влияние на ее «северную» политику и переговоры со сторонницей Франции — Швецией. В мае 1676 года для переговоров на границе со шведскими представителями было подготовлено посольство И.В. Бутурлина, разработка программы действий которого принадлежала еще А.С. Матвееву. Основная задача посольства заключалась в привлечении Швеции к союзу против Порты Оттоманской. Однако не меньшее значение отводилось стремлению пересмотреть территориальные уступки по Кардисскому миру, возвратить России Ингерманландию и Карелию и предоставить выход к Балтийскому морю. В середине июля начались переговоры на реке Меузице, однако они зашли в тупик. Шведские посланники, несмотря на опасность войны на два фронта и неудачи шведской армии, заявили, что «ни одной деревни не уступят, хотя бы до войны дошло». Не помогло выдвижение на границу и девяти тысяч русских войск.

Именно в этот острый момент произошла смена руководства Посольского приказа, когда вместо А.С. Матвеева во главе его был поставлен думный дьяк Л.И. Иванов, никогда не работавший в Посольском приказе и малоопытный в дипломатической практике. Вместе с Матвеевым были убраны из приказа и служившие там давно дьяки, — по-видимому, как сторонники опального судьи. Возможность неблагоприятных последствий этого перемещения в напряженнейший период русско-шведских переговоров беспокоила наиболее уравновешенных деятелей нового правительства. Так, Ю.А. Долгоруков пытался воспротивиться ссылке Матвеева именно как необходимого Москве опытного дипломата. Однако яростно ненавидевший Матвеева И.М. Милославский, поддержанный Б.М. Хитрово, на это не согласился. Им удалось настроить против Матвеева и молодого царя, возможно, намекнув на умысел покушения на его жизнь.

Русская военная демонстрация на шведской границе, несомненно, помогла союзникам, самой же России ничего не дала. Войска отозвали, переписка о новом посольском съезде безнадежно затянулась. Обе стороны были заинтересованы в мире, особенно Россия в связи с нараставшей угрозой на юго-западной границе. В 1678 году Боярская дума решила отложить на неопределенное время переговоры со шведской стороной «по причине турецкого на Россию нападения». Таким образом, русско-шведский конфликт явился незначительным эпизодом внешней политики России.

Во второй половине XVII века усилилась агрессивность Османской империи (Порты Оттоманской) и ее главы, султана Махмуда IV, по отношению к ряду государств Восточной и Центральной Европы (Речи Посполитой, России, Австрии и Венеции), что должно было бы способствовать объединению антитурецких сил. Однако в середине 1670-х годов в среде противников Порты преобладали сильные внутренние трения. Сложный дипломатический узел, завязавшийся у юго-западных границ России, являлся своего рода реакцией соседних держав на присоединение Украины к России, а также на поражение Речи Посполитой в борьбе с военной мощью Османов. Несмотря на заключение перемирия с русским правительством, король Ян Собеский не хотел смириться с потерей украинских земель, тем более с фактическим присоединением к России и Правобережья Днепра, поскольку гетман П.Д. Дорошенко принял русское подданство. Это же вызывало протест и со стороны султана Махмуда, также претендовавшего на Правобережье, поскольку Дорошенко в свое время принял и турецкое подданство.

В этой ситуации попытка русской дипломатии добиться создания антиосманского союза потерпела крах. Подобному союзу суждено было сложиться только позднее в виде «Священной лиги» конца столетия.

В начале же царствования Федора Речь Посполитая ставила условием своего участия в борьбе с Османской империей отказ России от Правобережной Украины и возвращение Киева, охотно шла на заключение сепаратного мира

с Портой. Австрийские дипломаты, со своей стороны, уклонялись от активных действий. Таким образом, Россия осталась один на один с объединенными силами Османской империи и Крымского ханства, готовившими вооруженное вторжение в пределы Украины. Все это привело к новому ожесточению военных столкновений в ходе начавшейся еще в 1672 году русско-турецкой войны, которая продолжалась на протяжении почти всего царствования Федора.

События развивались стремительно. В начале июля 1677 года сотысячная армия во главе с Ибрахим-пашой и ханом Селим-Гиреем вторглась на территорию Правобережной Украины. Эпицентром борьбы явился Чигирин, мощная крепость на р. Тясмене (правом притоке Днепра), бывшая столица Дорошенко, которая прикрывала дорогу на Киев и переправу на левый берег. По словам гетмана И. Самойловича, Чигирин был для турок как кость в горле. В качестве подтверждения своих прав они выдвигали против Самойловича своего ставленника на гетманский стол, сына Б. Хмельницкого, Юрия, как законного наследника гетманской власти, присвоив ему титул князя Малороссийского. Предполагалось, что захват Чигирина и утверждение в нем Ю. Хмельницкого создаст плацдарм для дальнейшего продвижения на Киев и вторжения на территорию Левобережья.

Этой мощной ударной турецко-крымской силе противостоял 12-тысячный гарнизон Чигирина, состоявший из русских и украинских частей, а также двигавшаяся на поддержку города русская армия под командованием ряда военачальников, главным и наиболее опытным из них был талантливый полководец, воевода Белгородского разряда Г.Г. Ромодановский. На соединение с нею спешили украинские войска И. Самойловича. Но, даже объединившись, русско-украинские силы оказались почти вдвое меньше сил противника. Несмотря на это, русским частям удалось переправиться через Днепр. В боях за город и переправу в конце августа турецкая армия и союзные ей войска потерпели поражение и начали отступление, превратившееся в паническое бегство. Победа первоначально была

воспринята русским командованием как окончание войны. Она пышно праздновалась в Москве. Последовали извещения о ней иностранных дворов, массовые награждения русских и украинских участников боевых действий. Так, И. Самойловичу пожаловали из царской казны ферязь, шитую золотом и украшенную драгоценными камнями, которая оценивалась в 500 руб.

В конце 1677 года в Константинополь было направлено посольство с грамотой, несколько запоздало извещавшей о вступлении Федора на престол, и с предложением мира. Посольство потерпело неудачу, так как султан Махмуд стремился к реваншу. Он не смог пережить поражение и жестоко расправился с виновными: заточил в тюрьму Ибрахима-пашу и сместил с крымского престола Селим-Гирея. Вернувшиеся в Москву послы привезли грамоты с требованием сдачи Чигирина и освобождения Правобережья от русских войск. Вместе с тем они сообщили, что противная сторона деятельно готовится к войне.

Обеспокоенное правительство, располагая «тайными вестями» о намерениях османского командования, также начало подготовку к летней кампании. В апреле 1678 года в Москве на расширенном военном совете в присутствии царя и патриарха был заслушан и обсужден выработанный Разрядным и Посольским приказами план действий. Предполагалось начать их с новой попытки переговоров с турецким главнокомандующим. При этом предусматривались различные варианты переговоров и мирных условий, без существенных, однако, уступок с русской стороны. Также была принята тщательно разработанная военная диспозиция — «промысел над неприятелем». При этом учитывались и некоторые просчеты военных действий 1677 года, в том числе и несогласованность действия воевод, местнические споры между ними. При этом активно местничал один из будущих инициаторов отмены местничества, воевода В.В. Голицын, обвинявший «сходного» воеводу П.И. Хованского в том, что тот «обесчестил» его, не сообщив о продвижении противника. Отсюда — решение совета об отмене местничества на время боевых действий. Командованию армией было предписано: «Пока турецкая война

минует, никому, ни с кем нынешним разрядом ныне и впредь в отечестве не считаться». Предполагалась также максимальная концентрация сил, привлечение, кроме служилых людей южных разрядов и украинских частей, отрядов донских казаков и вассальных народов юга страны (кабардинцев, калмыков, ногайцев).

Несмотря на тщательную подготовку, события Чигиринской кампании 1678 года оказались менее удачны для русских войск. Позиции Османов за это время сильно укрепились благодаря заключению ими осенью 1677 года перемирия с Речью Посполитой. Кроме того, пострадавший от турецкой бомбардировки Чигирин не был полностью восстановлен.

Когда летом 1678 года турецкая армия под командованием Кара-мурзы вновь появилась под городом, русская сторона медлила. Отрицательно сказалась и задержка при сборе многонационального отряда К.М. Черкасского, на помощь которого и Г.Г. Ромодановский, и И. Самойлович очень рассчитывали.

Месячная осада Чигирина с уличными боями в нижнем городе, ожесточенными сражениями на переправе и на правом берегу Днепра сильно изматывала противника. Большим ударом для морального состояния городского гарнизона была смерть в бою чигиринского коменданта И.И. Ржевского, игравшего большую роль в организации обороны города. Несмотря на то что, захватив нижний город, турецкие войска не смогли овладеть верхней крепостью, командование русской армией отдало приказ оставить город. Измученный гарнизон под командованием П. Гордона поджег город и вышел из него, сохраняя артиллерию и обоз. Последние ожесточенные бои шли на берегу Днепра, в ходе которых турецкие и татарские части были сильно потеснены и, окончательно разрушив Чигирин, отступили к Бугу.

На этом этапе завершилась самая активная часть войны. Русская армия в ней не была разбита и перешла к длительной обороне, турецко-крымская же отступила и не предпринимала более решительных действий, а ограничивалась мелкими пограничными стычками и набегами крымских сил.

Оборона Чигирина — одна из героических страниц истории русской армии. Так называемые Чигиринские походы показали высокий уровень подготовки русской пехоты, особенно войск нового строя, успешные действия артиллерии. Оправдало себя и соединение под единым командованием различных нерегулярных отрядов, стремительно натиска которых очень боялись крымские татары. Война вскрыла и слабые стороны русских вооруженных сил — некоторую двойственность в сосуществовании, с одной стороны, поместного войска, а с другой — полков нового строя, организованных по западному образцу, а также отсутствие единоначалия в армии, отсталость в методах ведения боевых действий, плохую организацию снабжения.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

Война придала всему царствованию Федора определенную направленность, в известной мере подчинив ее нуждам внутренние дела страны, потребовав проведения существенных изменений во многих областях.

Мероприятия по усилению боеспособности русской армии и охране южных и юго-западных границ страны предпринимались уже в ходе военных действий. В значительной степени они планировались и осуществлялись силами одного из крупнейших и важных приказов страны — Разрядного. Он ведал не только обороной государства, но и службой тех сословных групп населения, которые эту оборону осуществляли, то есть основной массой служилых людей, от столичных до городских. В большей степени, чем Посольский, приказ сохранил свои старые опытные кадры. Так, в состав его судейской коллегии входил с 1662 года думный дьяк В.Г. Семенов, а с 1676 года и дьяк Ф.Л. Шакловитый (оба они находились там вплоть до конца правления Федора).

В проводимых Разрядным приказом мероприятиях особенно ярко прослеживается связь внутренней политики Федора с преобразованиями его отца. Прежде всего продолжа-

лась перестройка вооруженных сил, расширение в их составе войск нового строя. Она велась теперь более целенаправленно, чем раньше. Решительным изменениям предшествовали проводимые во всех городах Европейской России так называемые «разборы» служилых людей, проверка их боеспособности, обеспеченности службы, уточнение состава семей. Существенной частью «разборов» явились переводы из одной служилой категории в другую. Одним из первых мероприятий по пересмотру состава поместного войска и служилых людей по прибору (стрельцов, казаков, пушкарей и др.) явился смотр весной 1677 года (то есть еще до начала Чигиринской кампании) московских служилых людей, с которых собрали сказки о размерах их денежного и поместного жалованья. Массовые разборы второй половины 70-х годов XVII века, по существу, положили конец существованию старого служилого города как основы поместного и приборного войска. Городовые дворяне и дети боярские в ходе этих разборов зачислялись в рейтарскую и копейную службу, приборные люди — в солдатскую.

Как и прежде, границы укреплялись при помощи возведения вдоль них оборонительных заграждений. В 1679—1680 годах старая Белгородская черта на юге была продолжена более чем на 500 км Изюмской линией, которая прикрывала юго-западную окраину государства, наиболее уязвимую в годы русско-турецкой войны. Новая черта заселялась за счет украинцев, в массовом порядке переходивших из пределов Правобережья. Укреплялись подступы к Киеву, где в 1679 году был сооружен специальный наплавной мост через Днепр.

Другая группа крупных проблем внутренней политики, на первый взгляд не связанная с военными делами, решалась важным по значению Поместным приказом, в распоряжении которого находился земельный фонд страны. Его судейская коллегия также не подвергалась коренным изменениям. Здесь на протяжении всего царствования Федора в качестве второго судьи оставался думный дьяк И. Протопопов, начавший свою службу в приказе в 1670 году. Важнейшим мероприятием, осуществленным приказом

совместно со Стрелецким и другими финансовыми учреждениями, была подготовка изменения системы налогового обложения населения. Этому предшествовало уточнение количества податных единиц и проведение общей переписи 1678 года.

Переписные книги 1678–1679 годов стали основой новой подворной системы раскладки налогов. По указу 1679 года был изменен и сам характер собираемого налога: вместо многочисленных и разнообразных сборов (четвертных, данных, ямских, полоняничных и др.) вводилась единая подать — стрелецкие деньги, предназначенные на содержание стрелецкого войска. Одновременно «прощались» недоимки в сборе налогов за прошлые годы. Новый налог предписано вводить в Стрелецком приказе «перед прежним с убавкою». Через два месяца был ликвидирован ряд мелких сборов. Видное место в деятельности Поместного приказа занимали вопросы упорядочения служилого землевладения.

Большая часть указов правительства Федора в этот период касалась решения разнообразных конкретных споров в области наследования, продажи, передачи, раздела земель. При этом итоги разбираемых дел получили обобщенное законодательное оформление и явились дополнением к статьям Уложения 1649 года.

РОЛЬ ЦАРЯ ФЕДОРА В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ЕГО ЦАРСТВОВАНИЯ

Роль самого Федора в управлении государством в первый период его царствования, на наш взгляд, следует считать скорее фиктивной. Прежде всего это касается военных действий, поскольку состояние здоровья царя полностью исключало личное участие в боях и походах. Вряд ли удастся проследить его вклад в разработку стратегических планов, особенно кампании 1677 года. Вместе с тем его присутствие на совете весной 1678 года несомненно. С его участием принимались решения Боярской думой по поводу необходимых дипломатических акций, по обеспечению

находящихся в армии служилых людей, о награждениях их и т.д. Чрезвычайно показательны для глубоко религиозного царя такие мероприятия, как посылка в армию его собственной походной церкви и др. Получив летом 1678 года известие о кровопролитных боях под Чигирином, Федор обратился к патриарху и, получив его поддержку, отдал распоряжение о служении панихид во всех соборных церквях по убитым 11—13 августа и о внесении их имен в синодик для вечного поминовения. По-видимому, он был пассивным и при решении внутривластных вопросов, передоверив их опытной приказной администрации, Боярской думе, а в значительной степени боярской группе Милославского, стоявшей во главе правительства.

Нельзя забывать, что при вступлении на престол Федору еще не исполнилось 15 лет и он не имел вокруг себя людей, на которых мог бы опереться в разнообразных и сложных проблемах государственного управления, кроме равнявшихся к власти и обогащению ближайших родственников и их приспешников, хотя интриги и соперничество в этой среде, а также явные злоупотребления, несомненно, вызывали недовольство государя, и чем старше он становился, тем больше. Именно с возмужанием царя и освобождением его от диктата временщиков было связано начало второй половины царствования Федора Алексеевича.

БЛИЖНЯЯ ДУМА

ОКРУЖЕНИЕ ЦАРЯ

В этот период особое влияние на молодого царя оказывал его наставник, учитель — Симеон Полоцкий, о смещении которого мечтал его непримиримый противник патриарх Иоаким (только через 10 лет после смерти Полоцкого патриарх добился объявления его книг еретическими). Недаром в изданной позднее «Повести о Варлааме и Иоасафе» современники видели отражение отношений между Федором и Полоцким. Скрытое сравнение царя с молодым индийским царевичем Иоасафом, а Полоцкого — с наставлявшим его пустынником Варлаамом подчеркивалось намеренным портретным сходством обоих с изображениями на приложенной к книге гравюре А. Трухменского, исполненной по рисунку С. Ушакова.

Умершего в 1680 году Полоцкого в какой-то мере заменил его ученик С. Медведев, с которым Федор также советовался и переписывался. Тяжело переживая смерть своего воспитателя и стремясь достойно увековечить его память, царь поручил С. Медведеву составить текст надгробной надписи и утвердил только 15-й ее вариант.

Не менее закономерно было появление в окружении царя людей иного типа, чем старая боярская группировка: людей образованных, способных, проникнутых новыми

идеями. И действительно, тесный кружок подобных личностей постепенно образовался. Характерно, что основные его члены вышли из незнатной дворянской среды, что позволило впоследствии В.Н. Татищеву определить их как «подлое шляхетство». Они состояли в невысоких придворных чинах, которые по своим служебным обязанностям окружали царя, несли службу в качестве комнатных стольников, постельничих и кравчих. К сожалению, источники XVII века почти не донесли до нас сведений о роли каждого из них в последующих реформах. Поэтому попробуем присмотреться к отрывочным сведениям о них, которые сохранились в документах того времени.

Несомненно, первое место среди них принадлежало Ивану Максимовичу Языкову, человеку энергичному и влиятельному, который с легкой руки маленького царевича Петра получил прозвище «нового Годунова». Он характеризовался людьми, и не очень к нему расположенными, как «человек великой остроты, глубоко московских, прежде площадных, потом же при том времени своем дворских обхождений проникатель». Автор «Созерцания краткого» также подчеркивает его ведущую роль, называя «первым во государстве советником». Одновременно с этим были обвинения его в корыстолюбии.

Любопытно восхождение Языкова. Его родословная, составленная в XIX веке писателем Д.И. Языковым, свидетельствует, что род его, известный с XVI века, не был знатным и не занимал видного места в истории. Дед его, С.И. Языков, в 1617 году был воеводой в Кашине, отец, М.С. Языков, — в 1629 году муромским воеводой. В 1632 году он сопровождал царя в Троицкий поход, то есть в поездке на богомолье в Троицкий монастырь, в 1633 году командовал отрядом у Чертольских ворот Белого города, когда ожидали набега крымцев. Вот, пожалуй, все данные о его роде и предках.

Сам И.М. Языков с 1670 по 1676 год в чине стольника являлся третьим судьей Судного дворцового приказа одновременно с Б.М. Хитрово. Именно дружбе с Хитрово приписывали современники появление Языкова при дворе. Рекомендую царю способного человека, Б. Хитрово пресле-

давал и свои личные цели, стремясь противостоять влиянию И.М. Милославского и иметь при царе своего ставленника, в чем он, как показало будущее, сильно ошибался, так как Языков отнюдь не превратился в его послушное орудие.

В окружение царя он попал осенью 1676 года, когда формировался новый состав двора Федора. Ему пожаловали придворный чин постельничего, который было приказано писать с необычным для дворцовых должностей прилагательным «думного», что сразу подчеркнуло его особую роль в окружении царя. На первых порах его дворцовая карьера этим ограничилась, влияние же на молодого царя, по-видимому, не выходило за рамки дворцового быта.

Почти одновременно с Языковым укрепились в придворной иерархии братья Лихачевы, Алексей и Михаил Тимофеевичи, сыгравшие немалую роль в политике правительства. Они были введены в состав царского двора в том же 1676 году, когда из стольников были пожалованы: А.Т. Лихачев 15 августа званием комнатного стольника «с крюком»¹, а М.Т. Лихачев 1 октября — стряпчего с ключом.

Об их происхождении известно, что они явно не принадлежали к знати и наследовали от отца земли в Белозерском уезде. Можно предположить, что Лихачевы вышли из семьи, в составе которой находилось два думных дьяка, то есть из крупной приказной среды, однако прямых указаний на это родословие Лихачевых не дает. О незнатности их отчасти свидетельствует позднее судебное дело, в котором М.Т. Лихачев жаловался на «бесчестье», которое было нанесено ему чернавскими подьячими, назвавшими его «сыном боярским», то есть на отнесение его к разряду городских служилых людей, причем к низшей их части.

Оба Лихачева, по-видимому, обладали недюжинными способностями и высокими человеческими качествами. По утверждениям знавших их, они были людьми, «великого разума и самого благочестивого состояния исполненными». А. Матвеев писал о них как о «мужах целомудренных», бывших тогда в крайней милости и близости у царя Федора.

¹ Дворцовый чин, ведающий царским гардеробом. (Примеч. авт.)

О старшем брате, Алексее Лихачеве, известно больше. Он был в значительной мере образован, принимал деятельное участие в кружке «ревнителей благочиния» Ф.М. Ртищева, по своему времени передового объединения прогрессивно мыслящих людей. Являлся одним из учителей царевича Алексея Алексеевича, большим книголюбом и имел обширную и хорошую библиотеку. Писал и сам. По словам В.Н. Татищева, его перу принадлежало «Житие царя Федора Алексеевича», впоследствии уничтоженное автором.

О Михаиле Лихачеве высказывались более критические мнения. Тот же Татищев, со слов информированного человека, характеризует его как опытного царедворца («великий ханжа и умел ко всякому прислужиться, как он у всех противников был в милости»). Эти черты были присущи не только М.Т. Лихачеву. То же можно сказать и о Симеоне Полоцком, который успешно лавировал в море придворных битв, стремясь сохранить хорошие отношения с борющимися сторонами. По-видимому, это было отличительной чертой поведения при дворе, особенно для людей, пробившихся из низов, как Языков и Лихачевы, и иноземцев, как Полоцкий.

Именно эти люди, сплотившиеся вокруг царя и по терминологии XVII века именовавшиеся «припадочными» и «припадшими» (то есть фаворитами), образовали постепенно его Ближнюю, или Тайную, думу. Нет прямых сведений об отношениях «припадших» между собой. Однако косвенные данные свидетельствуют о сплоченности этой группы. Важно подчеркнуть их близость к главному советнику Федора — Полоцкому. Так, в своих стихах, посвященных М.Т. Лихачеву, Полоцкий называет его «ближним Царского Величества» и своим «зело милостивым благодетелем». Вскоре они стали влиять на позицию царя в решении тех или иных вопросов, на отношение его к окружающим. Характерно, что при этом никто из них не претендовал на государственные должности, на места в управлении приказами, как это делали Милославские. Если они и возглавляли впоследствии некоторые учреждения, то это были органы по управлению дворцовым хозяйством — мастерские и различные палаты.

Понятно, что существование одновременно двух правящих групп не могло продолжаться долго. Языков и Лихачевы, не стесняясь, открывали Федору глаза на упущения и злоупотребления его дяди («непорядки онаго Милославского марать начали»). Недовольство царя делалось все более явным для окружающих. В 1679 году наконец произошел взрыв, окончательно разрушивший основы былой власти И.М. Милославского и его партии. Он связан с намерением царя жениться. Ему приглянулась Агафья Семеновна Грушецкая, дочь мелкого дворянина, «служилого иноземца», предок которого в XVI веке выехал на русскую службу из Польши. По другим сведениям, невесту рекомендовали царю Лихачевы, находившиеся в свойстве или с ее отцом, или, что скорее, с дядей, думным дьяком С.И. Заборовским. Женитьба на ставленнице новых фаворитов должна была крайне упрочить их положение при дворе.

Первоначально намерения царя держались в тайне. Языков послан к Заборовскому, который, по-видимому, заменял Агафье умершего отца. Он предупредил дьяка о том, чтобы тот не спешил с замужеством племянницы. Однако когда слухи о готовящейся свадьбе достигли И.М. Милославского, тот пытался воспротивиться планам Федора, сообщив ему какие-то сведения, порочащие невесту и ее мать. Царь был очень опечален. В.Н. Татищев записал, явно со слов А. Лихачева, рассказ о том, что это известие «привело Его Величество в великую печаль, то не хотел и кушать». И только прилежные расспросы Языкова заставили его рассказать о наветах Милославского. Фавориты бросились в дом Заборовского, крайне испуганного оборотом дела. Однако здесь проявился твердый и решительный характер будущей царицы, которая, выйдя к царедворцам, заявила им, «чтоб оне о ея чести никакого сомнения не имели, и она их в том под потеряннем живота своего утверждает». Решительность девицы и расспросы ее родных убедили Лихачевых и Языкова в том, что она была оклеветана. Со слов же Лихачева Татищев приводит трогательный рассказ о том, как обрадованный царь специально ездил мимо ее дома и «изволил видеть ее в окошке чердака».

После того как Милославский был разоблачен, он подвергся опале со стороны разгневанного царя, задержавшего из-за расследования свою свадьбу. Несмотря на то что по просьбе невесты Милославского простили, он и его партия окончательно потеряли всякое влияние на царя. И хотя он сохранил бо́льшую часть своих приказных должностей, как политическая фигура полностью сошел со сцены еще до конца царствования Федора. Один из сторонников А.С. Матвеева не без злорадства написал, что «Языков такую жестокую бродзу, или удило, в зубы их (то есть Милославского с товарищами. — *Н.Д.*) положил, что уже при жизни их они мало приездом двор царский знали».

Возможно, из-за этих дворцовых конфликтов, а скорее по желанию царя свадьба прошла необычайно скромно, почти тайно, что противоречило уже сложившимся дворцовым обычаям. Более того, не выполнен был заранее подготовленный план проведения торжественной церемонии. Накануне царь официально объявил о своем намерении патриарху и двору. При этом повелел «радости своей государской быти июля в 18 день». После чего царь «изволил итти тайно» в соборную церковь «для моления». В чине венчания особо оговорено отличие его от обычно принятого порядка: «А против прежних чинов Святейшему Патриарху в собор выходу для благословения не было, для того что Великий Государь изволил прийти тайно». В день венчания вход в Кремль закрыли. Очень скромно прошло и само венчание, совершенное патриархом Иоакимом. Вместо многочисленного и строго определенного состава царедворцев и духовенства при обряде присутствовало всего несколько человек. Федора сопровождало 9 ближайших к нему лиц. В том числе оба его «дядьки», Ф.Ф. Куракин и И.Б. Хитрово, а также И.М. Языков и М.Т. Лихачев. И. Милославского и Б. Хитрово среди них не было. Незначительная свита из двух священников и двух певчих дьяков окружала патриарха.

Примером этому явному отступлению от дедовских традиций, по-видимому, послужил скромный обряд при вступлении во второй брак его отца, свидетелем чему явился сам Федор. Кроме того, молодой царь не любил

пышных церемоний и многолюдных соборщ, что отмечали даже приезжавшие в Москву иностранные дипломаты. Так, сопровождавший польское посольство чешский путешественник Б. Таннер в своих записках писал, что царь не любил многочисленной свиты. Можно предположить, что новый порядок не мог понравиться патриарху Иоакиму, стороннику старинных обычаев во время разного рода церемоний и обрядов.

Именно с интриги вокруг женитьбы царя начинается фактически вторая половина его царствования, серьезные преобразования в различных областях, которые в известной мере предвосхитили реформы начала XVIII века.

ПЕРВЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ ХАРАКТЕРА ЦАРЯ ФЕДОРА

Конец 1679 года и весь следующий 1680 год проходили под знаком близкого завершения русско-турецкой войны, длительных и не очень успешных переговоров в Крыму и, наконец, подписания Бахчисарайского договора, условия которого отнюдь не являлись торжеством русской дипломатии. По нему стороны заключили перемирие на 20 лет. Были признаны права России на Киев, но создавалась обширная как бы буферная зона, доступная для временного пользования населения приграничных районов, для кочевий татар, охоты, рыболовства, добычи соли для русских и украинцев. Все это оставляло широкую возможность для татарских набегов. В то же время результаты Чигиринских кампаний позволяли русской стороне надеяться на лучшие условия относительно правобережных земель. Статьи договора серьезно рассердили царя. Его острый интерес к вопросам внешней политики в это время очевиден. Так, летом 1680 года Федор специально приезжал в Москву из своей любимой подмосковной резиденции села Воробьева «слушать посольские дела из Посольского приказа», что по времени совпадало с организацией посылки в Крым В.М. Тяпкина и Н.М. Зотова.

В этой обстановке неустойчивого мира понятно особое внимание правительства к состоянию вооруженных сил страны. Весь 1680 год был отмечен серьезными реформами в этой области, отчасти подготовленными мероприятиями предшествовавших лет. Массовые «разборы» 1679–1680 годов служили как бы прелюдией к общей военно-окружной реформе, закрепленной в итоговом документе, который известен под названием «Роспись перечневая ратным людям, которые в 1680 году расписаны в полки по разрядам». Все служилые люди государства (за исключением Сибири и Поволжья) были разделены по территориальному принципу на 9 военных разрядов — округов, каждый из которых включал ряд уездов. Разрядная система существовала и до этого, но только в приграничных районах страны (известны старинный Новгородский, а также Белгородский и другие разряды). Теперь же она распространялась и на центральные области, для чего были организованы такие разряды, как Московский и Владимирский. Из служилого населения территории каждого из разрядов комплектовались соответствующие полки — всего семь, один из них Украинский. Повсеместное введение разрядов и их административных центров (разрядных изб) можно связать с началом изменений в местном управлении, так как вело к объединению гражданского и военного управления в руках разрядных воевод.

Созданная в 1680-х годах стройная система организации вооруженных сил, тесная связь полковых структур с определенными территориями, хотя и не была последовательно осуществлена, но вполне оправдала себя в дальнейшей перестройке русской армии в петровское время.

С окружной реформой непосредственно связана политика правительства по изменению системы государственных учреждений. Все «военные» вопросы теперь находились в ведении военных приказов, из компетенции которых изъяли вопросы территориального управления. Еще в 1678 году объединились Пушкарский и Рейтарский приказы. В 1680-е годы осталось три «военных» приказа: Разрядный с общей компетенцией, Рейтарский, ведавший

конницей, и Иноземский, в ведении которого находилась пехота. Во главе всех трех приказов был поставлен один судья, М.Ю. Долгоруков. При этом особая роль отводилась Разрядному приказу, который как бы ставился над двумя другими учреждениями.

Если в начале царствования Федора под влиянием боярской группировки сознательно ограничивалось усиление самодержавия царя (ликвидация приказа Тайных дел и др.), была чрезмерно раздроблена властная структура управления, то теперь правительство идет на укрупнение отдельных ведомств, уменьшение числа приказов. Так, произведено слияние финансовых приказов и выделение, как главного финансового органа, приказа Большой казны. В 1681 году уничтожаются Земский и Холопий приказы. В результате к 1682 году количество приказных учреждений снизилось до 53 и достигло, таким образом, уровня середины столетия.

Особенно знаменательна попытка возродить органы верховного управления, к которым условно можно отнести созданную в октябре 1680 года Расправную Золотую палату во главе с князем Н.И. Одоевским. В компетенцию палаты входили главным образом судебные вопросы, не получившие решения в Боярской думе, но в отсутствие или во время болезни царя она превращалась в исполнительный орган, поставленный и над приказами, и над Думой.

Нельзя не отметить также проводимых правительством мероприятий в области местного управления, нацеленных на укрепление власти воевод на местах. Так, несомненному укреплению их позиций послужила ликвидация в 1679 году ряда городских должностей и учреждений, самостоятельных от воевод. Указ 1679 года о ведении судебных и других дел в городах и уездах только воеводами гласил: «А горододельцом и сыщиком, и губным старостам, и ямским приказчиком, и осадным, и пушкарским, и засечным, и у житниц головам, и для денежного и хлебного сбора с Москвы присыльным сборщиком не быть». Пожалуй, никогда полномочия воевод в городах не были так широки, как при Федоре.

РЕФОРМЫ

Однако перечисленный ряд мероприятий служил как бы подготовкой к дальнейшим крупным преобразованиям, основная и наиболее существенная доля которых приходилась на осень 1681 — зиму 1682 года.

Каким был Федор Алексеевич в этот последний, короткий (менее года) период своей жизни? Все источники как русского, так и иностранного происхождения говорят о его мягкости и человечности. Любопытно, что патриарх Иоаким в своих многочисленных публичных выступлениях называет его «тишайший» («благочестивейший и тишайший» и в других сочетаниях), как и его отца Алексея Михайловича. Сам царь в торжественном обращении к Освященному собору и Боярской думе говорил о себе в третьем лице, употребляя близкое сочетание — «Наша Тихость». По-видимому, в представлении людей XVII столетия он являлся носителем христианских добродетелей.

Был ли Федор действительно кроток и уступчив? При нем почти не было явных опал и ссылок, кроме навязанных ему в детстве И.М. Милославским. Во второй половине его царствования все иначе. Федор проявлял достаточное упорство, а иногда и резкость. Так, например, он распорядился столкнуть с крыльца рассердившего его Милославского. Постепенно все более твердым становилось его противодействие влиянию патриарха, человека властного и ограниченного, который не мог одобрять полонизаторских устремлений царя и его приближенных. Отношения с Иоакимом, на первых порах полностью поддерживавшим царя, постепенно обострялись.

Показателен конфликт между царем и патриархом, связанный с судьбой опального Никона. Не только ходатайство теток, но и собственный интерес царя к этой неоднозначной личности заставил его пересмотреть положение ссыльного. Внимание Федора привлекала и строительная деятельность бывшего патриарха, особенно ансамбль Воскресенского монастыря, который он посетил летом 1679 года, а затем неоднократно туда приезжал. Некоторые из строительных затей Никона были

использованы им в украшении своего дворца. В 1681 году появился указ о возвращении Никона из ссылки. Больной старик не перенес тягот обратного пути и умер вблизи Ярославля. Его тело было привезено в Воскресенский монастырь для погребения. Узнав об этом, Федор обратился к патриарху с просьбой похоронить Никона как патриарха. Однако под давлением Иоакима собранный им Освященный собор отказался выполнить желание царя. Федор обратился к Константинопольскому патриарху и добился разрешения не только хоронить умершего как патриарха, но и поминать его как патриарха.

Царь подчеркивал свое внимание к событию. По его распоряжению для участвовавших в погребении священников были изготовлены одеяния из китайского шелка, незадолго до этого привезенного Н.Г. Спафарием, выданы свечи в сажень длиною. Погребение состоялось 17 августа в Воскресенском монастыре. Патриарх не присутствовал. Чин погребения творил митрополит Новгородский Корнилий. Зато присутствовал царь, даже певший в церковном хоре. Во всей этой истории ярко проявилась не только значительная твердость и настойчивость, но и явное недовольство позицией Иоакима и первое открытое вмешательство в церковные дела.

РЕФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ

Реформы осени 1681 — зимы 1682 года разворачивались в трудное для царя время, когда его постигло большое личное горе. Счастливый его брак оказался недолговечен: 11 июня 1681 года молодая жена умерла от родов, а через несколько дней скончался и родившийся сын Илья, названный так в честь деда, И.Д. Милославского. Федор был настолько потрясен двойной потерей, что, по словам разрядной записи, «в провожании и на погребении не был скорби ради». Заметно ухудшается и его состояние здоровья. Однако в следующие месяцы царь полностью погружается в реформаторскую деятельность, возможно находя в ней отвлечение от тяжелых дум.

Нет сомнения, что с поддержкой реформ выступала Ближняя дума. Летом 1680 года царь повысил социальный статус своих сподвижников. Так, И.М. Языков был пожалован в окольничие с указанием: «Быть в оружейничьих, и имя его писать окольничим и оружейничим». По существу, получение второго по значению чина государева двора являлось для Языкова свидетельством головокружительной карьеры. Одновременно на занимаемое им ранее место постельничего был переведен А.Т. Лихачев. А вскоре Языкову и братьям Лихачевым были отведены подмосковные поместья в размере 150 четвертей в одном поле.

Именно в это время выдвигается и занимает особое место 39-летний Василий Васильевич Голицын, князь и боярин, убежденный западник, книжник, законодатель моды. От остальных «припадших» его отличали независимость, знатность происхождения, огромное богатство. Кроме того, он почти единственный из них был тесно связан с почетной в представлении людей XVII века военной службой. Уже в первый год правления Федора он был пожалован в бояре непосредственно из стольников, минуя окольничество. В дальнейшем Голицын служил полковым воеводой, находился с полком на юге страны, в Путивле, принимал участие в борьбе с П. Дорошенко и в Чигиринских походах. Хотя он и не обладал полководческим талантом и ничем особенно не отличился во время русско-турецкой войны, но его пытливый ум и наблюдательность, несомненно, помогли ему составить представление о недостатках русской армии и иметь соображения о путях их устранения. Вызванный царем в Москву, он очень деятелен и замечен. Ему адресуются указы царя, он ставится во главе различных комиссий.

Таким образом, к лету 1680 года окончательно определился состав Ближней думы царя Федора, которая была представлена людьми, разными по возрасту, сословному происхождению и характеру: наиболее энергичным и в известной мере агрессивным Языковым, скромным и устранившимся от дворцовых дразг и приказных забот А. Лихачевым, его младшим братом, «политичным» Михаилом и, наконец, блистательным В.В. Голицыным. В чем-то они, не-

сомненно, были едины — в стремлении к западной культуре и порядкам, в осознании необходимости коренных изменений в государственном устройстве и во всем старом укладе жизни русского общества. Объединяющим для всех этих людей был сам царь, достигший весной 1681 года 20-летнего возраста и находившийся в периоде своего расцвета. Сам проникнутый близкими им идеями, он представлял своему ближайшему окружению прекрасную возможность для воплощения их в жизнь.

У историков неоднократно возникал вопрос о том, кто же являлся непосредственным создателем проекта реформ 1681—1682 годов: находившийся ли на виду В.В. Голицын или «теневого министр» И.М. Языков? На авторстве Языкова настаивали историки первой половины XVIII века, сравнительно близкие по времени к событиям, а именно В.Н. Татищев и Б.И. Куракин. Последний в своей «Истории» 1723 года прямо говорит об этом. Чем позднее по времени жил автор исследования, тем большую роль он отводил В.В. Голицыну.

Документы XVII века и записки отдельных деятелей не выделяют кого-либо конкретно в качестве автора проекта, они говорят о «ближних предстателях царя», «палатных подустителях» и т.д. Более или менее прямой ответ на интересующий нас вопрос находим в «Созерцании кратком». Его автор совершенно недвусмысленно указывает на «ближних предстателей» как создателей проекта, которые «точию вымышляли ими мнимое разумное сами, а не многих людей советом» (имеются в виду думные люди), то есть «мелкие люди» здесь противопоставлялись именитому боярству, Боярской думе.

Итак, «мелкие люди», окружавшие царя, или та же Ближняя дума без выделения особо кого-либо отдельного. Можно считать, что представление о Голицыне как главном реформаторе было в большей степени создано историками, опиравшимися на его последующую роль в правительстве царевны Софьи, чем соответствовало действительности. Возможно, что разработка военных частей реформы действительно принадлежала Голицыну, как человеку наиболее в этом сведущему. Впрочем, и не исключено, что подчеркнутая причастность Голицына к преобразованиям

имела и другие причины. Это могло быть попыткой других «припадших» придать проектам большую авторитетность, избежать обвинения в авторстве «меньших людей». Голицын же, принадлежавший к одному из знатнейших родов и имевший высший думный чин боярина, казалось бы, должен был удовлетворить аристократическую часть государева двора. Однако это, как мы видели, не обмануло современников, хотя и несколько дезориентировало потомков.

В окружении Федора к осени 1681 года был создан проект общей перестройки административно-церковного управления страной. Для того чтобы верно оценить значение проекта 1681 года, который не перестает привлекать внимание историков и вызывает диаметрально противоположные оценки, следует помнить, что это первый в русской практике проект переустройства ведущих направлений государственной жизни, предложенный центральной властью.

Сохранившиеся сведения о его первом варианте отрывочны и неполны. Однако его антидумская и отчасти антипатриаршая направленность несомненна. Его можно разбить на четыре части: «О судах», «О чести», «О наместничествах», о Церкви. Особенно четко прослеживается общая направленность документа в статьях «О судах», которые сводятся к предложению восстановить в новом виде уничтоженные в 1676 году органы верховного управления. Предполагалось создать два учреждения такого типа: судебное (Расправная палата) и исполнительное (Ответная палата). Появление подобных органов, поставленных над всеми остальными центральными учреждениями, существенно сузило бы компетенцию Боярской думы, а возможно, повело бы к ее постепенной ликвидации.

Не менее значительными являлись статьи «О чести», или «О чинах», вернее, о структуре правящей верхушки общества. По существу, эти статьи были первым шагом к последующей отмене местничества. Как бы рефреном к ним звучит положение «Созерцания краткого» о том, «что чести же наипаче даваны бывают и правление по разуму и по заслугам во всех государевых делах бывшим людям, и людям, знаю-

щим и потребным». Любопытно, что эта формулировка отрицания примата знатности над личными заслугами как бы переключается с размышлениями в стихах Полоцкого:

Родителей на сына честь не переходит,
Аще добродетелей их не подражает.
Лучше честь собою комуждо стяжати,
Нежели предков си честию сияти.

Включенная в статьи «О чести» роспись из 35 степеней (индивидуальных, групповых и коллективных) содержит название главных должностных лиц государства и устанавливает степень «чести» для 83 основных сановников (37 бояр, 20 окольничих, 20 думных дворян и т.д.). В проекте рассмотрена почти вся существовавшая на тот момент центральная часть государева двора. Предложенное новое деление, так сказать, иерархия «чести» строго основывалась на иерархии должностей.

В этом подходе, кроме общих соображений, прослеживается, несомненно, и личная заинтересованность авторов. Так, предполагалось значительно повысить ранги для должностей оружейничего и постельничего (то есть Языкова и Лихачева) и учредить особо важную должность «дворового воеводы», по-видимому для В.В. Голицына.

Анализируя эти предложения, нельзя не заметить в них черты будущей «Табели о рангах» 1722 года.

Наиболее спорную часть проекта составляло положение о наместничествах. Намечалось создать 12 наместничеств, во главе которых должны были стоять знатнейшие лица государства, проживающие в центрах наместничеств. Это еще не государственные учреждения на местах, типа губерний. Скорее всего, лицо, стоявшее как бы во главе наместничества, не получало реальной власти, видимо, дело ограничивалось пышными титулами: «Титулы тех царств, где кто будет имети и писаться во всяких письмах: «боярин и наместник, князь имярек всего царства Казанского» или «всего царства Сибирского» и прочее». То есть это тоже почетное звание, которое формально присваивалось послам в иностранные государства и которое, хотя и не имело реального значения, строго предусматривало градацию по

важности городов и царств. Это было своего рода зарождение учреждений губернского типа, один из шагов в этом направлении.

В области церковного управления было выдвинуто предложение об увеличении до 12 числа метрополий и до 70 архиепископий и епископий и, что особенно важно, об установлении их соподчиненности, чем подрывалась бы непосредственная власть патриарха над нижним ярусом церковного управления. Здесь, так же как и в статьях о наместничествах, предполагалось учреждение пышных титулов, например «митрополит Новгородский и всего Поморья», «митрополит Казанский и всего Казанского царства» и т.д. В этом, несомненно, просматривается стремление царской власти включить церковную иерархию в общегосударственную систему управления, на что была направлена трехчастная система подчиненности, которая как бы была параллельна предполагаемой системе гражданского управления.

Отчетливо прослеживается связь предполагавшихся должностей и учреждений с польскими порядками. Об этом много писали и спорили. Однако здесь скорее внешнее сходство, подражание не сути явлений, а их форме. При внимательном анализе текста проекта выявляется его направленность на укрепление самодержавной власти государя, создание послушного ему и независимого от Думы аппарата управления, признание главенствующего значения личных заслуг перед ним. Вспомним, что убежденным сторонником царского единодержавия всегда был идейный вдохновитель преобразований Симеон Полоцкий, который, сравнивая разные формы правления, отдавал предпочтение «самовластию».

Для того чтобы понять все различия предлагаемых порядков с теми, которые наблюдались в Речи Посполитой, достаточно вспомнить яркий панегирик царской власти в одной из отписок русского резидента в Варшаве В.М. Тяпкина: «Не такие тут порядки, что в государстве Московском, где, как пресветлое солнце в небе, единый Монарх и Государь по Вселенной просвещается и своим государским повелением, яко солнечными лучами, всюду един сияет; единого

слушаем, единого боимся, единому служим все, един дает и отнимает по данной ему, Государю, свыше благодати». Новый проект не находился в противоречии с этим верно-подданныческим определением.

Проект отражает и характер самого царя, его постоянное стремление к порядку и системе, о которой неоднократно говорили современники. Единая схема всей структуры светской и духовной власти не была свойственна законодательству предшествовавшего периода. Знаменательно и применение при этом любимой Федором церковной символики, которая явственно прослеживается при сравнении в проекте 12 наместников и 12 митрополитов с 12 апостолами, а 70 епископов с 70 учениками Христа. Все это позволяет предположить деятельное участие царя не только в выработке основного направления реформ, но и в разработке их конкретного текста.

Однако реформы не встретили понимания у боярской и церковной верхушки. Текст проекта не был одобрен патриархом Иоакимом, несмотря на оказываемое на патриарха давление, как было записано в одном из документов, вышедших из окружения Иоакима, «от хотящих тому быти палатных подустителей». Пытался оказать на него давление и сам царь, который, не получив ответа на посланный проект, из «похода» (то есть очередной поездки на богомолье) направил Иоакиму письмо о том, что ожидает от него «благословения своего хотения». Однако и прямое обращение царя, льстившее самолюбию патриарха, не помогло. Вскоре выяснилось резко отрицательное отношение патриарха к проекту, которое было поддержано спешно собранным в конце октября Освященным собором. Реакция патриарха вполне понятна, так как церковная часть реформ непосредственно задевала основы патриаршей власти. Но основным объектом своей критики хитрый Иоаким выбрал статьи о наместничествах, а совсем не церковные вопросы. Он выступил с яростным протестом против того, чтобы «вечные наместники, великородные люди, по николице летех обоготятся и возгородясь, московских царей самодержавством не отступили», то есть против возвращения удельных порядков. Собор

согласился только на некоторое увеличение количества митрополий.

Обсуждение проекта в Боярской думе осенью 1681 года также сопровождалось «междособием» и протестами, а иногда и прямой бранью. В результате двустороннего отпора проект в его первоначальном виде не был утвержден и подвергся значительной переработке. Вскоре была подготовлена вторая редакция проекта.

Прежде всего была достигнута договоренность в церковной части проекта, также существенно урезанной. Освященный собор с полного согласия патриарха постановил («по тому царскому указу извещал Святейший Патриарх вкупе с Освященным собором»): «Преосвященным митрополитом и архиепископом по ступеням быти так, как в том его царском извещении написано, соизволил. А чтоб именоваться им, архиереям, теми грады, которые в его царской державе имяниты суть, того не исполнено». «Не исполнено» было и предложение о подведомственности епископов не непосредственно патриарху, а митрополитам. Практически верхушка Церкви согласилась только на некоторое увеличение числа митрополий. Решение Собора утверждено царем. Таким образом, конфликт церковной и царской властей ликвидирован благодаря уступкам государя, что обеспечило правительству поддержку в последующем проведении светской части проекта. Довольный победой, патриарх в дальнейшем ходе реформ выступал последовательно на стороне царя и его Ближней думы.

Несколько раньше была утверждена царским указом часть гражданского проекта, также сильно урезанная — в основном его часть о чинах (ступенях). При переделке разделов статей, касающихся должностей, чтобы избежать обвинения «в латинстве», авторы дали им соответствующие греческие названия; например, должность кравчего носила второе название «спетер», начальника над чашниками — «епикерна», постельничего — «протовестиария» и т.д. Греческие названия были заимствованы из табели чинов византийского двора.

С этого момента проведение реформ вступает в новую стадию, характерную для зимних месяцев 1681/82 года. Почувствовав противодействие Боярской думы, кружок

царя Федора стремится найти ей достойный противовес в виде форм, близких к формам старых Земских соборов. Отсюда, с одной стороны, самостоятельная законодательная деятельность царя, с другой — создание комиссий с участием выборных от разных социальных групп населения. Характерно, что уже в 1681 году значительный круг вопросов государственного управления решался помимо Боярской думы. Из учтенных в Полном собрании законов за этот год из 26 указов только 7 было издано от имени царя совместно с Боярской думой, остальные 19 были именными. Этот период отмечен чрезвычайно деятельным участием царя в законотворчестве. Он не только подписывал указы, но сам выступал на заседаниях Боярской думы и Освященного собора, а также на тех общих собраниях, которые были близки по характеру к заседаниям Земских соборов, где он ставил определенные вопросы и отстаивал свое мнение.

Когда была утверждена гражданская часть проекта, по представлению В.В. Голицына явно подготовленного группой «припадших», в царском указе (также не утвержденном Боярской думой) об организации одной из комиссий, получившей название приказа Ратных дел (вскоре ставшей называться Ответной палатой), предписывалось: «Бояром князю Василию Васильевичу Голицыну с товарищи ведать ратные дела для лучшего своего государевых ратей устроения и управления». Созданный приказ под председательством Голицына был представительным учреждением, в которое вошли боярин В.Д. Долгоруков, окольничий Д.А. Барятинский, думный дворянин В.А. Змеев, отличившийся во время русско-турецкой войны. Также привлечен к его работе думный дьяк Разрядного приказа В.Г. Семенов, что обеспечивало использование всего накопленного в приказе опыта. Но что особенно важно — широко привлекались к работе выборные от командного состава армии и различных групп служилых людей. Указ предусматривал: «У того дела быть выборным и стольникам, и генералам, и стольникам и полковникам рейтарским и пехотным, и стряпчим, и дворянам, и жильцам, и городовым дворянам же, и детям бо-

ярским». Как видим, это уже не думные чины, а служилые люди московского списка и городовые вплоть до низших разрядов, мнение которых правительство хотело услышать и на поддержку которых рассчитывало. Как некоторую уступку знати можно расценивать включение в их состав стольников. По указу 7 декабря 1681 года представители городов должны были прибыть в Москву.

Сохранилось довольно полное описание работы приказа. На поставленный царем перед собравшимися вопрос о том, «в каком ратном устройстве пристойнее быти», они подтвердили прежнее, предложив при этом новую внутреннюю структуру войсковых подразделений. В приговоре значилось: то, что «пристойно», сохранить, а то, «которое показалось в боях неприбыльно, переменить на лучшее». В результате сохранено деление на полки, но далее предложено дробление их на сотни и роты с новыми возглавляющими их должностями ротмистров и поручиков. Совещанию поручено далее расписать все московские служилые чины по новым должностям, и тогда оно столкнулось с серьезным препятствием в виде местнических порядков. Отмена местничества являлась величайшим достижением внутренней политики правительства Федора. Она обставлена чрезвычайно торжественно. Просьба об отмене сформулирована в челобитной выборных Ответной палаты, с которой они обратились к царю: «Для совершенной в его государевых ратных и посольских, и во всяких делах прибыли и летучего устройства, указал бы Великий Государь всем бояром и окольничим, и думным ближним людям, и всем чинам быти на Москве в приказах и в полках, и у ратных, и у посольских, и у всяких дел в городех меж себя без мест, где кому Великий Государь укажет». Это ключевой документ всего «действия». Четкая формулировка, отработанная на заседании Ответной палаты и подготовленная, надо думать, не без участия «припадших», почти не претерпев изменений, вошла в состав «Соборного деяния об отмене местничества».

После того как это челобитье было доложено царю Федору, он распорядился о проведении в своих палатах объединенного заседания Боярской думы и Освященного собора, «чтобы то доброначальное дело им объявить и... усовето-

вать, в каком определении тому удобнее быть». Как видим, царь стремился придать решению наиболее законный характер: оно подготовлено приказом с широким участием выборных, обсуждено на заседании Боярской думы и Освященного собора. Учитывая ошибки с обсуждением первого проекта, теперь была проведена достаточно тщательная предварительная подготовка. На этот раз после длительных уговоров удалось склонить на сторону реформаторов и патриарха, что чрезвычайно усилило их позиции.

Заседание в Кремле началось с пространной речи царя, обращенной прежде всего к присутствующему духовенству во главе с Иоакимом. Она отличалась ораторским красноречием, снабжена многочисленными историческими ссылками на тот вред, который местничество принесло стране во время царствования его деда и отца. При этом он уже сформулировал свое решение вопроса: «Яко сие местничество зело благословенной любви вредительно, мира и братского соединения искоренительно, противу неприятелей общего и пристойного промышления усердия разрушительно... желаем... своим всеильным повелением оныя разрушающую любовь местничества разрушить». Речь явно была написана самим царем. В ней он проявил себя достойным учеником Симеона Полоцкого, ораторское искусство которого, несомненно, в ней прослеживается.

На этот раз патриарх и высшее духовенство полностью поддержали и прошение выборных, и решение царя, ссылаясь в своих ответных речах на Священное писание.

После этого Федор в не менее цветистом обращении повторил основные положения предшествовавшей речи, обращаясь уже к членам Боярской думы, сославшись на «совет» патриарха и Освященного собора. Согласие думных чинов, надо думать, было в известной мере вынужденным. Однако оно было получено. В «Соборном деянии об уничтожении местничества» их согласие сформулировано следующим образом: «Да погибнет во огне оное, Богом ненавистное и любовь отгоняющее местничество, и впредь да не воспомянется вовеки».

Деятельное участие царя на всех этапах подготовки и проведения мероприятий, связанных с этим важнейшим законом, не вызывает сомнений. Правда, некоторые исто-

рики высказывали предположение, что речи его не произнесены им, а прочитаны в его присутствии. Это вероятно, если вспомнить практику приема Федором иностранных послов, однако прямых указаний в этом отношении мы не имеем, да и это мало что меняет.

Сам документ об отмене местничества («Соборное деяние») 12 января 1682 года скрепили своими подписями царь и патриарх, а также все присутствующие, в том числе и некоторые из выборных. Всего под ним имеется 63 подписи. Практики скрепления царем законодательных актов до Федора мы не знаем. Принятое при его отце Уложение 1649 года Алексеем Михайловичем подписано не было. Федор не только поставил свою подпись, но и сделал это в развернутой форме, как бы подчеркивая важность совершившегося: «Божиею милостию Царь и Великий Князь Феодор Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья России Самодержец, во утверждение сего Соборного деяния и в совершенное гордости и проклятых мест в вечное искоренение моею рукою подписал». После объявления указа В.В. Голицыным последовало публичное сожжение местнических документов (разрядных книг) в Кремле перед царскими палатами, в сенях.

Менее удачны другие, не столь известные начинания правительства Федора зимой 1681/82 года. К ним относится вторая комиссия, порученная тому же В.В. Голицыну, которой предстояло рассмотреть «земское дело» — уравнивание в платежах и повинностях различных категорий городского населения (от гостей до посадских тяглых людей). Несколько удивляет поручение подобных проблем Голицыну, вряд ли очень близкому к интересам посадской среды. И снова решено привлечь по 2 человека выборных, на этот раз уже от посада, «самых лучших и добрых людей», которые должны были прибыть в Москву к 1 января следующего года. Широкое участие во второй комиссии приняли гости.

Ее деятельность явилась как бы продолжением налоговой реформы 1679 года, которую правительство Федора, по видимому, сочло незавершенной. Для этого проведен сбор сведений о тяглообложении населения. Установлена сумма общего оклада стрелецких денег, которая должна была соответствовать планируемым затратам на содержание войска.

Специальным указом новый оклад был утвержден и введен в действие. При разверстке его по городам вводилось 10 разрядов, в зависимости от населенности города с уездом и состоятельности их жителей. Для каждого из разрядов ставки стрелецких денег, приходившихся на каждый двор, колебались от 80 коп. до 2 руб. Организация самого сбора на местах изымалась из ведения воевод и передавалась земским старостам. Однако успешно начатая работа этой комиссии, как и многое из начинаний правительства Федора, не получила завершения. Известно только, что после смерти царя выборные были отпущены на места.

Конкретной задачей третьей комиссии во главе с И.А. Голицыным стало утверждение подготовленного в 1681 году наказа новым писцам, которые должны осуществить общее описание земель государства. Огромное количество накопившихся в Поместном приказе земельных споров требовало дальнейшего уточнения земельного законодательства. При обсуждении сталкивались интересы разных групп (феодалной верхушки и мелкопоместного дворянства). Работа комиссии также не получила завершения. Не удалось провести ни нового описания земель, ни размежевания спорных владений.

До сих пор является спорным вопрос, можно ли приравнять работу комиссий 1681–1682 годов к деятельности Земских соборов. Сами их устроители, несомненно, относили комиссии к таковым. Для них характерны черты, присущие Земским соборам Русского государства XVII века. Можно согласиться с мнением Л.В. Черепнина, который относил их к числу последних соборов «конструктивного характера, посвященных вопросам государственного строя». Любопытно, что возрождение Земских соборов, как и многие начинания царя, критиковалось определенными оппозиционными кругами.

Только намерением осталось начинание правительства по продолжению предпринятого Алексеем Михайловичем общего судебного законодательства. Об уточнении статей Уложения 1649 года в области земельного права уже говорилось. В 1681 году подобную работу поручили Разрядному приказу, который должен был выявить среди своих дел вопросы, не предусмотренные Уложением.

Чтобы завершить обзор деятельности правительства Федора в области реформ внутреннего управления, необходимо остановиться на мерах по усилению христианизации нерусского населения, главным образом Поволжья и Приуралья, которое имело двойственное влияние на дальнейшую историю этих народов. Царь и патриарх выступали здесь заодно. Но мероприятия светской власти и на этот раз опередили инициативу церковников. Инициатива царя не вызывает сомнений. Играла роль и его личная набожность, и отголоски борьбы «с неверными» в ходе русско-турецкой войны. Имело значение также расширение границ государства на Востоке за счет земель с языческим и мусульманским населением. При Печатном дворе открылась школа, одной из задач которой была подготовка грамотного духовенства для христианизации населения окраинных районов Поволжья и Сибири.

В мае 1681 года появилось несколько указов, на основании которых поместья и вотчины служилых мурз и татар, населенные крестьянами-христианами, отписывались в казну под предлогом того, что будто бы их владельцы принуждали христиан «к своей бусурманской вере». Условием сохранения земель в руках прежних владельцев было крещение их самих. Эти указы породили не только полупринудительное крещение владельцев, но и массовое добровольное крещение зависимого от них населения, стремившегося этим путем освободиться от личной зависимости. В ноябре 1681 года и Освященный собор призвал к усилению борьбы с «инаковерующими» и скорейшему распространению христианства на окраинах. Воздействовали в этом случае и другие меры, и в первую очередь освобождение новокрещенных на несколько лет от уплаты налогов.

Христианизаторская деятельность царя Федора высоко оценивалась его потомками. Вот как это отразилось в надписи на его надгробном портрете: «Ис тьмы махометанства и идолопоклонства множество не нуждою, но христианским благочестивым промыслом во свет православных веры приведе православных христиан, иже бяху магометаном подданных, многие села и деревни от их подданства свободи». По словам В.Н. Татищева, очень критически относив-

шегося к миссионерской деятельности правительства Федора и считавшего ее формальной, «в его время едва не все касимовские татары и часть казанских, тако ж мордвы, черемис и чувашей крещено».

Реакция на эти меры была далеко не всегда однозначна. Многие крестившиеся вскоре возвращались к своим старым верованиям. Назревало и активное сопротивление христианизации, которое выливалось в национальные восстания, например восстание в Башкирии в 1681–1686 годах.

ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И БЫТА

Особенно четко деятельная натура Федора проявлялась в близкой ему области культуры — в мерах по развитию просвещения, книгопечатания и искусства. Он был действительно первым царем, не только получившим хорошее образование, но и убежденным сторонником важности просвещения для широких слоев населения страны, почерпнув эту идею из поучений и сочинений своего учителя С. Полоцкого.

Его обширная, по понятиям XVII века, библиотека насчитывала 280 печатных и рукописных книг на русском, латинском и польском языках, часть из них принадлежала его отцу. Тематика книг разнообразна, причем около 40% их было светского характера. Среди них имелись иллюстрированные описания западных городов (Рима, Амстердама и др.), «чертежи разных государств», произведения исторического содержания, такие, как «Хроника Матвея Стройковского», «Летописи римских царей», «Киевский летописец», «История Казанская». В этом, несомненно, сказывался интерес царя к истории, также перекликающийся с мыслями о значении исторических знаний Полоцкого, который, обращаясь к царю, писал:

Книги истории возлюби читати,
От них бо мощно что бе в мире знати.
И по примеру живот свой правити,
Да бе спасенно и преславно жити.
Само чтение многие умудряет
Яко бо свещу во тьме возжигает.

Сам Федор мечтал о написании русской истории. Об этом убедительно свидетельствует предисловие к составленной по его поручению книге, в которой излагаются, безусловно, близкие ему мысли: «Только московский народ и российский историю общую от начала своего не сложили и не издано типографски по обычаю. И то есть всенародная польза, что не токмо самому себе российскому народу будет ведомость истинная о своих предках, но и приключаящихся дел при них и после них, но и иным народом будет познание и ведомость».

Были в библиотеке Федора и книги, связанные с дипломатическим церемониалом. Среди них — «Вопросы от государя о здоровье окрестных государей у послов», специально для него изготовленный по распоряжению Алексея Михайловича экземпляр «Титулярника» 1672 года. Любопытно, что стены личных покоев Федора были украшены парсунами французского и польского королей. Среди книг библиотеки имелись и лечебники, интерес к которым больного царевича вполне понятен, и тексты пьес, исполнявшихся в дворцовом театре при Алексее Михайловиче. Последнее, по-видимому, из библиотеки самого Алексея Михайловича, так как театр при Федоре перестал действовать и был закрыт по требованию патриарха Иоакима, который видел в нем «бесовские игрищи». Бережно хранились в библиотеке сочинения Полоцкого и Медведева, дорогие Федору и роскошно переплетенные. Так, например, «Плачевные» вирши Полоцкого на смерть Алексея Михайловича переплетены были в атлас «червчатый», вирши Медведева «Брачное приветствие» на женитьбу царя — в атлас алый и т.д.

Зная интерес царя к книгам, их подносили ему в качестве подарков придворные. Так, Н.И. Одоевский подарил Федору пять рукописных книг: «Книгу разрядную 7000-го со 101-го по 113-й год», «Лестницу царей и великих князей Российских» и др. Царь и сам охотно дарил книги, для чего держал в своей библиотеке несколько экземпляров изданий Печатного двора, таких, например, как «Книга хитрости ратному строю».

Об увлечении царя духовной музыкой (о чем неоднократно упоминалось в записках современников) свидетельству-

ет наличие у него, наряду с книжной, специальной нотной библиотеки, в которой содержалось 130 книг и большое количество столбцов, как с крюковой, так и нотной системой записей. Кроме того, до нашего времени дошли созданные им церковные распевы («Достойно есть» и др.). Сам Федор охотно пел на клиросе, исполняя при этом должность регента. Ему же приписывается широкое внедрение в церковную службу партесного пения.

Полоцкий до конца своей жизни, то есть до лета 1680 года, оставался духовным наставником Федора и пользовался его полным пониманием и поддержкой. Явно выступает приверженность царя к латино-польскому влиянию, внесенному в русскую культуру во второй половине XVII века. А.С. Лаппо-Данилевский, один из тщательнейших исследователей развития общественной мысли России, говорил в беседе с В.О. Ключевским по этому поводу следующее: «Прощай Федор еще 10–15 лет и оставь по себе сына, западная культура потекла бы к нам из Рима, а не из Амстердама». Поэтому оппозиционное к новому, грекофильское направление, возглавляемое патриархом Иоакимом, не рисковало открыто выступать против просветительских начинаний Полоцкого и его учеников. Очагом латинской образованности была основанная Полоцким и впоследствии возобновленная Медведевым школа при Спасском монастыре, «что за Иконным рядом», которая с 1681 года получила название Славяно-латинского училища. Школа всячески опекалась царем. Полоцкий и Медведев мечтали о создании школы высшего типа. В результате по мысли Полоцкого и стараниями Медведева была составлена «Академическая привилегия» — положение о новом учебном заведении. Она впоследствии стала основой организованной уже в правление царевны Софьи Славяно-греко-латинской академии.

Идут споры о том, успел ли царь Федор ее утвердить или это было сделано в последующее царство. В доказательство первого положения приведем отрывок из уже цитировавшейся надписи на портрете Федора: «...Научение свободных мудростей российского народа присно промышляша, и монастырь Спасский, иже во граде Китае, на то учение

определил, и весьма похвалы достойную утвердительную грамоту со всяким опасением веры охранением на то учение написа».

С именем Полоцкого связана и организованная царем во дворце так называемая «Верхняя» (то есть дворцовая) типография. Она была задумана как личная типография царя и тем самым выводилась из-под цензуры патриарха, которой подлежали издания Печатного двора. В какой-то мере типография предназначалась для издания многочисленных сочинений Полоцкого. Первым ее изданием явился выпущенный в 1679 году «Букварь». Оборудование для типографии было позаимствовано на Печатном дворе, но финансировалась она из царской казны. Кроме Полоцкого и Медведева, здесь работал художник Симон Ушаков и гравер А. Трухменский, что обеспечивало высокий полиграфический уровень ее изданий. За четыре года существования (она закрылась вскоре после смерти Федора) было выпущено всего шесть книг, из них четыре принадлежали перу Полоцкого. Здесь же печатались бланки для жалованных грамот по случаю заключения Бахчисарайского мирного договора.

Федор был большим любителем «художников всякого мастерства и рукоделия», которых охотно привлекал в мастерские палаты Кремля и внимательно следил за их работой. Так, при нем особенно расцвела художественная мастерская Оружейной палаты, где работали видные художники, такие, как И. Безмин и И. Салтанов. Работали в ней и иностранцы. Но после проверки их деятельности самим царем они были удалены из мастерской из-за невыполнения обязательств по обучению русских художников своему мастерству.

Наконец, широко известно, что царь увлекался архитектурой и градостроительством. По меткому выражению В.Н. Татищева, «он великую охоту к строению имел». Ряд зданий возведен по его собственным чертежам, в том числе Малый Кремлевский дворец (впоследствии Запасной), соборная Алексеевская церковь Чудова монастыря и др. При нем велись не только большие ремонтные работы кремлевских стен и зданий, но и в подмосковных дворцовых селах, например, в Коломенском дворце были починены «рыкающие львы у трона», хитроумная механическая конструкция,

подражавшая имевшейся у византийского императора. При переустройстве подмосковных построек особое внимание царь уделял наиболее любимому им месту отдыха, селу Воробьеву, где старый деревянный дворец заменили новым, огромным, на каменном подклете, в нем было около 60 комнат. На дороге из Москвы в Волоколамск, на Пресненских прудах, в селе Воскресенском, было основано и новое дворцовое хозяйство, разведен новый «государев» сад и устроен небольшой зверинец (предшественник современного Зоопарка). Сюда же перенесли часть разобранных построек из Измайлова. В новой подмосковной резиденции Федор неоднократно бывал вместе с маленьким царевичем Петром, которого развлекал фейерверками и пушечной пальбой.

По словам С. Медведева, Федор проявлял заботу и о распространении технических знаний и был великим любителем всяких наук, особенно математических. Он пытался создать особые дома «призрения» для нищих детей, где предусматривалось обучение их «всяким ремеслам и полезным мастерствам». Связанный с этим обстоятельный анонимный проект очень интересен и созвучен петровским начинаниям в области технического образования. Кроме обычного начального образования, делался упор на образование техническое. Детей должны были учить наукам, которые «зело во всяких случаях нужны и потребны» (в том числе фортификации, архитектуре и др.), а также ремеслам (шелковому и суконному делу, ювелирному и часовому мастерству). В рассуждениях анонимного автора проекта содержатся явные зачатки идей меркантилизма: «И таким бы способом многая Великого Государя казна, которая таким людям дается, сохранена б была и многия тысячи людей могли хлеб свой тем заживать. И те б статьи, которые ныне привозят из оных государств, учили делать в Московском государстве, а от того родилось, что за московские товары учили б платить вместо товаров золотом и серебром». Автор ссылается при этом на практику западных мануфактур и считает необходимым перенести их опыт на русскую почву.

За неимением отечественных мастеров царь стремился привлекать на русскую службу иностранных специалистов.

Так, под его покровительством был построен Арнольдом Паульсеном (З.А. Павловым) в 1680 году Бархатный двор, который изготавливал дорогие шелковые ткани, шедшие главным образом на нужды двора.

Возможно, на его деятельность по благоустройству Москвы повлияло сильное впечатление, которое произвел на молодого царя большой пожар 1676 года, когда горели здания приказов. На протяжении всего своего царствования Федор заботился о проведении противопожарных мероприятий, сам выезжал на все пожары в городе. Но главное внимание при этом было направлено на предупреждение пожаров — очистку улиц и площадей от лишней застройки, соблюдение противопожарных правил при возведении новых зданий. Уже в 1679 году Федор распорядился о сносе многочисленных шалашей и прилавков, находившихся на Красной площади. По именному указу царя предусматривалась засыпка крыш домов, состоявших из тесового или дранничного покрытия, мощение улиц. По словам В.Н. Татищева, «при нем едва ли не все переулки деревом были вымощены и велено было каменю для мощения готовить».

Опасность пожаров, в основном в деревянном городе, способствовала деятельной пропаганде каменного жилого строительства. По его распоряжению активизировалась деятельность приказа Каменных дел по заготовке белого камня и кирпича. В качестве поощрения частного строительства царь распорядился выдавать из приказа необходимые материалы с рассрочкой уплаты за них на 10 лет. В первую очередь это относилось к владельцам, строившимся «по большим улицам», а также к пострадавшим от пожаров.

Установлены три обязательных размера каменных блоков и один размер для кирпича. Для контроля за качеством продукции мастера-кирпичники должны были ставить свое клеймо на каждом 10-м кирпиче, «дабы кто своей работы не отперся». Возможно, что именно этому мы обязаны большим количеством каменных жилых строений, сохранившихся с конца XVII века.

Немало сделано Федором для упорядочения благотворительной деятельности государства и Церкви. По распоряжению царя в 1678 году произведена инспекция богаде-

лен, чтобы отделить живших в них бродяг от слабых и больных людей, действительно нуждавшихся в помощи. В результате в московских богадельнях оставлено всего 412 человек. По инициативе царя и по соглашению с патриархом содержание их было возложено на епархии, где организовали специальный сбор средств. Так, в Москве на содержание богаделен должно поступать по 10 коп. от каждой церкви. В 1682 году Федор предпринял организацию еще двух богаделен — в Знаменском монастыре и на Гранатном дворе. На их содержание отведены специальные земли, ранее принадлежавшие Архангельскому и Знаменскому монастырям. О создании школ при них уже говорилось.

Федор также смягчил жестокие наказания, в том числе отсечение рук, ног и пальцев за повторное воровство было заменено ссылкой в Сибирь (указ 17 ноября 1679 года).

Дворцовый быт времен царя Федора сочетал обычаи старины с постепенным введением некоторых новшеств. Так же как и раньше, для этого времени были характерны развлечения в виде бесед с «верховыми богомольцами» и бывалыми людьми, то есть с собранными во дворце стариками — знатоками старины, слушания сказителей и певцов. При дворе жил и свой шут — карлик Тарас. Маленькие дворцовые комнаты были полны певчих птиц и попугаев в фигурных клетках.

Кровать изготовили для царя «на столпах с кровлею и короною», расписали красками, а с внутренней стороны она «обита атласом червчатым и галуном, серебром и золотом и с бархатом золотным».

Однако новые веяния проникали в дворцовый быт. В царских палатах большое место занимали произведения живописи — парсуны отца и матери Федора, а также его старшего брата Алексея. Художники Оружейной палаты постоянно изготавливали для царя изображения излюбленных в русской практике притчей царя Соломона по старой традиции — на столешницах и других бытовых предметах и в новой для русского общества манере — «перспективным письмом». Стены палат были украшены западными гравюрами, которые прибывались гвоздями к деревянным доскам.

Многие изменения внутреннего убранства были связаны с перестройкой царских палат, в чем Федор проявил немалую изобретательность. Одна из затей его, навеянная посещением Воскресенского монастыря, — сооружение «Голгофы». Узкий коридор дворца напоминал сводчатую пещеру, стены которой художник Д. Ермолаев расписал под мрамор. Здесь помещалось распятие. Там же Федор распорядился построить «Вертоград» с Гробом Господним. Однако выполнить этот заказ царя не успели. По приказу царя должны были соорудить на крыше дворца пруд, окруженный садом.

Иностранные и русские источники свидетельствуют об интересе Федора к одежде, как своей, так и окружающих его придворных, а отчасти и армии. Повышенное внимание к туалетам отмечал впоследствии Петр I, который говорил, что при его брате двор увлекался нарядами и лошадьми. До нас дошло описание многочисленных одежд и украшений Федора, оставшихся после его смерти, как торжественных, так и повседневных. Исключительное значение придавалось «большому наряду», который использовался в особо торжественных случаях. Так, например, на литургии в Успенском соборе в праздник Успения Богородицы на Федоре «была его государева царская одежда: порфира и диадима, и Мономахова шапка». Приведем описание более скромного, но в достаточной степени роскошного наряда царя: «Кафтан царский становой, камка кизылбашская, по серебряной земле травы золотные, кружево низано жемчугом, с золотом, с золотыми запонами и с каменьями, с алмазы, яхонты и изумруды, тесьма. Зипун — тафта белая, обнизь алтабасная с алмазными запонами. Шапка горлатная с колпаком». Необыкновенное впечатление, которое произвела шапка с колпаком на Б. Таннера, нашло отражение в его записках: «На нем (то есть Федоре. — *Н.Д.*) соболя шапка, верх коей сделан клином из золотой парчи, усеян алмазами, висел вниз и колебался в разные стороны».

Ряд указов Федора изменил облик его двора, предписав сменить старые («старобытные») одежды, а именно охабни и однорядки, на «служилое платье», узкие ферези западного образца, так как старые одежды «были долги, прилично женскому платью, и к служилому и дорожному времени не-

потребны». Другим указом Федор вводил строгую регламентацию материалов, из которых фerezи изготовлялись применительно к определенным праздникам: в золотных — на Новый год, Рождество Христово и др.; в бархатных — на Рождество Богородицы, тезоименитство царя; в объяренном — в день Сергия Чудотворца и Иоанна Златоуста.

Одновременно с одеждой менялась мода и на прически. Старый обычай брить головы заменялся прическами из длинных волос.

По указу царя 1681 года (что характерно для педантичного государя) разрешалось пользоваться экипажами только определенным чином боярской верхушки, то есть высшие думные чины имели привилегию ездить летом в каретах, а зимой — в санях, запряженных обычно парой и только по праздничным дням четверкой. Люди более низких сословных групп (стольники, стряпчие и дворяне) зимой могли пользоваться саними с одной лошастью, а летом — ездить верхом. Назидательно звучит часть указа, обращенная ко второй категории и оглашенная с Постельного крыльца: «А в каретах и в санях на двух лошадях вам никому не ездить!» Регламентировался также порядок встреч служилых людей разного ранга на улицах Москвы. Для москвичей, ехавших согласно предыдущему распоряжению верхом, было признано не обязательным спешиваться для «чинения земных поклонов» при встрече с думными людьми: «А где на дороге съехаться, и вам с лошадей не сходить, и уступя с дороги, поворотя на лошади, кланяться по обычаю». Следует заметить, что эта практика сословного регламентирования быта получит в дальнейшем свое развитие в царствование Петра I.

Все эти нововведения не могли не вызвать недовольства определенных кругов общества, причем не только «ревнителей старины». Так, автор «Созерцания краткого», мыслитель, несомненно, передовой, также сетовал на них: «Иностранных обычаев, чинов председательства и чести званием, не слыханным в своем государстве, именовать, тако ж де в одеждах и в обувах, и в пище, и в житье отнюдь вновь и внезапно вводить не подобает». Однако особого протеста новые обычаи, по-видимому, не вызвали. Косвенным, более поздним, свидетельством этому может служить подметное

письмо 1708 года, осуждавшее реформы Петра I в отношении одежды, где, в частности, отмечается: «Как царь Федор Алексеевич приказал охабни переменить, и в один месяц переменяли, и указу его не ругали...»

Одним из увлечений Федора были лошади. Петр I вспоминал, что брат его «был страстный охотник до лошадей» и, несмотря на болезненность, лошадей «непрестанно смотрел и пред очами имел». Есть указания источников, что Федор сам с детства ездил верхом. Во время «походов», то есть поездок на богомолье, какую-то часть пути он совершал на роскошном турецком аргамаке.

Царь поручал послам покупке породистых лошадей за границей и, не удовлетворяясь этим, организовывал в дворцовых селах специальные конные заводы. В.Н. Татищев свидетельствовал, что Федор «великия конные заводы по удобным местам заводил». Дворцовые конюшни, так называемый Аргамачий двор, в котором содержалось около 300 лошадей, служил любимым местом зрелищ для царя и его двора. Некоторые лошади, специально для развлечения царя, обучались почти цирковым трюкам. Их, как диговинку, демонстрировали иностранным послам. Так, голландский дипломат Б. Койет рассказывал, как под руководством шталмейстера серый жеребец «начал проделывать разные фокусы, изгибая все тело в странные дуги, и курьезно прыгал то на четырех, то на двух ногах», а также еще о трех лошадях, которые «прыгали и скакали, как будто танцевали».

Особое место в жизни царя занимали различного рода религиозные церемонии. Понятно, что по слабости здоровья Федор в меньшей степени, чем его отец, принимал в них участие. В разрядных записях нередко встречаются отметки о том, что «царь за скорбью не выходил». Однако походы на богомолье в ближайшие к Москве монастыри он совершал регулярно, хотя далее Троице-Сергиева не выезжал. По свойственному ему стремлению к упорядочению он разработал и ввел обычай заранее готовить расписание этих поездок и состав сопровождавших его лиц. Вот один из выездов царского поезда из Москвы в Троице-Сергиев монастырь в сентябре 1680 года. Впереди царской свиты

Ближняя дума

ехал уставщик с певчими, по-видимому взятыми для участия в церковной службе. За ним возок «службы» кравчего М.Т. Лихачева в сопровождении 26 человек. Затем «постельный» возок под бархатным покровом. За этой служебной группой ехал рында с царским скипетром. И уже после него верхом следовал царь. Несколько отстав от него — провожавший его царский двор и назначенные «в поход» служилые люди. В таком порядке кортеж двигался от Кремля до Мещанской слободы, за которой у часовни царь молился и менял одежду на дорожную в специально разбитой для этого палатке. Отсюда же отпускались назад в город провожавшие царя бояре.

ЭПИЛОГ

Напряженная работа первых зимних месяцев 1682 года неблагоприятно сказалась на слабом здоровье царя Федора. Кроме того, после смерти сына оказался чрезвычайно важным вопрос о престолонаследии. Отсутствие прямого наследника не могло не волновать и его, и его окружение. В случае смерти царя бездетным престол должен наследовать его младший брат Иван. В 1680 году он уже достиг 14-летнего возраста и формально мог явиться наследником. Однако Иван был также слаб здоровьем и в некоторой степени умственно неполноценным. Объявление наследником младшего брата Петра создало бы (и этого Федор не мог не понимать) острую конфликтную ситуацию, что и случилось в дальнейшем. Поэтому рождение сына-наследника было для Федора не столько личным, сколько делом государственной важности. На новой женитьбе настаивало и близкое окружение. И.М. Языков советовал Федору пойти на второй брак и «имати быти от тебя естественные наследники». Врачи возражали, боясь дальнейшего ухудшения и так плохого здоровья царя.

Выбор новой невесты всколыхнул раздоры в придворной среде. Милославские (в том числе и сестры царя) считали наиболее подходящей дочь А.П. Салтыкова Прасковью

(впоследствии жену царя Ивана Алексеевича). Однако пере-
силило мнение ближних людей, прочавших в невесты 14-лет-
нюю Марфу Матвеевну Апраксину, крестницу А.С. Матве-
ева. О том, что невеста была рекомендована И.М. Языковым,
свидетельствуют записки бывших в Москве иностранцев,
которые прямо писали, что Апраксины пользовались «дру-
жеством» первого министра Языкова.

Объявление невесты царевной и великой княжной
произошло 12 февраля 1682 года, а 15 февраля состоялось
само бракосочетание. На этот раз оно происходило не в Ус-
пенском соборе, а в дворцовой церкви, куда были принесе-
ны из собора венцы. Федор чувствовал себя настолько пло-
хо, что, «в кресле сидя, изволил венчаться». Обряд был
произведен тайно в присутствии «малых людей».

Заключение врачей оказалось правильным. По словам
П.Н. Крекшина, «по браке в Великом Государе скорби в теле-
си час от часу умножашеся, а крепость телес его ослабеваше».

В последние месяцы жизни царя наметилась некоторая
перегруппировка сил в его окружении. Основная часть
«припадших» начала искать контактов с партией Нарышки-
ных и вдовствующей царицы. Это заметно было и в действи-
ях Языкова, который ранее находился в натянутых отноше-
ниях с ее двором. Под воздействием своих приближенных
и по просьбе молодой жены Федор распорядился о возвра-
щении близкого к Нарышкиным А.С. Матвеева, рассчиты-
вая также на его опытность в государственных делах. Еще
в 1680 году при подготовке посольства в Крым бояре напо-
минали о нем как о человеке, хорошо знающем посольские
обычаи. Недовольный условиями Бахчисарайского мира,
царь не мог не отнести их и за счет неопытности послов.
Так или иначе, вскоре после свадьбы царя последовало рас-
поряжение освободить Матвеева, вернуть ему имущество
(московский дом и земли). Однако Федор не решился сразу
вызвать Матвеева в Москву. Временным местом его прожи-
вания, до указа, был назначен город Лух.

Окружение Матвеева приписывало влиянию царицы
и изменение отношения Федора к Нарышкиным. По этому
поводу существуют различные мнения. Еще в первые годы
царствования Федора семья вдовой царицы подверглась

известным утеснениям. В какой степени виноват был сам царь, сказать трудно. Для этого нет достаточно проверенных данных. Однако известно его отношение к царевичу Петру, который был крестником Федора. Царь любил своего сводного брата, просил приводить его к себе во время болезни, брал с собой в летние поездки в дворцовые вотчины. Неоднократно напоминал Наталье Кирилловне об обучении Петра: «Пора, Государыня, учить крестника». Придавая важное значение этому вопросу, прежде чем согласиться с кандидатурой Н. Зотова на роль воспитателя и учителя, царь просил Полоцкого проэкзаменовать его. Есть рассказ Крекшина о том, что Наталья Кирилловна пользовалась особым расположением Федора к брату для того, чтобы добиться отмены распоряжения о переселении ее в дальние хоромы, в чем почему-то подозревала происки Языкова. По-видимому, в 1682 году отношения между царем и семьей его мачехи стали более близкими и сердечными. Фавориты же царя, теряя надежду на рождение сына от нового брака, все более начинали склоняться к кандидатуре Петра как наследника престола. Однако становилось все более явно, что новые связи и планы Языкова и Лихачевых не поддерживал четвертый из «припадших» — В.В. Голицын, преданный интересам партии Милославских и сестры царя, царевны Софьи Алексеевны, начинавшей играть одну из ведущих ролей в придворных интригах.

После женитьбы Федор прожил только два месяца и умер 27 апреля 1682 года, не дожив до своего 21-летия. Смерть его, происшедшая в сложной обстановке, связанной с началом брожения в среде московских стрельцов, интересы которых были задеты новыми реформами и злоупотреблениями стрелецких полковников, породила в народе разнообразные слухи, в том числе о его отравлении. По мнению некоторых историков, провозглашение царем Петра произошло в то время, когда Федор был еще жив и главные сторонники царевича Ивана, в том числе и царевна Софья, находились у постели умирающего. Наиболее прочувствованно простился с умершим царем искренне привязанный к нему С. Медведев в «Плаче и утишении две-

десятыми виршами, по числу Его Царского Пресветлого Величества, яже поживе в мире». Вторым посмертным памятником царю должно было стать «Житие царя Федора Алексеевича», написанное А.Т. Лихачевым, но до нас не дошедшее.

Что касается судьбы большей части «припадших», то она была предопределена их ярко выраженной пронарышкинской позицией в последний период жизни царя. Стрелецкое восстание и дворцовый переворот мая 1682 года подвели черту под недолгой карьерой фаворитов Федора. И.М. Языков погиб во время восстания. Его сын и оба Лихачевых вместе с Л.К. Нарышкиным были приговорены к ссылке в Сибирь, однако впоследствии возвращены в Москву. А.Т. Лихачев в 1700 году возглавил созданный Петром I приказ Рудных дел, но вскоре по старости отошел от дел.

Для В.В. Голицына же последовавшие за смертью царя Федора события явились ступенькой для дальнейшего восхождения до первого места в правительстве царевны Софьи.

Роль царя Федора и его правление историками оценивались различно. На наш взгляд, наиболее близка к истине характеристика, которая принадлежала Г.Ф. Миллеру: «На историю Федора можно смотреть как на переход от великих деяний царя Алексея Михайловича к преобразованиям, совершенным Петром Великим... История должна справедливо судить о всяком государе и с благодарностью заметить, сколь много уже было приготовлено отцом и братом Петра Великого».

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА И ВАЖНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ

- 1554—1555.** Дата рождения Федора Никитича Романова, отца Михаила.
- 1590.** Год свадьбы родителей Михаила.
- 1596, 12 ИЮЛЯ.** Рождение Михаила.
- 1598, 7 ЯНВАРЯ.** Смерть царя Федора Ивановича.
21 ФЕВРАЛЯ. Наречение на царство Бориса Годунова.
- 1600, НОЯБРЬ.** Опала на Романовых и их родственников.
- 1601.** Заключение Михаила с сестрой Татьяной в Белозерскую тюрьму, пострижение родителей и ссылка на Север.
- 1602.** Перевод Михаила с Татьяной и матерью Марфой в с. Клин.
- 1605, 13 АПРЕЛЯ.** Смерть царя Бориса Годунова.
ИЮНЬ. Воцарение Лжедмитрия I и возвращение всех Романовых из ссылки.
- 1606, ЯНВАРЬ.** Возведение Филарета в сан митрополита Ростовского.
17 МАЯ. Свержение Лжедмитрия I.
19 МАЯ. Наречение Василия Шуйского царем.
- 1607—1608.** Получение Михаилом чина стольника.
- 1610, 17 ИЮЛЯ.** Свержение царя Василия Шуйского. Проект патриарха Гермогена о возведении на престол Михаила Романова.
СЕНТЯБРЬ. Отъезд Филарета во главе Смоленского посольства к королю Сигизмунду III.
21 СЕНТЯБРЯ. Ввод польских войск в Москву.

- 1611, 19 МАРТА.** Московское восстание против поляков.
КОНЕЦ МАРТА – НАЧАЛО АПРЕЛЯ. Осада Москвы войсками Первого ополчения.
- 1612, 22 ОКТЯБРЯ.** Взятие Китай-города войсками Первого и Второго ополчений. Выход Михаила и Марфы из осажденного Кремля.
26 ОКТЯБРЯ. Капитуляция польского гарнизона в Кремле.
КОНЕЦ ОКТЯБРЯ. Отъезд Михаила и Марфы в костромскую вотчину с. Домнино.
НОЯБРЬ. Рассылка Временным правительством грамот о созыве Земского собора «для царского обирания».
КОНЕЦ НОЯБРЯ. Переезд Михаила и Марфы в Кострому.
- 1613, 21 ФЕВРАЛЯ.** Наречение Михаила царем и великим князем всея Руси на Земском соборе.
2 МАРТА. Отъезд из Москвы Костромского посольства к Михаилу.
14 МАРТА. Согласие Михаила Федоровича стать царем.
19 МАРТА. Отъезд Михаила и Марфы из Костромы.
2 МАЯ. Приезд Михаила и Марфы в Москву.
11 ИЮЛЯ. Венчание Михаила Федоровича на царство.
- 1614, МАЙ.** Восстание астраханцев против Марины Мнишек и Заруцкого и арест их стрельцами.
1 СЕНТЯБРЯ. Отправка правительственной делегации и войск на Север против восставших вольных казаков.
- 1615, ИЮЛЬ.** Разгром под Москвой вольных казаков под руководством Баловня.
- 1616, ЯНВАРЬ.** Новоселье во вновь отстроенном царском дворце. Наречение царской невестой М.И. Хлоповой.
- 1617, ФЕВРАЛЬ.** Столбовский мирный договор со Швецией.
- 1618, АПРЕЛЬ.** Нападение королевича Владислава на Россию.
9 СЕНТЯБРЯ. Земский собор о мерах по борьбе с Владиславом.
25 СЕНТЯБРЯ. Осада Москвы королевичем Владиславом.
1 ДЕКАБРЯ. Деулинское перемирие с Речью Посполитой.
- 1619, 14 ИЮНЯ.** Возвращение Филарета из польского плена.
22 ИЮНЯ. Наречение Филарета патриархом всея Руси.
26 ИЮНЯ. Начало работы Земского собора о реформах в стране.

- 1620.** Земский собор об условиях торговли иностранных купцов. Закон о ликвидации «белых слобод» и возврате в города посадского населения.
- 1621.** Приезд в Москву турецкого посла Фомы Кантакузина. Посольство в Данию по поводу сватовства Михаила к Доротее Августе.
- 1622.** Присвоение Филарету титула «Великого Государя».
- 1623.** Договор с Англией о дружбе и военной помощи. Посольство в Швецию по поводу сватовства Михаила к Екатерине Бранденбургской.
- 1624, 19 ОКТЯБРЯ.** Женидьба Михаила Федоровича на княжне М.В. Долгорукой.
- 1625, 6 ЯНВАРЯ.** Смерть М.В. Долгорукой.
МАРТ. Приезд персидского посольства с ризами Иисуса Христа.
27 МАРТА. Праздник Обретения Ризы Господней.
МАЙ. Указ о даровании Филарету права на церковный суд и сбор налогов.
- 1626, ЯНВАРЬ.** Смотрины царских невест.
5 ФЕВРАЛЯ. Женидьба Михаила на Евдокии Лукьяновне Стрешневой.
МАЙ. Пожар в Кремле. Шведское посольство в Москву.
- 1627.** Указ о запрещении иностранцам торговать во внутренних городах России.
АПРЕЛЬ. Рождение царевны Ирины Михайловны.
- 1629, МАРТ.** Рождение царевича Алексея Михайловича. Шведское посольство в Россию.
- 1630.** Шведское посольство в Россию.
- 1631, 27 ЯНВАРЯ.** Смерть Марфы Ивановны, матери Михаила. Датское посольство в Россию. Заключение русско-шведского антипольского союза.
- 1632, АПРЕЛЬ.** Смерть Сигизмунда III.
3 АВГУСТА. Начало Смоленской войны.
НОЯБРЬ. Смерть шведского короля Густава Адольфа.
- 1633, 10 ОКТЯБРЯ.** Смерть Филарета.
- 1634, 16 ФЕВРАЛЯ.** Капитуляция русской армии под Смоленском.
ИЮНЬ. Заключение Поляновского мирного договора. Посольство А. Олеария.
- 1635.** Начало строительства Белгородской линии обороны.
- 1636—1637.** Перестройка царского дворца.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ...

- 1637.** Закон об уголовном наказании беременных женщин. Указ об увеличении сыска беглых крестьян. Указ о запрещении покупки московским чинам земель на юге.
- 1641, 17 СЕНТЯБРЯ.** Новоселье во дворце в селе Коломенском.
- 1642.** Земский собор об Азове. Смерть Д.М. Пожарского.
- 1644, ЯНВАРЬ.** Приезд в Москву датского принца Вольдемара.
- 1645, 12 ИЮЛЯ.** Смерть царя Михаила Федоровича.
- 18 АВГУСТА.** Смерть царицы Евдокии Лукьяновны.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА И ВАЖНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ

- 1629, 19 МАРТА.** У царя Михаила Федоровича родился сын Алексей.
13 АПРЕЛЯ. Крещение царевича в Троице-Сергиевом монастыре.
- 1644.** Царевич Алексей ведет переговоры с датским королевичем Вольдемаром.
- 1645, 12 ИЮЛЯ.** Кончина царя Михаила Федоровича.
13 ИЮЛЯ. Вступление Алексея Михайловича на русский престол.
- 1646.** Составление переписных книг населения России.
ФЕВРАЛЬ. Введение повышенной соляной пошлыны.
- 1648, 16 ЯНВАРЯ.** Женитьба Алексея Михайловича на Марии Ильиничне Милославской.
НАЧАЛО ИЮНЯ. Восстание в Москве.
- 1648, СЕНТЯБРЬ — 1649, ЯНВАРЬ.** Заседания Земского собора.
Принятие Соборного уложения.
- 1649—1652.** «Посадское строение».
- 1649.** Изгнание англичан из России.
- 1650.** Восстания в Пскове и Новгороде.
- 1652.** Поставление Никона на патриаршество.
- 1653, 1 ОКТЯБРЯ.** Решение Земского собора о принятии Богдана Хмельницкого с Войском Запорожским в русское подданство.
25 ОКТЯБРЯ. Уставная таможенная грамота.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ...

- 1654, 8 ЯНВАРЯ.** Переяславская рада. Воссоединение Украины с Россией.
- 1654—1655.** Участие Алексея Михайловича в военных походах против Речи Посполитой.
- 1654.** Учреждение приказа Тайных дел.
- 1654—1656.** Указы о сыске беглых крестьян и холопов.
- 1654—1663.** Денежная реформа.
- 1656.** Приезд Симеона Полоцкого в Москву. Признание власти Алексея Михайловича молдавским государем. Участие царя Алексея Михайловича в военном походе против Швеции.
- 1658.** Валиесарское перемирие со Швецией.
- 1661.** Кардисский мир со Швецией.
- 1662, 25 ИЮЛЯ.** Восстание в Москве (Медный бунт).
- 1663.** Отмена медных денег.
- 1667, ЯНВАРЬ.** Заключение Андрусовского перемирия с Речью Посполитой. Принятие Новоторгового устава.
- 1669.** Смерть царицы Марии Ильиничны.
- 1670—1671.** Восстание С.Т. Разина.
- 1671.** Вступление Алексея Михайловича в брак с Натальей Кирилловной Нарышкиной.
- 1672, 30 МАЯ.** Рождение царевича Петра. Открытие придворного театра. Широкая дипломатическая акция России в странах Западной Европы по созданию антиосманской коалиции.
- 1674.** Присяга 10 казацких полков Левобережной и Правобережной Украины на подданство России.
- 1675.** Отправление посольства Н. Спафария в Китай.
- 1676, 30 ЯНВАРЯ.** Кончина царя Алексея Михайловича.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ЦАРЯ ФЕДОРА АЛЕКСЕЕВИЧА И ВАЖНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ

- 1661, 30 МАЯ.** Рождение царевича Федора Алексеевича.
- 1674, 1 СЕНТЯБРЯ.** «Объявление» царевича Федора народу.
- 1675—1681.** Посольства Н.Г. Спафария в Китай.
- 1676—1681.** Война России и Османской империи за Правобережную Украину.
- 1676, 18 ИЮНЯ.** Венчание Федора Алексеевича на царство. Ликвидация приказа Тайных дел.
- 1677, ИЮЛЬ — АВГУСТ.** Первый Чигиринский поход.
- 9 АВГУСТА.** Указ об отмене тарханных грамот.
- 10 АВГУСТА.** Новоуказные статьи о поместьях и вотчинах.
- 19 ДЕКАБРЯ.** Уничтожение Монастырского приказа.
- 1677—1679.** Общие смотры и разборы служилых людей в Москве.
- 1678, МАЙ — АВГУСТ.** Польское посольство М. Чарторыжского и Я. Сапеги в Москву.
- ИЮЛЬ — АВГУСТ.** Второй Чигиринский поход.
- 3—13 АВГУСТА.** Договор с Речью Посполитой о продлении перемирия на 15 лет.
- 1678—1679.** Общая («валовая») перепись населения.
- 1678.** Объединение Пушкарского и Рейтарского приказов.
- 1679, 5 СЕНТЯБРЯ.** Введение единой подати («стрелецких денег»), раскладываемой по количеству дворов.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ...

27 НОЯБРЯ. Указ об укреплении власти воевод в городах и ликвидации других городских служб.

12 ДЕКАБРЯ. Посылка межевщиков в Московский и другие уезды.

1680, МАЙ. Начало строительства Изюмской оборонительной черты. Открытие школы при Печатном дворе. Проведение военно-окружной реформы.

1681, 13 ЯНВАРЯ. Заключение мирного Бахчисарайского договора между Россией и Османской империей (на 20 лет).

24 НОЯБРЯ. Создание приказа Ратных дел. Освященный собор об усилении христианизации населения окраин.

1681, НОЯБРЬ — 1682, АПРЕЛЬ. Земский собор и соборные комиссии.

1681—1686. Восстание в Башкирии.

1682, 12 ЯНВАРЯ. «Соборное деяние» об отмене местничества.

АПРЕЛЬ. Сожжение раскольников.

27 АПРЕЛЯ. Смерть царя Федора Алексеевича.

АННОТИРОВАННЫЙ СПИСОК ИМЕН, УКАЗАННЫХ В ТЕКСТЕ

АВВАКУМ ПЕТРОВ (1621—1682) — глава раскола в православной церкви, идеолог старообрядчества, протопоп, писатель. До 1651 года жил с семьей в селе Лопатицы Нижегородского уезда. В 1651 году переехал в Москву и сблизился с членами «Кружка ревнителей благочестия». Выступил с резкой критикой церковных реформ патриарха Никона и был сослан в 1654 году в Тобольск, потом еще дальше в Сибирь. Пробыл там 10 лет. В 1666 году на Церковном соборе был лишен сана, предан анафеме. Сослан в Пустозерск, где начал активную публицистическую деятельность, сидя в земляной тюрьме. Написал множество посланий с критикой светских и духовных властей. Его единомышленники разбрасывали их в Москве. Поэтому в 1681 году вторично был осужден Церковным собором за «воровские письма» и 14 апреля 1682 года сожжен с единомышленниками в срубе. Автор свыше 100 литературных произведений. Наиболее известно автобиографическое «Житие».

АВРААМИЙ ПАЛИЦЫН (в миру **АВЕРКИЙ ИВАНОВИЧ**) (?—1626) — келарь Троице-Сергиева монастыря (1608—1619), писатель, активный деятель Смутного времени конца XVI—начала XVII века. Принимал участие в Смоленском посольстве 1610 года и, предав его руководителей, вернулся в Москву; участник боев Первого и Второго ополчений за освобождение Москвы от поляков в 1612 году, участник Костромского посольства к царю Михаилу Федоровичу весной 1613 года. Автор сочинения об осаде Троице-Сергиева монастыря «Сказания» (1619—1620).

АГАФЬЯ СЕМЕНОВНА ГРУШЕЦКАЯ (?— 1681) — царица с 1680 года. Дочь С.Ф. Грушецкого, происходившего из семьи поляков на русской службе. Первая жена царя Федора. Умерла при родах.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ (1654 — 17 ЯНВАРЯ 1670) — царевич, второй сын царя Алексея Михайловича и М.И. Милославской. В 1667 году был провозглашен наследником престола. Рассматривался в качестве претендента на польский трон. Безвременная кончина помешала этим планам.

АНАСТАСИЯ РОМАНОВНА (?—1560) — царица, первая жена Ивана IV (с 1547 года) Грозного, дочь окольного Р.Ю. Захарьина. Мать царевичей Дмитрия, Ивана, Федора (царь с 1598 года) и царевен Анны, Марии, Евдокии, умерших в детстве. Имела большое влияние на Ивана IV Грозного. Умерла в молодом возрасте. (Предположительно была отравлена.)

БАЙКОВ ФЕДОР ИСААКОВИЧ (ок. 1612—1663 или 1664) — государственный деятель, дворянин, воевода, дипломат. Чин дворянина получил в 1639 году. В 1645 году — голова в Белогородье. В 1653 году — посол в Китае, в 1658 году — воевода на Валуйке.

БАКЛАНОВ (БАКЛАНОВСКИЙ) ИВАН ИВАНОВИЧ (?) — думный дворянин, воевода, дипломат. В 1616 году был воеводой Тихвина, в 1620 году — воеводой в Твери; с 1630 года — дворянин в Московском Судном приказе. В 1632 году — посол в Данию. С 1633 года — в приказе Большой казны. В 1654 году был послом в Священную Римскую империю. С 1655 года значился как думный дворянин Пушкарского приказа, в 1668 году вновь был в приказе Большой казны, а в 1675 году — опять в Пушкарском приказе. В 1688 году был, видимо, в опале и отправлен в Сибирь воеводой Яренска.

БАРЯТИНСКИЙ МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ (?) — князь, воевода, дипломат. В 1613 году — посол в Персию. В 1614—1615 годах — воевода в Новгороде-Северском, в 1617 году — воевода в Торопце. В 1618 году вновь ездил послом в Персию.

БАРЯТИНСКИЙ ФЕДОР ПЕТРОВИЧ (?) — князь, дипломат. В 1602 году встречал датского королевича Иоганна, жениха царевны Ксении Борисовны. В 1603 году — посол в Крым. В 1608 году служил в Тушине Лжедмитрию II. В 1617 году ездил в Швецию для ратификации Столбовского мирного договора.

БАШМАКОВ ДЕМЕНТИЙ МИНИЧ (? — после 1700) — государственный деятель, думный дьяк, думный дворянин, печатник (хранитель гос. печати). Начал службу подьячим приказа Большого двора в 1653 году. Глава приказа Тайных дел (1658—1664, 1676). С 1664 года — думный дьяк в Разрядном приказе. С 1670 года — в Посольском приказе. В 1672 году отправлен главой дипломатической миссии в Польшу. В 1675 году — думный дьяк Челобитного приказа. Доверенное лицо царя Алексея Михайловича.

БОБОРЫКИН РОМАН ФЕДОРОВИЧ (?) — стольник, воевода, дворянин. С 1625 года — воевода небольших городков, с 1639 года — стольник, с 1656 года — вновь городской воевода. С 1658 по 1680 год — стольник и дворянин.

БОЛОТНИКОВ ИВАН ИВАНОВИЧ (1603—1633/1634) — думный дьяк, начал службу подьячим Новгородской четверти в 1603 году. Осенью 1610 года был смещен и отправлен в Сольвычегодск по доносу Ф. Андропова. В январе 1612 года примкнул ко Второму ополчению и стал дьяком Временного правительства. Участвовал в Земском соборе 1613 года и подписывал Утвержденную грамоту Михаила Федоровича. С 1613 по 1621 год — дьяк Стрелецкого приказа, затем — в приказе Большого дворца. Участвовал в Смоленском посыле 1615 года, подписывал Деулинское перемирие 1618 года. На царских пирах и приемах — первый среди дьяков. С 1631 по 1634 год — дьяк Казанского дворца.

БОЛОТНИКОВ ИВАН ИСАЕВИЧ (?—1608) — предводитель антиправительственного народного движения (1606—1607) за восстановление на престоле Лжедмитрия I, на самом деле Лжедмитрия II. В молодости был боевым холопом князя А.А. Телятевского, бежал на Дон, попал в рабство к туркам, бежал в Венецию, служил наемником в императорских войсках. Поверил в существование «царя Дмитрия» и был назначен главой его войска. В октябре 1606 года подошел к Москве и 5 недель осаждал ее. Из-за предательства ряда воевод был вынужден отступить сначала к Калуге, потом — к Туле, где 10 октября 1607 года вместе с самозванным царевичем Петрушей сдался царским войскам. Сослан в Каргополь. В 1608 году был утоплен.

БОРИС ФЕДОРОВИЧ ГОДУНОВ (1552—1605) — боярин (с 1580 года), конюший (с 1584 года), царь (с 1598 года), избран Земским собором. Благодаря браку сестры Ирины с царем Федором Ивановичем занимал с родственниками высокое положение при дворе. После смерти бездетного царя был избран царем на Земском соборе 1598 года. Стремился к расширению международных связей, к укреплению могущества России. Среди подданных не пользовался популярностью из-за мнительности, любви к доносам и чванства. Умер скоропостижно в 1605 году, в разгар борьбы с Лжедмитрием I.

БРЮХОВЕЦКИЙ ИВАН МАРТЫНОВИЧ (?—1668) — гетман Левобережной Украины в 1663—1668 годах, в 1665 году получил боярство, в 1668 году изменил царю Алексею Михайловичу. Добивался отделения Украины от России; убит казаками.

БУРЦОВ-ПРОТОПОПОВ ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВИЧ (?) — типограф. В 1633—1642 годах работал на Московском печатном дворе, выпустил 17 книг, в том числе и первый московский «Букварь».

БУТУРЛИН ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (?–1656) — боярин, воевода, дипломат. Начал службу в 1633 году в должности стольника и рынды. С 1644 года — чашник. В 1646 году — воевода Переяславля-Рязанского. С 1648 года — комнатный стольник и спальник. Близок к царю Алексею Михайловичу, с 1650 года — окольничий и судья приказа Большого дворца. С 1651 года возглавляет Разбойный приказ. В 1652 году получает боярство и назначается дворецким. В 1653 году в должности тверского наместника отправляется в Малороссию принимать подданство у Б. Хмельницкого и членов Переяславской рады. В январе 1654 года осуществил свою миссию и вел переговоры об условиях присоединения Украины к России. В марте 1655 года возглавлял русское войско, сражавшееся вместе с Б. Хмельницким. В декабре 1655 года умер по дороге в Москву.

БУТУРЛИН ИВАН ИВАНОВИЧ (?) — рында, стольник (с 1613 года). В 1630 году — воевода Мосальска, в 1640 году — воевода Великих Лук, в 1652–1653 годах — воевода Торопца.

ВАСИЛИЙ III ИВАНОВИЧ (1479–1533) — великий князь Московский, государь всея Руси (с 1505 года). Сын великого князя Ивана III и Софьи Палеолог. Вел активную борьбу с соперниками за власть, ликвидировал удельные княжества: Волоцкое, Калужское, Угличское, Новгород-Северское. Присоединил Псков (1510) и Смоленск (1514), Рязань (1521). Расторг брак с первой женой Соломонией Сабуровой (1525), женился на Елене Глинской.

ВАСИЛИЙ IV (ШУЙСКИЙ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ) (1552–1612) — князь, воевода, боярин, царь в 1606–1610 годах. Из рода суздальских Рюриковичей. Начал службу в 1574 году рындой, в 1584 году получил боярство. В 1586–1588 годах находился в ссылке в Галиче. В январе 1605 года выиграл битву при Добрыничах и разгромил войско Лжедмитрия I. После смерти царя Бориса признал Лжедмитрия I, но вскоре организовал против него заговор. За это был приговорен к казни, но был помилован. После женитьбы Лжедмитрия I на Марине Мнишек в мае 1606 года вновь возглавил заговор и сверг самозванца. Провозглашен москвичами царем. Однако имел непрочное положение и вел борьбу сначала с И. Болотниковым и Петрушей, потом — с Лжедмитрием II, обосновавшимся в Тушине, не пользовался популярностью среди подданных и летом 1610 года был свергнут с престола, пострижен в монахи и отдан в плен королю Сигизмунду. Умер в Польше в заточении в 1612 году. В 1635 году его прах был перевезен на родину.

ВЛАДИСЛАВ IV (1595–1648) — польский королевич, сын Сигизмунда III, польский король с 1632 года. По договору с Семибоярщиной

с 1610 года считался нареченным русским царем. В 1618 году совершил поход на Москву с целью получения трона, но потерпел поражение. Выиграл Смоленскую войну (1632–1634). По Поляновскому мирному договору (1634) отказался от своих прав на русский престол.

ВОЛКОНСКИЙ (КРИВОЙ) ГРИГОРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ (?–1634) — князь, воевода, дипломат. С 1600 года — воевода Белгорода. В 1602 году заключил выгодный для России договор с крымским ханом, в 1606 году — посол в Польшу с известием об убийстве Лжедмитрия I и воцарении Василия Шуйского. В 1614 году — воевода Каширы. С 1615 года — окольничий. В 1618 году — участвовал в обороне Москвы от войск королевича Владислава. Умер в 1634 году во время переговоров с крымскими послами в Валулке.

ВОЛКОНСКИЙ (МЕРИНОВ) ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ (?) — князь, воевода, дипломат. Начал службу в 1620 году рындой. С 1625 года — стольник. В 1629 году — воевода в Михайлове, в 1630 году — воевода в Ливнах. С 1634 года — окольничий в Челобитном приказе. Межевой судья в 1637 году. В 1643 году — воевода в Астрахани. С 1651 года — боярин. В 1656 году — воевода в Киеве. Участвовал в нескольких посольствах по поводу присоединения Украины со званием наместника Муровского. Последнее упоминание о нем в разрядах относится к 1663 году.

ВОЛОШЕНИНОВ МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ (?) — думный дьяк, дипломат. В 1644 году — посол в Польшу. С 1645 года — думный дьяк в Разрядном приказе, в 1646 году вновь был отправлен в Польшу послом. С 1649 года — думный дьяк Посольского приказа. Последнее упоминание о нем относится к 1653 году.

ВОЛЫНСКИЙ ФЕДОР ВАСИЛЬЕВИЧ (?) — воевода, окольничий. Начал службу в 1613 году стольником. Затем до 1629 года был воеводой разных городов. С 1629 года — дворянин в Поместном приказе. В 1635 году стал окольничим и исполнял эту должность до 1642 года.

ВОРОТЫНСКИЙ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ (?–1626/1627) — государственный деятель, князь, боярин. Начал службу воеводой Муром при Иване IV. В 1586–1589 годах находился в опале в связи с делом Шуйских. В 1592 году получил боярство и был назначен воеводой Казани. Служил при дворе Лжедмитрия I, но, как приятель В.И. Шуйского, вошел в состав заговорщиков, свергнувших самозванца. В 1606–1607 годах сражался с восставшими отрядами Болотникова. После свержения В. Шуйского, в котором он принимал участие, вошел в состав Семибоярщины. При введении в Москву польского гарнизона выступал против поляков и был за-

ключен в тюрьму. Считался одним из кандидатов на престол. В 1613–1615 годах и в 1618–1619 годах — воевода Казани, глава нескольких посольств к полякам. В 1621 году управлял Казанским дворцом. Перед смертью принял постриг под именем Иона.

ВСЕВОЛОЖСКИЙ РАФ (ФЕДОР) РОДИОНОВИЧ (?) — стряпчий, дворянин, помещик Касимовского уезда. Сведения о его службе относятся к 1625–1639 годам. В 1647 году царь Алексей Михайлович хотел жениться на его дочери Евфимии, но она была оклеветана, и свадьба не состоялась.

ВЫГОВСКИЙ ИВАН ЕВСТАФЬЕВИЧ (?–1664) — в 1654 году служил писарем Войска Запорожского. В 1658 году был провозглашен гетманом. В 1659 году низложен, бежал в Польшу, где был казнен по обвинению в измене.

ГЕРМОГЕН (1530–1612) — патриарх Московский и всея Руси в 1606–1612 годах. Служил священником в одной из казанских церквей, был очевидцем открытия чудотворной иконы Казанской Богоматери. В 1588 году стал первым казанским митрополитом. Публично осуждал Лжедмитрия I за его женитьбу на католичке М. Мнишек. Помогал царю в борьбе с болотниковцами и Тушинским вором. После свержения царя Василия Шуйского согласился с воцарением Владислава при условии принятия им православной веры. С декабря 1610 года рассылал по городам грамоты с призывом изгнать поляков из Москвы. За это брошен в земляную тюрьму Чудова монастыря, где умер от голода 17 февраля 1612 года, не дожив до взятия Кремля ополченцами. Канонизирован Русской православной церковью.

ГОДУНОВ (АСАНОВ) НИКИТА ВАСИЛЬЕВИЧ (?–1622) — воевода, окольничий. Дальний родственник царя Б.Ф. Годунова. В 1589 году начал службу городовым воеводой. В 1600 году получил окольничество. Лжедмитрий I сослал его в Тобольск, потом был воеводой Уфы. С 1614 по 1622 год служил в окольничих.

ГОДУНОВ ФЕДОР БОРИСОВИЧ (1589–1605) — царевич, сын Бориса Годунова. Получил прекрасное образование, часто заменял отца на посольских приемах. Составил первую карту Российского государства. Нареченный царь с 14 апреля по 1 июня 1605 года. Был свергнут сторонниками Лжедмитрия I и убит.

ГОЛИЦЫН ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (?–1619) — князь, боярин, воевода. Начал службу при царе Федоре Ивановиче. Боярство получил при Б.Ф. Годунове. В мае 1605 года перешел на сторону Лжедмитрия I и помог склонить на его сторону стоявшее под Кромами царское войско. Участник низложения Лжедмитрия I

в 1606 году и Василия Шуйского в 1610 году. Был назначен в сентябре 1610 года главой Смоленского посольства, отправленного к польскому королю Сигизмунду III для переговоров о воцарении Владислава. За отстаивание интересов русской стороны был арестован и отправлен в Польшу, где и умер около 1619 года.

ГОЛИЦЫН ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1643—1714) — князь, боярин, фаворит правительницы Софьи. Начал службу стольником при Алексее Михайловиче. Возглавлял Посольский и другие приказы. В 1680 году — командующий войсками на Украине. Заключил Бахчисарайский мирный договор с Крымом в 1681 году, возглавил комиссию по реорганизации армии, был одним из инициаторов отмены местничества (1682). После восстания стрельцов и провозглашения Софьи правительницей стал во главе Кабинета. В 1686 году заключил «Вечный мир» с Польшей. Ратовал за реформы по западным образцам. Возглавил неудачные Крымские походы 1687 и 1689 годов. После падения правительства Софьи был сослан Петром I в Архангельский край, где умер, всеми забытый.

ГОЛИЦЫН ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ (?—1627) — князь, воевода, боярин. При царе Федоре Ивановиче числился московским дворянином, в 1592 году получил околицничество. Лжедмитрий присвоил ему боярский чин за сообщение о переходе царского войска на его сторону. Вместе со старшим братом Василием участвовал в низложении Лжедмитрия I и Василия Шуйского. В 1622 году возглавил владимирский Судный приказ. Участвовал в свадьбе царя Михаила Федоровича и Марии Долгорукой в 1624 году. За местничество попал в опалу.

ГОЛОВИН ПЕТР ПЕТРОВИЧ (МЕНЬШОЙ) (?—1627) — получил боярство в 1616 году, в следующем году возглавил московский Судный приказ. В 1619 году — воевода Нижнего Новгорода, в 1625—1627 годах — воевода Астрахани.

ГОЛОВИН СЕМЕН ВАСИЛЬЕВИЧ (?—1634) — воевода, боярин. В 1613 году — околицничий и воевода Ярославля. В 1614 году, после ареста Заруцкого и М. Мнишек, — воевода Астрахани. В 1619 году — воевода Калуги. В 1622 году получил боярство. В 1624 году — воевода Казани. В 1628 году возглавил московский Судный приказ. Последнее упоминание о нем относится к 1634 году.

ГОЛОВИН ГЕРАСИМ (?) — дьяк. В 1653 году — подьячий и посол в Голландию. В 1656 году — дьяк Ямского приказа, в 1658 году — дьяк Разбойного приказа. В 1659 году — дьяк в Тобольске, с 1668 года — дьяк в приказе Большого прихода.

ГОНСЕВСКИЙ АЛЕКСАНДР КОРВИН (?—1645) — староста Велижский, Пунский, Берестинский и Могилевский, альферендарь

и писарь Великого княжества Литовского, полководец. В 1610 году был начальником польского гарнизона в Москве. В 1612–1618 годах и в 1634 и 1638 годах — начальник гарнизона в Смоленске.

ГОРДОН ПЕТР ИВАНОВИЧ (ПАТРИК ЛЕОПОЛЬД) (1635–1699) — российский генерал и контр-адмирал, шотландец на русской службе с 1661 года. Участник Чигиринских и Крымских походов.

ГОРОХОВ ИВАН САВИНОВИЧ (?) — думный дьяк с 1678 года. В 1681 году стал думным дьяком Сибирского приказа.

ГРАМОТИН ИВАН ТАРАСЬЕВИЧ (?–1638) — думный дьяк, дипломат. Сторонник Лжедмитрия I, Лжедмитрия II, доверенный человек Сигизмунда III в Москве. После смерти Филарета в 1634 году был возвращен на прежнюю службу до 1635 года и стал еще и печатником (до 1638 года). Глава Посольского приказа с 1610 года. После изгнания поляков в 1612 году считался изменником, отъехал в Польшу. Приблизительно в 1614 году вернулся в Москву. В 1618–1626 годах возглавил Посольский приказ, но попал в опалу.

ГУСТАВ II АДОЛЬФ (1594–1632) — шведский король с 1611 года из династии Ваза, полководец. Претендент на русский трон, в 1614–1617 годах вел войну с Россией. После подписания Столбовского мирного договора стал ее союзником в борьбе с польским королем Сигизмундом III. Погиб в сражении при Лютцене.

ДЕЖНЕВ СЕМЕН ИВАНОВИЧ (1605–1673) — русский землепроходец. Из поморских крестьян, попал за Урал в 30-е годы XVII века. Служил в Якутском гарнизоне. В 1648 году водным путем отправился на исследование Чукотки. Основал там Анадырский острог. Открыл пролив между Америкой и Азией. В Якутск вернулся только в 1659 году. Умер во время поездки в Москву.

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ (1582–1591) — царевич, младший сын Ивана IV и его последней, шестой жены Марии Федоровны Нагой. После воцарения Федора Ивановича был отправлен в Углич, где умер при неясных обстоятельствах. Официальная комиссия признала, что он зарезался сам во время припадка эпилепсии. Мать утверждала, что царевич был убит по повелению Бориса Годунова. Под именем царевича выступали в 1604–1612 годах несколько самозванцев: Лжедмитрий I (Григорий Отрепьев), Лжедмитрий II (Тушинский вор), Лжедмитрий III (Псковский вор Сидорка).

ДОЛГОРУКОВ (ДОЛГОРУКИЙ) ВЛАДИМИР ТИМОФЕЕВИЧ (1569–1633) — князь, воевода, боярин. Начал служить городовым воеводой при царе Борисе. Боярство получил после воцарения Михаила Федоровича. В 1608 году — воевода в Коломне.

В 1615–1617 годах — воевода в Казани, в 1622 году — боярин на патриаршем дворе. В 1624 году его дочь Мария стала женой царя Михаила Федоровича, но после свадьбы вскоре умерла. В 1628–1629 годах — воевода в Вологде.

ДОЛГОРУКОВ (ДОЛГОРУКИЙ) МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ (?) — князь, воевода, боярин. Во время царствования Федора Алексеевича судья трех военных приказов, в том числе Стрелецкого (вместе с отцом Ю.А. Долгоруким). Убит в 1682 году во время стрелецкого восстания.

ДОЛГОРУКОВ (ДОЛГОРУКИЙ) ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ (прозвище **ЧЕРТЕНОК**) (?–1682) — князь, боярин. Родственник боярина Б.И. Морозова и Милославских. Начал службу стольником в 1634 году. В 1646 году — воевода Путивля. С 1649 года — боярин. В 1656 году участвовал в дипломатических переговорах по поводу присоединения Украины в звании Суздальского наместника. В 1668 году — воевода Минска. В 1659 году — глава Пушкарского приказа. В 1664 году — наместник Тверской на дипломатических переговорах. Возглавил войско в борьбе с восстанием С.Т. Разина. С 1671 года — полковой воевода, с 1675 года — полковой и дворовый воевода. Отказался от опекуинства при царевиче Федоре Алексеевиче в пользу своего сына Михаила. Убит вместе с сыном во время Стрелецкого бунта в 1682 году.

ДОРОШЕНКО ПЕТР ДОРОФЕЕВИЧ (1627–1698) — гетман Правобережной Украины в 1665–1676 годах. Ориентируясь на Турцию и Крымское ханство, стремился распространить свою власть на всю Украину. В 1676 году капитулировал перед русскими войсками. Был переселен в Россию. Вятский воевода в 1679–1682 годах. В 1692 году предпринял неудачную попытку поднять восстание на Украине против России.

ЕПИФАНИЙ СЛАВИНЕЦКИЙ (?–1675) — русский и украинский филолог, церковный деятель, философ и педагог. Прибыл в Москву в 1649 году по приглашению правительства для ученых трудов. До этого преподавал в Киево-Могилянской академии. Стремился приобщить русских читателей к европейской книжности. Занимался переводами богословских трудов, создал кружок переводчиков при Чудовом монастыре. Составил несколько энциклопедических словарей: «Лексикон славяно-латинский», «Греко-славяно-латинский лексикон», «Филологический лексикон...». По просьбе патриарха Никона переводил сочинения по римскому праву, медицине, астрономии, географии. С 1667 года на Крутицком подворье занимается переводом «Библии». Там же им было написано более 50 трудов.

ЗАБОРОВСКИЙ СЕМЕН ИВАНОВИЧ (?—1681) — дьяк, думный дворянин. Происходил из бежецких служилых людей. С 1648 года — дьяк, с 1649 года — думный дьяк Разрядного и других приказов. С 1667 года — думный дворянин. Дядя царицы Агафьи Грушецкой.

ЗАРУЦКИЙ ИВАН МАРТЫНОВИЧ (?—1614) — казачий атаман, тушинский боярин, сподвижник Марины Мнишек в борьбе за престол. Происходил, видимо, из донских казаков, примкнул к войску И.И. Болотникова. Осенью 1607 года был отправлен Лжедмитрием II на Дон для сбора войска. Вернулся с большим отрядом и был провозглашен казачьим атаманом. В Тушинском лагере получил титул боярина и стал командовать всеми казачьими полками. Во время создания Первого ополчения примкнул к нему и вошел в состав руководства. Не желая делить власть с П. Ляпуновым, настроил против него казаков, и те его убили. После организации Второго ополчения посылал в Ярославль наемных убийц к Д.М. Пожарскому, но их поймали. В 1613 году бежал с М. Мнишек в Астрахань, где пытался создать автономное государство под покровительством персидского шаха. В 1614 году астраханцы подняли против него и М. Мнишек восстание и вынудили бежать на остров на реке Урал (Яик). Правительственные войска арестовали их и привезли в Москву, где И. Заруцкий был казнен (посажен на кол).

ЗАХАРЬИН РОМАН ЮРЬЕВИЧ (?—1543) — окольничий. Отец царицы Анастасии Романовны, первой жены Ивана IV и боярина Никиты Романовича, деда царя Михаила Федоровича. Начал службу береговым воеводой в 1531 году. Несколько раз служил городовым воеводой. За службу получил чин окольничего. Рано скончался.

ЗОЛОТАРЕНКО ИВАН (?) — наказной атаман запорожский в 1654—1655 годах.

ЗОТОВ НИКИТА МОИСЕЕВИЧ (ок. 1645—1718) — видный приказной деятель, учитель царевича Петра Алексеевича — будущего императора Петра I, граф. С 1673 года — дьяк, с 1681 года — думный дьяк. С 1701 года ближайший советник царя Петра I и генеральный президент Ближней канцелярии.

ЗЮЗИН НИКИТА АЛЕКСЕЕВИЧ (?) — воевода, боярин. Начал службу стольником в 1625 году. С 1630 года числился рындой. В 1648 году возглавил Владимирский Судный приказ. В 1653 году получает чин окольничего, затем становится патриаршим боярином. В 1658 году — боярин и воевода Путивля. С 1659 по 1661 год — воевода Новгорода.

ИБРАГИМ-ПАША (ИБРЕХИМ-ПАША) (?) — турецкий главнокомандующий в русско-турецкой войне 1677–1681 годов. Руководитель первой осады Чигирина.

ИВАН V АЛЕКСЕЕВИЧ (1666–1696) — царь с 1682 года. Сын царя Алексея Михайловича. Отличался слабым здоровьем, поэтому был провозглашен царем вместе с младшим братом Петром. До 1689 года за братьев правила сестра Софья Алексеевна, затем правил Петр, хотя Иван официально был его соправителем. Имел двух дочерей, одна из которых, Анна, стала потом императрицей.

ИВАН IV ВАСИЛЬЕВИЧ ГРОЗНЫЙ (1530–1584) — с 1533 года был великим князем московским, государем всея Руси, с 1547 года — первый русский царь. В 1550-е годы проводил много реформ, покорил Казанское (1552) и Астраханское (1556) ханства, вел длительную Ливонскую войну за присоединение Прибалтики (1558–1583). Утвердил Судебник 1550 года в качестве основного закона. Начал созыв Земских соборов. В 1565 году ввел опричнину, согласно которой вся страна была разделена на две части и всюду царил террор и произвол. В 1572 году опричнина была отменена. В конце его царствования началось присоединение Сибири (1581). В 1581 году в припадке гнева убил старшего сына Ивана. Был женат 6 раз, но после себя оставил только двух сыновей: Федора и Дмитрия.

ИВАН ДМИТРИЕВИЧ (прозвище **ВОРЕНОК**) (1610–1614) — сын Лжедмитрия II и Марины Мнишек. Выдвигался частью казачества на престол. Родился в Калуге после смерти отца. В 1611–1612 годах находился с матерью в Коломне, потом в Астрахани. В 1614 году был схвачен с матерью и И. Заруцким и казнен.

ИВАНОВ АЛМАЗ (?) — думный дяк, печатник. Начал службу в 1646 году дьяком Посольского приказа. В 1652 году ездил послом в Польшу. В 1654 году стал думным дьяком Посольского приказа. В 1660 году был на посольском съезде. В 1668 году стал печатником.

ИВАНОВ ИЛАРИОН ИВАНОВИЧ (?–1682) — думный дяк, видный администратор при царях Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче. Фактически руководил внешней политикой последнего. После ссылки А.С. Матвеева стоял во главе Посольского приказа (1676–1682). Убит во время стрелецкого восстания 1682 года.

ИЗМАЙЛОВ АРТЕМИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (?–1634) — воевода, дипломат, окольничий. Начал службу головой в Переяславле-Рязанском в 1604 году. С 1613 года — окольничий. В 1616 году был отправлен

под Смоленск послом в звании наместника Калужского. В 1620 году — воевода Астрахани. С 1628 года работал в различных приказах. В 1632—1634 годах с М.Б. Шеиным руководил русской армией, пытавшейся взять Смоленск. За нерадивость, капитуляцию и подписание крайне унижительного договора о сдаче Владиславу был казнен.

ИОАКИМ (в миру **ИВАН-БОЛЬШОЙ ПЕТРОВИЧ САВЕЛОВ**) (1620—1690) — патриарх в 1674—1690 годах. Выходец из рода московских дворян Савеловых. Принял постриг в 1655 году. Выступал как последовательный противник новых взглядов и иностранного влияния в церковных делах и в вопросах просвещения. Постоянный оппонент С. Полоцкого. Отличался энергией и суровостью. Поддержал Петра I в его борьбе с Софьей Алексеевной.

ИОАСАФ I (?—1640) — патриарх Московский всея Руси с 1634 по 1641 год. Основал Оранский Богородицкий монастырь в Нижегородском уезде. Руководил исправлением церковных книг на Московском печатном дворе.

ИОВ (в миру **ИВАН**) (?—1607) — митрополит Московский и всея Руси с 1587 года. Первый русский патриарх с 1589 года. Родом из посадских людей Старицы. В 1556 году постригся в монахи. В 1571 году был назначен архимандритом Симонова монастыря. В 1581 году стал коломенским епископом, в 1586 году — ростовским архиепископом. Активно способствовал избранию на царство Бориса Годунова. В 1605 году был свергнут Лжедмитрием I и заточен в Старицкий Успенский монастырь, где и умер. Канонизирован Русской православной церковью.

ИОГАНН (ГАНС, ИОАНН) (1583—1602) — герцог Шлезвиг-Голштинский, сын датского короля Фридриха II. В 1602 году был приглашен в Москву в качестве жениха царевны Ксении Борисовны, но внезапно заболел и умер. Сначала его прах был похоронен в лютеранской кирхе в Немецкой слободе, затем перевезен в Данию.

ИОСИФ (?—1652) — патриарх Московский и всея Руси с 1642 по 1653 год. Способствовал деятельности Московского печатного двора, где были изданы жития святых, Кормчая книга, «Грамматика» М. Смотрицкого. На Земском соборе 1651 года выступил за присоединение Украины к России.

ИРИНА ФЕДОРОВНА ГОДУНОВА (в иночестве **АЛЕКСАНДРА**) (?—1603) — царица с 1584 года. Жена царя Федора Ивановича (приблизительно с 1577 года). Сестра царя Бориса Федоровича Годунова. Родила в 1592 году дочь Феодосию, которая в 1594 году умерла. После смерти царя Федора (1598) считалась несколько месяцев

правительницей государства, хотя приняла постриг и жила в Новодевичьем монастыре. После воцарения брата Бориса пользовалась всеобщим уважением и почитанием.

ИСИДОР (?–1619) – новгородский митрополит с 1603 года. В 1605 году ездил под Кромы приводить войско к присяге царевичу Федору Борисовичу Годунову, но неудачно, войско перешло на сторону Лжедмитрия I. Венчал на царство Василия Шуйского. В 1610 году руководил обороной Новгорода от шведов. Был противником воцарения на московском престоле польского королевича Владислава. Вынашивал проект образования отдельного Новгородского государства во главе со шведским королевичем Карлом Филиппом. После избрания на престол Михаила Федоровича отправил к нему посольство с просьбой «взять Новгород под свою царскую руку». Принимал участие в заключении Столбовского мирного договора. После присоединения в 1617 году Новгорода к Москве остался на своем посту.

КАРАМЫШЕВ ИВАН КОНСТАНТИНОВИЧ (?) – воевода, дворянин. Начал службу городovým воеводой при царе Василии Шуйском. При царе Михаиле Федоровиче был воеводой Зарайска и Вязьмы, в 1619 году – воеводой Ярославля. С 1620 года – дворянин, служит при дворе. В 1621 году – пристав у английского посла Джона Мерика. С 1622 года – в Пушкарском приказе, в 1628 году – в приказе Большого прихода. Последние сведения о нем относятся к 1630 году.

КАРЛ I (1600–1649) – из династии Стюартов. Английский король с 1625 года. Постоянно находился в конфронтации с парламентом. В ходе Английской революции Карл низложен и казнен.

КАРЛ IX (1550–1611) – король шведский с 1604 года. Из династии Ваза. С 1591 года вел борьбу против племянника Сигизмунда III, польского короля. В 1608 году заключил договор о военной помощи с Василием Шуйским и выделил князю М. Скопину-Шуйскому шведский полк. Санкционировал захват Новгорода Я.П. Делагарди в июле 1611 года.

КАРЛ ФИЛИПП (1601–1622) – герцог Зедерманландский, сын Карла IX. В 1611–1612 годах рассматривался как претендент на русский трон и считался царем в Новгороде, захваченном шведами. Участвовал в военных походах короля Густава II Адольфа.

КАТЫРЕВ-РОСТОВСКИЙ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ (?) – князь, воевода, писатель. Начал службу при дворе царя Василия Шуйского стольником. Женился в 1608 году на сестре будущего царя Михаила Федоровича Татьяне (умерла в 1611 году). За попытку перейти на сторону Лжедмитрия II был сослан в Сибирь. При дворе Миха-

ила Федоровича в 1616 году получил должность чашника. С 1623 года — дворянин и воевода. В 1626 году по поручению патриарха Филарета создал собственную редакцию труда о Смутном времени, известную сейчас как «Повесть Катырева-Ростовского». В 1630 году служил во Владимирском Судном приказе. В 1635 году — воевода Новгорода. Последние сведения о нем относятся к 1637 году.

КИПРИАН (СТАРОРУСЕНКОВ) (?—1634) — писатель, новгородский митрополит (1626—1633). В 1601—1610 годах был строителем Клементьевского монастыря около Олонца, с 1610 по 1620 год — игумен Хутынского монастыря. В это время поддерживал тесные контакты с митрополитом Исидором и ездил на переговоры со шведами о воцарении Карла Филиппа. Был новгородским послом в Москву после воцарения Михаила Федоровича и вел переговоры о присоединении Новгорода к Московскому государству. В 1621—1624 годах был первым тобольским архиепископом. В 1624—1626 годах стал крутицким митрополитом и вел активную писательскую деятельность под руководством патриарха Филарета. По его заказу начал составлять «Новый летописец». Написал много канонов, стихер, похвальных слов и посланий.

КИРИЛЛ ЗАВИДОВ (?—1619) — троцкий архимандрит, ростовский митрополит с 1605 года. Лжедмитрий I низложил его, а на его место возвел Филарета (в миру Федора Никитича Романова). В период междуцарствия, когда Филарет оказался в польском плену, ростовские жители и ополченцы вновь попросили Кирилла стать ростовским митрополитом. В итоге на Земском соборе 1613 года он возглавил Освященный собор и от лица духовенства руководил избирательной деятельностью. От имени Собора вел переписку с новым царем Михаилом Романовым. До 1619 года был во главе Ростовской митрополии.

КОЛТОВСКИЙ БОРИС САВОСТЬЯНОВИЧ (?) — воевода, дворянин. Начал службу в 1626 году воеводой различных городов. В 1639 году стал московским дворянином. В 1643 году — объезжий голова. Последние сведения о нем относятся к 1652 году.

КОСАГОВ ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ (?) — воевода, русский дворянин. Начал службу в 1674 году воеводой на Дону. С 1689 года — думный дворянин. В 1690 году — воевода Чугуева, в 1693 году — воевода Путивля.

КОТОШИХИН ГРИГОРИЙ КАРПОВИЧ (1630—1667) — писатель, подьячий Посольского приказа, участник переговоров со Швецией в 1658—1661 годах. В 1664 году бежал сначала в Литву, потом в Швецию.

По заказу шведского правительства написал сочинение — ценнейший источник по истории России XVII века. Казнен за убийство.

КРАВКОВ МАТВЕЙ ОСИПОВИЧ (?) — полковник, стольник. Сведения о его службе относятся к 1663–1675 годам.

КРИЖАНИЧ ЮРИЙ (ок. 1618–1683) — по происхождению хорват. Славянский ученый, энциклопедист, писатель, сторонник и проповедник идеи «славянского единства», унии православной и католической церквей. С этой целью в 1659 году прибыл в Москву. Предложил программу преобразований в Российском государстве. В 1661 году обвинен в шпионаже и сослан в Тобольск. Написал там ряд сочинений. В 1676 году покинул Россию.

КРОМВЕЛЬ ОЛИВЕР (1599–1658) — активный деятель Английской буржуазной революции XVII века. Политическую деятельность начал в парламенте в 1628 году. В 1640 году был избран в Долгий парламент. Возглавил армию по борьбе с королем Карлом I и одержал над ним победу. Был одним из организаторов казни короля. С 1650 года — лорд-генерал (глава всех вооруженных сил), подавил восстание в Ирландии и Шотландии. С 1653 года установил режим единоличной военной диктатуры.

КУЗЬМИН ИВАН ИВАНОВИЧ (?) — стряпчий. Начал службу в 1660 году стряпчим. В 1671 году стал стряпчим с ключом, в 1675 году — стряпчий с ключом в Мастерской палате, которой ведала царица.

КУРАКИН ГРИГОРИЙ СЕМЕНОВИЧ (до 1606–1680) — князь, воевода, боярин, полковник. Начал службу рындой и стольником в 1625 году. В 1637 году — воевода Вязьмы, в 1643 году — воевода Тобольска. В 1649 году начал служить в Москве дворянином. В 1652 году — воевода на Яблоне, за эту службу получил боярство. В должности Ростовского наместника вел переговоры о присоединении Украины. В 1660 году — воевода Новгорода, в 1662 году — воевода Казани. С 1669 года при дворе в звании боярина.

КУРАКИН ФЕДОР СЕМЕНОВИЧ (ок. 1598–1654) — князь, воевода, боярин. Начал службу стольником и рындой в 1614 году, неоднократно был городовым и полковым воеводой. В 1629 году — воевода Астрахани, в 1635–1639 годах — воевода Пскова. В 1646 году получил боярство и отправлен воеводой в Астрахань. В 1653 году возглавил Владимирский Судный приказ. В 1654 году был отправлен на Украину в звании Ростовского наместника, исполнял обязанности осадного воеводы в Киеве.

КУРАКИН ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ (ок. 1623 — после 1683) — князь, воевода, боярин. Начал службу в 1640 году в должности стольника и рынды. Во время войны за присоединение Украины был головой. С 1659 года — полковой воевода, в 1660 году получил боярство. Воевода в Переяславле, Киеве, Смоленске. Участник войны с Польшей. С 1662 по 1666 год возглавлял Владимирский Судный приказ. В 1675 году стал дядькой царевича Федора Алексеевича. С 1676 по 1681 год — боярин в Думе.

ЛАДЫЖЕНСКИЙ ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ (?) — воевода, стольник. Начал службу стряпчим в 1635 году. В 1649 году — воевода Курска, в 1650 году — стольник, в 1655 году — воевода Вязьмы. С 1658 по 1662 год служил стольником при дворе.

ЛАЗАРЬ БАРАНОВИЧ (ок. 1620—1693) — украинский церковный и политический деятель, писатель, с 1657 года черниговский архиепископ. В 1674 году основал в Новгороде-Северском типографию. Автор политических сочинений в защиту православия, сборника стихов «Лютня Аполлона» (1671). Сторонник присоединения Украины к России с сохранением самостоятельности украинской церкви и независимости от московского патриарха.

ЛАРИОНОВ СЕМЕН ВАСИЛЬЕВИЧ (?) — дворянин, воевода. В 1650 году получил звание дворянина, в 1658 году — воевода Мангазеи, с 1662 по 1668 год работал в Земском приказе.

ЛЖЕДМИТРИЙ I (1581—1606) — самозванец, назвавшийся царевичем Дмитрием. Настоящее имя — Юрий Богданович Отрепьев (в монашестве Григорий). Служил у бояр Романовых. После пострижения был дьяконом Чудова монастыря, около 1602 года бежал в Речь Посполитую, тайно перешел в католичество. Выдав себя за царевича Дмитрия, сына Ивана Грозного, собрал войско и осенью 1604 года вступил в пределы России. Вел борьбу с правительственными войсками. После смерти царя Бориса в апреле 1605 года на его сторону перешло царское войско, и он, вступив в Москву, в июне 1605 года венчался на царство. В мае 1606 года женился на польке Марине Мнишек, чем вызвал недовольство знати. 17 мая 1606 года был убит боярами-заговорщиками.

ЛЖЕДМИТРИЙ II («ТУШИНСКИЙ ВОР») (?—1610) — самозванец, выдававший себя за якобы спасшегося царя Дмитрия (Лжедмитрия I). Объявился в Стародубе летом 1607 года. Собрал большую армию и летом 1608 года осадил Москву. Его лагерь находился в Тушине (отсюда прозвище). В это время в стране образовалось двоевластие. В конце 1609 года бежал в Калугу, боясь измены

польских сторонников. Несколько раз пытался вновь подступить к Москве, но неудачно. В декабре 1610 года был убит на охоте.

ЛЖЕДМИТРИЙ III (?–1613) — самозванец. Сначала в Новгороде, а потом и в Пскове выдавал себя за царя Дмитрия (Лжедмитрия II). Прозван Псковским вором Сидоркой. В Пскове толпа его поддерживала и признала истинным царем. Руководители Первого ополчения Д. Трубецкой и И. Заруцкий целовали ему крест осенью 1611 года. Вскоре его явное самозванство стало всем очевидно, и в 1612 году арестован, привезен в Москву. Казнен после воцарения Михаила Федоровича.

ЛЖЕПЕТР (ЦАРЕВИЧ ПЕТРУША) (?–1608) — самозванец, выдававший себя за никогда не существовавшего сына царя Федора Ивановича. Настоящее имя Илья Горчаков, выходец из муромских посадских людей. Служил у разных купцов, затем поступил в холопы к терскому воеводе Василию Елагину. В 1604 году провозглашен терскими казаками царевичем Петром и стал предводителем казачьих отрядов, которые разбойничали на Волге. Писал Лжедмитрию I, был приглашен в Москву, но в пути узнал о смерти самозванца и вернулся на Волгу. Потом переехал в Путивль. Позже соединился с войском И. Болотникова. Осажденный в Туле царем Василием Шуйским в 1607 году, вынужден сдаться. Казнен в Москве.

ЛИХАЧЕВ АЛЕКСЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ (?–1729) — окольничий. Участник кружка Ф.М. Ртищева. Один из учителей царевича Алексея Алексеевича. Был близок к царю Алексею Михайловичу и являлся деятельным участником его преобразований. С 1676 года — комнатный стольник царя Федора Алексеевича. В 1676–1682 годах — глава царской Мастерской палаты. В 1682 году пожалован чином окольничего. После Стрелецкого восстания в 1682 году сослан в Калязин, но вскоре возвращен. В 1700 году назначен судьей приказа Рудных дел.

ЛИХАЧЕВ ВАСИЛИЙ БОГДАНОВИЧ (ок. 1620 — ок. 1670) — дворянин, дипломат. Начал службу в чине дворянина в 1639 году. В 1656 году был приставом у имперского посла, в 1657 году — пристав у датского посла. В 1659 году — посол во Флоренции. В 1668 году был воеводой в Сосницах, захвачен в плен татарами и отвезен в Крым. Там и умер.

ЛИХАЧЕВ МИХАИЛ ТИМОФЕЕВИЧ (?) — окольничий. Младший брат А.Т. Лихачева. Начал службу в 1664 году чарочником. В 1675 году — степенный ключник Сытного дворца. В 1676 году — кравчий. С 1676 по 1682 год, а также в 1692 году стоял во главе Серебряной, Золотой и Оружейной плат. С 1678 по 1681 год — стряп-

чий с ключом. В 1683 году получил чин думного дворянина. В 1690 году — окольничий. С 1698 года — в Казенном приказе. После Стрелецкого восстания сослан вместе с братом. Вернувшись из ссылки, особой роли в политической жизни не играл. Последние сведения о нем относятся к 1700 году.

ЛИХАЧЕВ ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ (?) — думный дворянин, дипломат. Начал службу дьяком в Казани. В 1617 году — дьяк Разбойного приказа, в 1619 году вновь в Казани. В 1629 году получил чин думного дьяка и возглавил Разрядный приказ. С 1632 по 1643 год — в Посольском приказе. С 1644 года — печатник и думный дворянин. Последние сведения о нем относятся к 1651 году.

ЛУГОВСКОЙ ТОМИЛО (?) — думный дьяк. В 1610 году входил в состав Смоленского посольства. В польском плену пробыл до 1619 года. После возвращения в 1620 году стал думным дьяком в Разрядном приказе. Последние сведения о нем относятся к 1622 году.

ЛЫКОВ БОРИС МИХАЙЛОВИЧ (ЛЫКОВ-ОБОЛЕНСКИЙ) (1576—1646) — князь, воевода, боярин, государственный и военный деятель. Начал службу в 1598 году рындой на посольских приемах. В 1599 году встречал в Торжке принца Густава, жениха царевны Ксении Борисовны. В 1602 году — рында на приеме принца Йоганна, второго жениха царевны Ксении Борисовны. В 1602—1605 годах был воеводой Белгорода, перешел на сторону Лжедмитрия I и в его правительстве сначала получил чин «великого кравчего», потом боярство. В 1606—1607 годах сражался против И. Болотникова, в 1608 году — против Лжедмитрия II. Вошел в состав Семибоярщины в 1610 году и был в это время сторонником королевича Владислава. После избрания на престол Михаила Федоровича вошел в правительство, поскольку приходился ему дядей (по жене). В 1614—1615 годах разгромил отряды М.И. Баловнева. В 1618 году отразил войско Владислава и не пустил последнего в Можайск. В 1619 году — воевода Разбойного приказа, в 1621 году — воевода Казани. В 1626 году стал конюшим. В 1628 году — глава Ямского приказа. В 1634 году участвовал в посольском съезде в звании наместника Рязанского, а потом Тверского. В 1638 году — глава Казанского дворца. За несколько лет до смерти принял постриг.

ЛЬВОВ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ (?— ок. 1654) — князь, боярин, дипломат. Начал службу стольником в период междуцарствия. В 1616 году — воевода Рыльска, в 1618 — воевода Астрахани. В 1621 году — в Поместном приказе. В 1622 году отправлен послом в Данию. В 1624 году получил чин дворянина, в 1628 году — чин окольничего и начал служить в Дворцовом приказе. На посоль-

ском съезде 1634 года по поводу заключения Поляновского мирного договора — наместник Суздальский. Получил чин боярина и в 1635 году был отправлен послом в Польшу для ратификации Поляновского договора, доставил прах царя В.И. Шуйского. В 1638 году — дворецкий, боярин в приказе Большого дворца. В 1644 году вновь ездил послом в Польшу, жалован «дворечеством с путем». До 1652 года оставался дворецким.

ЛЬВОВ СЕМЕН ПЕТРОВИЧ (?) — князь, воевода, окольный. Начал службу в 1625 году стольником. В 1631 году — воевода Рыльска. В 1637 году — возница, в 1638 году — посыльный воевода. В 1650 году стал дворянином, в 1652 году — окольным. В 1656 году — воевода Вильно. Последние сведения о нем относятся к 1659 году.

ЛЮДОВИК XIV (1638—1715) — французский король с 1643 года. Из династии Бурбонов. Значительно усилил королевскую власть, вел многочисленные войны.

ЛЯПУНОВ ПРОКОПИЙ ПЕТРОВИЧ (?—1611) — рязанский воевода, думный дворянин, один из организаторов Первого ополчения. Брат З.П. Ляпунова. Принадлежал к старинному рязанскому боярскому роду и возглавлял городовую дружину Переяславля-Рязанского. В 1604 году сражался с Лжедмитрием I, после смерти царя Бориса перешел на сторону самозванца. Примкнул к движению И.И. Болотникова, но под Москвой перешел на сторону царя Василия Шуйского. За это получил чин думного дворянина. Во время осады Москвы тушинцами посылал ее жителям продовольствие. Приветствовал полководца-освободителя М. Скопина-Шуйского и даже назвал его царем. Это, видимо, спровоцировало убийство Скопина. Вместе с братом Захарием организовал заговор по свержению царя Василия, и 17 июля 1610 года тот был свергнут. От брата, вошедшего в Смоленское посольство, узнал о желании Сигизмунда III захватить русский престол и стал призывать патриотов объединиться для борьбы с поляками. Руководил Первым ополчением, в апреле 1671 года отбившим у поляков Белый город Москвы. Убит казаками.

МАРИЯ ИЛЬИНИЧНА МИЛОСЛАВСКАЯ (1625—1669) — царица с 1648 года, первая жена царя Алексея Михайловича. Мать царевны Софьи и царей Федора и Ивана Алексеевичей. Происходила из старинного литовского дворянского рода, который смог выдвинуться в Смутное время — из провинциального дворянства они перешли в состав столичного.

МАРФА МАТВЕЕВНА АПРАКСИНА (1664—1715) — царица с 1682 года. Дочь боярина М.В. Апраксина. Вторая жена царя Федора Алексеевича, но замужем была очень недолго.

МАСКЕВИЧ САМУИЛ (ок. 1580—1642) — польский шляхтич, слонимский писарь. Участник похода короля Сигизмунда III под Смоленск. Находился в России в 1609—1612 годах. Автор записок о России, которые являются ценным источником о событиях Смутного времени.

МАССА ИСААК (1587—1635) — голландский купец и торговый резидент в Москве, по происхождению итальянец. Был в России в 1601—1609 годах и 1612—1634 годах. Оставил повествование о Московии.

МАТВЕЕВ АРТАМОН СЕРГЕЕВИЧ (1625—1682) — крупный политический деятель и дипломат. С детства был товарищем царя Алексея Михайловича. Основной задачей русской политики считал присоединение к России всей Украины, отчего был сторонником мира со Швецией. Начал службу в 1645 году стрелецким головой, с 1656 года — полковник, в 1668 году был приставом у вселенских патриархов, приехавших в Москву. В 1671 году получил чин думного дворянина, в 1672 году — окольничего. Во время дипломатических переговоров стал носить звание Серпуховского наместника. Организатор первого придворного театра (1672). В 1671 году возглавил Посольский, Аптекарский, Малороссийский и другие приказы, а также Новгородскую, Владимирскую и Галицкую чети. Руководил работой по составлению «Титулярника», «Книги об избрании на престол Михаила Романова» и др. Способствовал женитьбе царя Алексея Михайловича на своей воспитаннице Наталье Кирилловне Нарышкиной и через нее с ним породнился. После смерти Алексея Михайловича по ложному доносу был сослан и лишен званий и имений. После смерти царя Федора Алексеевича, в 1682 году возвращен в Москву. Убит во время Стрелецкого восстания.

МАХМУД (МЕХМЕД) IV (1642—1687) — султан Османской империи с 1648 года. Вдохновитель агрессивной политики империи в Восточной Европе.

МЕЗЕЦКИЙ ДАНИЛА ИВАНОВИЧ (?—1628) — князь, боярин, воевода, дипломат. Начал службу в 1598 году стольником. Зимой 1606/07 года сражался с болотниковцами и за успехи получил чин окольничего. Зимой 1608/09 года входил в состав посольства М. Скопина-Шуйского к шведскому королю и помогал ему вести переговоры о найме войска. В 1610 году вошел в состав Смоленского посольства. В 1611 году был отправлен в Польшу, где согласился сотрудничать с королем. В 1612 году послан в Москву для сообщения условий Сигизмунда III по воцарению Владислава, по дороге бежал в ополчение. Принимал участие в мирных переговорах со

шведами и подписании Столбовского мирного договора. В 1617 году получил боярство. Принимал участие в подписании Деулинского перемирия. В Вязьме встречал в 1619 году Филарета, вернувшегося из польского плена. В 1620–1622 годах — воевода в Новгороде. В 1627 году возглавил Пушкарский приказ. Перед смертью постригся в монахи с именем Давид.

МЕЙЕРБЕРГ АВГУСТИН (1612–1688) — австрийский дипломат. Был в России во главе посольства в 1661–1662 годах. Составил записки о Московии.

МЕРИК ИОАНН (ДЖОН или ИВАН УЛЬЯНОВ) (?–1638) — агент, затем управляющий английской «Московской компанией», дипломат. В России с начала XVII века. В 1616–1617 годах — посредник между Россией и Швецией во время переговоров по заключению Столбовского мирного договора.

МИЛОСЛАВСКИЙ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ (?–1685) — воевода, боярин. Наиболее активный представитель клана Милославских. В царствование Алексея Михайловича возглавлял Челобитный, а затем Аптекарский приказ. Впал в немилость и отправлен на воеводство в Астрахань (1674–1675). После воцарения Федора Алексеевича вернулся в Москву и занял одно из главных мест в правительстве. Одновременно руководил более чем десятью приказами. Однако постепенно утратил влияние на царя. Один из инициаторов Стрелецкого восстания 1682 года.

МИЛОСЛАВСКИЙ ИЛЬЯ ДАНИЛОВИЧ (?–1668) — воевода, дипломат, боярин, отец царицы Марии Ильиничны, первой жены царя Алексея Михайловича. Происходил из старинного литовского дворянского рода. Начал службу в 1625 году стольником. В 1640 году — воевода на Усерде. В 1643 году был отправлен в Турцию послом в звании наместника Медынского. После женитьбы царя на его дочери Марии в 1648 году получил боярство. После отстранения от власти Б.И. Морозова сосредоточил в своих руках все нити по управлению государством. Во время русско-польской войны — дворовый воевода. Участвовал в проведении денежной реформы 1654 года, которая спровоцировала в 1662 году Медный бунт. В 1662 году возглавил приказ Большой казны, а также Иноземный и Рейтарский приказы. Занимал в Боярской думе наиболее видное место.

МИНИН КУЗЬМА МИНИЧ (?–1616) — нижегородский земский староста, инициатор и один из руководителей Второго ополчения 1611–1612 годов. Соратник князя Д.М. Пожарского. В Нижнем Новгороде был купцом средней руки. Под влиянием грамот патриарха

Гермогена начал сбор средств для создания Второго ополчения, куда позже вошел в руководство. В сражениях за освобождение Москвы от поляков летом—осенью 1612 года проявил личную храбрость. Принимал участие в организации и работе Земского собора, в 1613 году избравшего царем Михаила Романова. Вошел в состав Боярской думы, получил от нового царя чин думного дворянина.

МНИШЕК МАРИНА ЮРЬЕВНА (ок. 1588 — 1614) — в качестве жены Лжедмитрия I стала царицей в 1606 году. Дочь польского воеводы Юрия Мнишека. После свержения самозванца арестована вместе с отцом и содержалась в Ярославле. В 1608 году была освобождена Лжедмитрием II и признала его своим «спасшимся» мужем. Тайно с ним венчалась. Бежала с ним в Калугу, где после смерти самозванца родила сына Ивана. Надеялась вместе с сыном Иваном занять московский престол. После освобождения Москвы ополченцами была вынуждена вместе со своим покровителем И.М. Заруцким бежать в Астрахань. В 1614 году была арестована и умерла в заточении.

МОРОЗОВ БОРИС ИВАНОВИЧ (в иночестве **ИЛЬЯ**) (1590—1661) — государственный деятель, боярин. Воспитатель царя Алексея Михайловича, фактический глава правительства в 1646—1648 годах. Начал службу стольником в 1616 году. В 1633 году был назначен дядькой царевича Алексея. В 1634 году получил боярство. В 1646—1648 годах руководил рядом приказов, фактически возглавлял правительство. В 1648 году породнился с царем, женившись на сестре царицы Марии Ильиничны. Провел денежную реформу, которая спровоцировала Соляной бунт в 1648 году. Был сослан, но вскоре возвращен. В 1654—1656 годах числился дворовым воеводой. До 1660 года заседал в Боярской думе. Крупный землевладелец.

МОРОЗОВ ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ (?—1630) — боярин, воевода. Начал службу есаулом в Шведском (Ругодивском) походе царя Федора Ивановича в 1590 году. После похода назначен воеводой Тулы. В 1596 году — воевода Пскова. С 1601 года — окольничий. В 1604 году воевал против Лжедмитрия I, в 1606—1607 годах — против Болотникова. В 1607 году стал боярином. В 1608 году послан на воеводство в Казань. С 1612 года был в войсках Второго ополчения. Вошел в правительство Михаила Романова, участвовал в венчании его на царство. В 1626 году — воевода Казани, в 1629 году возглавил Владимирский Судный приказ.

МОРОЗОВА ФЕДОСЬЯ ПРОКОПЬЕВНА (в девичестве **СОКОВНИНА**, в иночестве **ФЕОДОРА**) (1632—1675) — боярыня, активный деятель старообрядчества. Была последовательницей взглядов про-

топопа Аввакума, состояла с ним в переписке и помогала его семье материально. Арестована в 1671 году и сослана в заточение в Боровский монастырь, где ее уморили голодом в земляной тюрьме.

МСТИСЛАВСКИЙ ФЕДОР ИВАНОВИЧ (?—1622) — князь, воевода, боярин, государственный деятель, глава Боярской думы при царях Федоре Ивановиче, Борисе Годунове, Василии Шуйском и Михаиле Романове. Трижды отказывался от выдвижения на русский трон (1598, 1606, 1610). Начал службу в Ливонских походах царя Ивана Грозного. В 1576 году уже боярин. В 1585 году стал во главе Боярской думы. Неоднократно участвовал в военных походах и береговой службе. Возглавлял русское войско, оборонявшее Москву от Девлет-Гирея в 1591 году. С царем Федором участвовал в осаде Нарвы в 1590 году, потом до 1593 года сражался у Выборга. В 1604 году возглавил русскую армию, отправленную против Лжедмитрия I, в сражении под Новгород-Северским тяжело ранен и потерпел поражение. Сохранил высокое положение при Лжедмитрии I и при Василии Шуйском. В 1610 году возглавил Семибоярщину. Инициатор приглашения на трон польского королевича Владислава. Оказался в захваченной поляками Москве до конца октября 1612 года. Получил от короля Сигизмунда III чин конюшего. Был сослан ополченцами в Ярославль. После избрания Михаила Романова на престол по его инициативе до мая возглавлял Временное правительство в Москве. Затем снова стал главой Боярской думы (конюшим) и находился в этом чине до смерти в феврале 1622 года.

НАРБЕКОВ АФАНАСИЙ САМОЙЛОВИЧ (?) — воевода. Начал службу в 1629 году жильцом. В 1651 году — дворянин, в 1663 году — казначей до 1676 года.

НАРЫШКИН АФАНАСИЙ КИРИЛЛОВИЧ (?—1682) — стольник. Брат царицы Натальи Кирилловны. В 1677 году сослан вместе с братом Иваном. Во время восстания 1682 года обвинен восставшими в покушении на жизнь царя и убит.

НАРЫШКИН ИВАН КИРИЛЛОВИЧ (1658—1682) — боярин. Старший брат царицы Натальи Кирилловны и А.К. Нарышкина. Убит восставшими в 1682 году вместе с братом Афанасием.

НАРЫШКИН КИРИЛЛ ПОЛУЭКТОВИЧ (1623—1691) — боярин, отец царицы Натальи Кирилловны. Сын Полуэкта Ивановича Нарышкина, тарусского дворянина, убитого под Смоленском в 1633 году. Родственник А.С. Матвеева (по жене). Начал службу выборным дворянином по Тарусе. В 1654 году был стрелецким головой в Смоленске. С 1658 года — стряпчий в рейтарском полку. В 1671 году стал думным дворянином, в 1672 году — окольничим,

в 1673 году — боярином. После воцарения Федора Алексеевича в 1676 году был отстранен от дел. Во время Стрелецкого восстания 1682 года его сыновья Иван и Афанасий были убиты, а сам он пострижен в монахи под именем Киприан.

НАРЫШКИН ЛЕВ КИРИЛЛОВИЧ (1644—1705) — боярин, брат царицы Натальи Кирилловны. После Стрелецкого восстания 1682 года отправлен в ссылку. В 1687 году возвращен из ссылки и получил чин боярина. Стал главным советчиком царицы Натальи Кирилловны. После выдвижения Петра I в первые государи занял в Боярской думе ведущее положение. Во время Великого посольства Петра I остался в Москве и возглавил комиссию по управлению страной. С 1682 по 1702 год возглавлял Посольский приказ.

НАТАЛЬЯ КИРИЛЛОВНА НАРЫШКИНА (1651—1694) — царица с 1671 года. Происходила из древнего, но незнатного рода южных провинциальных дворян. В 1672 году родила сына Петра, будущего императора. В 1676 году после смерти царя Алексея Михайловича положение Натальи ухудшилось, поскольку на престол вззошел Федор Алексеевич, окруживший себя родственниками матери — Милославскими. После его смерти в 1682 году новым царем был провозглашен сначала Петр, а потом и Иван (сын Марии Милославской). Регентшей при них стала царевна Софья, ненавидевшая царицу Наталью. Только в 1689 году регентству Софьи пришел конец, и положение вдовой царицы и ее родственников упрочилось.

НЕРОНОВ ИВАН (в монашестве **ГРИГОРИЙ**) (1591—1670) — идеолог раскола, учитель и друг протопопа Аввакума. Член «Кружка ревнителей благочестия», протопоп Казанского собора в Москве с 1649 года. В 1653 году сослан за критику реформ патриарха Никона. На Вселенском соборе 1666 года раскаялся и был назначен архимандритом Данилова монастыря в Переславле-Залесском.

НИКИФОРОВ ЮРИЙ ИВАНОВИЧ (прозвище **ПРОТАС**) (?) — думный дьяк. Начал службу подьячим приказа Тайных дел. В 1672 году — дворцовый дьяк. В 1683 году стал думным дьяком. В 1690 году возглавил Поместный приказ в качестве думного дьяка. В 1692 году — в Расправной палате Поместного приказа. С 1699 по 1700 год — думный дьяк в Поместном и Холопьем приказах.

НИКОН (в миру **НИКИТА МИНИН (МИНОВ)**) (1605—1681) — патриарх Московский и всея Руси с 1652 года. Выходец из нижегородских крестьян. Обучался до 20 лет в Макарьевском монастыре. В 1625 году женился и стал священником. После смерти троих детей постригся в монахи в Анзерском скиту на Соловках. В 1639 году основал монастырь в Каргопольском уезде. В 1646 году в Москве был представлен

царю Алексею Михайловичу. Стал архимандритом Новоспасского монастыря. В 1649 году — митрополит Новгородский. Став патриархом, проводит церковную реформу, вызывая раскол Церкви. Вступает в конфликт с царем, поскольку считает священство выше царства. В 1658 году самовольно покидает патриаршество. Вселенский собор 1666 года лишает его сана и предаёт проклятию. Сослан в Ферапонтов Белозерский монастырь. В 1681 году царь Федор Алексеевич разрешил ему вернуться в Москву, в Новоиерусалимский Воскресенский монастырь (основанный Никоном), но по дороге туда Никон умер.

ОДОЕВСКИЙ НИКИТА ИВАНОВИЧ (БОЛЬШОЙ) (?—1689) — князь, воевода, боярин. Начал службу в 1621 году стольником. В 1633 году — рында. В 1640 году получил боярство и был отправлен воеводой в Астрахань. Носил звание наместника Астраханского. Занимался составлением текста Соборного уложения, принятого на Земском соборе 1649 года в качестве основного сборника законов государства. В 1651 году — воевода Казани. На Виленском съезде в 1656—1668 годах — Астраханский наместник. Посол на посольском съезде 1662 года. В 1668 году возглавил приказ Большой казны, потом Рейтарский и Иноземный приказы. В 1676 году становится комнатным ближним боярином царя Федора Алексеевича. В 1681 году — председатель Расправной палаты. Последнее упоминание о нем относится к 1689 году.

ОДОЕВСКИЙ ЯКОВ НИКИТИЧ (?) — воевода, боярин. В 60—70-е годы XVII века дважды был воеводой в Астрахани. Судья Сысного приказа и Казанского дворца, а в 1696 году — Аптекарского приказа.

ОЛЕАРИЙ АДАМ (1603—1671) — немецкий путешественник, дипломат, придворный советник, математик и антикварий шлезвиг-голлштинского герцога Фридерика и его преемника. Посетил Москву в 1633—1634 и в 1635—1636 годах. Сочинение «Описание путешествия в Московию...» (1643) содержит сведения по географии и истории России, снабжено множеством карт и рисунков.

ОРДИН-НАЩОКИН АФАНАСИЙ ЛАВРЕНТЬЕВИЧ (ок. 1605—1680) — государственный и военный деятель, блестящий дипломат, боярин (1667). Начал службу в 1657 году воеводой в Куконосе. Руководил переговорами России со Швецией, в результате которых заключен Валисарский договор (1658). Получил звание думного дворянина. В 1659 году — посол в Швецию, в 1673 году — посол в Польшу. За службу получил звание окольничего (1666) и возглавил Посольский приказ, а затем Малороссийский, Галицкую и Владимирскую четь. Заключил Андрусовское перемирие. Инициатор устройства почтовой связи между Москвой, Ригой и Виль-

но. В 1671 году в связи с переменой внешнеполитического курса был отставлен от службы. В 1672 году постригся в монахи.

ПЕТРЕЙ ДЕ ЕРЛЕЗУНДА ПЕТР (1570–1622) — шведский дворянин, дипломат, военный комиссар при экспедиционном корпусе шведского короля Карла IX. В 1611 году принимал участие в разоблачении Лжедмитрия III. Был в Москве в 1617 году. Составил сочинение о Московии (1620).

ПОЖАРСКИЙ ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ (1578–1642) — князь, боярин (с 1613), полководец, народный герой, соратник К. Минина. Начал службу стряпчим с платьем, затем получил чин стольника. В 1610 году примкнул к рязанскому воеводе П. Ляпунову, выступившему против польского засилия в Москве. Вошел в состав Первого ополчения и принял участие в Московском восстании в марте 1611 года. Был тяжело ранен. В конце 1611 года стал во главе Второго ополчения. В августе 1612 года во время битв с гетманом Хоткевичем объединился с Первым ополчением под руководством Д.Т. Трубецкого. Вместе с ним в октябре 1612 года освободил столицу от поляков. Был одним из организаторов избирательного Земского собора 1613 года. От царя Михаила Федоровича получил чин боярина. Воевал с польскими отрядами под Орлом (1615), под Калугой (весна 1617 года), у Арбатских ворот в Москве (осень 1618 года). В 1629 году — воевода Новгорода, в 1617–1640 годах возглавлял ряд приказов. На дипломатических приемах 1639–1640 годов — Коломенский наместник.

ПОЖАРСКИЙ РОМАН ПЕТРОВИЧ (?–1636) — князь, воевода. Входил в состав Второго ополчения, освобождая Москву от поляков. В 1613 году — воевода Суздаля, в 1626 году — воевода Брянска, в 1629 году — пристав у персидского посла, в 1631 году — воевода Вязьмы и дворянин, в 1634 году — судья на Литовском рубеже.

ПОТЕМКИН ПЕТР ИВАНОВИЧ (?–1697) — дипломат, окольныйчий. Начал службу в 1651 году стряпчим. В 1656 году стал стольником и сеунщиком во время русско-польской войны. В 1674 году — посол во Францию, в 1675 году — посол в немецкие города. С 1688 года — думный дворянин. С 1690 года — во Владимирском Судном приказе. С 1693 года — окольныйчий. Последние сведения о нем относятся к 1697 году.

ПРОНСКИЙ МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ (прозвище РЫБИН) (ок. 1607–1655) — князь, воевода, боярин. Начал службу стольником в 1625 году. В 1632 году — рында. В 1634 году — воевода на Терке, в 1639–1641 годах — воевода Пскова, в 1643–1647 годах — воевода в Казани. С 1648 года — боярин. В 1650 году на дипломатических переговорах — наместник Псковский. В 1651–1652 годах — воевода Астрахани.

ПРОТОПОПОВ СЕМЕН МИХАЙЛОВИЧ (?–1682) — в 1668–1676 годах — дьяк Посольского приказа. Ведал испанскими и итальянскими делами, московскими иноземцами и Мещанской слободой. В 1665, 1672 и 1673 годах был послан в Польшу с грамотами. В 1676 году пожалован в дьяки и назначен в Разбойный приказ. С 1679 по 1682 год — третий дьяк Посольского приказа.

ПУШКИН БОРИС ИВАНОВИЧ (?–1652) — дипломат, воевода, окольныйничий. Начал службу стольником в 1619 году. В 1626 году — дворянин. В 1630 году — в Разбойном приказе. В 1632 году был отправлен послом в Швецию. В 1635 году — воевода Мангазеи, в 1641 году — воевода на Яблоне. В 1643 году вновь в Разбойном приказе. В 1644 году — пристав у королевича Вольдемара до 1645 года. С 1646 года окольныйничий. В 1649 году посол и наместник Брянский. Последние сведения о нем относятся к 1652 году.

ПУШКИН ГАВРИЛА ГРИГОРЬЕВИЧ (в иночестве **ГЕРАСИМ**) (?–1638) — воевода, думский дворянин. Начал службу в 1581 году стрелецким сотником. В 1598 году — голова, в 1601 году — воевода Белгорода, затем сослан в Пелым письменным головой. В 1605 году с Н. Плещевым поднял москвичей против Годуновых и способствовал падению их власти. За это получил от Лжедмитрия I чин думного дворянина и сокольничего. В 1608–1609 годах воевал против Лжедмитрия II, участник Клушинской битвы 1610 года. В 1612 году был в ополчении Д.Т. Трубецкого. В 1614 году — воевода в Вязьме, в 1619 году — в Разбойном приказе. До 1635 года был сокольничим и думным дворянином при дворе. Затем постригся в монахи под именем Герасим.

ПУШКИН ГРИГОРИЙ ГАВРИЛОВИЧ (прозвище **КОСОЙ**) (ок. 1607–1656) — дипломат, воевода, боярин, сын Пушкина Гаврилы Григорьевича, любимец Алексея Михайловича. Начал службу в 1625 году стольником. С 1630 года — воевода в русском войске. В 1634–1636 годах — судья на Литовском рубеже. В 1639 году — воевода в Путивле. В 1644 году — посол в Польшу в чине думного дворянина и наместника Алатырского. В 1646 году — посол в Швецию в чине окольныйничего. За службу получил боярство. В 1647 году стал оружейничим и на дипломатических приемах именовался наместником Нижегородским. В этом звании в 1650 году отправлен послом в Польшу. В 1655 году — воевода Смоленска. Последние сведения о нем относятся к 1656 году.

ПУШКИН МАТВЕЙ СТЕПАНОВИЧ (ок. 1632–1698) — дипломат, воевода, боярин, племянник Гаврилы Григорьевича. Начал службу в 1650 году в должности стольника. В 1654 году — есаул, затем — рында. В 1668 году — пристав у польских послов. В 1672 году — вое-

вода Смоленска. В 1675 году получил чин окольничего и в чине наместника Алатырского был отправлен послом в Польшу, затем назначен воеводой Киева. В 1685 году получил боярство и возглавил Владимирский Судный приказ, в 1690 году — в палате у Расправных дел. В 1697 году — воевода Азова.

ПУШКИН СТЕПАН ГАВРИЛОВИЧ (ок. 1607—1656) — дипломат, воевода, окольничий. Начал службу в 1625 году стольником. В 1644 году — воевода Рыльска. В 1649 году стал окольничим. В 1650 году — посол в Польшу в звании наместника Алатырского. В 1653 году — воевода Путивля, в 1655 году — в Смоленске. Последнее упоминание о нем относится к 1656 году.

РАЗИН СТЕПАН ТИМОФЕЕВИЧ (ок. 1630—1671) — руководитель восстания казаков. В 1662—1663 годах был донским атаманом и воевал с крымцами и турками. В 1667 году совершал разбойные походы на Волгу и Урал, в 1668—1669 годах — в Персию. Весной 1670 года возглавил антиправительственное восстание, был выдан казацкими старшинами и казнен в Москве.

РЕПНИН (РЕПНИН-ОБОЛЕНСКИЙ) БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ (?—1670) — князь, дипломат, воевода, боярин. Начал службу в 1625 году стольником. В 1639 году возглавил Серебряную палату и Новую четь. В 1645 году — воевода Астрахани. В 1649 году — глава Владимирского Судного приказа. В 1651 году — воевода Белгорода, в 1653 году — посол в Польшу в звании наместника Великопермского. С 1656 по 1661 год — воевода в Смоленске, затем до 1663 года — во Владимирском Судном приказе.

РЖЕВСКИЙ ИВАН ИВАНОВИЧ (?—1678) — воевода в Енисейске, окольничий. Возглавлял российское посольство в Речь Посполитую в 1653 году. Комендант Чигиринской крепости. При второй обороне города убит.

РОМАНОВ ИВАН НИКИТИЧ (прозвище **КАША**) (?—1640) — воевода, боярин, дядя царя Михаила Федоровича. Начал службу есаулом в Нарвском походе царя Федора Ивановича. С 1591 года — стольник. В 1601 году сослан в Пелым по делу Романовых. В 1602 году переведен в Нижний Новгород. В 1605 году Лжедмитрий I произвел его в бояре. В 1606—1607 году — воевода Козельска, разбил сторонника Лжедмитрия II В.Ф. Мосальского. В 1610 году вошел в Семибоярщину и до октября 1612 года находился в осажденной Москве. Участвовал в Земском соборе 1613 года. Во время венчания Михаила держал царскую шапку. На свадьбе Михаила и Марии Долгорукой в 1624 году был посаженным отцом. Занимал в Боярской думе видное место.

РОМАНОВ НИКИТА ИВАНОВИЧ (?–1654) — боярин, двоюродный брат царя Алексея Михайловича. Начал службу в 1644 году чашником. В 1646 году — боярин. При венчании Алексея Михайловича осыпал его золотыми. Был популярен в народе, остановил в 1648 году восстание против Б.М. Морозова и П.Т. Траханиотова. К нему присылали челобитные из разных городов с просьбами о заступничестве. Во время Польского похода 1654 года находился при государе и умер в пути.

РОМОДАНОВСКИЙ ГРИГОРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ (ок. 1626–1682) — князь, воевода, боярин. Начал службу в 1646 году стольником, в 1654 году — сотенный голова, воевода. В 1654–1656 годах участвовал в войне против Польши. В 1656 году получил окольниковство и был назначен воеводой Белгорода, на воеводстве в 1668 году получил боярство. В 1670 году руководил подавлением восстания С.Т. Разина на верхнем Дону и на Украине. В 1674 году возглавил Белгородский разряд. В 1675 году — воевода Курска. Командовал армией во время Чигиринских походов. Убит в 1682 году восставшими стрельцами.

РОМОДАНОВСКИЙ ЮРИЙ ИВАНОВИЧ (ок. 1628–1680) — князь, воевода, боярин. Начал службу в 1648 году стольником, в 1650 году — воевода Мценска. В 1654 году — комнатный стольник, в 1655 году — воевода Могилева, в 1658 году — чашник. В 1668 году стал боярином и возглавил Пушкарский приказ. В 1675 году был отправлен воеводой Казани. Последнее упоминание о нем относится к 1680 году.

РТИЩЕВ ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ (1626–1673) — окольниковый, ближний человек царя Алексея Михайловича. Начал службу в 1645 году стряпчим, в 1650 году стал спальником, в 1652 году — постельничим, в 1656 году — окольниковый во дворце. Воспитатель царевича Алексея Алексеевича с 1664 года. Глава ряда приказов (Большого дворца, Тайных дел). Входил в «Кружок ревнителей благочестия». На собственные средства открыл в Москве ряд больниц, богаделен, а также школу при Андреевском монастыре.

САВИНОВ АНДРЕЙ (?) — духовник царя Алексея Михайловича. В 1676 году по требованию патриарха Иоакима, с которым у него были крупные разногласия, осужден Церковным собором и сослан в Кожеозерский монастырь.

САЛТЫКОВ БОРИС МИХАЙЛОВИЧ (?–1640) — воевода, боярин, дворецкий, двоюродный брат царя Михаила Федоровича. С 1613 года — стольник во дворце, с 1614 года — боярин, с 1617 года — дворецкий. В 1626 году сослан в Самару на воеводство (за оговор

царской невесты Марии Хлоповой). С 1634 по 1640 год — боярин в Челобитном приказе.

САЛТЫКОВ МИХАИЛ ГЛЕБОВИЧ (?— ок. 1618) — боярин-изменник. Начал службу в 1580 году полковым воеводой. С 1597 года — окольничий, с 1601 года — боярин. В 1602 году встречал датского принца Иоганна. Под Кромами в 1605 году перешел на сторону Лжедмитрия I. Царь Василий Шуйский сослал его в Орешек. В 1609 году бежал в Тушино. В 1610 году возглавил посольство к Сигизмунду III с просьбой дать на престол Владислава. В 1610—1611 годах — главный помощник поляков по управлению Москвой. Угрожал патриарху Гермогену за патриотическую деятельность. В 1611 году отправился послом к Сигизмунду, выехал в Польшу и там умер.

САЛТЫКОВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ (?—1659) — боярин, двоюродный брат царя Михаила Федоровича. Начал службу в 1613 году стольником, в 1618 году — кравчий, в 1623 году — окольничий. В 1626 году сослан на воеводство в Чебоксары за оговор царской невесты Марии Хлоповой. В 1636 году — в Разбойном приказе. С 1641 года — боярин в Разбойном приказе. На дипломатическом приеме в 1648 году — наместник Тверской. Последние сведения о нем относятся к 1659 году.

САМОЙЛОВИЧ ИВАН (?—1690) — гетман Левобережной Украины с 1672 года. Добивался воссоединения ее с Правобережной частью. В 1674 году — гетман всей Украины. Принимал участие в защите Чигирина от турецких войск. В 1687 году во время Крымских походов был обвинен в сношениях с крымскими татарами и сослан в Сибирь.

САПЕГА ЛЕВ ИВАНОВИЧ (1557—1663) — великий канцлер (1589—1623) и великий гетман (1625—1633) Литовский и воевода Виленский (1623—1633). Играл большую роль в переговорах Речи Посполитой с Россией. В 1600 году возглавлял польское посольство в Москву. Поддержал авантюру Лжедмитриев. В 1618 году участвовал в заключении Деулинского перемирия.

СЕМЕНОВ ВАСИЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ (?—1693) — приказный человек Разрядного приказа. С 1656 года — подъячий, с 1664 года — дьяк, с 1676 года — думный дьяк. С 1676 по 1685 год возглавлял Разрядный приказ. Принимал участие в Чигиринских походах как руководитель Полковой избы.

СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ (1314—1392) — святой чудотворец, основатель и игумен Троице-Сергиева монастыря, основоположник русского монашеского подвижничества. Крупный государствен-

ный деятель, способствовавший возвышению Москвы, вдохновил Дмитрия Донского на Куликовскую битву.

СИГИЗМУНД III (1566—1632) — польский король с 1587 года. Номинально с 1592 по 1599 год считался шведским королем, но не правил, поскольку власть захватил его дядя Карл IX. В 1604 году поддержал авантюру Лжедмитрия I. В 1609 году осадил Смоленск и в 1611 году захватил его. Выставлял свою кандидатуру на русский престол, а в 1612 году даже пытался править страной. Был отогнан ополченцами. Арестовав отправленных к нему русских послов, удерживал их длительное время (до 1619 года).

СИЛЬВЕСТР МЕДВЕДЕВ (в миру **СИМЕОН АГАФОНОВИЧ**) (1641—1691) — просветитель, публицист, поэт, ученый. Автор многих полемических сочинений против кальвинистов и сторонников грекофильского направления. Начал подьячим курской Приказной избы, откуда в 1665 году взят в приказ Тайных дел. Ученик, а с 1676 года секретарь С. Полоцкого. В 1678—1689 годах — справщик Московского печатного двора, учитель в школе при Заиконоспасском монастыре. Сторонник царевны Софьи. В 1691 году по обвинению в участии в заговоре Ф.Л. Шакловитого казнен.

СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ (в миру **САМУИЛ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ ПЕТРОВСКИЙ-СИТНИАНОВИЧ**) (1629—1680) — белорусский и русский общественный деятель, писатель и публицист, поэт и драматург. В 1656 году принял монашество и преподавал в полоцкой Братской школе. В 1664 году приехал в Москву. Являлся наставником царевичей Алексея и Федора Алексеевичей и царевны Софьи. В 1678 году организовал в Московском Кремле типографию. Открыл школу при Заиконоспасском монастыре и преподавал в ней. Автор проекта Славяно-греко-латинской академии. Один из зачинателей русской силлабической поэзии и драматургии.

СКОПИН-ШУЙСКИЙ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ (1586—1610) — князь, боярин, полководец, родственник царя Василия Шуйского. Начал службу в 1604 году стольником, затем назначен воеводой. Лжедмитрий I присвоил ему чин великого мечника и боярина. Участвовал в подавлении восстания И. Болотникова. В 1608 году был послан в Новгород для заключения договора о военной помощи со шведским королем. В 1609 — начале 1610 года вел бои с Лжедмитрием II и отогнал его от Москвы. Снискал славу полководца-освободителя. В апреле 1610 года внезапно умер. Современники полагали, что он был отравлен. За заслуги перед отечеством похоронен в царской усыпальнице Архангельского собора.

СОФЬЯ АЛЕКСЕЕВНА (1657—1704) — царевна, дочь царя Алексея Михайловича от брака с М.И. Милославской, правительница (регентша) в 1682—1689 годах при малолетних Иване и Петре Алексеевичах. Правительство Софьи заключило «Вечный мир» (1686) с Речью Посполитой, Нерчинский договор (1689) с Китаем. Свергнута с престола Петром I и заключена в Новодевичий монастырь. После поражения Стрелецкого бунта (1689) пострижена в монахини.

СПАФАРИЙ НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧ (МИЛЕСКУ НИКОЛАЕ СПЭТАРУЛ) (1636—1708) — молдавский ученый, дипломат, писатель. В 1653—1671 годах находился на службе у молдавских и валахских господарей. В 1671 году переехал в Москву и поступил переводчиком в Посольский приказ. В 1675—1678 годах возглавлял русское посольство в Пекине. Участник Азовского похода 1695 года. Создал первое в России описание Китая.

СТРЕШНЕВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ (ок. 1601—1655) — боярин, дипломат, родственник царицы Евдокии Лукьяновны. Начал службу в 1619 году стряпчим. В 1634 году участвовал в переговорах с поляками по поводу подписания Поляновского мирного договора в звании наместника Новоторжского. Получил за службу окольничество. В 1636—1644 годах — на дипломатической деятельности. В 1645 году отправлен послом в Польшу в звании наместника Вологодского. За службу получил боярство. Участвовал в коронации Алексея Михайловича.

СТРЕШНЕВ РОДИОН МАТВЕЕВИЧ (1628—1688) — боярин, родственник царя Алексея Михайловича. Начал службу в 1646 году стольником, через два года — спальник, еще через два года — комнатный стольник. Близок к царю Алексею Михайловичу. В 1657 году получил окольничество, в 1663 году возглавил Сибирский приказ. В 1677 году получил боярство и до смерти оставался в Думе.

СТРОЕВ АНДРЕЙ (?) — дьяк. Начал службу дьяком в 1628 году. В 1629—1631 годах — дьяк Холопьевого приказа. В 1633 году — дьяк в Тобольске. Последнее упоминание о нем относится к 1645 году.

ТЕЙМУРАЗ I ДАВИДОВИЧ (1589—1663) — царь Кахети в 1606—1648 и Картли в 1625—1632 годах. Был в Москве в 1636, 1650, 1654, 1656, 1658—1661 годах. Сторонник сближения с Россией. Попал в плен в Иран и там умер.

ТЕЛЕПНЕВ ЕФИМ ГРИГОРЬЕВИЧ (?—1633) — думный дьяк, дипломат. Начал службу в Смутное время. Во время правления Семибоярщины был дьяком Денежного двора. В августе 1615 года входил в состав посольства под Смоленск для переговоров с поляками. С 1628 года — думный дьяк Посольского приказа.

ТРАХАНИОТОВ НИКИФОР ВАСИЛЬЕВИЧ (?) — казначей в 1613—1619 годах.

ТРАХАНИОТОВ ПЕТР ТИХОНОВИЧ (?—1648) — стольник, окольничий. Начал службу в 1635 году. В 1646 году получил окольничество и вошел в окружение молодого царя Алексея Михайловича. Своей деятельностью вызвал ненависть народных масс и был убит в ходе восстания 1648 года.

ТРЕТЬЯКОВ ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ (?—1618) — думный дьяк, дипломат. Начал службу при Лжедмитрии I дьяком. С 1610 по 1611 год был дьяком Поместного приказа в Тушинском лагере. Затем бежал в Первое ополчение и там также возглавил Поместный приказ. В правительстве Михаила Федоровича в 1613 году стал дьяком Посольского приказа, затем думным дьяком. Находился в этой должности до самой смерти.

ТРОЕКУРОВ ИВАН ФЕДОРОВИЧ (?—1621) — князь, воевода, боярин, дипломат, родственник царя Михаила Федоровича. Начал службу с должности стольника. В 1616—1617 годах был воеводой Калуги, затем в 1618—1619 годах — в Пскове. В 1620 году получил боярство. Участвовал в дипломатических переговорах в звании наместника Ржевского.

ТРУБЕЦКОЙ АЛЕКСЕЙ НИКИТИЧ (ок. 1601—1680) — князь, воевода, дипломат, боярин. Начал службу в 1619 году стольником. С 1623 года — дворянин. В 1628—1631 годах — воевода Тобольска, в 1633—1635 годах — воевода Астрахани. В 1645 году получил боярство. В 1647—1650 годах, а также в 1658 и в 1661 годах занимался дипломатической деятельностью в звании наместника Казанского. Командовал полками в русско-польской войне (1654—1667), участник русско-шведской войны (1656—1658). Крупный землевладелец. В 1663 году был назначен главой Сибирского приказа.

ТРУБЕЦКОЙ ДМИТРИЙ ТИМОФЕЕВИЧ (?—1625) — князь, боярин, полководец. Начал службу стольником при Борисе Годунове. В 1608 году в Тушинском лагере Лжедмитрия II получил боярство. Один из организаторов Первого ополчения, был назначен главой временного правительства «Совет всей земли». Вошел в союз с руководителями Второго ополчения и освобождал в октябре 1612 года Москву от поляков. Был одним из организаторов Земского собора 1613 года и одним из кандидатов на престол. После воцарения Михаила Романова был послан против шведов к Новгороду, но едва не попал в плен под Бронницами. Участвовал в коронации Михаила Федоровича. В 1625 году был послан воеводой в Тобольск, где и умер.

ТРУБЕЦКОЙ ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ (ок. 1640—1679) — князь, воевода, боярин. Начал службу в 1658 году чашником. В 1661 году — стольник и голова. В 1668 году — воевода Казани, в 1673 году — боярин и воевода Киева.

ТЯПКИН ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ (?) — стряпчий, думный дворянин. Русский резидент в Варшаве с 1674 по 1677 год. В 1680 году — посол в Крым вместе с Н. Зотовым. В 1682 году отправлен к гетману приводить к присяге двум царям — Петру и Ивану.

УРУСОВ СЕМЕН АНДРЕЕВИЧ (ок. 1629—1657) — князь, боярин. Был женат на двоюродной сестре царя Михаила Федоровича. Начал службу в 1637 году стольником, в 1641 году — кравчий. В 1645 году — воевода Новгорода, в 1654 году — сотенный голова. За успешную службу сначала получил чин дворянина, затем — боярина в 1655 году. В 1656 году — воевода в Вильно.

УШАКОВ СИМОН ФЕДОРОВИЧ (1626—1686) — русский живописец и гравер. С 1664 года руководил иконописной мастерской Оружейной палаты. Написал трактат об иконописи «Слово к любопытательному иконного писания» (ок. 1666).

ФЕДОР ИВАНОВИЧ (1557—1598) — царь с 1584 года. Последний представитель династии Рюриковичей. Совершил успешный Нарвский поход в 1590 году, получив выход в Балтийское море. В 1591 году отразил набег на Москву Казы-Гирея. Умер бездетным, завещав престол жене, Ирине Годуновой. Его правление расценивалось современниками как идеальное и достойное подражания для других царей.

ФИЛАРЕТ (в миру **ФЕДОР НИКИТИЧ РОМАНОВ**) (ок. 1554—1633) — боярин, митрополит Ростовский, патриарх. Племянник царицы Анастасии Романовны, отец царя Михаила Федоровича. Начал службу при дворе Ивана IV стольником, после смерти отца в 1586 году получил боярство. В военных походах царя Федора — в Дворовом полку. В 1600 году попал в опалу и был пострижен в монахи вместе с женой по приказу царя Бориса. Лжедмитрий I освободил его из ссылки и назначил митрополитом Ростовским. В 1608 году был схвачен Лжедмитрием II и возведен в тушинские патриархи. После свержения царя Василия Шуйского был одним из инициаторов избрания на престол королевича Владислава и вошел в состав Смоленского посольства. Был арестован королем Сигизмундом III и отправлен в плен в Польшу, где пробыл до 1619 года. Вернувшись, был возведен в патриархи всея Руси и стал соправителем сына царя Михаила Федоровича. Являлся главным инициатором Смоленской войны (1632—1634), в разгар которой умер.

ХАБАРОВ ЕРОФЕЙ ПАВЛОВИЧ (прозвище **СВЯТИТСКИЙ**) (ок. 1603 — после 1671) — русский землепроходец. В 1632–1638 годах исследовал бассейн реки Лены, открыл соляные источники и пахотные земли. В 1649–1653 годах совершил ряд походов в Приамурье и составил «Чертеж реке Амуру».

ХВОРОСТИНИН ИВАН АНДРЕЕВИЧ (? — ок. 1625) — князь, воевода, писатель. Выдвинулся при Лжедмитрии I и стал кравчим и окольным. Василий Шуйский сослал его в Иосифо-Волоколамский монастырь, где тот пробыл до 1611 года. Вошел в состав обоих ополчений. В 1613 году — воевода Мценска, в 1619 году — воевода Переславля-Залесского. В Москве занялся литературной деятельностью, был обвинен в еретичестве и в 1623 году сослан в Кирилло-Белозерский монастырь. Там продолжал литературную деятельность. После возвращения в Москву вскоре умер.

ХИТРОВО БОГДАН МАТВЕЕВИЧ (ок. 1615–1680) — воевода, боярин, дипломат. Начал службу в 1637 году стряпчим и ухабничим. С 1647 года — воевода на Отемарке, в 1648 году — окольный. В 1653 году — посол в Польшу в звании наместника Ржевского. С 1697 года — оружничий и активный дипломат. В 1665 году — окольный в приказе Большого дворца, в 1668 году получил боярство и возглавил Золотую и Оружейную палаты. В 1677 году стал дворецким.

ХИТРОВО ИВАН БОГДАНОВИЧ (1620–1682) — стольник, думный дворянин. В 60–70-х годах — глава ряда дворцовых приказов. Дядька царевича Федора Алексеевича.

ХИТРОВО ЯКОВ ТИМОФЕЕВИЧ (? — 1675) — воевода, думный дворянин. Начал службу воеводой Карпова в 1651 году. В 1659 году — воевода Казани, с 1661 года — воевода на Дону. В 1668 году получил чин думного дворянина и послан воеводой Тамбова. В 1671 году — воевода Шацка. С 1674 по 1675 год — вновь на Дону.

ХЛОПОВ ГАВРИЛА ВАСИЛЬЕВИЧ (?) — воевода, дворянин. Дядя Марии Хлоповой, невесты царя Михаила Федоровича. В 1615 году возглавил Владимирский Судный приказ. В 1616 году сослан на воеводство в Уфу. В 1637 году — дворянин.

ХМЕЛЬНИЦКИЙ БОГДАН (ЗИНОВИЙ) МИХАЙЛОВИЧ (ок. 1595–1657) — государственный и военный деятель, гетман Украины, руководитель освободительной войны украинского народа против поляков. В 1654 году провозгласил на Переяславской раде воссоединение Украины с Россией.

ХМЕЛЬНИЦКИЙ ЮРИЙ БОГДАНОВИЧ (ок. 1641—1685) — гетман, младший сын Богдана Хмельницкого. Гетман Украины в 1659—1663 годах. Разорвал союз с Россией и перешел на сторону Польши в 1660 году. В результате народного восстания отказался от гетманства. В 1673 году захвачен в плен крымскими татарами и отправлен в Константинополь, где поступил на службу к султану. Во время Чигиринских походов султан назначил его «гетманом и князем Малороссийской Украины». Убит в Каменце-Подольском.

ХОВАНСКИЙ ИВАН АНДРЕЕВИЧ (прозвище **ТАРАТУЙ—ПУСТОМЕЛЯ**) (? — 1682) — князь. Начал службу в 1650 году стольником и воеводой в Туле. В 1652 году — воевода Вязьмы. В 1655 году — сотенный голова. В 1656 году — рында, воевода Могилева. В 1657—1659 годах — воевода Пскова. С 1660 года — боярин, с 1663 года — глава Ямского приказа. Возглавил сыск над участниками Медного бунта (1662). В 1673 году — воевода Новгорода, в 1675 году — воевода Великих Лук. Выступил против правительства Софьи во время стрелецкого бунта (1682).

ХОДКЕВИЧ ЯН КАРОЛЬ (1560—1621) — великий гетман Литовский (1605). В 1612 году вступил на территорию России и пытался помочь осажденным в Кремле полякам, но был отогнан ополченцами. Возглавлял польское войско в походе Владислава на Москву в 1617—1618 годах. Успешно действовал против турок под Хотинком (1621).

ЧЕРКАССКИЙ ДМИТРИЙ МАМСТРЮКОВИЧ (?) — кабардинский князь, воевода, боярин. В 1613 году был стольником. Направлялся для сражений с польско-литовскими войсками. В 1619 году получил боярство. В 1626 году возглавил приказ Казанского дворца и служил в нем до 1631 года. Участвовал в русско-польской войне 1632—1634 годов. Последнее упоминание о нем относится к 1643 году.

ЧЕРКАССКИЙ ИВАН БОРИСОВИЧ (?—1642) — князь, боярин, двоюродный брат царя Михаила Федоровича, князь. В 1613 году из стольников был произведен в бояре. В 1621 году — глава Поместного приказа и наместник Казанский. В 1629 году возглавил Стрелецкий приказ и Казенный двор. С 1632 года — в приказе Большой казны. Последнее упоминание о нем относится к 1642 году.

ЧЕРКАССКИЙ КАСПУЛАТ МУЦАЛОВИЧ (? — нач. 1680(?)) — кабардинский князь в Терском городе. Поддерживал тесные связи с русским правительством. Его отряды оказывали помощь русским войскам в войне с Крымом и в русско-турецкой войне 1670-х годов.

ЧИСТОЙ НАЗАРИЙ (?) — думный дьяк. Происходил из купеческого сословия. С 1631 по 1645 год — дьяк в Казенном дворце. С 1647 по 1649 год — думный дьяк в Постельном приказе.

ЧИЧЕРИН ИВАН ИВАНОВИЧ (?) — воевода, дипломат. В 1613 году был отправлен послом в Персию. В 1617 году — воевода Новосили и пристав у английского посла. В 1618 году — посол в Персию. В 1626 году — дворянин и воевода Уфы, в 1630 году — воевода Казани. Последнее упоминание о нем относится к 1639 году.

ШАКЛОВИТЫЙ ФЕДОР ЛЕОНТЬЕВИЧ (?–1689) — думный дьяк, дипломат. Вышел из брянских подьячих. С 1668 года — подьячий в Москве, с 1673 года — в приказе Тайных дел. В 1675 году — дьяк, в 1682 году — думный дьяк. Приближенный к царевне Софье и В.В. Голицыну. Руководил заговором против Петра I и Нарышкиных. Казнен.

ШАПИЛОВ АЛЕКСЕЙ ЗАХАРЬЕВИЧ (?) — дьяк, воевода. Начал службу дьяком в Смутное время. В 1617 году — дьяк в московском Судном приказе. В 1622 году получил дворянство, в 1626 году — воевода Муром. Служил до 1632 года.

ШЕИН МИХАИЛ БОРИСОВИЧ (?–1634) — воевода, боярин, полководец. Прославился обороной Смоленска в 1609–1611 годах от войск Сигизмунда III. В польском плену пробыл до 1619 года. В 1629–1631 годах возглавлял Пушкарский приказ. На дипломатических переговорах носил звание наместника Тверского. В 1632 году был поставлен во главе войска, отправленного для взятия Смоленска. Но город не взял, был окружен королем Владиславом и сдался. Обвинен в измене и по приговору Боярской думы казнен.

ШЕПЕЛЕВ АГГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ (?–1688) — первые сведения о службе полковником солдатским относятся к 1658 году. В 1675 году — полковник, с 1683 по 1685 год — думный генерал.

ШЕРЕМЕТЕВ ВАСИЛИЙ БОРИСОВИЧ (ок. 1622–1682) — воевода, боярин. Начал службу в 1637 году стольником. В 1640 году стал рындой, в 1644 году — возница и чашник. В 1646 году — полковой воевода. В 1648 году служил стольником в Судном приказе, в 1649–1651 годах — воевода Тобольска. В 1653 году получил боярство и в 1656 году в звании наместника Белозерского был отправлен на Украину. В 1658–1660 годах — воевода Киева. Выступил с войском против объединенных сил крымцев и поляков, был схвачен и отправлен на 20 лет в крымский плен (с 1663 по 1682 год). После возвращения вскоре умер.

ШЕРЕМЕТЕВ ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ (1590–1659) — воевода, боярин. Начал службу в Смутное время. При дворе Михаила Федоровича — стольник. В 1623 году — воевода Свияжска. С 1625 года — дворянин, в 1638 году — воевода Нижнего Новгорода. С 1641 года — боярин. В 1654–1656 годах взял Полоцк и Витебск. Последние сведения о боярской службе относятся к 1659 году.

ШЕРЕМЕТЕВ ФЕДОР ИВАНОВИЧ (?–1650) — воевода, дипломат, боярин, видный государственный деятель. Начал службу при дворе Федора Ивановича стольником. Участвовал в крестинах царевны Феодосии в 1592 году. В 1600 году попал в опалу как родственник Романовых и был сослан воеводой Тобольска. В 1604 году был поставлен во главе артиллерии и отправлен под Кромы против Лжедмитрия I, там перешел на сторону самозванца и вошел в его правительствование в чине боярина. При Василии Шуйском возглавил войско против сторонников самозванца. Пробыл в Поволжье до 1609 года, сформировав Понизовую рать. Соединился в Александровской слободе с М. Скопиным-Шуйским и вместе снимал осаду тушинцами Москвы. После свержения царя Василия вошел в состав Семибоярщины и возглавлял приказ Большой казны. Участвовал в Соборе 1613 года, избравшем Михаила Романова. Возглавил Костромское посольство к новому царю. В 1617–1618 годах исполнял дипломатическую миссию — участвовал в переговорах сначала со шведами, потом с поляками по заключению мирных договоров. Носил звание наместника Псковского. В 1617 году был во главе Разбойного приказа. В 1634 году возглавлял переговоры с поляками по заключению Поляновского мирного договора. В 1638 году — во главе Стрелецкого приказа, в 1639 году в приказе «Что на сильных быют челом» и у приказных дел. Носил звание коногоша. В 1642 году — в приказе Большой казны и Новой чети. Перед смертью принял постриг.

ШЕСТОВА КСЕНИЯ ИВАНОВНА (в иночестве **МАРФА**) (?–1631) — мать царя Михаила Федоровича, «Великая государыня, старица, инока». Из знатного рода Морозовых-Салтыковых. В 1590 году вышла замуж за Федора Никитича Романова, двоюродного брата царя Федора Ивановича. В 1600 году вместе с мужем была пострижена в монахи, разлучена с детьми и сослана в Толвуйский погост. После воцарения Лжедмитрия I вернулась из ссылки и поселилась с детьми в Москве. В 1610–1612 годах пережила тяготы осадного времени. В ноябре 1612 года с сыном Михаилом жила в селе Домнино Костромского уезда, потом в Ипатьевском монастыре. Сначала была категорически против избрания Михаила царем, но после длительного умоления благословила его на царство. До возвращения Филарета, отца Михаила, из польского плена активно помогала сыну в управлении государством. В последние годы жизни была игуменьей Вознесенского монастыря в Кремле и покровительствовала всем вдовым царицам и царевнам.

ШУЙСКИЙ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ (?–1612) — князь, воевода, боярин, брат царя Василия Ивановича. Начал службу в 1579 году рындой. С 1580 года — кравчий, с 1586 года — боярин, в 1587 году — в опале. Участвовал в заговорах против Лжедмитрия I. При Василии Шуйском считался наследником престола. Воевал против Болотникова. Подозревался в отравлении М.В. Скопина-Шуйского. 24 июня 1610 года проиграл Клушинскую битву, что повлекло за собой свержение царя Василия. Вместе с ним был отдан в польский плен, где и умер.

ШУЙСКИЙ ИВАН ИВАНОВИЧ (?–1638) — князь, воевода, боярин, брат царя Василия Шуйского. Получил боярство в 1596 году. Участвовал в заговорах против Лжедмитрия I. Воевал против Болотникова. После свержения Василия Шуйского был отвезен в Польшу, где считался боярином королевича Владислава. В 1620 году вернулся на родину и возглавлял Владимирский Судный приказ. Последний представитель своего рода.

ЯЗЫКОВ ИВАН МАКСИМОВИЧ (?–1682) — постельничий, окольничий. Наиболее влиятельный человек из окружения царя Федора Алексеевича. С 1670 года стольник. В 1676 году введен в новый двор Федора как «думный постельничий». С 1680 года — окольничий и оружейничий. Связан с управлением дворцовым хозяйством и дворцовыми приказами. Убит во время Стрелецкого восстания (1682).

ЯКОВ I СТЮАРТ (1566–1625) — английский король в 1603–1625 годах, шотландский король (Яков VI) с 1567 года. Из династии Стюартов. Сын Марии Стюарт.

ЯН III СОБЕССКИЙ (1629–1696) — польский полководец, гетман, с 1674 по 1696 год — король Речи Посполитой. Вел победоносную борьбу с турецкой агрессией в Европе. Пытался вернуть утраченные Речью Посполитой земли как на Востоке, так и на Западе. В 1684 году вступил в «Священную антитурецкую лигу», объединившую Австрию, Речь Посполитую и Венецию, а с 1686 года и Россию. Заключил «Вечный мир» с Россией (1686).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ГИМ. № 2911751. VIII.3760.

РГАДА. Ф.158 (Дела о Посольском приказе и служащих в нем).
1672 г. № 18.

РГАДА. Ф.199 (Портфели Миллера). Портф. 275. Ч. 5. № 138;
Портф. 274. Ч. 3. № 21.

РГАДА. Ф.210 (Разрядный приказ). Белгородский стол. Стб. 1118.
Л. 19–20; Стб. 1211. Л. 19.

РГАДА. Боярские списки. Кн. 14.

РГАДА. Приказный стол. Стб. 170, 1152.

РГАДА. Оп. 18. Д. № 61.

РГАДА. Ф. 396 (Архив Оружейной палаты). Оп. 2. Д. № 6804.

Акты Археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. 2, 4.

Акты исторические. СПб., 1841. Т. 2.

Акты исторические. СПб., 1842. Т. 5.

Акты, относящиеся к истории Земских соборов. М., 1909.

Артаксерксово действо: Первая пьеса русского театра XVII в. М.,
1957.

Бартенев П.И. Собрание писем царя Алексея Михайловича с при-
ложением Уложения сокольничего пути. М., 1852.

Бельковский А. Второй царь из дома Романовых Алексей Михайло-
вич. М., 1913.

Берх В.Н. Царствование царя Алексея Михайловича. СПб., 1831.
Ч. 1–2.

- Берх В.Н.* Царствование царя Михаила Федоровича. СПб., 1832. Т. 1.
- Берх В.Н.* Царствование Федора Алексеевича и история первого стрелецкого бунта. СПб., 1834. Ч. 1.
- Богданов А.П.* Летописные известия о смерти Федора и воцарении Петра Алексеевича//Летописи и хроники. М., 1981. С. 197—206.
- Богданов А.П.* Царь Федор Алексеевич. 1676—1682. М., 1994.
- Буганов В.И.* Канцлер Петровской эпохи//Вопросы истории. 1971. № 10.
- Бымин В.К., Посошенко А.П.* Царь Алексей Михайлович как мастер распева//Памятники культуры. Новые открытия. 1987. М., 1988.
- Бычков Ф.А.* Разрядные записи о венчании на царство царя Федора Алексеевича//Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1682. Кн. 1.
- Васенко П.Г.* Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича. СПб., 1913.
- Васенко П.Г.* Начало династии Романовых. СПб., 1912.
- Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
- Веселовский С.Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908.
- Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987.
- Водарский Я.Е.* Международное положение России в русско-турецкой войне 1676—1681 гг.//Очерки по истории СССР периода феодализма. XVII в. М.; Л., 1955.
- Волков М.Я.* Об отмене местничества в России//История СССР, 1977. № 2.
- Выходы Государей Царей и Великих Князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Федора Алексеевича. М., 1844.
- Гневушев А.М.* Царские прародители, погребенные в обители Всемилостивого Спаса на Новом. М., 1912.
- Городские восстания в Московском государстве XVII в. М., 1936.
- Грушевский М.С.* Иллюстрированная история украинского народа. СПб., 1913.
- Гусева А.А.* Неизвестные издания Верхней типографии в Москве (царские жалованные грамоты 1681—1682 гг.)// Российское

Источники и литература

- государство XVII—начала XX в. (Тезисы докладов конференции, посвященной 350-летию восстановления российской государственности). Екатеринбург, 1993.
- Два послания царя Алексея Михайловича. М.: Цветков М. 1902.
- Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1—2.
- Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3.
- Дворцовые разряды 1612—1700 гг. СПб., 1850—1855. Т. 1—4.
- Дело о патриархе Никоне. СПб., 1897.
- Дела Тайного приказа // Русская историческая библиотека. СПб., 1904—1908. Т. 21—23.
- Дополнения к Актам историческим. СПб., 1851—1853. Т. 4—5.
- Дополнения к т. III Дворцовых разрядов. СПб., 1854.
- Елеонская А.С. Русская публицистика второй половины XVII в. М., 1978.
- Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1915. Ч. 1—2.
- Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1990.
- Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Новосибирск, 1992.
- Заборовский Л.В. Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. М., 1981.
- Заозерский А.И. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Пг., 1917.
- Замысловский Е.Е. Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. № 1.
- Замысловский Е.Е. Царствование Федора Алексеевича. СПб., 1871. Ч. 1.
- Записки новгородского дворянина П.Н. Крекшина // Записки русских людей. СПб., 1841.
- Зверинский В.В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях. СПб., 1890. Т. 2.
- Известие о поездке в Россию Вольдемара Христиана Гильденлеве графа Шлезвиг-Голштинского, сына датского короля Христиана IV от Христины Мунке, для супружества с дочерью Михаила Федоровича царевною Ириною // Чтения в Обществе истории древностей Российских. М., 1867. Кн. 4.

Первые Романовы...

Иловайский Д.И. История России: Алексей Михайлович и его ближайшие преемники. М., 1905. Т. 5.

Иностранные известия о восстании Степана Разина. Материалы и исследования. Л., 1975.

Иностранцы о древней Москве. М., 1991.

История крестьянства в СССР. М., 1990. Т. II.

История крестьянства России. М., 1994. Т. 3.

История Сибири: Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968. Т. 2.

История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1967. Т. 2—3.

Кизеветтер А. День царя Алексея Михайловича: Сцены из жизни Москвы XVII в. М., 1904.

Ключевский В.О. Боярская дума. М., 1882.

Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1937. Ч. 3.

Ключевский В.О. Сочинения. М., 1957. Т. 3.

Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме другу, живущему в Лондоне. М., 1846.

Костомаров Н.И. Богдан Хмельницкий. СПб., 1904.

Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. СПб., 1874. Вып. 4.

Костомаров Н.И. Царь Федор Алексеевич // *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописании ее главных деятелей. Пг., 1915. С. 412—424.

Котошихин Г.О. Россия в царствование Алексея Михайловича. 4-е изд. СПб., 1906.

Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1954—1976. Т. 1—4.

Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной жизни и культуры XVII—XVIII вв. М., 1990.

Лихачев Н.П. Генеалогическая история одной помещицкой библиотеки. СПб., 1913.

Луппов С.П. Книга в России в XVII в. М., 1970.

Маньков А.Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.; Л., 1962.

Маркович А.И. О местничестве. Киев, 1979. Ч. 1.

Масса И. Краткие известия о Московии в начале XVII в. М., 1937.

- Медовиков П.Е.* Историческое значение царствования Алексея Михайловича. М., 1854.
- Мейерберг А.* Путешествие в Московию... М., 1874.
- Миллер Г.Ф.* История жизни и царствования Федора Алексеевича // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996.
- Московский некрополь. СПб., 1907.
- Невилль де ла.* Записки о Московии. М.; Долгопрудный, 1996.
- Никольский В.К.* «Боярская попытка» 1681 г. // Исторические известия. Изд. Исторического общества при Московском университете. М., 1917. № 2.
- Новомбергский Н.* Слово и дело государевы (Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года). М., 1906. Т. 1.
- Новомбергский Н.* Слово и дело государевы (Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г.). М., 1911. Т. 1.
- Новосильский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948.
- Овчинникова Е.С.* Портреты в русском искусстве XVII в. М., 1955.
- Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.
- Орловский И. И.* Смоленский поход царя Алексея Михайловича. Смоленск, 1905.
- Панченкова А.М.* Русская стихотворная культура XVII в. М., 1973.
- Петросян Ю.А.* Османская империя: Могущество и гибель. М., 1990.
- Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1856. Т. 1
- Письма русских государей и других особ царского семейства. Кн. 5. Письма царя Алексея Михайловича. М., 1896.
- Письма царя Алексея Михайловича к Никону // Русский Архив. 1909. Кн. 3.
- Платонов С.Ф.* Статьи по русской истории: Сочинения. СПб., 1912. Т. 1.
- Платонов С.Ф.* Статьи по русской истории. СПб., 1912. Кн. 2.
- Повествование о московских происшествиях после кончины царя Алексея Михайловича // ЖМНП, 1835. Ч. 1.
- Погодин М.П.* Семнадцать первых лет жизни Петра Великого. М., 1876.

- Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 1.
- Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 14.
- Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34.
- Полоцкий Симеон*. Избранные произведения. М.; Л., 1955.
- Попов А.* Собрание статей из хронографов русской редакции. М., 1869.
- Попов А.* Турецкая война в царствование Федора Алексеевича/Русский вестник. 1857. № 6.
- Поршнев Б.Ф.* Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны//История СССР. М., 1957. № 5.
- Посольство Кунрада фон Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900.
- Преображенский А.А.* Алексей Михайлович//Романовы. Исторические портреты. 1613–1762. М., 1997.
- Проезжая по Московии (Россия XVII в. глазами дипломатов). М., 1991.
- Протопопов В.В.* Нотная библиотека царя Федора Алексеевича//Памятники культуры. Новые поступления. 1976. М., 1977.
- ПСЗ—1. М., 1836. Т. 2. № 619–718.
- Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954.
- Пушкарев Л.Н.* Юрий Крижанич. М., 1984.
- Рабочий класс России от зарождения до начала XX века. М., 1989. 2-е изд.
- Рейтенфельс Я.* Сказание светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. М., 1905.
- Робинсон А.Н.* Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1964.
- Робинсон А.Н.* Симеон Полоцкий и русский литературный процесс//Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982.
- Рогов А.И.* Школа и просвещение//Очерки истории русской культуры XVII в. Ч. 2. М., 1979.
- Румянцева В.С.* Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986.
- Русская историческая библиотека. СПб., 1909. Т. 13.
- Русское православие. Вехи истории. М., 1989.

Русская старина. 1893. Т. 80.

Санин Г.А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987.

Сборник князя Хилкова. Пб., 1879.

Седов П.В. Закат Московского царства (царский двор конца XVII века). СПб., 2006.

Сидорова Л.П. «Повесть о Варлааме и Иоасафе» в издании Симеона Полоцкого//Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982.

Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955.

Смирнов Н.Д. Россия и Турция в XVI–XVII вв.//Ученые записки Московского государственного университета. М., 1946. Вып. 34.

Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М., 1948. Т. 2.

Соборное уложение 1649 года. Л., 1987.

Собрание государственных грамот и договоров Российской империи. СПб., 1822.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. 6.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 5–6. Сочинения царя Алексея Михайловича//Памятники литературы Древней Руси. XVII в. М., 1988. Кн. 1.

Соловьев С.М. Сочинения. История России с древнейших времен. М., 1990. Кн. 5. Т. 9.

Соловьева Т.Б. Церковное управление России и государственный проект его реорганизации в 1681–1682 гг.//Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. М., 1991.

Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990.

Старостин Т.В. Об опале А.С. Матвеева в связи с сыскным делом. 1676–1677 гг.//Ученые записки Карело-финского гос. университета. Петрозаводск, 1948.

Сташевский Е.Д. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913. Ч. 1.

Тальберг Г.Т. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве в XVII в. М., 1912.

Первые Романовы...

Танне Б. Путешествие польского посольства в Москву в 1678 г.//Чтения в ОИДР. 1891. Кн. 3.

Татищев В.Н. Царствование царя Федора Алексеевича//Татищев В.Н. История российская. Л., 1968. Т. 7.

Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969.

Туманский Ф.О. Собрание разных записок и сочинений... о жизни и деятельности Петра Великого. СПб., 1787. Ч. 1.

Устюгов Н.В. К вопросу о раскладке повинностей по дворовому числу в конце XVII в.//Академику Б.Д.Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952.

Хмыров М. Царь Алексей Михайлович и его время//Древняя и новая Россия. 1875. № 9–12.

Хрущов И.П. Ксения Ивановна Романова. СПб., 1877.

Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства XVI–XVII вв. М., 1978.

Черная Л.А. Верхняя типография Симеона Полоцкого//Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982.

Чиновники Московского Успенского собора и выходы патриарха Никона//Чтения ОИДР. М., 1908. Кн. 2.

Чтения ОИДР. 1908. Кн. 1–2 (Дневальные записки приказа Тайных дел).

Щепетов Л. Ближний боярин Артамон Сергеевич Матвеев как культурный и политический деятель. СПб., 1900.

Эйнгорн В.Н. О сношениях малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича//Чтения ОИДР. М., 1894. Кн. 3.

При составлении изобразительного ряда книги были использованы следующие издания:

Дом Романовых. Три века русской культуры. М., 1994.

История русской церкви: В 9 т. М., 1996. Т. 6,7.

Бусева-Давыдова И.Л. Храмы Московского Кремля: Святыни и древности. М., 1997.

Вестник церкви святой великомученицы Ирины в Покровском. М., 1998. № 1–2.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРОВ 7

МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ

ГЛАВА 1. ПРЕДКИ БУДУЩЕГО ЦАРЯ 22

ГЛАВА 2. ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО 31

ГЛАВА 3. ИЗБРАНИЕ НА ЦАРСТВО 45

ГЛАВА 4. НЕОТЛОЖНЫЕ МЕРЫ ПО СПАСЕНИЮ ОТЕЧЕСТВА

В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ 63

ГЛАВА 5. РЕФОРМЫ В СТРАНЕ 85

ГЛАВА 6. ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ ЦАРЯ 110

ГЛАВА 7. СМОЛЕНСКАЯ ВОЙНА 134

ГЛАВА 8. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ 143

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

ГЛАВА 1. НАЧАЛО 159

ГЛАВА 2. ВОЙНА 191

ГЛАВА 3. «ГОСУДАРСТВО ПРАВИТ ПО СВОЕЙ ВОЛИ...» 231

ГЛАВА 4. ЦАРЬ И ПАТРИАРХ 265

ГЛАВА 5. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ – НЕ ПОСЛЕДНИЕ ЗАБОТЫ 290

ФЕДОР АЛЕКСЕЕВИЧ

ГЛАВА 1. НАКАНУНЕ 338

ГЛАВА 2. МИЛОСЛАВСКИЕ 348

ГЛАВА 3. БЛИЖНЯЯ ДУМА 361

ЭПИЛОГ 396

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА
И ВАЖНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ 400

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА
И ВАЖНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ 404

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ЦАРЯ ФЕДОРА АЛЕКСЕЕВИЧА
И ВАЖНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ 406

АННОТИРОВАННЫЙ СПИСОК ИМЕН, УКАЗАННЫХ В ТЕКСТЕ 408

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА 447

Научно-популярное издание
Серия «История в лицах»

**Преображенский Александр Александрович
Морозова Людмила Евгеньевна
Демидова Наталья Федоровна**

ПЕРВЫЕ РОМАНОВЫ НА РОССИЙСКОМ ПРЕСТОЛЕ

Редактор *И.Л. Тимашева*
Художественный редактор *Н.Г. Ордынский*
Корректоры *Г.А. Голубкова, Т.Г. Люборец*
Верстка *Н.Б. Поповой, И.Д. Петровской*

Текст набран шрифтом
NewBaskervilleC
(Автор кириллической версии Тагир Сафаев, 1993).
ParaType

Подписано в печать 22.08.11. Формат 60 x 100 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,64
Тираж 1000 экз. Заказ № 31974.

ООО «Торгово-издательский дом «Русское слово — РС».
125009, Москва, ул. Тверская, д. 9/17, стр. 5.
Тел.: (495) 969-24-54, 658-66-60.

ISBN 978– 5-9932-0806-0

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленных издательством
электронных носителей
в ОАО «Саратовский полиграфкомбинат».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.
www.sarpk.ru

